Б. А. КАЛОЕВ

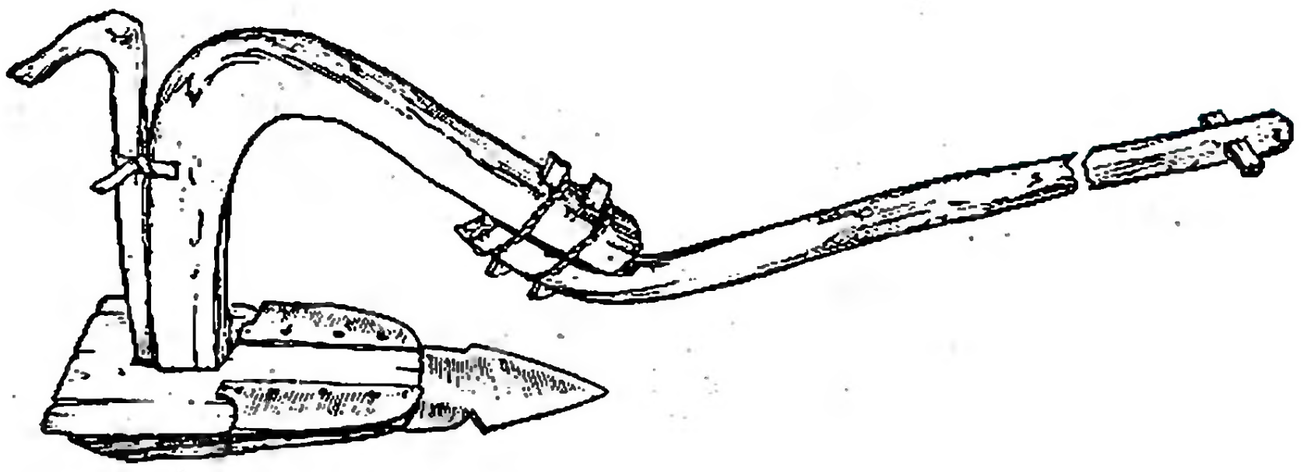
ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Б. А. КАЛОЕВ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1981

Кавказ — один из древнейших мировых очагов земледелия, родина многих культурных растений. Земледелие было главным древнейшим занятием народов Северного Кавказа. В исследовании рассматриваются системы земледелия, народные сельскохозяйственные орудия, а также традиционные верования и обряды, связанные с сельскохозяйственным календарем. Издание содержит картографический и иллюстративный материал.

Ответственный редактор

Л. И. ЛАВРОВ

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ КАЛОЕВ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Утверждено к печати Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор издательства
С. Н. Васильченко

Художник
Н. А. Седельников

Художественный редактор
Н. А. Фильчагина

Технический редактор
Л. И. Куприянова

Корректоры
Л. И. Воронина, Г. Н. Джиоева

ИБ № 18239

Сдано в набор 01.10.80.
Подписано к печати 08.12.80.
Т-19635. Формат 70×100 1/16
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 20,15 Уч.-изд. л. 20,9
Тираж 3700 экз. Тип. зак. 3546
Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

К 10602 371 / 042(02)—80 157—80 0508000000

© Издательство «Наука», 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография выполнена в плане Кавказского регионального историко-этнографического атласа и составляет один из его разделов. Она посвящена исследованию земледелия — одного из главных древнейших занятий народов Северного Кавказа. В ней применен метод картографирования, что позволяет показать степень распространенности тех или иных явлений на территории изучаемого региона. Картографирование проводится в основном по двум историческим периодам: середина XIX в., конец XIX — начало XX в. При этом исследование осуществлялось по условно намеченным нами трем вертикальным зонам региона: высокогорной, горной и равнинной. Земледелие горцев Северного Кавказа остается до сих пор весьма малоизученным по сравнению, например, с их скотоводческой отраслью хозяйства. Развитие капитализма на Кавказе, появление большого количества сельскохозяйственных орудий и машин отечественного и иностранного производства оказали значительное влияние на изменение традиционного земледелия горцев, хотя главным образом на равнине региона. Здесь на смену вышедшим из употребления некоторым традиционным орудиям пришли усовершенствованные орудия и машины, появились новые культурные растения, новые навыки и приемы земледелия. После завершения коллективизации большинство местных земледельческих орудий перестало использоваться.

Основой монографии явились полевые исследования автора 1964—1973 гг. Изучение различных сторон быта и культуры некоторых северокавказских народов — осетин, чеченцев, ингушей, балкарцев, адыгейцев — осуществлялось еще в 1950-х годах, в связи с подготовкой тома «Народы Кавказа». Мы обследовали всю территорию региона, пытаясь проследить у каждого народа его локальные и этнические особенности в земледелии. Нашими информаторами были в основном люди старшего поколения, хорошо знавшие навыки и приемы земледелия, веками выработанные горцами. Именно благодаря этим информаторам удалось описать и восстановить традиционные земледельческие орудия (многие из которых давно исчезли), состав культурных растений, различные процессы земледелия и т. д.

Наряду с методом опроса мы широко применяли и метод сплошного обследования. Вместе с тем особое внимание было обращено на выявление и изучение музейных коллекций, вплоть до коллекций школьных музеев, созданных в последние годы во многих селах и аулах региона. С сожалением приходится констатировать, что во всех краеведческих музеях региона сохранилось совершенно ничтожное количество народных сельскохозяйственных орудий. Кроме того, отсутствие паспортных дан-

ных у многих экспонатов не дают возможности судить об их этнической и локальной принадлежности. Так, не сохранилось ни одного оригинала адыгского тяжелого передкового плуга, применявшегося также многими горцами — соседями адыгов вплоть до начала XX в.

Из всех музеев региона наиболее представительна коллекция земледельческих орудий в Северо-Осетинском краеведческом музее (Орджоникидзе). Так, здесь имеется несколько видов пахотных орудий из разных районов горной Осетии. Заслуживают внимания фонды Адыгейского областного краеведческого музея и Музея краеведения Краснодарского края, в которых имеются важные традиционные орудия земледелия: серпы, косы, лемехи и ножи адыгского тяжелого плуга, деревянные лопаты и вилы для веяния и т. д., а также деревянные жернова для ручных мельниц.

По данной теме нами исследовались фонды московских и ленинградских архивов, Центрального архива ГССР, а также всех центральных архивов Северного Кавказа. Работа в архивах еще раз убедила нас в том, что внимание дореволюционных авторов, изучавших социально-экономическое развитие горцев, их хозяйственную деятельность, было обращено главным образом на вопросы, касающиеся землевладения и землепользования. Системы земледелия, состав культур, орудия труда и т. д. почти совершенно выпали из поля зрения исследователей. Исключение составляют фонд «Абрамовской комиссии» и фонд Милютина, относящиеся к народам Центрального и Восточного Кавказа, в большей части уже изданные. Они содержат обширный фактический материал, характеризующий различные стороны хозяйственной деятельности балкарцев, осетин, чеченцев и др. Особый интерес для нашей темы представляют ежегодные отчеты начальников Терской и Кубанской областей, округов, уездов и участков, а также обзоры Ставропольской губернии. В них наряду с данными о росте посевных площадей и видах возделываемых культур нередко содержатся сведения о распространении по отдельным административным единицам различных сельскохозяйственных орудий и машин, о применении той или другой системы земледелия и т. д. Широко использовались нами данные обширной кавказской этнографической литературы и периодической печати: «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Сборник о кавказских горцах», «Кавказский календарь», «Терский сборник», «Кубанский сборник» и т. д., данные газет «Кавказ», «Новое обозрение», «Терские ведомости», «Северный Кавказ», «Ставропольские губернские ведомости», «Кубанские войсковые ведомости» и др.

Большой вклад в изучение древнего периода хозяйственной деятельности племен Северного Кавказа внесли советские археологи-кавказоведы Е. И. Крупнов, А. А. Иессен, Т. М. Минаева, Н. В. Анфимов, Р. М. Мунчаев и др. Благодаря их трудам определен период появления плужного земледелия на Северном Кавказе, выявлены орудия земледелия различных исторических эпох, определены главные хлебные злаки древних обитателей края.

Так, Е. И. Крупнов датирует появление пашенного земледелия у племен Центрального Кавказа серединой I тысячелетия до н. э. и полагает, что уже в это время здесь в предгорьях и на равнине применялось современное горское пахотное орудие [1]. Характерно, что многие другие земледельческие орудия (серпы, топоры, мотыги, сошники для рала

и т. д.), найденные в различных местах Северного Кавказа и относящиеся к скифо-сарматской эпохе, имеют также свои аналоги в орудиях горцев новейшего времени.

Тем не менее в археологическом отношении в целом земледелие, особенно Центрального и Восточного Кавказа, еще слабо изучено.

О земледелии средневекового периода Кавказа имеются интересные данные иностранных путешественников [2].

Развитие земледелия в последующие эпохи вплоть до середины XIX в. освещается по сведениям иностранных путешественников, данным архивных и письменных источников.

Считая, что некоторые дохристианские и домусульманские верования и обряды горцев отражают древний земледельческий календарь, мы говорим о них в отдельной главе, основанной главным образом на этнографическом и фольклорном материале.

В картах наглядно прослеживается распространение по трем зонам региона различных традиционных культурных растений и земледельческих орудий, появление новых культур, сельскохозяйственных машин и орудий на протяжении второй половины XIX — начала XX в.

---

[1] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. с. 313.

[2] См.: Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1967; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

I

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

По определению советского ученого Н. И. Вавилова, Кавказ является одним из древних мировых очагов земледелия, ставших родиной важнейших культурных растений — пшеницы, ячменя и ржи, а также большого количества плодовых культур. В статье «Горное земледелие Северного Кавказа и перспективы его развития» Н. И. Вавилов особо отмечает, что «нельзя понять эволюции пшеницы и ржи без Кавказа». По словам автора, огромный «интерес для практической селекции и семеноводства представляют» и местные яровые двурядные и четырехрядные сорта ячменя, не имеющие себе равных в мировых ассортиментах [1]. Эти выводы ученого подтверждаются многочисленными палеоботаническими и археологическими находками советских исследователей по Кавказу [2]. Достаточно отметить, что на территории одной только Армении обнаружено более 200 разновидностей пшеницы (из 650 известных), 130 отмечено в Грузии [3]. Кавказ является крупным мировым очагом плодовых культур. В ряде мест Северного Кавказа некоторые сорта плодовых деревьев (яблони и груши) растут на высоте 2500—3000 м[4]. Флора Кавказа в целом насчитывает 6 тыс. видов растений. Все это свидетельствует о значимости этого региона как родины огромного количества культурных растений, в том числе важнейших зерновых злаков.

Северный Кавказ—часть древнего кавказского очага земледелия, он богат археологическими находками орудий труда и остатков зерновых злаков различных исторических периодов (см. исследования Б. Б. Пиотровского, Е. И. Крупнова, А. А. Иессена, Т. М. Минаева, Н. В. Анфимова, Р. М. Мунчаева и др.). Однако многое в истории хозяйственного освоения Северного Кавказа остается до сих пор мало исследованным: не изучена эпоха неолита— время зарождения земледелия, а из более поздних периодов— средневековье, характеризующееся, как известно, высоким уровнем развития этой отрасли хозяйства у всех северокавказских племен. Памятники средневековья, например, почти совершенно не изучены на огромной территории Кубани [5] — одного из древнейших земледельческих районов нашей страны. Ожидают своих исследователей в этом плане и многие другие районы Северного Кавказа.

*

Возникновение земледелия на Северном Кавказе относится ко второй половине III тысячелетия до н. э., что подтверждается находками из Далинского поселения (Кабардино-Балкарская АССР) и раскопками на территории г. Нальчика. Это следующие орудия земледелия: кремневые вкладыши, обломок каменной мотыги, зернотерки, теречники и плиты.

Аналогичные каменные орудия были найдены в ряде других мест региона: кремневые вкладыши для серпов известны из Ульского аула (Прикубанье), сел. Кумбульта (Дигорское ущелье в Северной Осетии), сел. Серженьюрт (Чечено-Ингушская АССР); мотыги, изготовленные из твердых пород камня,— из сел. Алхасте (Чечено-Ингушетия), а также из раскопок на Черноморском побережье [6].

Таким образом, в эпоху каменного века на Северном Кавказе земледелием занимались не только на равнине, но и в высокогорных районах, например в Дигорском ущелье. К сожалению, неизученность памятников неолита в данном регионе не позволяет нам судить ни о возделывавшихся здесь культурных растениях, ни о других видах земледельческих орудий. Отметим также, что каменные орудия земледелия использовались и носителями майкопской культуры, характеризующейся ранней бронзой. Курганы майкопской культуры у сел. Старый Лескен в Кабардино-Балкарии дали кремневые вкладыши для серпов с двусторонней обработкой и зубчатым рабочим краем [7]. На основании этой находки можно заключить, что традиция изготовления горцами Северного Кавказа серпов с зубчатым рабочим краем берет свое начало, по-видимому, с эпохи майкопской культуры. Жатвенные орудия древних северокавказских племен и последующих эпох характеризуются указанным отличием.

Следующий этап развития земледелия на Северном Кавказе — эпоха меди и бронзы, конец III — начало II тысячелетия до н. э. Памятники этой эпохи дают огромное количество находок металлических орудий труда. Это объясняется наличием медной руды в верховьях Кубани, Теберды, Зеленчука, а также в ряде других мест Северной Осетии и Балкарии. На Северном Кавказе археологическими раскопками установлено два крупных очага металлургии — Кобанский и Прикубанский [8]. Во многих пунктах Северо-Западного Кавказа зафиксированы следы плавки медной руды, встречены многочисленные медные и бронзовые серпы [9].

Появление металлических орудий, в частности серпов, у северокавказских племен, хотя и способствовало развитию производительных сил, все же не изменило характера земледелия. В нем еще широко применялись каменные мотыги и деревянные серпы с кремневыми вкладышами. Это подчеркивает в своем труде Р. М. Мунчаев, сравнивая развитие земледелия у носителей майкопской (Северный Кавказ) и куро-аракской (Закавказье) культур, автор заключает, что у последних оно стояло на более высоком уровне: в ряде мест Закавказья оно уже переживало переходный период от мотыжного к плужному. Главным (и почти единственным) занятием северокавказских племен, считает автор, было скотоводство. Однако большая часть земледельческих орудий куро-аракских племен была известна и носителям майкопской культуры. Это прежде всего каменные и металлические (бронзовые) серпы, костяные и каменные орудия для разрыхления почвы. В Закавказье в отличие от Северного Кавказа в это время уже применялась молотильная доска и земляные ямы для хранения зерна. Автор говорит и об использовании здесь тягловой силы для вспашки. На Северном Кавказе не встречены находки хлебных злаков, относящихся к рассматриваемой эпохе. «Можно только предполагать,— пишет Р. М. Мунчаев,— что майкопские племена выращивали различные виды пшеницы и ячменя» [10].

Огромным событием первобытной истории было появление железа. Как отмечал Энгельс, с плавкой железной руды культурные народы пере-

живают «эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории... Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов» [11].

Появление железа на Северном Кавказе относится к первой половине I тысячелетия до н. э., т. е. скифской эпохе, характеризующейся переходом от мотыжного земледелия к плужному. Уже в раннескифское время железо окончательно вытеснило все остальные металлы в хозяйстве, о чем, например, свидетельствуют многочисленные находки в скифских курганах этого времени в Прикубанье. Жители Северного Кавказа получали железо со стороны, в частности из Урарту, являвшегося, как известно, крупным поставщиком этого металла. Уже в III тысячелетии до н. э. жители Урарту изготовляли основные земледельческие орудия из железа, о чем, например, свидетельствуют находки на Топраккале железных лемехов (сошников) пахотных орудий типа горного рала, серпов и вил. Эти орудия имели близкие аналогии не только с ассирийскими и греческими орудиями античной эпохи, но и с теми, которые применялись северокавказскими племенами скифской эпохи. Е. И. Крупнов говорит о наличии на Северном Кавказе плужного земледелия в скифо-сарматское время не только в равнинной зоне, но и в горах, где земледелие, в силу неблагоприятных природных и почвенных условий, находилось на более низком уровне развития [12].

Сравнивая грядильные рала Северного Кавказа, Италии, Греции и Северного Причерноморья, можно отметить между ними поразительное сходство [13]. От греков подобные рала, по-видимому, были заимствованы скифами-земледельцами, о чем свидетельствует и рассказ Геродота о появлении у последних «золотого плуга», явившегося чудесным небесным даром; он упал с неба на скифскую землю вместе с ярмом, секирой и чашей, состоящих также из золота. По словам Геродота, все эти «священные золотые предметы скифские цари тщательно охраняли и с благоговением почитали их, принося ежегодно богатые жертвы» [14]. О том, что скифы заимствовали рассматриваемое орудие у греков, а затем, возможно, передали его в свою очередь северокавказским племенам, свидетельствуют и данные лингвистов. В. И. Абаев на основании анализа языкового материала пришел к выводу, что «скифы учились земледелию у европейских народов». Доказательством этого он считает то, что в осетинском языке нет ни одного земледельческого термина, кроме названия проса *еу*, который можно было бы с уверенностью возводить к общеиранскому и общеарийскому фонду. «Вместе с тем, ряд таких терминов... имеют соответствия в языках европейских: *хсырф* — «серп» в славянских и балтийских, *фсир* — «колос» — в германских, *фсонз* — «ярмо» — в балтийском, германском и, может быть, в латинском. Название же рассматриваемого пахотного орудия *зывыр* В. И. Абаев выводит из новогреческого языка. Он считает, что с этим орудием «скифы познакомились там же, где и вообще с культурой земледелия,— в Восточной Европе» [15].

В то же время у каждого из горских народов это пахотное орудие имеет свое самостоятельное название, что свидетельствует о его возникновении на местной почве. К сожалению, отсутствие археологических

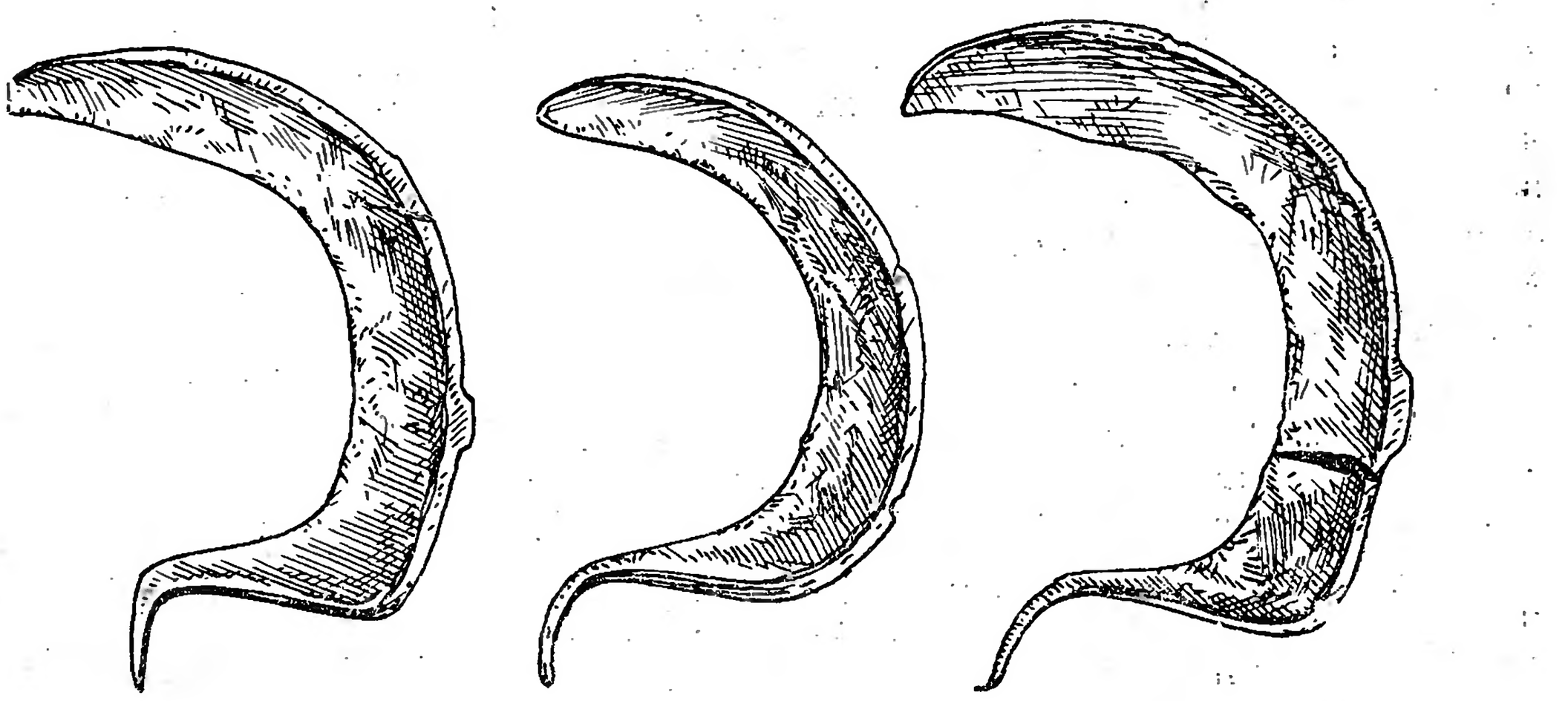
данных об этом орудии на Северном Кавказе в скифо-сарматскую эпоху до недавнего времени затрудняло его изучение. В 1936 г. М. В. Покровский при раскопках на территории современного Краснодара обнаружил сошники рала. Длина наиболее крупного из этих сошников, названных прикубанским типом, составляет 19,5 см, ширина рабочей части 8 см. Сошник изготовлен из одного массивного листа железа (до 1 см у шейки), имеет втулку, куда вставлялось древко [16]. Описываемый сошник почти аналогичен по форме и размеру сошнику рала, еще недавно применявшегося в горах Северного Кавказа.

Вывод М. В. Покровского о назначении найденных им наконечников пахотного орудия вызвал возражения со стороны некоторых археологов (Н. В. Анфимова, В. Д. Блаватского, М. К. Хотелашвили, Б. А. Колчина и др.) [17], считающих их не сошниками, а теслообразными мотыгами. Вот что пишет, например, Н. В. Анфимов: «Против земледельческого назначения их (сошников.— *Б. К.*) говорит сама форма орудия: рабочий конец у них лопатообразно расширяется и горизонтально срезан, при пахоте это приводило бы к тому, что сошник врезался бы в землю, и приостанавливал движение плуга или сохи. Втулка у этих орудий небольшого диаметра, и в случае применения их в качестве сошников конец рассохи должен был бы иметь форму узкого клиновидного стержня, что в условиях прикубанских тяжелых почв приводило бы к частым поломкам. Назначение этих орудий было, по-видимому, иным» [18]. Однако приведенная аргументация говорит, наоборот, в пользу суждений М. В. Покровского. Существование орудий с такими сошниками и более усовершенствованными в скифо-сарматскую эпоху убедительно доказывают находки археолога М. М. Трапша на античном поселении в окрестностях Сухуми, датируемом IV—III вв. до н. э. [19]

В скифо-сарматскую эпоху на Северном Кавказе железные серпы вытесняют медные и бронзовые.

Пока мы располагаем лишь единственным доказательством бытования

Рис. 1. Медные серпы из памятников Прикубанья конца II — первых веков I тыс. до н. э. (по А. А. Иессену)



железных серпов на Кубани в указанный период. Имеются в виду находки Н. В. Анфимовым серпов в ряде погребений бескурганных грунтовых могильников Прикубанья [20].

Интересная этнографическая деталь: в могильниках, как указывает исследователь, «довольно часто серпы находятся вместе с предметами вооружения, указывающими на мужской пол погребенных» [21]. Это обстоятельство дает возможность полагать, что у древних обитателей Кубани, как и позднейших ее жителей — адыгов, уборка хлебов являлась обязанностью преимущественно мужчин.

Для скифо-сарматской эпохи на Северном Кавказе характерны различные приспособления для обработки земледельческих продуктов. К ним относятся прежде всего жернова, встречающиеся в большом количестве в Прикубанье, в других районах региона известна лишь одна находка — на Змейском поселении (Северная Осетия) [22].

Наряду с жерновами и ручными мельницами широко употребляли каменные зернотерки; многочисленны находки каменных пестов и ступ [23]. В. И. Абаев, основываясь на языковых данных, считает, что с этими орудиями скифы познакомились у народов Восточной Европы [24].

Сравнительно высокий уровень развития земледелия на Северном Кавказе в скифо-сарматскую эпоху подтверждается многочисленными находками различных глиняных сосудов и зерновых ям, служивших для хранения зерна [25]. Зерновые ямы известны нам, в частности, из раскопок на Алхастинском и Змейском (Северная Осетия) поселениях скифского времени [26], а также на скифских и меото-сарматских городищах Прикубанья и Приазовья [27]. Широкое бытование зерновых ям у скифов подтверждается и многочисленными раскопками боспорских городов [28].

Н. В. Анфимов отмечает, что на дне некоторых ям были найдены обуглившиеся зерна [29]. Благодаря этому мы узнаем о важнейших злаках, возделывавшихся в древности. По данным В. Д. Блаватского, уже в V—IV вв. до н. э. главными культурными растениями на всем Боспоре были пшеница, ячмень и просо. В Пантикапее в яме III в. н. э. были найдены обугленные зерна мягкой пшеницы, ячменя и ржи [30]. Как отмечает Б. Б. Пиотровский, раскопки в Кармир-блуре (Урарту) открыли наряду с другими хранилищами зерновые ямы, высеченные в скале. В некоторых из этих хранилищ было обнаружено так много ячменя, что его «извлекали целыми ведрами». Многочисленные находки свидетельствуют, что наиболее распространенными злаками здесь были многорядный ячмень и мягкая пшеница [31]. Эти культурные растения широко возделывались и на территории Северного Кавказа. Притом, как показывают этнографические данные, ячмень издавна являлся в горной зоне преобладающим, а в высокогорных районах — почти единственным зерновым злаком. Этот факт в ряду других послужил поводом для ряда авторов считать ячмень самым древним культурным растением на Кавказе [32].

Между тем известно, что в раскопках на Северном Кавказе ячмень всегда находился вместе с другими культурными злаками и особенно с мягкой пшеницей, возникшей, как полагают специалисты, на Кавказе (родиной ячменя считается Передняя Азия). В результате многовековой практики земледелия Кавказ дал, как отмечал Н. И. Вавилов, лучшие сорта важнейших культурных растений — пшеницы, ячменя, ржи и целого ряда высококачественных плодовых и овощных культур. Флора Кавказа, по П. М. Жуковскому, состоит из 6000 видов. Она дала челове-

честву наибольшее число видов пшеницы, в том числе мягкую пшеницу и самые устойчивые к болезням виды пшеницы, рожь, пленчатый двурядный ячмень, горох, кавказскую яблоню, грушу, домашнюю сливу, кизил... кавказскую хурму, виноград, черешню, гранат...[33]

Таким образом, на Северном Кавказе предскифского и скифского времени население, как полагают археологи, хорошо было знакомо с важнейшими культурными растениями — пшеницей, ячменем и просом, возделывавшимися почти на всей территории региона[34]. Предположение это основано прежде всего на большом количестве находок земледельческих орудий труда этого времени, а также зерен злаков указанных культур в раскопках.

Материалы раскопок скифо-сарматских и меото-сарматских городищ в Прикубанье и данные античных писателей свидетельствуют о том, что Кубань являлась на всем протяжении античной эпохи крупным зерновым районом, поставлявшим на внешний рынок различные зерновые культуры, особенно пшеницу. Основными культурными злаками здесь были пшеница, ячмень и просо, хорошо известные уже с ранней бронзы всем северокавказским племенам. О большом производстве этих культур в Прикубанье говорят находки обугливших зерен пшеницы при раскопках городища № 3 у ст. Усть-Лабинской в слое IV—III вв. до н. э., на Краснодарском городище в слое IV—III вв. до н. э., на городище близ ст. Елизаветинской, на городище «Чумяной рядант» около хут. Новонекрасовского и др.[35] Все найденные образцы пшеницы принадлежат к сорту мягкой пшеницы, широко распространенной не только на Северном Кавказе, но в Северном Причерноморье и в Крыму[36]. Широкое культивирование ячменя и проса зафиксировано на тех же городищах в слоях VI—V и III—II вв. до н. э.[37] Это указывает на то, что просо являлось наряду с пшеницей наиболее распространенным злаком и было, по-видимому, основным продуктом питания местного меото-сарматского населения. Что касается ячменя, то он возделывался в основном в горной зоне Северного Кавказа, наиболее распространенным был многорядный ячмень, частично сеяли и двурядный ячмень[38]. Одни ученые считали, что двурядный ячмень появился одновременно с многорядным, ссылаясь на находки в древнем Урарту, другие отрицали наличие этого

Рис. 2. Полозные и грядильные рала древней Италии, Греции и Северного Причерноморья (по Ю. А. Краснову)

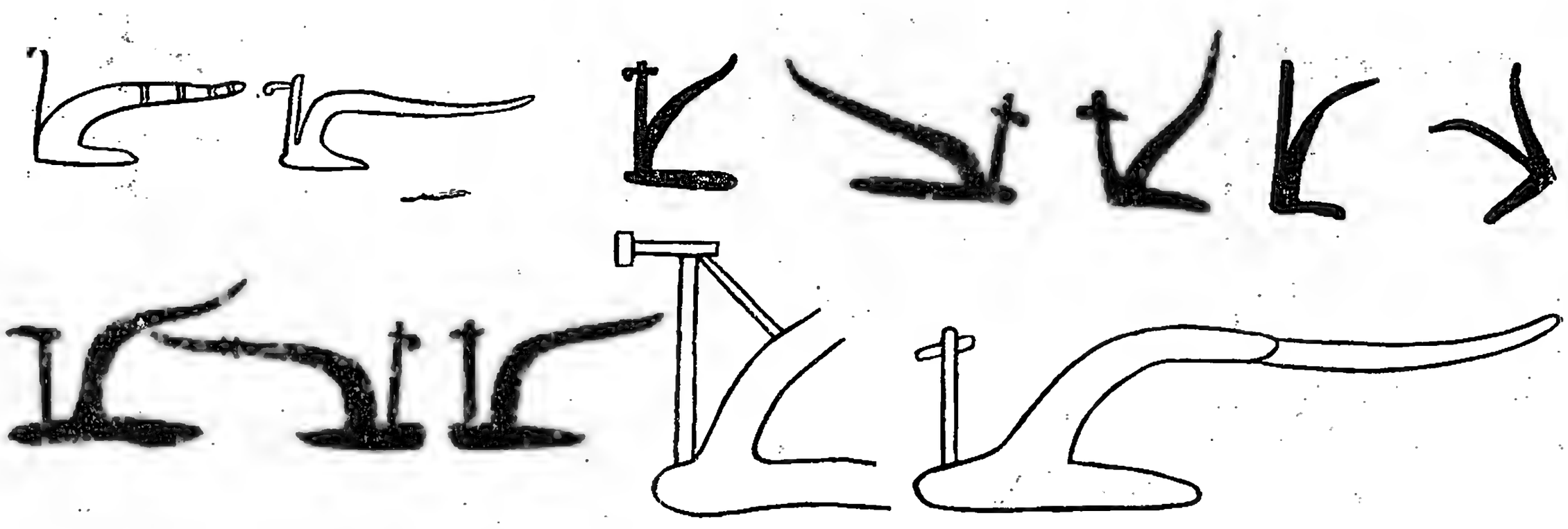
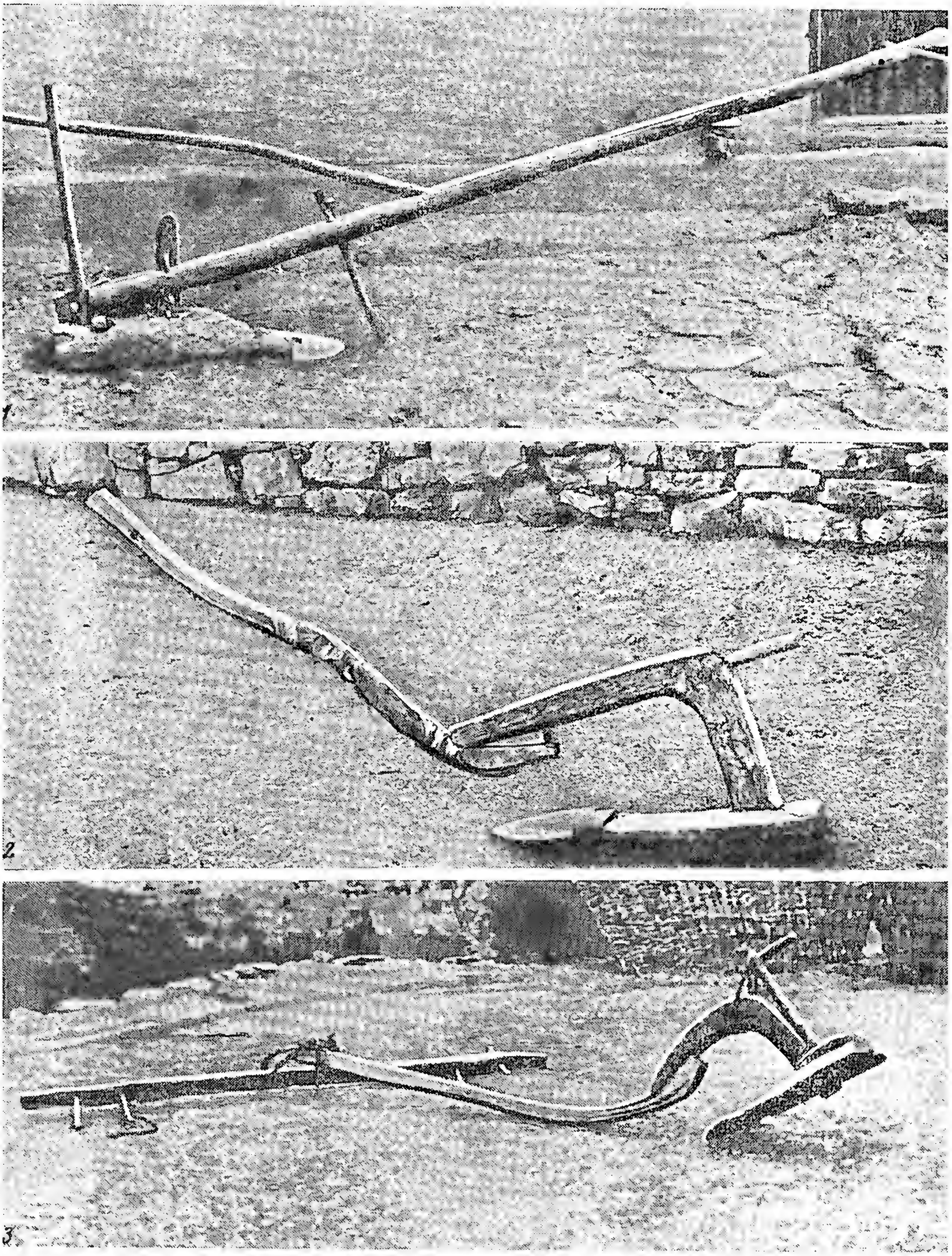
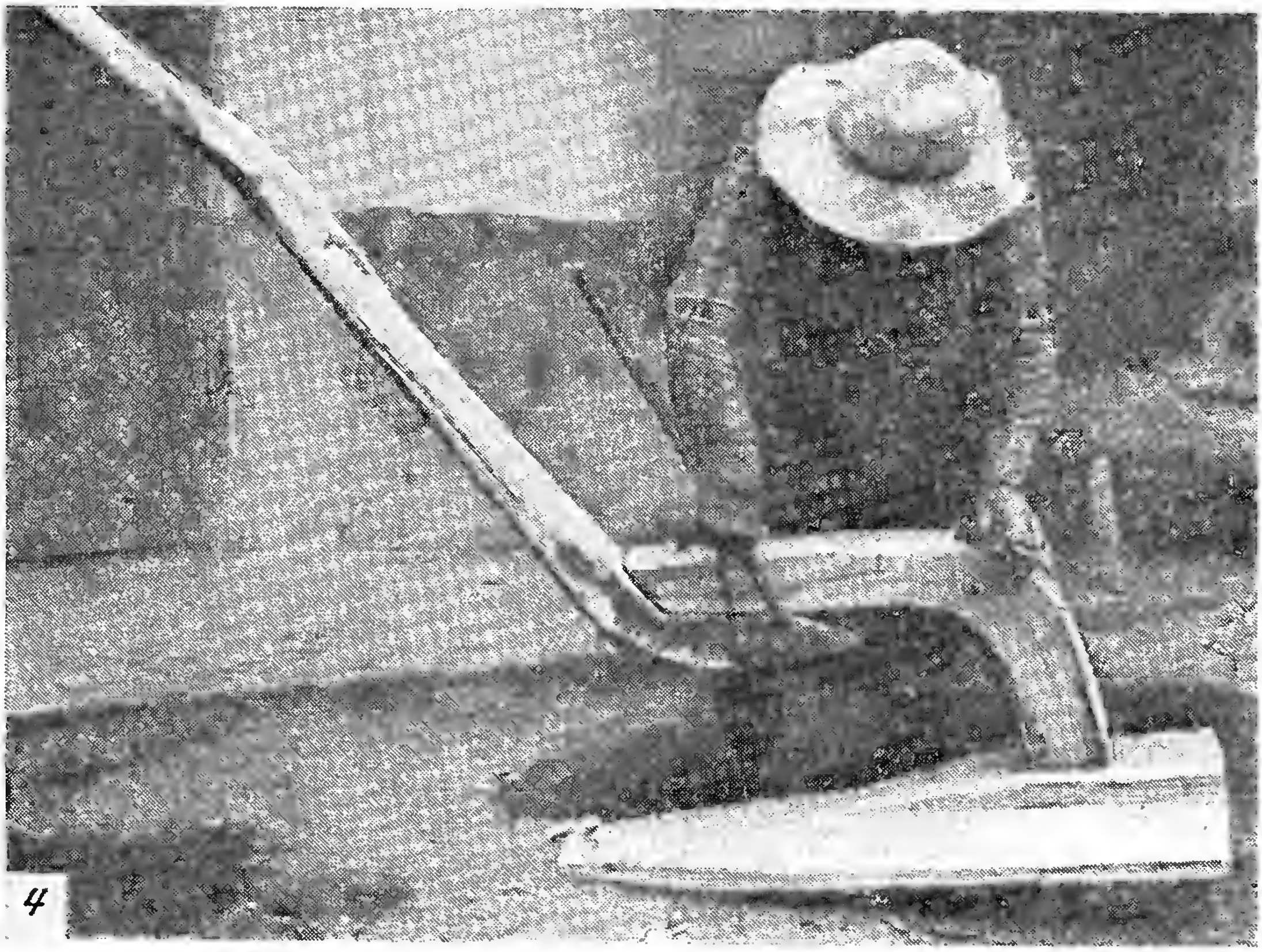
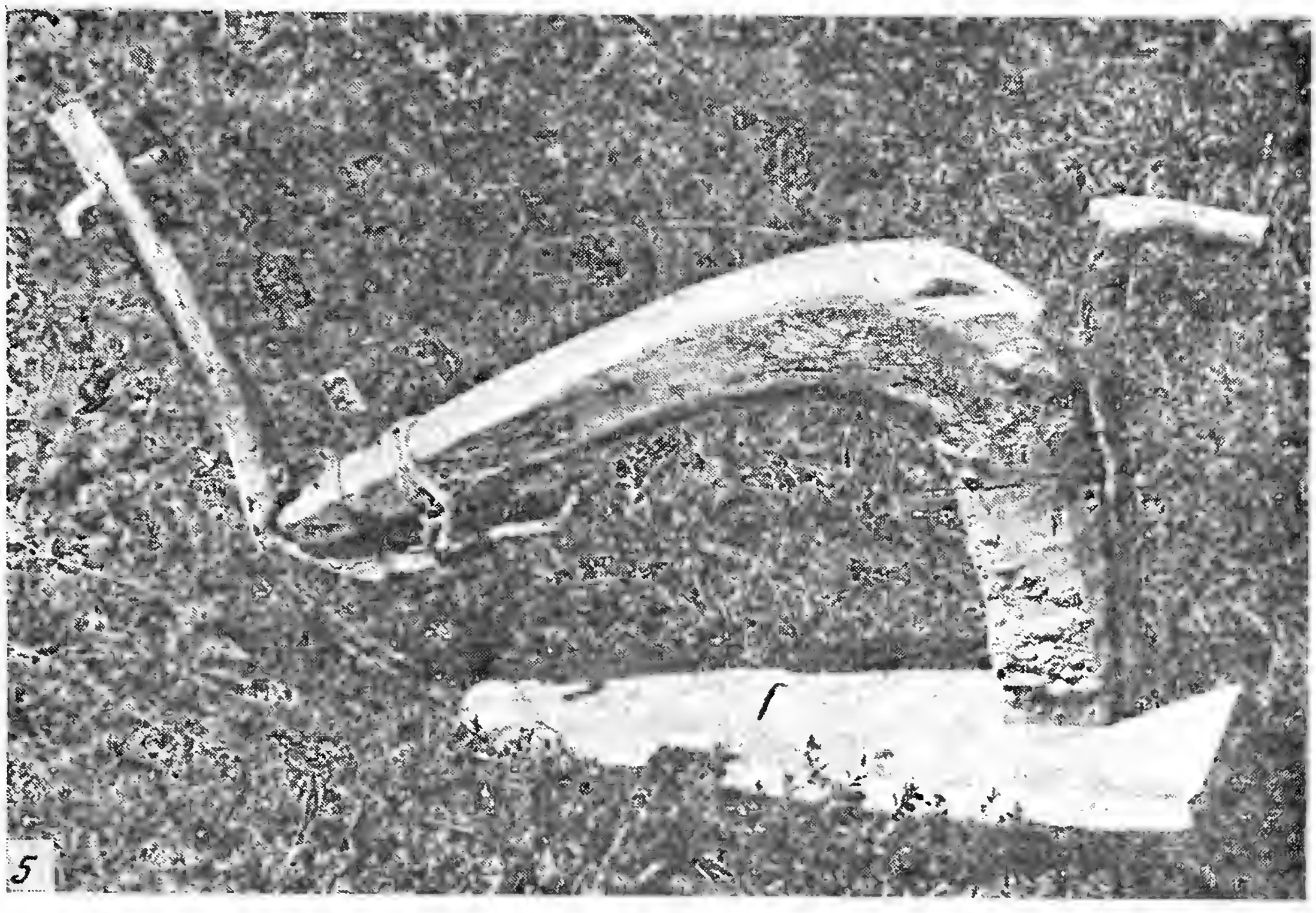


Рис. 3. Пахотные орудия в горах

1 — чеченский плуг. С. Шатой Советского района. Чечня; *2* — карачаевское рало. С. Хурзук Карачаевского района. Карачай; *3, 4* — осетинские рала, С. Барзыкау, Куртатинское ущелье. ГМЭ, фото А. А. Миллера, 1927 г.; с. Даргавс, Даргавское ущелье, Северная Осетия, 1957 г.; *5* — балкарское рало. С. Верхняя Балкария, Балкария, 1968 г.




4


5

вида ячменя в скифо-сарматскую эпоху. Только недавно этот спор был разрешен Н. В. Анфимовым. При раскопках им Ладыжского седьмого городища, расположенного на восточной окраине ст. Ладыжской, в слое III в. до н. э. был найден глиняный горшок с обуглившимся зерном. Это оказались зерна мягкой и твердой пшеницы-двузернянки и двурядного и многорядного ячменя. Это единственный случай нахождения на Кубани и в целом на Северном Кавказе твердой пшеницы-двузернянки и ячменя. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что уже в скифо-сарматскую эпоху северокавказские племена были знакомы с указанными видами хлебных злаков [39].

Данные лингвистики свидетельствуют о том, что многие названия культурных растений, земледельческих орудий, процессов труда и т. д. восходят к местному древнекавказскому субстрату. Так, Л. И. Лавров отмечает, что в кабардинском и адыгейском языках «многие термины, относящиеся к земледелию (ячмень, просяное зерно, просо — растение, зернь, возделывай, злаки, паши, сей, жни, молоти и др.)... могли образоваться... в эпоху бронзы» [40].

О развитии земледелия у скифо-сарматов и меотов, предков адыгов, мы находим некоторые данные у античных авторов. Так, Страбон, описывая сираков (одно из сарматских племен, занимавшее, по-видимому, часть горных районов Северо-Западного Кавказа), указывает, что «у них много ячменного хлеба» [41]. По его словам, земледелием занимались не только сираки, но и другие сарматские племена, в частности аорсы, обитавшие у Кавказских гор [42]. Одним из главных занятий меотов, живших вокруг Азовского моря («вокруг озера Меотида») [43] было земледелие, как и у родственных им синдов, зигов, ахейцев и др., населявших в основном современное кавказское побережье Черного моря. Страбон писал о них, что «они живут, обрабатывая скудную землю» [44].

Широкое возделывание у северокавказских племен важнейших зерновых культур — пшеницы, ячменя и проса не могло не вызвать появления у них основных систем земледелия — переложной, подсечной и чередование хлебных злаков, применявшихся в это время в Боспорском царстве [45] и других районах Восточной Европы. Переложная система практиковалась на равнинных плодородных полях края, подсечная — в предгорьях и горных районах; чередование злаков, вероятно, применялось повсюду.

Таким образом, в период становления пашенного земледелия Северный Кавказ являлся частью большого древнейшего мирового центра земледелия — кавказского, давшего человечеству ряд важнейших зерновых культур, сортов плодов, овощей и винограда [46].

Судя по археологическим данным, в раннем средневековье основным орудием пахоты на Северном Кавказе оставалось деревянное рало с железным наконечником. Одновременно с ним для обработки земли использовали различные древние мотыги. Для помола использовались каменные жернова, ступы, хранили зерно в зерновых ямах. В дальнейшем, с расширением посевных площадей на равнине Северного Кавказа появляется тяжелый плуг, типа современного адыгского. Существование такого орудия у северокавказских племен убедительно доказывается находками плужного ножа (чресла) и плужного железного лемеха на исторической аланской территории. Плужный нож был найден в 1955 г. Т. М. Минаевой на аланском городище Адиюх (правый берег р. Малый Зеленчук,

в 3 км от аула Инжи-Чукун) [47]. Его длина 0,45 м, наибольшая ширина лезвия 5,5 см. Конец лезвия обломан. Нож ставился перпендикулярно к передней части лемеха и служил для разрезания пластов. Как правильно полагает Т. М. Минаева, такое усовершенствованное орудие могло быть достоянием лишь небольшой зажиточной части населения и применялось одновременно с ралом. Сравнивая адиюхский плужный нож с подобными находками на Дону и на Украине, датируемыми VIII—IX и VIII—X вв., Т. М. Минаева относит адиюхский нож к X—XI вв. [48]

В целом появление тяжелого плуга в ряде равнинных районов Северного Кавказа, в частности в Прикубанье, могло произойти значительно раньше, о чем, например, свидетельствуют находки здесь больших мельничных жерновов. Последние несомненно указывают на возросшее производство зерна. Во всяком случае, мы можем говорить, что уже в X в. аланы, жившие на равнине и в предгорьях, как и другие северокавказские племена, производили вспашку, наряду с древним ралом, тяжелым усовершенствованным плугом. Наличие такого пахотного орудия у алан в средние века подтверждается и находкой в 1934 г. А. А. Иессеном лемеха в так называемом «Кызбурунском кладе». По словам А. А. Иессена, этот лемех, «очень большой и тяжелый (вес 8,615 кг, длина 0,60 м)» [49], совершенно аналогичен лемеху адыгского тяжелого плуга, применявшегося только на равнине Северного Кавказа. Он имеет очень близкое сходство и с лемехом, найденным М. К. Артамоновым в древнем Саркеле на Дону и датируемым XI—XII в. [50] «Эта дата,— пишет А. А. Иессен,— в свою очередь очень близка к эпохе жизни на Кызбурунском городище». Однако он все же воздержался от точной датировки лемеха [51]. Отметим, что близкое сходство упомянутых лемехов (что явствует из их рисунков) указывает на то, что их появление можно отнести к одной исторической эпохе, а именно к средневековью.

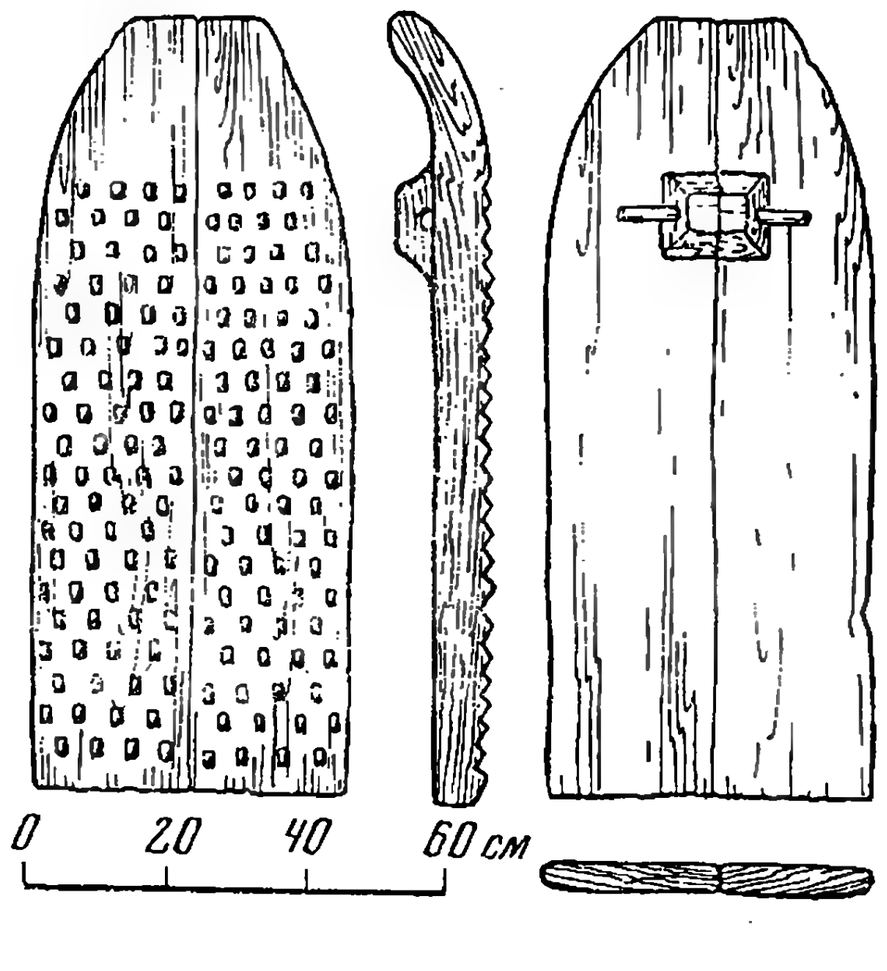


Рис. 4. Молотильная доска начала I тыс. до н. э. из Азербайджана (по Т. Бунатову)

Рассматриваемый тяжелый плуг, ставший в аланскую эпоху основным пахотным орудием у всех северокавказских племен на равнине региона, сохранился, как мы полагаем, и в позднейшее время, вплоть до недавнего прошлого. Этим мы обязаны главным образом некоторым адыгским племенам, уцелевшим от нашествия татаро-монгольских полчищ.

Наряду с указанными орудиями раскопками засвидетельствованы железные серпы, например на Сержень-Юртском поселении (Чечено-Ингушетия) [52], из катакомбных могильников Донифарса и на Змейском городище [53] (Северная Осетия), из Адиюха (Ставропольский край) [54] и средневекового селища, открытого при сооружении Шапсугского водохранилища в Краснодарском крае [55] и т. д. При этом серп, найденный на Сержень-Юртском поселении, почти аналогичен серпам нового времени; его появление было вызвано «необходимостью сбора урожая с относительно больших площадей» [56]. То же самое можно сказать и о сер-

пах, обнаруженных при сооружении Шапсугского водохранилища. Однако о земледельческих орудиях многих других районов региона мы не имеем до сих пор никаких данных. И прав был М. В. Покровский, когда писал: «К большому сожалению, до настоящего времени не подвергались еще систематическому исследованию руины многочисленных средневековых поселений Нижнего и Среднего Прикубанья, в силу чего при изучении этой эпохи приходится оперировать лишь отдельными и далеко неполными археологическими данными» [57].

Одним из убедительных подтверждений высокого уровня развития земледелия в этот период являются находки почти во всех районах региона больших каменных мельничных жерновов, встречаемых в могильниках и на поселениях [58]. Так, на Змейском аланском городище почти все жернова находились в катакомбных могильниках; во многих случаях ими закрывались входные отверстия (катакомбы 3, 17, 18, 26); это указывает на существование у алан особого обычая, по которому после смерти последнего представителя рода снимались мельничные жернова и ими закрывали входное отверстие катакомбы — родового захоронения, что означало прекращение рода. Позже этот обычай зафиксирован у осетин, у которых появилось проклятие: «Чтобы твои жернова вертелись вхолостую» (т. е. чтобы исчез твой род). Почти все жернова, найденные в Змейском городище, круглые, имеют диаметр 43—45 см, с круглым отверстием в центре [59].

Появление водяных мельниц относится, по-видимому, к позднесредневековому времени. (Имеется лишь одно указание о существовании водяных мельниц в Ванском царстве Урартской эпохи. Однако оно не нашло до сих пор подтверждения в трудах других исследователей [60]). С развитием земледелия увеличивался размер каменных мельничных жерновов. Ярким примером этого могут служить отмеченные нами жернова в Прикубанье меото-сарматского и более позднего времени, а также жернова, найденные Т. М. Минаевой в верховьях Кубани и относящиеся к концу I тысячелетия н. э. Вот что писала исследовательница о своих находках на Адиюхском аланском городище: «Размол зерна производился круглыми каменными жерновами. Жерновов и их обломков найдено на городище очень много. Некоторые из них были использованы в качестве строительного материала для жилища... Жернова городища Адиюх могут быть разделены на две группы, различающиеся между собою только размером. Первую группу составляли крупные жернова от 0,67 до 0,45 м в диаметре. Верхняя половина такого жернова толщиною от 6 до 10 см имеет форму правильного круга с тщательно обитыми краями. В центре она снабжена коническим сквозным отверстием, через которое проходила ось жернова и поступало зерно для размола. Иногда вокруг отверстия имеется чашеобразная выемка для зерна. Вторая группа жерновов отличалась от первой вдвое меньшими размерами (диаметр 0,3—0,32 м). Возможно, что эти жернова служили для обработки проса на крупу» [61]. Приведенные данные свидетельствуют не только о широком распространении ручных мельниц, но и о весьма близком сходстве их по форме и размеру с современными ручными мельницами горцев.

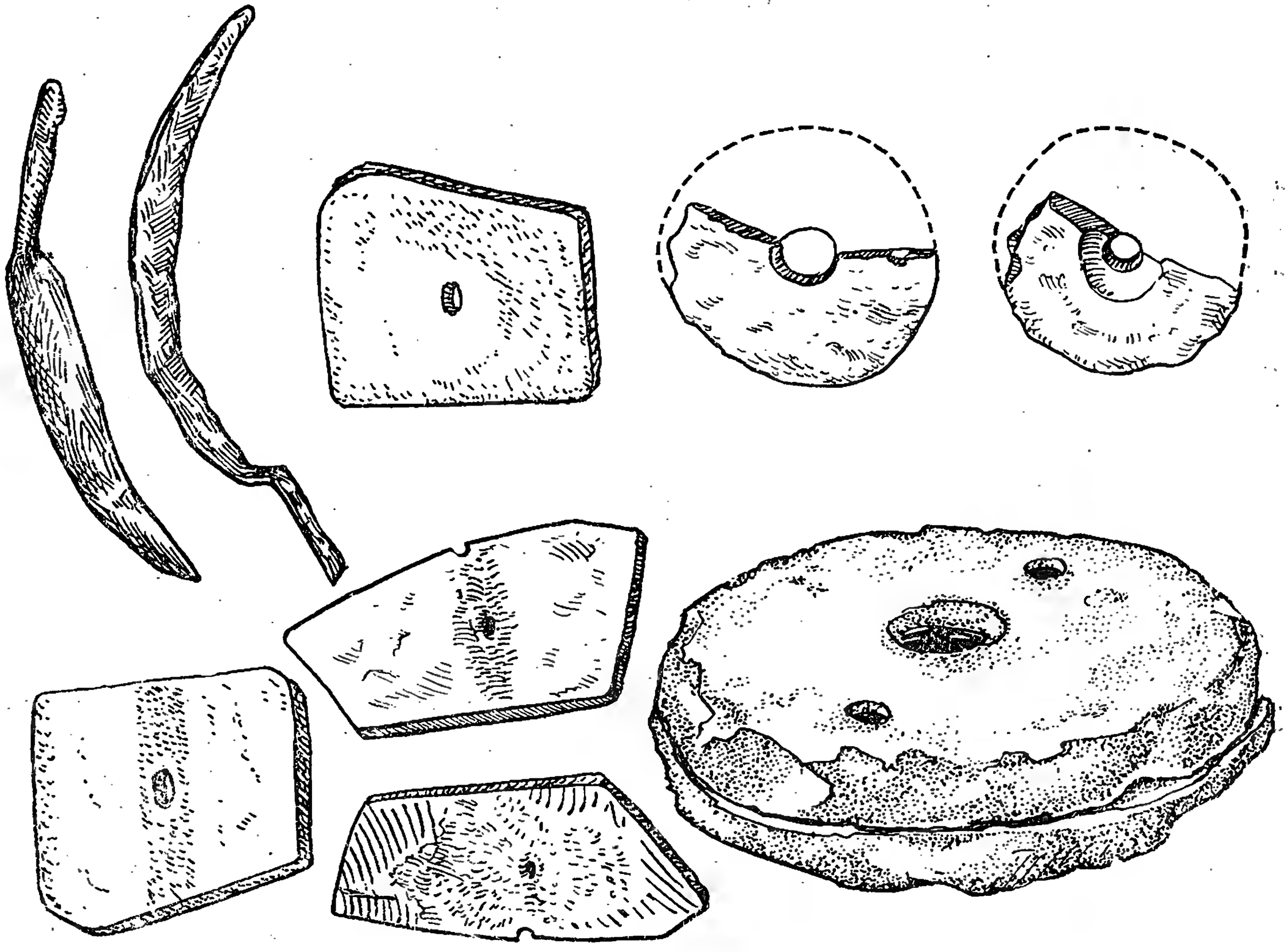
Как известно, жернова изготовлялись из плотного известняка, находимого лишь в определенных местах в горах. В отмеченных поселениях (Адиюхе, Змейском, в Прикубанье) не было такого камня и его доставляли из других мест. Наряду с каменными жерновами, в рассматриваемое

время имелись и деревянные жернова, подобные тем, какие, например, встречались еще недавно в быту у западных адыгов. Жернова такого типа, сделанные из дуба, хранятся в Краснодарском краеведческом музее [62], они принадлежали адыгейцам из соседних районов. Деревянные жернова имели распространение и у некоторых других народов Кавказа, в том числе у южных осетин [62], территория расселения которых покрыта лесными массивами. Наряду с каменными и деревянными жерновами по-прежнему широко применялись каменные зернотерки, ступы и песты.

Судя по археологическим раскопкам на поселениях, зерновые ямы были наиболее распространенным видом хранения зерна на равнине и в предгорьях Северного Кавказа. Например, на Змейском городище на площади 208 кв. м было найдено 36 цилиндрических и колоколовидных хозяйственных ям (большинство составляли первые). Диаметр ямы достигал 2 м, а глубина 1,5 м. Большое количество зерновых ям обнаружено на Хомидиевском городище (Кабардино-Балкария), расположенном на правом берегу Терека. Ямы эти, датируемые IV—XIII вв., находились рядом с жилищами. В некоторых из них обнаружены остатки проса [64].

В верховьях Кубани, в отличие от Центрального Кавказа, зерновые ямы появились лишь с X в., т. е. с периода бурного развития земледелия по всему Северному Кавказу. До этого, как полагает Т. М. Минае-

Рис. 5. Жернова и серпы из меото-сарматских городищ Прикубанья (по Н. В. Анфимову)



ва, их заменяли различные плетеные из мелкого орешника сапетки наподобие горских, применяемых и ныне. В свою очередь мы можем отметить, что отсутствие зерновых ям в этих районах до конца I тысячелетия н. э., видимо, объясняется более слабым развитием здесь земледелия, что связано с более суровыми природными условиями, чем, например, в Прикубанье или на плодородной равнине Центрального Кавказа.

Зерновые ямы наиболее широкое распространение имели на равнине и в предгорьях, в горах же для хранения зерна использовали в основном различные плетеные сапетки [65]. Обилие лесов позволяло северокавказским племенам делать и другие зернохранилища, например дощатые амбары, наподобие современных, с отделениями для различных культур. Наряду с этим для хранения зерна широко применялись глиняные сосуды, в том числе и пифосы.

Находки на средневековых памятниках Северного Кавказа фиксируют те же виды хлебных злаков, что и в скифо-сарматскую эпоху: мягкая пшеница, просо и в горных районах — ячмень. Зерна проса найдены на Змейском городище, на Нижнем Джулате, а также в других пунктах Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Ставропольского края [66]. Так, например, в большинстве из 27 хозяйственных ям, вскрытых И. М. Чеченовым на аланском городище у кабардинского сел. Хамидия, оказались остатки зерен проса. Главным культурным растением у обитателей городища Адиюх было также просо. В целом археологический материал, как и письменные источники, позволяет заключить, что в рассматриваемое время просо являлось главнейшим продуктом питания у всех северокавказских племен, обитавших в равнинной зоне и в предгорьях края. Венецианский дворянин и дипломат Барбаро, побывавший в XV в. на Северном Кавказе в местах поселения алан, отмечал, что жители «употребляют в пищу хлеб из проса» [67]. Другой итальянец Г. Интериано, находясь тогда же у черноморских адыгов, писал, что они не сеют пшеницу, но «зато много проса» [68]. Как мы увидим ниже, просо оставалось почти единственной традиционной культурой у некоторых равнинных жителей Северного Кавказа, в частности у кабардинцев, западных адыгов, абазин, и в последующие периоды. Еще во второй половине XIX в. пища и напитки у этих народов приготовлялись преимущественно из просяной муки.

Остатки пшеницы и ячменя найдены в хозяйственных ямах при раскопках на городищах Адиюх, Змейском, Верхнем Джулате, а также в ряде мест Прикубанья. По-прежнему сеяли исключительно мягкую пшеницу. Так, например, из 163 целых зерен пшеницы, найденных в Адиюхе, «подавляющее большинство относится к виду мягкой пшеницы» и лишь немногие напоминали семена твердой пшеницы [69], совершенно не известной в древности на Кавказе.

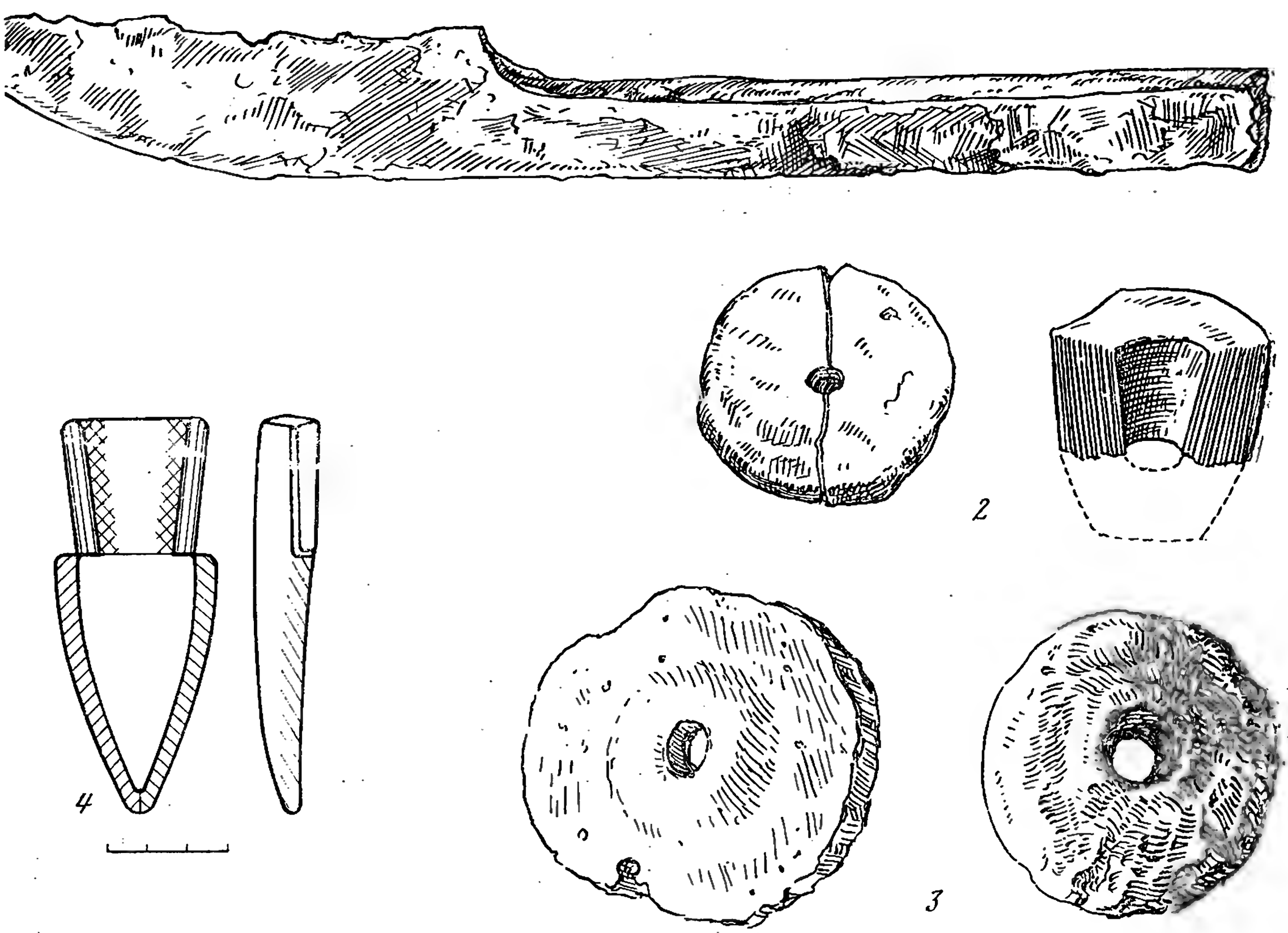
В зерновых ямах на городище Адиюх обнаружены 118 целых обугленных зерен ячменя и лишь три очень мелких зерна ржи. Как показало лабораторное исследование, все найденные зерна ячменя относятся к двурядным пленчатым формам этого злака, имевшего и в позднейшие эпохи, по полевым этнографическим данным, самое широкое распространение в горах Северного Кавказа в качестве наиболее морозоустойчивой культуры. Анализируя находки образцов ржи, Т. М. Минаева считает, что это растение в рассматриваемое время являлось некультивированным злаком и попадалось «в смеси пшеницы и ячменя в качестве сорняка» [70].

Н. И. Вавилов в 1939 г. во время экспедиции в горы Северной Осетии находил еще такую рожь среди яровых и озимых посевов пшеницы и ячменя. Он указывал, что она имеет здесь широкое распространение, сильно засоряет хлеба, что необходимо принимать радикальные меры против этого. «Такая рожь,— писал он,— впервые встречена нами в пределах европейской части Союза и представляет собой одно из звеньев в эволюции культурной ржи» [71]. Таким образом, археологические данные о наличии указанного вида ржи на территории Северного Кавказа с древнейших времен подтверждаются и биологическими исследованиями.

К сожалению, мы почти не располагаем никакими прямыми данными о возделывании огородных и бахчевых культур у северокавказских племен в средние века, а также о разведении ими садов и виноградников в это время. Однако уже в скифо-сарматскую эпоху широко были известны, например, на Таманском полуострове и виноградарство и виноделие. Разведение фруктовых садов, в частности яблонь, в средние века находит косвенное подтверждение в нартовских сказаниях, в которых, как известно, нашли отражение многие стороны жизни горцев этого вре-

Рис. 6. Из аланских городищ

1 — плужной нож из Адиюха (IX—XII вв.); *2* — жернова из Гиляча (IX—XI вв.). Ставропольский краеведческий музей; *3* — жернова из Змейской (X—XII вв.). Северо-Осетинский краеведческий музей; *4* — сошник и нож из «Гренучка» (X—XII вв.). Пятигорский краеведческий музей



мени. В осетинском варианте эпоса, например, упоминается о чудесном яблоке, в кабардинском — знаменитый напиток именуется «сани», что в осетинском означает «вино», которое изготовляли из местных сортов винограда. В нартовском эпосе мы находим упоминания обо всех возделывавшихся нартами основных злаках — пшенице, ячмене, просе, а также о пахотных орудиях — ране, плуге. В эпосе говорится и о ряде земледельческих процессов, связанных с уборкой, молотьбой, веянием хлебов.

Татаро-монгольское завоевание коренным образом изменило этническую карту Северного Кавказа. В результате его пришло в упадок хозяйство населения, в том числе и земледелие, причем наиболее опустошительному нашествию подверглась равнинная зона края, где уцелели лишь кабардинцы, часть западных адыгов (черкесы), абазин и ногайцев. Именно им, прежде всего адыгам, мы обязаны сохранением тяжелого плуга с колесным передком, применявшегося всеми северокавказскими племенами до татаро-монгольского нашествия. На равнине сохранились и некоторые культуры, характерные для предмонгольского периода. К ним относится, например, просо, которому отдавали предпочтение. Горным районам Северного Кавказа, не подвергшимся опустошению, мы обязаны сохранением многих сортов важнейших культурных растений: пшеницы, ячменя и ржи. Здесь были созданы оригинальные орудия земледелия, хорошо отвечавшие местным условиям, сохранены ценные навыки и приемы ведения этой важнейшей отрасли хозяйства горцев. Наконец, с горным земледелием связано появление на Северном Кавказе удобрения, орошения искусственных террасных полей, плодосменной и подсечной систем.

В целом после татаро-монгольского нашествия земледелие в горах находилось на более высоком уровне, чем на равнине. Соотношение в развитии между горным и равнинным земледелием изменилось лишь во второй половине XIX в. Состояние земледелия на Северном Кавказе в позднесредневековую эпоху может быть охарактеризовано только на основании письменных источников, порою часто незначительных по многим народам региона. Обычно привлекаются сведения путешественников, данные официальных русских документов. Такие письменные источники в рассматриваемое время имеются в значительном количестве по адыгским народам, в частности по северо-западным адыгам, издавна находившимся в силу своего географического положения в широком общении с внешним миром. Так, еще в конце XIV в., в период войн с татаро-монголами, арабский ученый Эль-Омари отмечал, что у адыгов имеются развитое хлебопашество и полеводство [72]. Путешественник из Венеции Иосафат Барбаро, побывавший у адыгских народов в XV в., писал, что «земля их изобилует хлебом, скотом и медом» [73].

Очень интересные сведения о земледелии у западных адыгов содержит труд итальянского ученого-путешественника Джордано Интериано, опубликованный в начале XVI в. В нем, в частности, отмечается, что у черкесов нет «кукурузы и виноградного вина», но в то же время они имеют «много проса и других зерновых продуктов, из которых делают хлеб и различные кушанья, а также напиток, называемый буза. Они употребляют также вино из меда пчел...» [74]. Наибольшее количество сведений европейских авторов о хозяйственной деятельности народов Северо-Западного Кавказа относится к XVII в. В это время здесь побывали итальянский монах Джиовани Лука, французский коммерсант Жан Батист

Тавернье, известный государственный деятель Нидерландов Николай Витсен, французский ремесленник-ювелир Жан Шарден и др. Из сообщения, например, Д'Асколи мы узнаем о существовании у адыгов (черкесов) одного из их популярных национальных блюд — *пасты*, изготовлявшейся исключительно из просяной муки. «В Черкесии,— пишет он,— зерновой хлеб не употребляется, хотя зерно и сеется, но взамен хлеба едят густо сваренное в котле просо без соли и называют его *паста*» [75]. О том, что просо являлось у черкесов в это время, как и позднее, единственным хлебным злаком, писал Тавернье: «Этот народ не сеет ни ржи, ни овса, а только ячмень для лошадей и просо для выпечки хлеба». Из сообщения этого автора мы узнаем впервые и о системе земледелия у адыгов: «Они никогда не засевают дважды один и тот же участок, меняя место каждый год». Большой интерес представляют его сведения и о садоводстве черноморских адыгов (шапсугов и натухайцев). «У них нет,— говорит Тавернье,— других садов, кроме полей, покрытых дикими вишнями, яблонями, орешником, грушевыми и другими фруктовыми деревьями» [76]. Дж. Лука указывал, что черноморские адыги «обрабатывают удобные по хлебопашеству земли киркой» [77]. Кирка и в последующие периоды применялась адыгами, занимавшимися почти исключительно подсечным земледелием. По данным Ж. Шардена, черноморские адыги возделывали наряду с просом и ячменем кукурузу. «Его (кукурузное зерно.— *Б. К.*) сеют,— пишет он,— весной тем же способом, что и рис. В земле пальцем делают ямку, куда кладут зерно, и засыпают его. Из зерна произрастает ствол толщиной в большой палец и высотой в человеческий рост, на верху которого находится колос, имеющий более 300 зерен. Ствол «чом» весьма похож на сахарный тростник. Его срезают в октябре и сразу же развешивают на плетне, довольно высоком и обращенном к солнцу» [78]. Из этого описания можно заключить, что кукуруза возделывалась западными адыгами, по-видимому, издавна, Шардену же мы обязаны первым упоминанием об этой культуре на Северном Кавказе.

Данные европейских авторов о хозяйственной деятельности народов Северного Кавказа в XVIII в. являются наиболее многочисленными и охватывают уже наряду с адыгами другие народы региона. Этому способствовали развитие русско-кавказских отношений, проведение так называемой Кавказской кордонной линии и основание на ней городов-крепостей Кизляра, Моздока, Владикавказа и др. Среди авторов этого периода особое внимание заслуживают наблюдения К. Пейсонеля, Штедера, И. Гюльденштедта, П. Палласа, Я. Потоцкого и др. Сообщения Пейсонеля, например, дают возможность судить не только о многих сторонах жизни черкесов, но и о занятиях ногайцев, которые, кочуя со своими стадами по обширным просторам Северо-Западного Кавказа, занимались частично и земледелием, возделывая пшеницу, ячмень и просо. «Когда наступает время посева хлебов и появляется трава для пастьбы скота,— пишет автор,— аулы покидают зимние стоянки и идут кочевать, отыскивая удобные места для посевов. При выходе на кочевье, в летних становищах, мирза, глава аула, распределяет между подвластными ему людьми землю, межевание которой производится веревкой, затем каждый огораживает отведенное ему займище плетнем или же обозначает его какими-либо видными знаками». Для нас очень важным является и другое замечание автора о том, что ногайцы обрабатывали свои поля легким

пахотным орудием, видимо типа горской сохи (рала), с железным лемехом и что у них существовала, как и у соседей-адыгов, переложная система земледелия: «Ногайцы почти никогда не обрабатывают два года подряд одни и те же земли» [79]. В свою очередь мы можем отметить, что оседлые ногайцы, жившие в XIX в. на современной территории Карачаево-Черкесской АО, пользовались, как показывает наш полевой материал, исключительно адыгским (черкесским) тяжелым плугом, а также другими земледельческими орудиями адыгов. Подобно последним, ногайцы возделывали преимущественно просо. Они научились у черкесов и некоторым другим навыкам и приемам земледелия.

По данным путешественников второй половины XVIII в. характер земледелия у адыгов, как и у других равнинных жителей региона, остался прежним. Гюльденштедт, например, отмечал у кабардинцев, что их хлебопашество ограничивалось «почти одним просом», которое «заменяло им хлеб» [80]. Это же подтверждает и Паллас, который указывает также, что западные адыги наряду с просом «сеют немного ржи» и довольно много кукурузы. «На перекладинах под крышей,— пишет он,— находятся заготовки из целых колосьев турецкой пшеницы, или маиса, которые они обжигают на золе» [81]. Гюльденштедту и Палласу мы обязаны также первым упоминанием о тяжелом черкесском плуге (о котором речь пойдет ниже).

Весьма ценные сведения о земледелии адыгов, в частности кабардинцев, дают и официальные русские документы XVI—XVIII вв. Многие из них выявлены Е. Н. Кушевой и анализируются в ее капитальном труде [82], другие опубликованы в сборниках [83]. В русских документах отмечается существование у равнинных жителей Северного Кавказа переложно-залежной системы земледелия, указывается на абсолютное преобладание среди возделываемых ими культур проса, служившего для собственного употребления и поставки на рынок. В одном из документов, датируемых 1614 г., например, рассказывается о том, что когда в период крестьянских войн Терский город был отрезан от России, воевода города, «служилые люди и стрельцы покупали просо у кабардинских и кумыкских людей» [84]. В другом документе, составленном уже намного позже — в 1748 г., просо характеризуется по-прежнему почти единственным возделываемым злаком в Кабарде, служившим, как сказано в документе, главным продуктом питания населения. «Настоящая у общего их народа пища — просо, которым и лошадей стоялых (т. е. скакунов.— *Б. К.*) кормят, а для себя на год запасенное зарывают в ямы. А пшеницы и ячменя мало употребляют и затем и сеют немного» [85]. В этом документе для нас весьма важно, кроме прочего, упоминание о зерновых ямах.

В целом анализ источников показывает, что земледелие в Кабарде никогда не играло ведущей роли в хозяйстве и находилось почти до конца XIX в. на низком уровне [86]. Этого нельзя сказать о западных адыгах, для которых, как мы стремились показать выше, земледелие было основой их хозяйства. Западным адыгам широко были известны основные системы земледелия — подсечная, переложная, чередование культур, а также удобрение, орошение и искусственные террасные поля [87]. При этом наибольшее развитие земледелие получило у них в горной зоне, где также разводили фруктовые сады, огородные и бахчевые культуры. Знаменитые черкесские сады, славившиеся по всему Кавказу, возникли именно в горах Западного Кавказа [88].

Вопрос о соотношении горного и равнинного земледелия обратил на себя внимание еще дореволюционных исследователей, так И. Н. Клинген написал довольно содержательную работу, посвященную Сочинскому округу. Однако наиболее правильно этот вопрос освещен в монографии советского историка В. К. Гарданова, где справедливо отмечается, что горное земледелие у западных адыгов по своему уровню стояло намного выше равнинного [89]. В этой же монографии В. К. Гарданов совершенно правильно решает и другой важный для нашей темы вопрос — о соотношении земледелия и скотоводства у кабардинцев [90]. Некоторые авторы явно преувеличивали значение земледелия у кабардинцев в рассматриваемое время [91]. Между тем данные письменных источников и полевой материал свидетельствуют о том, что главной их отраслью хозяйства (особенно в Большой Кабарде) еще в конце XIX в. оставалось скотоводство, которое являлось, по мнению наших информаторов, наиболее выгодным и легким занятием. Земледелие же по-прежнему играло второстепенную роль в хозяйстве кабардинцев.

Есть немало фактов, говорящих о том, что горцы Северо-Западного Кавказа не только обеспечивали себя хлебом, но и продавали его в большом количестве соседним русским поселенцам. Бывали случаи, когда последние приобретали у горцев и семена. В 1792 г., например, начальнику Таманского отряда было приказано организовать для переселенцев Черноморского казачьего войска покупку семян злаков у черкесов [92].

О развитии земледелия на Северо-Западном Кавказе этого периода говорят и данные Пейсонеля, указывающего, что ежегодно более 200 тыс. германских кос поступало в Крым, где большое количество их покупали ногайцы; значительное количество кос доставлялось также в Черкесию через Тамань [93].

Большой интерес для нас представляет сообщение С. Броневского начала XIX в., относящееся преимущественно к западным адыгам: «Сельское хозяйство,— пишет он,— разделяется у них на три главнейшие отрасли: земледелие, конные заводы и скотоводство, заключающее рогатый скот, овец. Черкесы пашут землю плугом наподобие украинского, в который впрягают несколько пар быков. Больше всякого хлеба сеют просо: потом турецкую пшеницу, кукурузу, полбу и ячмень. Жнут хлеб обыкновенными серпами; молотят хлеб балбами, то есть топчут и перетирают колосья посредством лошадей или быков, припряженных к доске, на которую наваливают тягость точно так, как в Грузии и Ширвани. Перетертую солому вместе с мякиной и частью зерен дают в корм лошадям, а чистый хлеб прячут в ямы. В огородах сеют овощи: морковь, свеклу, капусту, лук, тыкву, арбузы и сверх того у всякого в огороде есть табачная гряда» [94].

Указанный черкесский плуг до Броневского был описан Гюльденштедтом, а затем Палласом; последний лично наблюдал в Кабарде вспашку большими и тяжелыми плугами, в которые впрягали, по его словам, до 6—8 волов [95]. Оба ученых указывали на большое сходство адыгского (черкесского) плуга с украинским. Такая точка зрения была высказана и некоторыми последующими авторами, в том числе Хан-Гиреем, который писал: «Жители равнин пашут землю плугом, сделанным наподобие украинского, в который впрягают обыкновенно четыре пары волов, которыми управляют три человека» [96]. Однако сходство этих пахотных орудий еще не означает, как ошибочно считают некоторые исследователи,

что черкесский плуг был заимствован у русских поселенцев[97]. Это бы противоречило исторической действительности. Мы считаем, что указанные орудия возникли в одну историческую эпоху и каждое из них развивалось самостоятельно. Появление тяжелого плуга на Северном Кавказе в средние века, как мы пытались показать, обосновывается археологическими данными. Хан-Гирей сообщает нам и о другом пахотном орудии, не менее распространенном среди адыгов, чем тяжелый плуг,— о ралe. «Жители же ущелий и гор,— пишет он,— не имеющие привольных долин для хлебопашества, имеют другого рода плуг, а именно: малый и запрягаемый в одну пару волов. Этого же рода плуг употребляют и жители равнин для вспахивания мягких мест, годных под огородные растения»[98].

К сожалению, в рассматриваемое время сведения авторов о сельскохозяйственных орудиях адыгов, как и других народов региона, ограничиваются одними только пахотными орудиями. Лишь С. Броневский, а немного позже за ним и И. Ф. Бларамберг[99], указывает на существование у западных адыгов молотильной доски, аналогичной, по их словам, той, которая применялась в Грузии и Ширване[100]. Характерно, что по этнографическим данным адыги никогда не пользовались этим орудием, о нем отсутствует упоминание и в работах Хан-Гирея — лучшего знатока быта адыгов (черкесов). Молотильная доска имела распространение на Северном Кавказе лишь в ряде мест восточной Чечни.

Весьма ценны сведения, содержащиеся в трудах Клапрота, Мариньи, Бесса, Белла, Коха, Новицкого, Торнау и др., о возделываемых народами Северо-Западного Кавказа зерновых и огородных культурах, о садоводстве, которым особенно славились черноморские адыги. «Адыхе,— писал Ш. Б. Ногмов,— издревле занимались хлебопашеством и сеяли просо, ячмень, полбу, кукурузу и огородные овощи: лук, чеснок, редьку, свеклу и прочее; на нашем языке есть названия всех хлебов, исключая сарацинского пшена»[101]. По этим данным, относящимся исключительно к Кабарде, трудно судить о степени распространения здесь тех или иных указанных культур. Одно ясно, что просо по-прежнему занимало у кабардинцев, как у других адыгов, первое место. Здесь нет упоминания о таких важнейших злаках, как пшеница и рожь, широко возделывавшихся на Северо-Западном Кавказе, о садоводстве черноморских адыгов. Не ясно и значение кукурузы среди других возделывавшихся кабардинцами культур. Между тем у западных адыгов кукуруза издавна являлась традиционным злаком[102], для хранения ее сооружали специальные помещения. «Я зарисовал.. амбар для зерна,— писал Мариньи, находившийся в начале XIX в. у черноморских черкесов,— очень любопытный благодаря устройству, которым он снабжен, чтобы мешать крысам и другим грызунам проникать туда. С этой целью он поставлен на столбы высотой в три-четыре фута, имеющие сверху широкие плоские камни, образующие своего рода карниз, недостаточно широкий для того, чтобы кто-либо из грызунов мог перебраться со столба на этот карниз, а затем в амбар»[103]. Подобные амбары для хранения кукурузы нередко встречались нам во время экспедиции 1967 г. в аулах черноморских шапсугов.

В известиях авторов первой половины XIX в. впервые упоминаются мельницы, применявшиеся народами Северного Кавказа[104]. «У черкесов нет водяных мельниц,— пишет Клапрот,— они очищают просо от шелухи ручным способом при помощи деревянного чурбана; после этого

семена размачивают и толкут в толкушке. Чтобы наконец получить муку, используются ручные мельницы с небольшими мельничными жерновами, но они имеются в немногих домах» [105]. О том, что адыги наряду с ручилкой употребляли исключительно ручные мельницы, имевшие небольшие круглые каменные или деревянные жернова, пишут и последующие исследователи [106]. Однако утверждение это, по-видимому, касается только жителей равнины. Адыги же, жившие в предгорьях и в горах, несомненно пользовались, подобно соседям-горцам, и водяными мельницами.

Развитие огородничества и садоводства у западных адыгов неоднократно описано иностранными путешественниками. Так, И. Ф. Бларамберг, посетивший в 30-х годах XIX в. многие районы Северо-Западного Кавказа, писал о черкесах, что они выращивают «репу, свеклу, капусту, лук, арбузы и тыквы... каждый черкес имеет особый участок, где выращивает табак» [107]. Белл, посетивший черноморских адыгов почти в это же время, указывает, что им неизвестен картофель. По его словам, «здесь разводят только фасоль, лук, свеклу и капусту; последние два вида овощей солят и едят с медом» [108]. Дж. А. Лонгворт, проживший целый год (1839) среди тех же черноморских шапсугов, что и Белл, рассказывает: «Однажды черкес, обедая у Скодра Паши в Албании, отказался есть овощи, который турки, кстати сказать, обожают в той же мере, в какой черкесы не могут их переносить, а потому делают овощи гвоздем обеда среди сменяющих одно другое блюд; его настойчиво уговаривали отведать овощей. Черкес в конце концов сказал паше с большой наивностью, что в Черкесии никто, кроме скотины, зелени не ест» [109]. В то же время жители побережья Западного Черноморья славились своими садами, повсеместно здесь произрастали дикорастущие плодовые деревья [110]. «В больших количествах у них встречаются дикие грушевые и яблоневые деревья,— сообщает французский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере,— у них есть также дикие сливы, но совершенно нет вишни. Повсеместно растет дикий виноград, дающий мелкие плоды»[111]. Белл отмечал, что, прогуливаясь в окрестностях шапсугского аула, он «видел там буйно растущие орешник, ежевику, дикую розу, душистый шиповник...» [112].

К сожалению, из-за недостатка источников мы не можем судить о состоянии земледелия у других народов Северного Кавказа в позднесредневековой период. Есть лишь некоторые известия, указывающие на то, что при неурожае в горах население их покупало хлеб на равнине. Так, в 1629 г. в одном из документов говорилось, что балкарцы покупали хлеб в Кабарде и доставляли его «в мешках на себе в горы», поскольку «телегами проехать теми месты немочно» [113]. Из источника XVIII в. мы узнаем, что балкарцы в горах культивировали почти все главнейшие злаки: «хлеб у них родится: пшеница, ячмень и местами овес, а проса не родится» [114]. Л. И. Лавров отмечает, что «начиная со второй половины XVIII в. источники содержат указания и на посевы проса». Однако это касается, по-видимому, предгорных сел Балкарии. В горах ввиду суровых климатических условий просо не успевало созревать. Тот же автор утверждает, без указания на источники, что «в 1822 г. в Баксанском ущелье существовали огороды с посадками лука, редьки и огурцов» [115].

В 1867 г. по официальным данным в пяти балкарских обществах было произведено ячменя 969 четвертей, пшеницы — 123 четверти, овса — 479

четвертей. В последующие периоды преобладающими злаками в горной Балкарии, как по всему Нагорному Кавказу, являлись ячмень и овес [116].

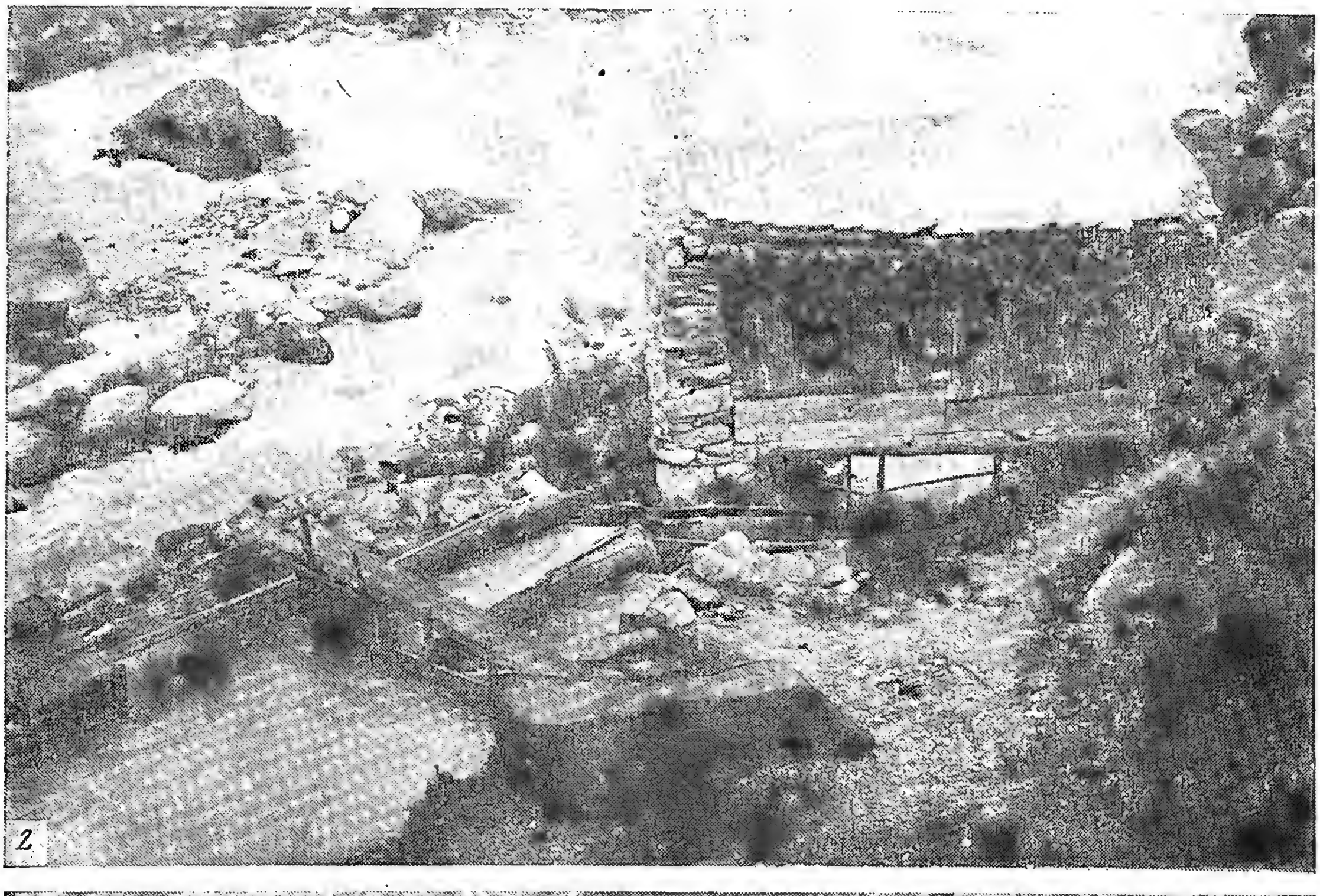
В «Записках Кавказского общества сельского хозяйства» за 1869 г. сообщалось, что балкарцы «имеют мало пахотной и сенокосной земли, требующей к тому же больших трудов по удобрению, очистке от камня и орошению водою, потому здесь не сеют проса и кукурузы и вообще собираемого хлеба никогда не бывает достаточно». По утверждению авторов статьи, в горах и в высокогорных районах Балкарии возделывали исключительно ячмень и овес, а в предгорьях и на равнине Нальчикского округа — просо, пшеницу и кукурузу. Жителям округа совершенно не были знакомы рожь и гречиха; они не занимались огородничеством и не употребляли в пищу овощей, «за исключением лука, который разводится для собственного потребления» [117].

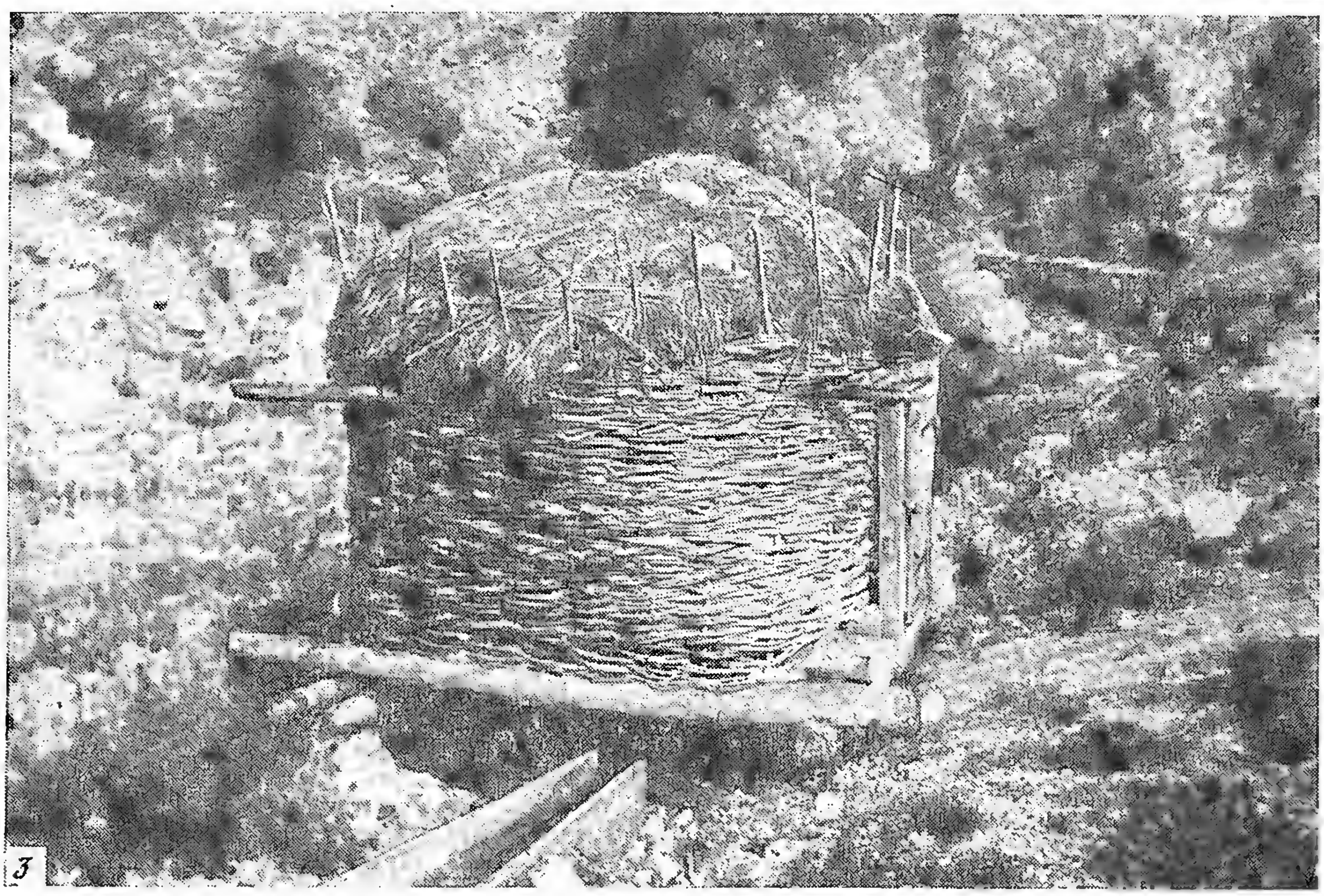
Первые сведения о хлебопашестве осетин, в частности о производстве ими пшеницы и проса, относятся к XVII в.; они содержатся в «Статейных списках посольства стольника Толочанова и дьяка Иевлева», в которых говорится, что осетины-дигорцы от каждого селения дают кабардинцам в качестве ясака наряду с определенным количеством скота и по четверти пшеницы и проса [118]. Только с XVIII в. начинает появляться довольно значительное количество известий в русских и грузинских источниках об Осетии, об основных занятиях осетин —земледелии и ското-

Рис. 7. Обработка урожая

1 – большая ручная мельница для размола кукурузы. Аул Псеушхо. Черноморские шапсуги. 1909 г.;

2 — водяная мельница. С. Лац, Куртатинское ущелье, 1926 г.; *3* — водяная мельница С. Быз, Алагирское ущелье, 1936 г. ГМЭ, фото А. А. Миллера


2


3

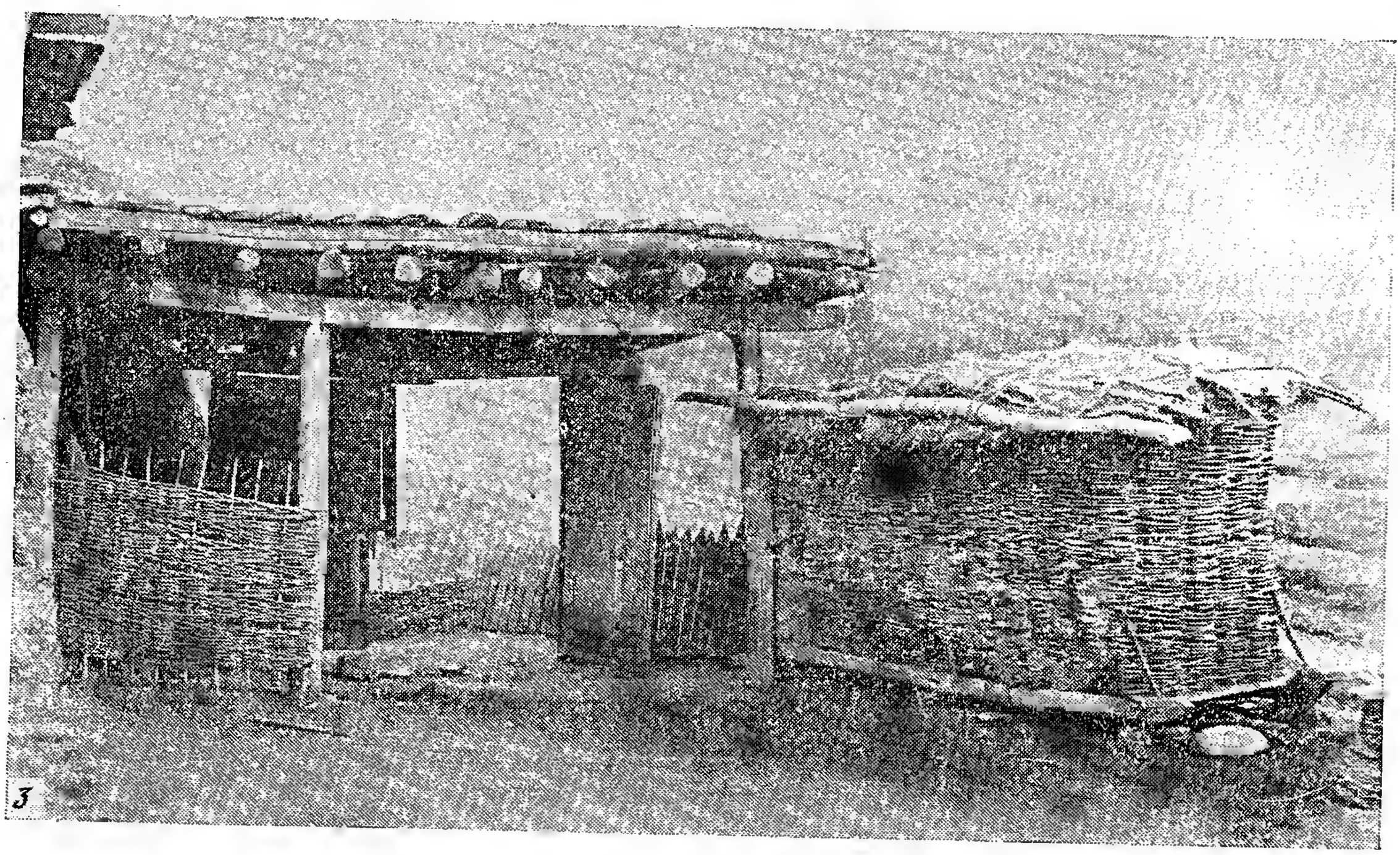
водстве. Так, в 1746 г. член осетинской духовной комиссии, грузинский иеромонах Ефрем, проводивший крещение в горах Осетии, доносил в Синод, что здесь «...сеют больше белый хлеб, есть же и черный, однако больше белый хлеб сеют. Овса имеют довольно много» [119]. Речь идет, по-видимому, о жителях низменных районов, которые, действительно, имели возможность больше сеять пшеницу и рожь.

Рис. 8. Помещения для хранения кукурузы

1, 2 — бжедуги (черкесы). ГМЭ, фото А. А. Миллера, 1910 г.; *3* — с. Лац, 1926 г.

Большой интерес представляют данные Вахушти, характеризующие развитие земледелия в горных и высокогорных районах Осетии, в условиях крайнего безземелья и исключительно сурового климата. «Но плодородность этой страны,— пишет он,— незначительна, ибо никакие другие зерна не родятся, кроме пшеницы, ячменя и овса, по причине холода, позднего лета и ранней осени, но и это не засевается изобильно по малоземелью и скалистой местности, а что сеют, дает весьма обильный и большой урожай, и если ударит град, что бывает тут часто, терпят сильный голод» [120]. Путешественник Штедер останавливался в 1781 г. в селении дигорских феодалов Абисаловых на берегу р. Урсдон. Он писал о занятиях жителей этого предгорного села: «В садах они разводят по примеру кабардинцев бобы, турецкий маис, редьку, огурцы и большое количество обыкновенного зеленого табака; всем этим они торгуют с Моздоком. Они хорошо обрабатывают поля и обменивают излишки на скот у кабардинцев...» [121]. Тот же автор отмечал, что в Куртатинском ущелье «земледелие вполне обеспечивает жителей» [122], а осетины, жившие в предгорных местах, широко употребляли в пищу наряду с другими злаками просо и кукурузу [123].

Сведения Штедера о земледелии у осетин в значительной мере дополняются данными последующих путешественников по Осетии, и особенно Клапрота, совершившего в 1807—1808 гг. поездку по этой стране. Ему мы обязаны первым в литературе детальным описанием горного пахотного орудия (рала), ошибочно именуемого им плугом; по его словам, последний употребляли не только осетины, но и «другие жители Кавказских гор». Клапрот отмечает, что осетины жнут своеобразным зазубренным серпом, дает его описание, описывает осетинскую косу и способы молотьбы и веяния, помещения для хранения зерна. «Они хранят хлеб,— говорит он,— у себя дома в больших корзинах, сплетенных из тонких ветвей». От него же мы узнаем о широком распространении у осетин, как и



у других горцев, водяных мельниц и об их устройстве. Говоря о полеводческих культурах осетин в рассматриваемое время, автор, в частности, отмечал: «Осенью сеют только озимую пшеницу, весной — яровую пшеницу, шестирядный ячмень и изредка овес. Жители селений, расположенных в предгорьях, поля которых находятся в равнинах, не сеют ни овса, ни ячменя, но немного пшеницы, большое количество проса и род зерна, очень похожего на просо, хотя и вдвое ниже его, они называют его гальма, а русские — бор. Осетины сеют также стручковый горох, фасоль, кукурузу, огурцы, коноплю и табак, но все это в незначительном количестве» [124].

Полноценны данные о посевных культурах осетин, приводимые в работе Яновского (вышла в 1836 г.). Автор много лет провел в Осетии, он писал, что горцы сеют ячмень, овес, яровую пшеницу и в небольшом количестве — просо, по-видимому, в предгорных селах. По его словам, овес, созревавший поздно, пропадал иногда под выпавшим в горах снегом. Посевы озимой пшеницы практиковались только в двух ущельях: в Нарском (Центральная Осетия) и Джавском (Юго-Осетия). Наибольший урожай давали ячмень и озимая пшеница — сам от 10 до 15, а также просо — сам 20. Урожай овса в лучшие годы доходил до 10. В описании Яновского в отличие от Клапрота, не встречается упоминаний о посевах кукурузы [125], не находим мы их и у Гакстгаузена, посетившего Осетию в 1843 г. Все это дает нам основание говорить о незначительном распространении здесь в то время этой культуры. Гакстгаузену мы обязаны указанием на существование у осетин в горах террасного земледелия. Он же писал: «В горных долинах сеют озимую и яровую пшеницу, шестиконечный ячмень и небольшое количество овса. В равнинах растет много гомши и других родов проса» [126].

Таким образом, мы можем отметить, что еще в первой половине XIX в. земледелие в горах Осетии стояло на более высоком уровне, чем на плодородной равнине. В горах сеяли почти все важнейшие зерновые: пшеницу, ячмень, овес, некоторые овощи; там практиковали посевы озимой и яровой пшеницы, основные системы земледелия, искусственные террасные поля, удобрения и т. д.

Однако во второй половине XIX в., как мы увидим, соотношение горного и равнинного земледелия резко меняется в пользу равнинного, что было вызвано развитием капитализма и производством на равнине в большом количестве товарного хлеба — пшеницы и кукурузы.

Исторические известия о земледелии у чеченцев и ингушей раньше XVIII в. не дают представления об этой отрасли хозяйства горцев. По данным Е. Н. Кушевой, в русских документах этого времени имеются лишь некоторые указания на существование у чеченцев земледелия не только в горах, но и на равнине — у жителей Окоцкой слободы, находившейся около г. Терского. В 1616 г. в своей челобитной на имя московского царя последние жаловались, что кабардинский князь заставляет их «изделья на него всякие делати, пашни пахати и сена косити» [127].

В результате переселения чеченцев с гор на равнину в течение всего позднесредневекового периода ими были освоены на Сунже и Тереке большие пахотные земли. Уже в XVIII в. главным занятием равнинных жителей Чечни было земледелие. Оно велось с применением основных систем полеводства: залежной, подсечной, плодосменной, осуществлялся полив полей, для чего строились специальные оросительные каналы.

Главными зерновыми культурами на равнине Чечни были пшеница и просо, а в горах — ячмень, овес и пшеница. Возделывавшаяся еще в XVIII в. почти всеми равнинными жителями Чечни кукуруза стала в начале XIX в. самой распространенной культурой [128], проникшей в горные районы. В 1834 г. И. И. Норденстам в своем «Описании Чечни» отмечал, что эта страна имеет перед другими районами Северного Кавказа «то преимущество, что будучи несколько закрыта со стороны севера, она не подвержена тем холодным ветрам и ужасным вьюгам и метелям, которые зимою почти постоянно господствуют в Кавказской области ...Для лучшего урожая чеченцы весною и летом по мере надобности наводняют свои поля, для чего из речек повсюду выведены канавы; это им не стоит больших трудов, потому что рек там много и весьма близки одна от другой». Из возделывавшихся здесь зерновых культур Норденстам отмечает пшеницу, ячмень, просо и кукурузу, причем последние две культуры имели наибольшее распространение, так как они «родятся очень хорошо и не требуют большой разработки земли». Особенно восторженно он отзывается о кукурузных посевах Чечни. «В 1832 г. мне случилось видеть,— говорит он,— в дер. Гехи кукурузное поле, на котором кукуруза была такой величины, что при проходе отряда нашей части конница въехала в одну полосу и всадников не видать было» [129]. По его мнению, такой величины кукуруза не бывает даже в Западной Грузии и Абхазии [130], где она считается главным злаком и возделывается очень давно, с XVI в.

Высокий уровень развития земледелия на чеченской равнине в первой половине XIX в. подтверждается и последующими авторами, в том числе Д. А. Милютиным в его записках «Чеченцы», составленных в 40-х годах XIX в. «Чечня есть одна из лучших частей Кавказа,— пишет он,— климат весьма здоровый... особенно в так называемых Черных горах. На плоскости же, закрытой с севера тоже горами, климат несравненно умереннее, чем в других частях северных плоскостей Кавказа; в Чечне гораздо теплее, чем в Кабарде и земле кумыков: там виноград растет в диком виде, тогда как в Кабарде его нет, потому что Кабарда есть плоскость, открытая с севера, подобно степям Кавказской области» [131].

Такие благоприятные климатические и почвенные условия на равнине Чечни способствовали широкому возделыванию здесь основных зерновых культур: кукурузы, пшеницы, проса, ячменя. Д. А. Милютин отмечает, что в равнинной зоне сеяли преимущественно кукурузу и просо, в то время как в Черных горах преобладали посевы пшеницы и ячменя. О культурах, возделывавшихся в высокогорных районах, автор не пишет, отмечая лишь, что там «пшеница растет дурно». Из данных Милютина мы узнаем, что чеченцы выращивали также значительное количество овощных и бахчевых культур: лук, чеснок, огурцы, арбузы, дыни, тыквы [132]. Значительное распространение имели и сады, особенно в предгорных и горных районах. Наконец, здесь же мы узнаем, что жители равнинной Чечни разводили буйволов специально «для обработки земель». Большое внимание ими обращалось и на орошение полей. «Множество рек, разливающихся в полноводие при таянии снегов в горах,— пишет автор,— оплодотворяют почву. Плоскостная поверхность земли позволяет жителям без большого труда «перекласть канавами во всех направлениях» [133].

Таким образом, подводя итоги, мы можем отметить, что до середины XIX в. на равнине Северного Кавказа земледелие являлось ведущей отраслью хозяйства только у чеченцев. Объясняется это не только наиболее благоприятными климатическими и почвенными условиями чеченской равнины — этой житницы Чечни и всего Восточного Кавказа, но, по-видимому, и тем, что разведение скота считалось здесь (в отличие, например, от кабардинцев и других равнинных жителей) менее выгодным занятием. Кроме того, равнинная Чечня, покрытая большей частью густыми лесными зарослями, не располагала пастбищами для разведения большого количества скота.

Во второй половине XIX в., после окончания Кавказской войны, с развитием капиталистических отношений, земледелие на чеченской равнине вновь получило большое развитие. «Чечня давно слывет житницей Дагестана,— писал Н. А. Вроцкий.— Расположенная у лесных предгорий, на значительной площади с доброкачественною почвою, она, кажется, могла бы поспорить с Самарскою губерниею, если не качеством произрастающей в ней культуры, то количеством произрастающей в ней кукурузы, которую она в 1872 и 1873 годах кормила не только Дагестан, но Персию. В эти годы тавлинцы (горцы.— *Б. К.*) вывозили десятки тысяч арб кукурузы из аулов Шали и Урус-Мартана, главных торговых пунктов Чечни» [134].

Возделывание кукурузы на больших площадях в равнинной зоне Чечни привело к постройке, как будет сказано ниже, оросительных каналов, созданию новых типов сельскохозяйственных орудий для обработки почвы под эту культуру, новых видов помещений для хранения зерна и т. д.

70—80-е годы XIX в. явились переломными для жителей Северного Кавказа, вызвали изменения в главных занятиях горцев. Резко меняется соотношение темпов развития горного и равнинного земледелия в пользу равнинного. Земледелие на равнине становится теперь почти для всех ее обитателей ведущей отраслью хозяйства. Сказанное в равной мере относится и к русским поселенцам, в частности к терским и кубанским казакам, для которых скотоводство также являлось до второй половины XIX в. основным занятием. Вообще развитие земледелия на равнине Северного Кавказа у горцев и русского казачьего населения, живших издавна в близком соседстве и в одинаковых природных условиях, определялось часто общими факторами. Значительным толчком для развития земледелия на равнине было поселение во второй половине XIX в. в Ставрополье, на Кубани и отчасти на Тереке большого количества крестьян, так называемых «иногородних» — выходцев из южных губерний России. По данным Ф. Щербины, в результате массового притока крестьян в течение 16 лет после открытия Владикавказской железной дороги население Кубанской области почти удвоилось [135]. Особенно много крестьян обосновалось на огромных незаселенных просторах Ставрополья. Вот что сообщал очевидец, проезжавший по Ростово-Владикавказской железной дороге: «Огромные степи, раскинувшиеся по обе стороны рельсового пути и продолжающиеся вплоть до Черного и Каспийского морей, по-видимому, во многих местах не знали еще прикосновения плуга... Только редко попадаются места, занятые посевами хлебов — преимущественно пшеницы, ячменя и проса, и еще реже — населенные места» [136].

Переселенцы завезли в край усовершенствованные орудия, новые культуры, новые навыки и приемы земледелия. Уже в 70-х годах в Ставрополье и на Кубани земледелие достигло высокого развития: так, в уездах западной половины Ставропольской губернии под пашней находилось от 33 до 50% общей площади; на Кубани же хлебные запашки возросли с 500 тыс. до 1,5 млн. дес.[137] По данным на 1879 г., вся распаханная земля здесь составляла около 39 500 дес., из них под озимую пшеницу и рожь — 8000 дес., под яровую пшеницу — 9500 дес., овес — 5600 дес., ячмень — 3600 дес.[138] и т. д.

В обзоре Кубанской области за 1896 г. говорилось: «Благодаря именно иногороднему населению Кубанская область обогатилась громадным количеством усовершенствованных земледельческих орудий. Первое появление их совпадает с началом семидесятых годов, когда в область стали прибывать многочисленные переселенцы из внутренних губерний России; они-то и явились для коренных жителей новаторами земледельческой культуры» [139].

Известный исследователь Кубанского казачьего войска Ф. Щербина отмечал, что с 70-х годов земледелие на Кубани вытеснило «прежнее скотоводческое хозяйство» [140]. В отличие от Ставрополья и Кубани гораздо медленнее шла запашка новых земель в Терской области, считавшейся еще в середине 70-х годов XIX в. «страной лугов». Хлебопашество здесь было развито только на чеченской и кумыкской плоскостях. Уже в это время Чечня, как отмечалось, являлась житницей всего Восточного Кавказа. Она поставляла хлеб и русскому казачьему населению области [141]. Объясняется это, по-видимому, тем, что жители чеченской плоскости имели ограниченные возможности для занятия скотоводством из-за отсутствия пастбищных земель, чего нельзя сказать об их соседях — русских казаках и кабардинцах, владевших большими земельными угодьями. Для них скотоводство являлось главным, наиболее легким и выгодных занятием. 70—80-е годы явились поворотными в развитии земледелия и для равнинных жителей Терской области. В этом большую роль сыграли «иногородние» крестьяне с их богатыми земледельческими традициями, втягивание Кавказа во всероссийский рынок, требовавший все большего количества товарного хлеба — пшеницы и кукурузы.

Ежегодные отчеты начальников Терской и Кубанской областей и ставропольского губернатора дают возможность судить о темпах развития земледелия на всей равнинной территории региона. Уже в 1881 г. на Кубани под посевами находилось 1 244 975 дес. земли, а в 1894 г.— 1 696 640 дес.[142] В отчете статкомитета за 1894 г. подчеркивается, что хлебопашество является в Кубанской области «господствующею отраслью сельскохозяйственной промышленности, дает 75% населения главный источник средств для удовлетворения всех своих потребностей» [143]. Быстрый рост посевных площадей наблюдается и в Ставропольской губернии. По подсчетам П. А. Шацкого, за 1880—1884 гг. посевная площадь здесь составляла в среднем 748 тыс. дес., за пятилетие 1895—1899 гг. она составляла уже 1038 тыс. дес., т. е. возросла почти на 39% [144]. Земледелие стало главным занятием и для равнинных жителей Терской области, что явствует из отчета начальника области, в котором отмечается: «Хлебопашество является в ней (в Терской области.— *Б. К.*) самой существенной отраслью частного хозяйства, благодаря которой живет свыше 80% всего населения области» [145].

В целом развитие земледелия на равнине, в частности возделывание на больших площадях пшеницы, кукурузы, ржи и т. д., можно сказать, послужило одной из причин упадка горного земледелия. Горцы перестали заниматься террасным земледелием, требовавшим огромного труда, а стали покупать хлеб на равнине. Главной заботой их стало увеличение поголовья крупного и мелкого рогатого скота, развитие скотоводства в целом, продукция которого приобретала все больший спрос на рынке. Причиной упадка земледелия в горах, особенно в Осетии и Чечено-Ингушетии, послужили также неоднократные переселения горцев с гор на равнину. Первое массовое переселение осетин, чеченцев и ингушей происходило в первой половине XIX в.; в этот период на равнине образовалось много осетинских, чеченских и ингушских сел.

Значительное количество предгорных сел у балкарцев и карачаевцев возникло во второй половине XIX в. Последний, наиболее многочисленный приток крестьян с гор на равнину происходил уже в советское время [146].

В результате переселения опустело не только все высокогорье, многие низменные районы изменили структуру своего расселения.

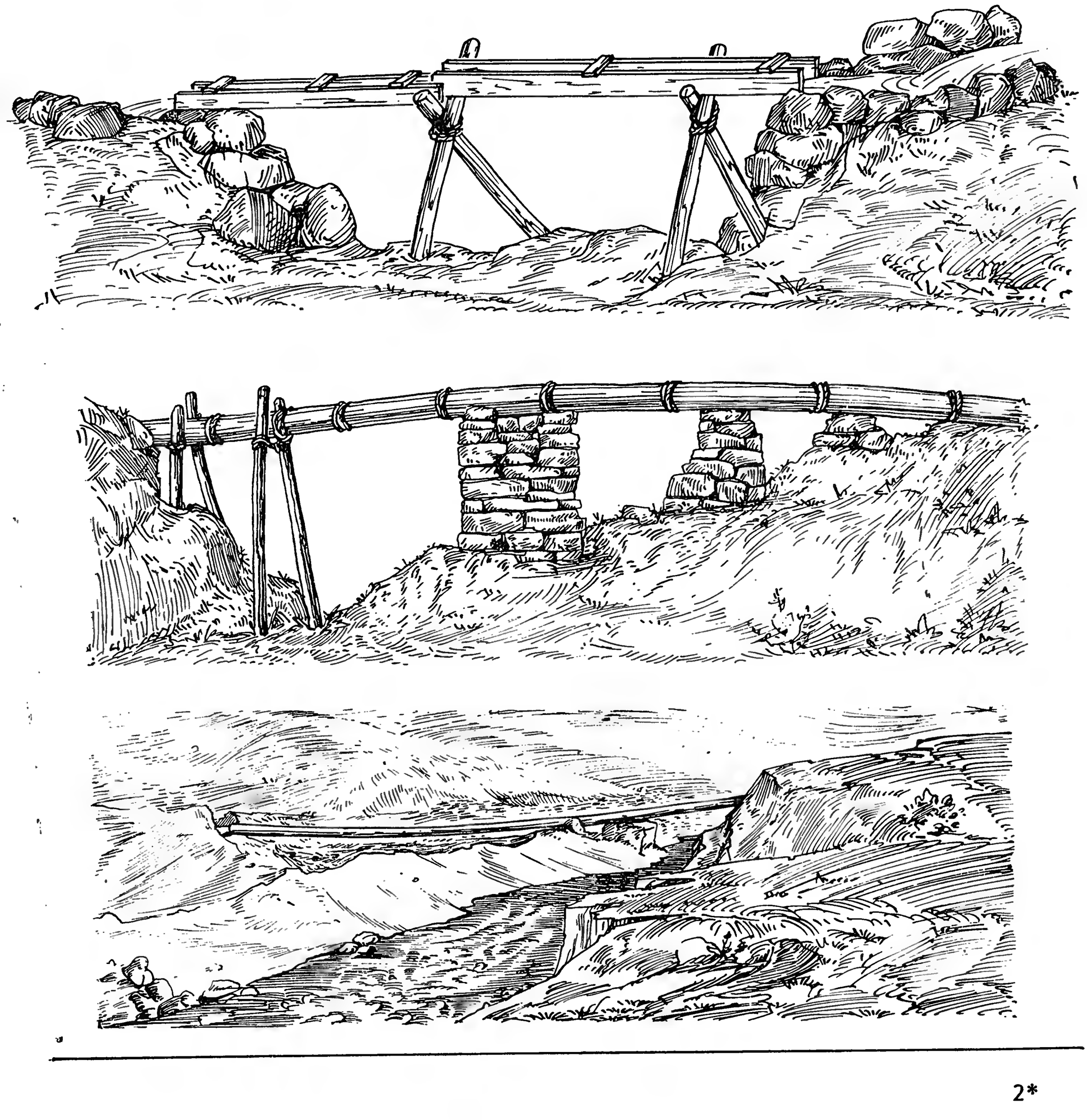
Упадок земледелия в горных районах Кавказа происходил не одновременно и не в одинаковой степени. Следы террасных полей, например, в высокогорных районах Чечни и особенно в верховьях Аргуна, свидетельствуют о том, что здесь эта форма земледелия прекратила свое существование не ранее конца XIX в. У осетин террасные поля начали исчезать в 80—90-е годы. Несколько позже начался упадок земледелия у балкарцев и карачаевцев, основная масса которых оставалась жить в горах. Покупая хлеб на равнине, они также по существу перестали заниматься земледелием. Вот что сообщал учитель И. Хубиев из Большого Карачая про жителей своего родного аула Карт-Джурт: «Обширная хлебородная земля (сабаны) пространством более 500 десятин, принадлежащая жителям Карт-Джурта Хубиевым, Салпагаровым, Узденовым, Батчаевым и Джанказовым, составляющая 2/3 части всего аула, превращается из года в год в бесплодную пустыню, которая никем не обрабатывается, а служит пастбищем... Эта земля как прежде, так и теперь считается самой хлебородной и ценной во всем ауле и могла бы дать прекрасный урожай, если бы вдоволь орошалась водой, как орошаются другие поля Карачая» [147].

Характер земледелия и его развитие на Северном Кавказе зависели от вертикальной зональности, а также от социально-экономического, исторического и этнического факторов. Всю территорию рассматриваемого региона можно разделить на три зоны: 1) высокогорную, расположенную на высоте от 1500 до 3000 м и выше над уровнем моря; 2) горную, поднимающуюся до 1500 м; 3) равнинную. Каждая из этих зон обладала различными климатическими и почвенными условиями, требовавшими определенных культур и даже сортов культур, сельскохозяйственных орудий, навыков и приемов земледелия. Высокогорная зона, особенно Центрального Кавказа, где сосредоточены высочайшие горные вершины Большого Кавказа, покрытые вечными ледниками, характеризуется суровыми климатическими условиями. Зима здесь продолжительная — около 8 месяцев, сопровождается сильными морозами и снегопадами, вызывающими огромные лавины, особенно в верховьях Ассы, Терека, Ардона, Черека, Чегема, Баксана и Кубани. Эти снежные лавины причиняли

большие убытки хозяйству горцев: сносили земельный покров пахотных и сенокосных участков, заносили их камнями. Северные склоны гор отличались особенно глубоким снежным покровом, который удерживался в ряде мест до самого лета, препятствуя нормальной хозяйственной деятельности населения. Высокогорье имело короткое и холодное лето; ливневые дожди часто сменялись заморозками и даже снегопадами, оказывавшими губительное действие на посевы. Этим суровым условиям природы горцы противопоставили созданные ими морозоустойчивые сорта культур, в частности ячменя, являвшегося здесь единственным хлебным злаком.

Горная зона, в отличие от высокогорной, обладает более мягкими климатическими условиями, благоприятствующими возделыванию почти всех видов культурных растений. Причем Западный Кавказ, более поло-

Рис. 9. Оросительные сооружения в Балкарии. С. Былым, 1968 г.



гий, чем районы Центрального и Восточного Кавказа, доступнее для хозяйственного освоения. Здесь земледелие широко сочеталось с возделыванием овощей и плодовых культур, о чем свидетельствуют, например, сохранившиеся до сих пор в горах следы знаменитых черкесских (адыгских) садов [148]. В целом же в горах климат прохладный и влажный. С подъемом на каждые 100 м температура понижается на 0,5—0,6°, увеличиваются осадки [149].

Большим разнообразием отличаются климатические условия равнинной зоны региона, находящейся под воздействием различных воздушных масс, идущих главным образом со стороны Каспийского и Черного морей. Здесь почти каждый район имеет свои климатические особенности. На Чеченской равнине, например, особенно в ее северной части, лето бывает продолжительное, сухое и жаркое, часто дуют сильные ветры-суховеи, зима же — умеренно-холодная. Северная Осетия, окруженная отрогами Главного Кавказского хребта и находящаяся вдали от морей, лишена теплых и влажных воздушных масс. Тем не менее лето здесь, как и в Кабардино-Балкарии, умеренно-жаркое и продолжительное. Не менее разнообразен климат Краснодарского и Ставропольского краев, где степь и лесистые предгорья имеют континентальный климат, горные районы — холодный, а побережье Черного моря — теплый и влажный, субтропический.

Весьма разнообразен почвенный покров Северного Кавказа. По определению специалистов, здесь насчитывается более 50 различных типов почв. Их характер также определяется рельефом местности и вертикальной зональностью. На равнине преобладали черноземы и каштановые почвы, в горной и высокогорной зонах — горнолуговые и горнолесные. Черноземы были распространены по всей низменной зоне на Кубанской, Кабардинской, Осетинской и Чеченской равнинах. Черноземы имелись также в горной зоне, главным образом между Тереком и Кубанью, на высоте от 800 до 1300 м [150]. Здесь эти земли в отличие от равнинных обильно удобряли, а там, где нужно, и орошали. Горнолуговые и горнолесные почвы служили в основном пастбищами [151]. Горная зона отличалась тонким почвенным покровом, который часто уносился снежными обвалами или ливнями. Это служило главной причиной создания здесь искусственных террасных полей.

Г. Вертепов так описывает высокогорную полосу Осетии: «Плодородной почвы почти нет, а если она и создается искусственно, то ничто не может застраховать ее от обвалов, осевов и ливней, нередко смывающих и урожай и самую почву» [152].

Важным событием в жизни горцев было присоединение Кавказа к России. Самым крупным результатом этого можно считать переселение в XIX в. с гор на равнину значительной части осетин, чеченцев, ингушей, отчасти балкарцев и карачаевцев и наделение их землей. Переселение горцев на плодородную равнину сделало земледелие их главным занятием, у них появились новые культуры, сельскохозяйственные орудия, новые навыки и приемы земледелия. Однако в дальнейшем, в связи с захватом равнинных земель Северного Кавказа царскими колонизаторами, распределением их среди кубанского и терского казачьего войска, между помещиками и горскими феодалами, процесс переселения горцев на равнину был прерван. Подавляющее большинство крестьян оставалось жить в горах, испытывая острую нужду в земле.

Важным вопросом для нашей темы является вопрос о землевладении и землепользовании. Известно, что у горцев Северного Кавказа сложились две формы землевладения: частная — в горах и общинная — на равнине. Общинное владение появилось у горцев сравнительно поздно, в основном после их переселения на равнину. У северокавказских горцев существовало и крупное частное землевладение, а у адыгов, осетин и балкарцев — еще и феодальные владения землей [153]. У кабардинцев, как и у их соплеменников — адыгейских племен, в XVI—XVII вв. была особая форма землевладения феодалов — «неразделенные фамильные владения княжеских семей, которые во главе со старшими в семье владели группой деревень. Здесь феодалы и члены их семей выступали верховными собственниками всей земли... князья распоряжались как пахотными землями, так и пастбищами» [154]. В XIX в. и особенно после окончания Кавказской войны русская военная администрация окончательно закрепила огромные земельные владения за горскими феодалами. Много земель было роздано за военные и иные заслуги перед царской администрацией отдельным горским фамилиям, отставным русским генералам и офицерам, чиновникам и т. д.

В Кабарде, например, в результате реформы 1865 г. за князьями и дворянством (259 семейств) было закреплено 121 тыс. дес. лучшей земли, что составляло почти половину сельских наделов. При этом «из 199 семейств 136 получили наделы от 100 до 300 дес., 23 — от 500 до 1000, 6 семейств — свыше тысячи десятин» [155]. Крупные земельные наделы находились в руках феодалов и в Северной Осетии. По данным К. Х. Дзокаева, во второй половине XIX в. здесь 29 хозяйств феодалов (алдар-бадилат), составлявших 0,28% общего количества хозяйств, владели 26 135 дес. земли, или 14% всего земельного фонда. С другой стороны, 4718 крестьянских хозяйств, составлявших 45% общего количества хозяйств, имели лишь 3319 дес., или 1,8% земельного фонда [156].

Самыми крупными осетинскими феодалами были Тугановы, владевшие почти всей равнинной Дигорией. В Чечне после окончания Кавказской войны и раздачи земель частным лицам появилось много крупных землевладельцев. Среди них Косум Курумов и Арцу Чемоев имели по 556 дес., Баше Шамурзаев — 1576,5 дес., Белик — 1017 дес. и т. д.[157]

Таким образом, в результате насильственного захвата земель горцев царскими колонизаторами и горскими феодалами основная масса коренного населения испытывала острую нужду в земле, особенно в горах. «Громадная часть земель и лесов из рук первоначальных владетелей,— писал один из дореволюционных авторов,— перешла в руки победителей и распределялась между казной и чиновниками и казаками. Что касается туземцев, то они обделены землею» [158]. Тот же автор отмечал, что душевой надел казака был в 4,8 раза больше душевого надела землей горца. По подсчетам Максимова, относящимся к 90-м годам, у терских казаков на душу мужского пола приходилась 21 дес., в то время как у кабардинцев — 8,37 дес., а у плоскостных осетин — 5,2 дес., ингушей — 4,3 дес., чеченцев — 4,1 дес.[159] Позже, с естественным ростом населения, а также в связи с постоянным притоком горцев на равнину этот надел значительно уменьшился. Тем не менее обеспеченность землей крестьян на равнине была несравненно лучше, чем в горах. У балкарцев, как и у других горских народов, безземельные крестьяне составляли целые поселения, например Нижний Чегем и Былым, возникшие во второй половине

XIX в. на землях кабардинских князей. Малоземелье и безземелье, суровые климатические условия, плохая почва в горах не давали возможности заниматься не только земледелием, но и главной отраслью хозяйства горцев — скотоводством. Об острой нехватке земель у карачаевцев, живших в верховьях Кубани, не раз писали дореволюционные авторы. Так, Дьячков-Тарасов, хорошо знавший быт этого народа, в 1898 г. писал, что здесь «каждое удобное местечко отведено под посев ячменя; последнего хватает только на $2^1/_2$ месяца, так что карачаевцам приходится покупать хлеб на плоскости» [160].

По сообщениям наших информаторов, в сел. Хурзук жители обеспечивали себя хлебом только на 2—3 месяца. Во многих карачаевских селах на душу населения приходилось меньше четверти дес.: в Учкулане — 0,2, Хурзуке — 0,9, в Теберде — 0,4 и т. д.[161] По определению известного знатока карачаевского быта Умара Алиева, в большинстве карачаевских сел «средний душевой пахотный надел колебался в пределах от 0,1 до 0,2 дес.» [162] Очень часто такие пахотные клочки располагались на горной крутизне, требуя огромного труда для их обработки.

Малоземелье и безземелье было весьма распространено и у балкарцев, населявших труднодоступные ущелья. «Хлебных мест в этих ущельях,— писал Кипиани в 1884 г.,— до того мало, что нужно удивляться, как питается местное население — я полагаю, что в прежнее время промышляли здесь весьма выгодным обменом лучины на просо или даже на хлеб на плоскости, но с введением лесничества едва ли им дозволяется теперь добывать лучину и, кроме того, плоскостные жители стали употреблять теперь для освещения вместо лучины фатаген (керосин.— *Б. К.*)». Автор произвел обстоятельное исследование местного землепользования и выявил наряду с наличием крупных феодальных владений большое число безземельных крестьян [163]. В 1896 г. таких крестьян насчитывалось в Балкарии более 400 дворов. По словам современников, эти крестьяне ждали «с нетерпеньем окончательного разрешения позе-мельного вопроса в надежде получить клочок земли» [164]. «В каждом обществе,— отмечал тогда же Баранов,— найдется довольно много таких жителей, которые не имеют никакой земельной собственности и составляют особый класс, не встречаемый или редко встречаемый в Кабарде». Крестьяне, имевшие обычно небольшие пахотные клочки, находились почти на положении безземельных. Тот же Баранов сообщал, что «большая часть горцев даже в начале зимы принуждена покупать хлеб и сено» [165]. По данным «Абрамовской комиссии», во всех пяти балкарских обществах «при самих скромных расчетах» могли прокормиться хлебом со своих земель только 11 дворов, остальные весь недостающий хлеб получали на кабальных условиях отчасти с земель таубиев (феодалов), а в основном приобретали у равнинных жителей [166].

Уже во второй половине XIX в. балкарцы, гонимые земельным голодом, стали спускаться в предгорья, образуя на землях кабардинских феодалов ряд поселений — Былым, Гунделен, Нижний Чегем, Хасаут и др. Ни одно из этих поселений не имело пахотных земель; они арендовали их у кабардинских князей и соседних казаков.

Малоземелье и безземелье были характерной чертой и всей нагорной Осетии, о чем говорят данные дореволюционных авторов, прежде всего Кипиани. По его данным, основанным на личных наблюдениях, в Закинском обществе (Центральная Осетия) на 1 семейство приходилось 518 кв.

см, а на душу населения — 70,7 кв. см. Вся верхняя часть огромного Алагирского ущелья занимала 52 375 дес., а нижняя — 49 178 дес. В Садонском обществе, располагавшемся в этом ущелье, на семейство приходилось 1765 кв. см, а на душу населения — 257 кв. см. Наряду с таким вопиющим малоземельем во всех обществах осетин было много вообще безземельных крестьян. Одним из таких, например, было Даргавское общество по р. Гизельдон, в котором было 69 безземельных семейств — 530 душ [167]. В конце XIX в., по данным Вертепова, количество земли на душу населения мужского пола в горных обществах Осетии колебалось в пределах от 0,27 до 0,73 дес.[168], а во многих высокогорных районах даже не поддавалось определению, настолько надел был мизерным. По подсчетам упомянутой «Абрамовской комиссии», во многих приходах горной Осетии (Санибаском, Даргавском, Мизурском, Тибском, Нарском и др.) своего хлеба хватало только на полгода, а такие селения, как Тамиск и Биразганг, не могли обеспечить себя хлебом со своих земель даже на 1 месяц [169].

Такое же положение было и в горной Чечено-Ингушетии. По данным «Абрамовской комиссии», в горной Чечне средний пахотный надел земли на душу населения колебался от 0,01 до 0,45 дес. По заключению Н. П. Гриценко, основанном на архивных источниках, чеченцы и ингуши по сравнению с другими горцами Северного Кавказа, кроме осетин, владели наименьшими земельными угодьями [170]. Непригодная для земледелия почва вынуждала чеченцев и ингушей особенно в высокогорных районах, прибегать к сооружению террасных полей. В 70-х годах XIX в. Грабовский, например, наблюдал в горной Ингушетии такие поля, каждое из которых было 10—12 аршин длины и 5 ширины [171].

Таким образом, горная Чечено-Ингушетия имела весьма ограниченные возможности для занятия земледелием. Поэтому малоземельные и безземельные крестьяне вынуждены были прибегать к аренде. Эта форма землепользования получила наибольшее распространение во второй половине XIX — начале XX в. Арендовали пахотные земли исключительно на равнине у помещиков, казачьей верхушки, местных феодалов и кулаков. «Аренда земель на стороне,— писал современник,— сделалась явлением постоянным в Осетии; нет ни одного аула, который бы обходился своею землею» [172]. По сведениям сословно-поземельной комиссии, «ардонцы-осетины еще в 1863 г. уплатили Змейской станице за пахоту 120 руб., Николаевской станице за пастьбу 90 руб., Ардонской за зимовку овец 90 р. ... В настоящее время, спустя 53 года, тот же самый аул [т. е. Ардон] уже расходует на наем земли более 120 руб.» [173] По данным М. В. Рклицкого, перед Великой Октябрьской социалистической революцией фонд арендной пахотной земли в Северной Осетии составлял 129 тыс. дес.[174] Из этого количества жители равнинной полосы арендовывали 10 тыс. дес., а жители горной — 2,5 тыс. дес.[175] В 1899 г. в «Терских ведомостях» сообщалось, что только одна станица Щедринская отдавала в аренду чеченцам более 30 тыс. дес. пахотных и пастбищных земель [176]. Большое количество земель чеченцы арендовали у кумыкских феодалов [177]. Много чеченских и ингушских поселений возникли на арендованных землях казаков. К ним относятся, в частности, хутор Галашкин, возникший в 1887 г. из выходцев горной Ингушетии, хутор Алхун, основанный в 1873 г., и др.[178] Аналогичным образом возникли почти все предгорные селения балкарцев, живших на арендован-

ных землях у кабардинских князей. В горах Балкарии пахотные участки крестьяне арендовали у местных феодалов Таубиевых.

Аренда земель, преимущественно пастбищных, имела широкое распространение и у карачаевцев. Они ежегодно арендовали большое количество таких земель у станичных обществ кубанских казаков.

Условия аренды горцами пахотных земель имели много общего. Земля отдавалась на один год или несколько лет в зависимости от установленного срока переделов общинных земель. Арендная плата в большинстве случаев составляла половину урожая. Широко практиковалась также плата деньгами. В горах арендатор был обязан полить и удобрить арендуемый участок. Существовали и некоторые другие порядки, связанные с арендой земли. В Балкарии, например, при аренде покосного участка арендатор получал только 30% сена, остальное отдавалось хозяину земли. У осетин-горцев за небольшой участок арендуемой пахотной земли платили одного барана или три меры зерна. Здесь, как у других горцев Северного Кавказа, арендатор стремился приобрести в собственность арендуемый участок. Однако, по справедливому замечанию Вертепова, «процесс этот совершался очень медленно, так как земля стоила очень дорого» [179].

Высокая стоимость пахотной земли по всему нагорному Северному Кавказу была вызвана, как говорилось, чрезвычайным малоземельем. В конце XIX в. пахотный участок в Дигорском ущелье стоил от 1200 до 1870 руб.; более худшие земли ценились от 350 до 400 руб.[180] В некоторых местах нагорного Кавказа земля вообще не имела цены и никогда не продавалась. По народной поговорке, «земля стоила того животного, которое на ней могло поместиться».

По обычаю, земля никогда не продавалась членам другого рода или сельского общества; в горах она лишь передавалась по наследству члену семьи или патронимии, а на равнине — подвергалась периодическому переделу между членами сельской общины. При этом переделы земли у горцев, особенно у кабардинцев, владевших большими земельными угодьями, начали практиковаться не ранее середины XIX в., до этого существовало вольное пользование землей. Сначала переделы совершали через 9—11 лет, позже, в связи с естественным приростом населения, срок этот сократился до 2—3 лет.

Порядок передела был более или менее единым у всех горцев. Некоторые черты передела были восприняты ими у соседних русских казаков, сюда относится, в частности, мера веревкой, широко известная еще в древней Руси. Раздел пахотных угодий везде производили выборные от каждого квартала или от всего общества. Разделив землю по числу кварталов и пронумеровав участки, бросали жребий. Затем члены каждого квартала распределяли между собой полученный участок, причем каждый пай отмечался вехами. Таким участком хозяин владел до нового раздела.

При разделе земли учитывалось ее качество, в соответствии с этим и величина пая увеличивалась или уменьшалась. Размер земли определялся двумя категориями десятин. Большие земельные участки измерялись квадратами 40×100 дес., менее распространенной мерой был участок 40×80 дес. До появления русских в качестве меры длины применялась палка в четыре аршина и два вершка. Эта мера длины у кабардинцев называлась «кураг». Измерение земли веревкой широко практиковалось

не только у адыгов, исконных равнинных жителей, но и у осетин, чеченцев, ингушей и др., поселившихся на равнине в основном в первой половине XIX в. А. Цаллагов, описывая в конце XIX в. сел. Гизель — одно из больших равнинных сел Северной Осетии, отмечал: «Делят земли ежегодно весною под пашни и под сенокос. При дележке мерят земли веревкою, межи обозначают камнем» [181].

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о том, что многие черты землевладения и землепользования у горцев имели большое сходство, что объясняется общими географическими, историческими и социально-экономическими факторами. В то же время землевладение и землепользование в горах и на равнине, как мы пытались показать, во многом отличались друг от друга. В горах повсюду существовала частная форма землевладения, возникшая на базе первобытнообщинной. На равнине же практиковалось вторичное общинное владение землей, сложившееся примерно с середины XIX в., и частное землевладение.

*

В общих чертах охарактеризуем деятельность «Кавказского общества сельского хозяйства», сыгравшего большую роль в развитии земледелия и всего хозяйства Северного Кавказа, особенно его равнинной зоны. По инициативе общества и его многочисленных членов (агрономов, ветеринаров, представителей сельской интеллигенции — любителей сельского хозяйства) на местах стали пропагандировать и внедрять в быт горцев первые элементы научной агрономии, развивать такие отрасли хозяйства, как садоводство, огородничество, шелководство и т. д., прививать новые сельскохозяйственные культуры и сорта культур, знакомить с новыми орудиями труда, навыками и приемами земледелия. При своем основании (27 февраля 1850 г.) «Кавказское общество сельского хозяйства» почти целиком состояло из крупных помещиков, князей, главы православной церкви и высших чиновников русской администрации, которые, разумеется, мало смыслили в сельском хозяйстве. Лишь спустя несколько лет общество стало пополняться настоящими специалистами из разных районов края [182]. Они-то и явились новаторами многих дел общества, направленных на улучшение ведения хозяйства населения Кавказа. Деятельность общества по распространению сельскохозяйственных знаний и практическому их внедрению велась по многих аспектам. Большую роль в пропаганде достижений отечественной и зарубежной сельскохозяйственной науки играли регулярно издававшиеся «Записки», «Труды», сборники, ежедневная сельскохозяйственная газета [183], в которых печатались интересные статьи и советы по различным вопросам сельского хозяйства. Общество пыталось организовать издание газет на некоторых языках народов Кавказа. Однако такое издание удалось осуществить только на грузинском языке: в 1871 г. вышел «Сельский листок» в количестве 450 экз. Значительная часть тиража отправлялась бесплатно сельским школам. О главной цели этой газеты говорилось так: «В видах распространения сельскохозяйственных сведений между крестьянским населением Грузии, не знакомым с русским языком, общество издает... газету на грузинском языке». По инициативе общества и при его непосредственном участии в различных районах были открыты специальные

школы и курсы для обучения крестьян и их детей сельскохозяйственным знаниям [184].

Среди школ, открытых в 70-х годах XIX в., особой известностью пользовалась так называемая Лочинская (уроч. Лочино в Грузии) земледельческая школа, в которой преподавал известный своими печатными работами агроном Геевский, и Владикавказская ветеринарная школа. Немало земледельческих школ было открыто частными лицами — энтузиастами из местной интеллигенции. Одним из таких, например, был коллежский секретарь Шиманчевский, который открыл в своем саду, расположенном недалеко от Владикавказа, вольную школу; в ней он бесплатно обучал детей горцев садоводству, огородничеству, пчеловодству, а также русской грамоте. «В городе Владикавказе,— писал он,— почти нет фруктовых деревьев. Черешни и айвы жители неохотно или вовсе не производят (таковых) в том убеждении, что здешний климат неблагоприятен для них» [185]. В том же Владикавказском округе на р. Камбилеевка агроном Бушек открыл школу садоводства и огородничества, в которой обучались 23 человека, в том числе 3 русских, 10 осетин, 8 ингушей, 1 чеченец и 1 грузин. Начальник Терской области ходатайствовал о поощрении агронома Бушека за разведение «в таком изобилии и столь замечательных фруктовых деревьев» близ г. Владикавказа. В документе отмечается, что Бушек вывел «по вкусу прекрасных сортов яблок и груш» не только во Владикавказе, но и в Тифлисе [186].

В 1879 г. в Тифлисе в зале «Кавказского общества сельского хозяйства» экспонировались сорта яблок и груш, выведенные Бушеком во Владикавказе и считавшиеся одними из лучших на Кавказе. Владикавказские яблоки и груши приобрели широкую известность, их вывозили даже в Москву и Петербург. Широкий сбыт указанных плодов вызвал в свою очередь увеличение садов. По данным агронома В. Н. Геевского, в 1888 г. в окрестностях Владикавказа имелось «свыше 400 десятин прекрасных садов». Главное внимание здесь «обращено на культуру зимних сортов яблок и груш, ввиду годности их для дальней перевозки и сохранения на продолжительное время без порчи, что облегчает торговлю этим товаром» [187].

Одним из важных мероприятий «Кавказского общества сельского хозяйства» по оказанию практической помощи земледельцам было создание в 70-х годах во всех областях и губерниях Кавказа опытных станций, семеноводческих пунктов и животноводческих ферм для обеспечения крестьян лучшими сортами семян и породами скота [188].

Большое значение имели регулярно проводившиеся обществом сельскохозяйственные выставки. Так, в отчете общества за 1872 г. отмечалось, что для лучшего ознакомления с состоянием хозяйства Северного Кавказа необходимо устройство в Екатеринодаре, Ставрополе, Владикавказе и Пятигорске очередных выставок и съездов. «В Екатеринодаре уже было две выставки и в настоящем году предполагается третья — при содействии императорского вольного экономического общества» [189]. Выставка 1866 г. размещалась «в зданиях Екатериноградской крепости», на ней были представлены все возделываемые на Кубани зерновые, овощные, бахчевые и садовые культуры, все виды домашней птицы и скота, молочные продукты, а также «казачье и горское тканье», изделия из дерева, земледельческие орудия и машины, в том числе сохи, плуги, рала. косули, бороны, молотилки, веялки, грабли, заступы и т. д.[190]

Подобные выставки преследовали одну цель — показать лучшие достижения различных отраслей хозяйства и способствовать их повсеместному распространению [191]. Об этом, например, подробно было сказано при открытии очередной выставки 1875 г. в Екатеринодаре: «Цель учреждения выставки — поощрить жителей Кубанской области к развитию и улучшению земледелия и различных отраслей сельского хозяйства, а также ознакомить их с земледельческими машинами и орудиями и усовершенствованными приемам обработки земли» [192]. Примерно такие же задачи преследовала и первая Терская сельскохозяйственная выставка, открывшаяся в 1898 г. во Владикавказе. Ее организаторы призывали население принять посильное участие в выставке или просто посетить ее «для расширения кругозора и улучшения своего хозяйства», ибо здесь каждый увидит «лучшие породы скота и лошадей, лучшие фрукты и овощи, различные хлебные и промышленные семена, образцы ульев меда, воска и шелковичных коконов, а в объяснениях и беседах сведущих руководителей услышит, где что применить и как завести можно» [193]. Из Урусбиевского общества Балкарии сюда были доставлены наряду с породистыми баранами дикие туры, а из ногайских степей — кибитка «с предметами полной хозяйственной обстановки ногайского быта». В отделе животноводства, указывает современник, параллельно стояли породы местного горского скота, простого русского, помеси их с улучшенными породами. «Разве внимательный хозяин,— говорит он,— не мог не заметить разницу живого веса тех и других, молочности и, следовательно, доходности и выгоды для хозяйства»; отмечалось также, что выставка ежедневно привлекала большое число посетителей, для которых читались лекции на различные сельскохозяйственные темы: «О возделывании клещевины», «О промышленном огородничестве на Северном Кавказе», «О болезнях виноградной лозы в Терской области», «Условия организации доходного молочного хозяйства» и т. д.[194]

Наряду с общекавказскими и отдельными региональными выставками по инициативе «Кавказского общества сельского хозяйства» Кавказ неоднократно представлялся и на всероссийских и всемирных выставках. Так, в 70-х годах Кавказ был представлен на международных выставках: в Вене (1872) [195], Филадельфии (1876), Амстердаме (1877) [196], Париже (1878) и др.[197] Во второй половине XIX в., с освоением новых земель, особенно в Ставрополье и на Кубани, встал вопрос о необходимости орошения засушливых районов региона путем создания артезианских колодцев и проведения оросительных каналов. О необходимости строительства оросительных каналов в Ставрополье и принятии ряда других мер, направленных на разитие земледелия, ставили вопрос и в статье местного агронома П. Кузьмина, напечатанной в 1878 г. в газете «Кавказ» (№ 200). Говоря о засухе, повторявшейся в губернии почти ежегодно, причиной которой, по мнению автора, являлось истребление лесных массивов, он пишет: «Во многих местах возможно было бы с небольшими средствами, доступными крестьянскому быту, провести оросительные каналы, развести хоть небольшие рощи и произвести множество мелких улучшений как в обработке земли, в улучшении земледельческих орудий, в способах снятия хлеба, молотьбы и самого хранения... Агроном,— пишет он далее,— должен уметь показать крестьянам и лучшую обработку земли, уход за скотом, разведение садов, а также устройство мельничных и ирригационных плотин». Автор обращает внимание на необходимость оказания помо-

щи оседлым калмыкам, туркменам и ногайцам губернии в освоении ими земледельческих занятий. «Поселенцы просят, чтобы их учили, но учить их некому, и их поселения остаются в том же первобытном состоянии, в каком они были до отвода земли, и скорее беднеют, чем богатеют, вследствие перемены своего образа жизни» [198]. Это подтверждается и нашими полевыми этнографическими данными, касающимися, в частности, ставропольских оседлых ногайцев, у которых земледельческие традиции формировались не под влиянием русских, а под влиянием адыгов (черкесов). Основным пахотным орудием, например, у ногайцев был адыгский тяжелый передковый плуг, применявшийся также многими горцами на равнине региона.

Одним из важных достижений Кавказского общества сельского хозяйства было создание им в конце XIX в. отдела практического садоводства, имевшего уже в это время в своем составе более 250 садоводов. Отдел имел свой печатный орган — «Вестник», который широко пропагандировал новые достижения в данной отрасли хозяйства [199]. Важную роль в распространении сельскохозяйственных знаний, особенно в области плодовых культур и виноградарства, играла Тифлисская школа садоводства, основанная в 70-х годах XIX в. В документе говорится, что эта школа была обязана давать своим слушателям не только необходимые сведения «по садоводству, виноградарству и по другим отраслям сельского хозяйства», но и научить их «на практике приемам работы» [200]. Однако, естественно, благотворительная деятельность общества не могла существенно повлиять на улучшение хозяйственной жизни и быта горцев.

Известно, что до революции на Кавказе не было ни одного высшего учебного заведения. Решение этого вопроса, как и открытие ряда профессиональных средних школ, неоднократно ставилось перед царской администрацией передовыми представителями кавказской интеллигенции. Одним из ярких поборников образования был Коста Хетагуров. В 1897 г. в статье «Накануне», опубликованной в газете «Северный Кавказ», он прямо указывал, какой институт надо открыть на Кавказе на первых порах. «Таким высшим учебным заведением,— пишет он,— мог бы быть учрежденный в крае политехнический институт с сельскохозяйственным и горным отделениями. Такой институт, вооруженный всеми средствами для правильной научной постановки соответствующих опытов в сфере сельскохозяйственной, обрабатывающей и горнозаводской промышленности, вдохнул бы новую жизнь во всю промышленную деятельность края» [201]. Исключительно важное значение для развития всех отраслей хозяйства горцев Коста Хетагуров придавал открытию сельскохозяйственных школ: «При полном отсутствии на Кавказе сельскохозяйственных школ, которые могли бы послужить живыми и обильными источниками распространения знаний между пытливыми и любознательными от природы горцами, и при крайней недостаточности существующих для них министерских школ общеобразовательного характера, население горское предается мирному земледельческому или скотоводческому труду соответственно с нормой своего земледельческого довольства, порываясь достигать и все более и более осуществлять многие начала интенсивной сельскохозяйственной и земледельческой деятельности» [202].

Однако заветные мечты Коста Хетагурова и его единомышленников могли сбыться только после победы Октября, покончившей навсегда с социальным неравенством и национальным гнетом. Уже в первые годы

Советской власти на Северном Кавказе по декрету В. И. Ленина были созданы три сельскохозяйственных вуза: Кубанский (г. Краснодар), Ставропольский (г. Ставрополь) и Горский (г. Владикавказ, ныне Орджоникидзе), сыгравших большую роль в подготовке высококвалифицированных специалистов по различным отраслям сельского хозяйства. Для национальных республик и областей региона особое значение имел Горский сельскохозяйственный институт, где обучались в основном представители коренных национальностей Северного Кавказа. Только за период с 1918 по 1968 г. этот институт подготовил 10 тыс. специалистов. В 1969 г. в нем обучалось 5 тыс. студентов 30 национальностей [203].

Наряду с этим в изучаемом регионе были созданы средние сельскохозяйственные учебные заведения, а также опытные станции, проводившие большую работу по созданию новых высококачественных и высокоурожайных сортов зерновых, овощных и плодовых культур. Особо следует отметить в этом отношении Владикавказскую (с 1948 г.— Северо-Осетинскую) государственную сельскохозяйственную опытную станцию, основанную в 1928 г., и Майкопскую опытную станцию Всесоюзного института растениеводства, организованную Н. И. Вавиловым в 1930 г. Первая опытная станция обслуживала Северную Осетию, Кабардино-Балкарию и Чечено-Ингушетию; деятельность второй охватывала весь Северо-Западный Кавказ. После Великой Отечественной войны опытные станции и опорные пункты были организованы почти во всех национальных республиках и областях региона. Главная их задача состояла в том, чтобы создавать новые высококачественные сорта культурных растений с учетом местных климатических и почвенных условий. Такие сорта часто создавались, особенно в районах Центрального и Восточного Кавказа, путем скрещивания новых сортов со старыми местными сортами [204].

В больших масштабах в течение многих лет ведется селекционная работа на Майкопской опытной станции. Земельные угодья станции в 1970-х годах насчитывали 1970 га [205]. Климатические и почвенные условия позволяют здесь успешно выращивать овощные, плодовые и полевые культуры, создавать новые высококачественные сорта этих культур и широко внедрять их в производство колхозов и совхозов края.

Главное внимание большого коллектива станции обращено на осуществление программы по сбору, сохранению и изучению полезных растений, снабжению ими исследовательских учреждений для практической селекции [206]. Ассортимент плодово-ягодных культур предгорной зоны Краснодарского края в основном состоит «из сортов, выделенных из коллекции Майкопской опытной станции». Среди выведенных сортов летних и зимних яблок и груш особенно славился зимний сорт яблок «джонатан», занимавший большую территорию в указанной зоне и отличавшийся высокой урожайностью, отличными вкусовыми качествами. Большое распространение получили и сорта других плодовых (сливы, алычи, черешни, вишни) и ягодных культур, также выведенные в Майкопском питомнике [207].

Майкопская опытная станция превратилась в один из крупных научных центров, оказывающих непосредственную практическую помощь труженикам села, ведущих большую пропагандистскую работу среди специалистов сельского хозяйства.

Таким образом, после Великого Октября в крае началось осуществление ленинской аграрной программы, было обращено, в частности, серьез-

ное внимание на то, чтобы поставить земледелие на научную основу, подготовить армию специалистов для сельского хозяйства.

В период коллективизации началась большая работа по механизации трудоемких процессов в земледелии (пахоты, уборки, молотьбы и т. д.). Весьма памятно поколению 20—30-х годов появление в горских селах и аулах первых тракторов. Это был небольшой двухколесный трактор типа «Фордзон», изготовлявшийся Ленинградским заводом им. Кирова [208].

Уже до Великой Отечественной войны все главные процессы земледелия (пахота, боронование, молотьба, веяние и т. д.) были полностью механизированы. Из традиционных земледельческих орудий на равнине сохранились лишь мотыги, которыми обрабатывали сады, огороды, а в ряде случаев и кукурузные поля. Для хранения зерна широко применялись наряду с амбарами и прежние приспособления — плетеные сапетки, деревянные ящики, дупла и т. д. Крупным событием в жизни равнинных жителей явилась постройка оросительных каналов, что позволило создать даже в засушливых районах ряд новых отраслей хозяйства (садоводство, огородничество, бахчеводство), расширить посевы зерновых культур. Поля на равнине стали удобрять органическими и химическими веществами.

Однако в результате массового переселения крестьян с гор на равнину горное земледелие пришло в упадок, особенно в высокогорной зоне. В настоящее время пахотные и сенокосные угодья не используются по назначению, особенно в высокогорных районах Осетии и Чечено-Ингушетии. Пашни, в прошлом занятые здесь под ценнейшие культуры — пшеницу, ячмень, картофель и т. д., заброшены. Используемые в течение многих лет как пастбища или сенокосы, они естественно, теряют свои плодородные качества. В то же время альпийские пастбища часто остаются неиспользованными. Такое бессистемное землепользование ведет к эрозии земли, сокращению всех видов земельных угодий.

В последние годы, в свете решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС и директив партии по аграрной политике, принимаются решительные меры для возрождения и развития всех отраслей общественного сельского хозяйства в горных районах Северного Кавказа, повышения урожайности зерновых и технических культур. Важное значение имеет создание в г. Орджоникидзе Северо-Кавказского института горного земледелия, призванного оказывать необходимую помощь сельскому хозяйству региона. Институтом подробно изучаются климатические и почвенные условия каждого ущелья и микрорайона с целью определения оптимальных возможностей размещения в них культур и отдельных отраслей.

Проведенные нами исследования, в частности, показывают, что наибольшая стабильность состава культур наблюдается в Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. В горных районах Чечено-Ингушетии наибольшее распространение получил, наряду с зерновыми и картофелем, табак. По эффективности производства табак намного превышает другие возделываемые здесь культуры. Колхозы Ножай-Юртовского, Веденского, Советского районов республики, например, от производства табака получают в среднем более 1600 руб. с 1 га, а в отдельные годы — до 2 тыс. руб.[209] Однако посев табака, как и возделывание других высокоурожайных в условиях гор культур, не получил еще повсеместного распространения. «Мы полагаем,— писал Н. И. Вавилов в 1939 г. на основании личных наблюдений,— что такие культуры, как картофель, редис, репа, могут быть хотя бы в отдельные годы выращиваемы даже по северному

склону Мамисонского перевала на высоте 2800 м». Ученый настаивал на резком увеличении посевных площадей картофеля. «Практика культуры Кабардино-Балкарии, Осетии и горных районов Ставропольского и Краснодарского края,— писал он,— показывает исключительную перспективность картофелеводства в горных районах для обеспечения картофелем промышленных и населенных центров». Н. И. Вавилов считал, что овощные культуры в горах Северного Кавказа «могут быть продвинуты до крайних пределов, почти до ледников и вечных снегов» [210].

Для развития овощеводства в горах ученый считал необходимым создать позональные овощные семеноводческие хозяйства, способствующие распространению овощных культур. И действительно, еще до Великой Отечественной войны жители горных районов стали повсеместно разводить наряду с традиционными и такие малознакомые горцам культуры, как капуста, морковь, редис, репа и др. При этом из новых культур наибольшее распространение получила капуста, особенно в горной Балкарии, где она стала важной доходной отраслью, в том числе и для жителей высокогорных сел.

До войны значительное развитие в горах Северного Кавказа имело и садоводство. Н. И. Вавилов, проезжая по Алагирскому ущелью Северной Осетии, находил здесь в колхозе Цей около Цейского ледника на высоте 1900 м «отдельные деревья высокоценных сортов яблони». Отмечая, что в этих местах могут произрастать и другие виды плодовых деревьев, в частности слива, он полагал, что плодоводство в целом «может быть продвинуто на высоту 1500—1700 м и даже выше на наиболее защищенные участки» [211].

В целях успешного развития садоводства в горах неотложным мероприятием является рациональное использование диких зарослей плодовых деревьев, широко распространенных на Северном Кавказе. На территории западных адыгов, в пределах Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии имеются десятки тысяч гектаров диких плодоносных деревьев, пригодных, по определению специалистов, для прививки, дающих огромное количество плодов и ягод.

Таким образом, возрождение и развитие горного земледелия на Северном Кавказе является важной хозяйственной задачей, требующей для своего осуществления ряда серьезных мероприятий. Одним из них можно считать прекращение дальнейшей миграции населения с гор. Однако для этого требуется создание в горах таких условий жизни, которые бы вызывали приток населения в горные районы. Для этого, вероятно, следует провести в горы шоссейные дороги, электричество, обеспечить потребности горного населения промышленными и продовольственными товарами, создать культурно-просветительные центры.

Не менее важным является определение эффективной специализации сельскохозяйственного производства горных районов с учетом местных почвенно-климатических, рельефных, экономических и других условий.

Задача заключается в том, чтобы принять самые срочные меры по сохранению всего земельного фонда в горах, улучшению плодородия земель, особенно пахотных и сенокосных участков.

Для решения этого комплекса задач необходимо участие всех специалистов, в том числе этнографов-кавказоведов, располагающих обширными материалами о быте и традиционной хозяйственной деятельности горцев.

[1] См.: Известия АН СССР, 1957, № 5, с. 598; *Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений.— В кн.: *Вавилов Н. И.* Избр. труды. М., Л., 1965. Т. 5; *Он же.* Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований.— В кн.: Доклады советских делегатов на II Международном конгрессе по истории науки и техники (Лондон, июнь 1931 г.). М.; Л., 1932; *Он же.* Дикие родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев.— В кн.: *Вавилов Н. И.* Избр. труды. М.; Л., 1965. Т. 2.

[2] *Якубцинер М. М.* Сортовые и видовые пшеницы мира и их использование.— В кн.: Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов. М.; Л., 1966; *Синская Е. Н.* Историческая география культурной флоры. Л.; 1969; *Жуковский П. М.* Культурные растения и их сородичи. М.; 1971; *Лисицына Г. Н., Пришепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977 и др.

[3] *Лисицына Г. Н., Пришепенко Л. В.* Палеоэтноботанические..., с. 19, 20.

[4] *Вавилов Н. И.* Горное земледелие Северного Кавказа, с. 598.

[5] *Покровский М. В.* Адыгейские племена в конце XVIII — первой половине XIX в.— КЭС, 1958, т. 2, с. 95.

[6] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 312; *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с. 18; *Лавров Л. И.* Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в.— МИЗ, 1952, т. 1, с. 182; *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы II тысячелетия до н. э. М., 1960, с. 134; *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

[7] *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 382.

[8] *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 314; *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, 1951, № 23.

[9] На многих археологических памятниках Северного Кавказа А. А. Иессеном были обнаружены следы плавки меди. Многочисленные медные и бронзовые серпы найдены в разное время археологами в кладах и поселениях региона. Среди них Боргустанский клад в районе г. Ессентуки, открытый в 1941 г. Н. М. Егоровым; в нем обнаружено 13 медных серпов. Известны находки медных серпов в кладах: Бекевском, Учкуланском, Агурском и др. (*Иессен А. А.* Прикубанский очаг..., с. 86—95). В 1938 г. 30 таких серпов найдены в кладе у русла р. Гиляч (*Минаева Т. М.* Очерки по археологии Ставрополья. Ставрополь, 1965, с. 29). Находки бронзовых серпов известны на Луговском поселении (Чечено-Ингушетия), из могильника Фаскау в Дигорском ущелье, на Змейском поселении (Северная Осетия), из могильника у горы Бык, а также из других пунктов Кабарды и Пятигорья (Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967, с. 9; *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 313; *Чеченов И. М.* Древности..., с. 32, 39).

[10] *Мунчаев Р. М.* Кавказ.., с. 381—382.

[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 162—163.

[12] *Крупнов Е. И.* Древняя история ..., с. 313.

[13] См.: *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975, с. 122, 123, 173—181.

[14] *Геродот.* История. Л., 1972, с. 191.

[15] *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, с. 23, 143.

[16] *Покровский М. В.* Городища и могильники Среднего Прикубанья.— Труды Краснодарского пед. ин-та, 1937, т. VII, вып. 1, с. 8.

[17] См.: *Артилаква В. Г.* Железообрабатывающее ремесло древней Грузии. Тбилиси, 1976, с. 90.

[18] *Анфимов Н. В.* Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья.— МИА, 1951, № 23, с. 148.

[19] *Трапш М. М.* Труды. Т. 2, с. 232; *Артилаква В. Г.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 90—91, табл. 39, рис. 1.

[20] *Анфимов Н. В.* Земледелие..., с. 150. Найденные им два типа железных серпов генетически связаны между собой. Первый, хронологически более ранний (IV—III вв. до н. э.), имеет небольшое слабоизогнутое лезвие (длина 0,15—9,17 м, ширина 0,02 м), переходящее под углом в прямоугольный в сечении стержень (длина 0,10—0,12 м), служивший основой для деревянной рукоятки. Такие серпы были найдены в 1935 г. в могильниках у станиц Елизаветинской и Пашковской. Серпы второго типа (I–III вв. н. э.), намного более совершенные, весьма близки по форме и размерам к современным. Такой серп имеет большое изогнутое лезвие, рабочая часть его значительно длиннее вследствие того, что укорочен стержень рукоятки. Серпы этого типа найдены на обширной территории Кубани.

в ряде мест г. Краснодара, у станиц Тбилисской, Казанской, Усть-Лабинской.

21 *Там же.*

22 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 313.

23 См.: *Городцов В. А.* Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г.— СА, 1936, № 1, с. 177.

24 *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы, с. 23.

25 См.: *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 314; *Анфимов Н. В.* Земледелие..., с. 151.

26 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с 314.

27 *Анфимов Н. В.* Земледелие..., с. 150. По своему устройству ямы отличались некоторым своеобразием: на Алхастинском поселении они прямоугольной формы, на Змейском — колоколовидной. В Прикубанье и Приазовье, по словам Н. В. Анфимова, «подавляющее большинство ям имеет форму усеченного конуса, расширяющегося книзу». Встречаются здесь ямы и цилиндрической формы. В 1936 г. при раскопках городища близ станицы Усть-Лабинской на площади в 50 кв. м было обнаружено восемь конусовидных и цилиндрических ям. Как показывает исследование, большинство составляли конусовидные ямы. Такая яма имела в основном глубину 1,60—1,80 м и диаметр 1,65 м. На стенках некоторых ям обнаружены следы глиняной обмазки. Для хранения зерна наряду с ямами использовали пифосы, глиняные миски, горшки, грушевидные сосуды. Пифосы находили исключительно на меото-сарматских городищах.

28 *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 79.

29 *Анфимов Н. В.* Земледелие..., с. 151.

30 *Блаватский В. Д.* Земледелие..., с. 77, 79.

31 *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959, с. 142.

32 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 314.

33 *Жуковский Н. М.* Введение.— МИЗ, 1956, т. 2, с. 7.

34 *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 315; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, с. 19—20.

35 *Страбон.* География в 17 книгах. М., 1964, с. 479; *Покровский М. В.* Адыгейские племена..., с. 94; *Блаватский В. Д.* Земледелие..., с. 91, 94, 109.

36 *Якубцинер М. М.* К истории культуры пшеницы в СССР.— МИЗ, 1956, т. 2, с. 84.

37 *Анфимов Н. В.* Земледелие..., с. 147—148; *Флаксбергер К.* Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю.— КСИИМК, 1940, VIII, с. 117—119.

38 *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство..., с. 135, 189; *Бахтеев Ф. Х.* К истории культуры ячменя в СССР.— МИЗ, 1956, т. 2, с. 215—220.

39 Из неопубликованной рукописи Н. В. Анфимова, которая любезно была предоставлена мне ее автором.

40 *Лавров Л. И.* Развитие земледелия..., с. 134.

41 *Страбон.* География, с. 479.

42 Там же.

43 Там же, с. 468.

44 Там же, с. 471.

45 *Блаватский В. Д.* Земледелие..., с. 91.

46 *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 21—29.

47 *Минаева Т. М.* К истории земледелия на территории Ставрополья.— Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1960, вып. 10, с. 269—270; *Она же.* Городище Адиюх в Черкесии.— КСИИМК, 1955, № 60, с. 110—119.

48 *Минаева Т. М.* Городище..., с. 269.

49 *Иессен А. А.* Кызбурунский клад.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М., 1941, с. 235.

50 *Артамонов М. И.* Саркел — Белая вежа.— МИА, 1958, № 62, с. 66.

51 *Иессен А. А.* Кызбурунский клад, с. 235.

52 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, с. 19.

53 История Северо-Осетинской АССР, с. 63; Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии.— В кн.: Труды археологической экспедиции 1953—1957 гг. Орджоникидзе, 1961, с. 27.

54 *Минаева Т. М.* Городище..., с. 273.

55 *Покровский М. В.* Адыгейские племена..., с. 95.

56 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, с. 19.

57 *Покровский М. В.* Адыгейские племена..., с. 95.

58 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, с. 19; *Чеченов И. М.* Древности..., с. 54, 55, 64; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971.

59 См.: Археологические раскопки в районе Змейской, с. 110.

60 *Пиотровский Б. Б* Ванское царство, с. 139.

61 *Минаева Т. М.* Городище..., с. 276.
62 В 1967 г. эта ручная мельница была зафиксирована нами.
63 *Пчелина Е. Г.* Осетинская мельница «къада куырой».— ИСОНИИ, 1966, т. XXV.
64 *Чеченов И. М.* Древности..., с 48.
65 *Минаева Т. М.* Городище..., с. 271.
66 *Чеченов И. М.* Древности..., с. 50.
67 Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 24.
68 *Веселовский Е. А.* Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев. СПб., 1870, с. 16, 19; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Сост., ред. переводов, введ. В. К. Гарданова. Нальчик, 1974, с. 32, 42.
69 *Минаева Т. М.* Городище..., с. 271.
70 Там же, с. 272.
71 *Вавилов Н. И.* Горное земледелие...
72 См.: *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, Т. 1, с. 231
73 Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 42.
74 Там же, с. 54
75 Записки Одесского общества истории и древностей, 1902, т. XXIV. с. 126; Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 65.
76 Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 74.
77 Там же, с. 71.
78 Там же, с. 106.
79 *Пейсонель М.* Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 гг. Краснодар, 1927, с. 14—18; Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 179—203.
80 Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 206.
81 Там же, с. 219.
82 *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII в. М., 1963.
83 Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв. М., 1957. Т. 1—2.
84 *Кушева Е. Н.* Народы..., с. 99.
85 Кабардино-русские отношения, т. 2, с. 160.
86 *Кн. Баратов Т. Г.* О природе и хозяйстве Кабарды.— Кавказ, 1860, № 73; *Б-нов Е.* По поводу эксплуатации кабардинцами частновладельческих земель.— ТВ, 1891, № 99; *Белобородов А.* Земледелие Терской области.— ТВ, 1895, № 111.
87 *Клинген И.* Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1892; *Герко И.* Что нужно для развития хозяйства за Кубанью.— Кубанские войсковые ведомости, 1896, № 9, 10; *Дьячков-Тарасов А.* Абадзехи.— ЗКОРГО, 1902, кн. XII, вып. 4.
88 *Тхагушев Н. А.* Адыгейские (черкесские) сорта яблони и груши. Майкоп, 1948.
89 *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967, с. 61—111.
90 Там же, с. 56—61.
91 *Лавров Л. И.* Развитие земледелия..., с. 213—215.
92 *Покровский М. В.* Адыгейские племена..., с. 96.
93 Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 184.
94 *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч. 2, с. 133—134.
95 Описание некоторых в Малой России употребительных плугов (из путешествий Гильденштедта).— Технический журнал, 1904, т. 1, ч. 2.
96 Записки о Черкессии, сочиненные Хан-Гиреем, ч. II. СПб., 1836, л. 39—39 об. Рукопись хранится в Библиотеке ЦГВИА под шифром 7 (Г-51).
97 *Кушева Е. Н.* Народы..., с. 100.
98 Записки о Черкессии, ч. II, л. 38 об.—39.
99 Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 368.
100 *Броневский С.* Новейшие..., с. 133—134.
101 *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1947, с. 36.
102 *Декапрелевич Л. Л.* Из истории культуры кукурузы в СССР.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства, 1956, сб. II, с. 371; *Калоев Б. А.* Земледелие у горских народов Северного Кавказа. (Некоторые итоги работы над Кавказским историко-этнографическим атласом).— СЭ, 1973, № 3, с. 50—51.
103 Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 318.
104 Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.). Сост., вводная статья и прим. Б. А. Калоева. Орджоникидзе, 1967, с. 172.
105 Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 269.
106 Там же, с. 368, 617.
107 Там же, с. 368.
108 Там же, с. 497.
109 Там же, с. 535.
110 *Гарданов В. К.* Общественный строй...
111 Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 455.
112 Там же, с. 462.
113 Кабардино-русские отношения, т. 1, с. 121.
114 ИСОНИИ, 1934, т. 6, с. 32, 33.
115 *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.— КЭС, 1969, т. 4, с. 84.
116 ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1718, л. 46, 47.
117 О состоянии хозяйства и промышленности у туземцев Терской области.— ЗКОСХ, 1869, № 1.

[118] Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652 гг. Тифлис, 1926, с. 120.
[119] ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 26, д. 373, л. 281.
[120] *Вахушти.* География Грузии.— Изв. Кавказ. отдела РГО, Тифлис, 1904, вып. XXIV, т. 5, с. 136.
[121] Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 50.
[122] Там же, с. 46.
[123] Там же, с. 36.
[124] Там же, с. 172.
[125] Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. 2, с. 210.
[126] *Гакстгаузен А.* Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни. СПб., 1857. Ч. II, с. 273.
[127] *Кушева Е. И.* Народы.., с. 81.
[128] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, с. 59—60.
[129] Описание Чечни с сведениями этнографического и экономического характера. Составил капитан ген. штаба И. И. Норденстам.— В кн.: Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940, с. 302, 303.
[130] *Милютин Д. А.* Материалы по истории Кавказа. Заметки о племенах кавказских. Чеченцы.— РО ГБЛ, ф. 169, карт. 8, ед. хр. 7.
[131] Там же, л. 19.
[132] Там же, л. 12 об.
[133] Там же, л. 13.
[134] *Вроцкий Н. А.* Чечня как хлебный оазис — канализация ее.— ССТО, 1878, вып. 1, с. 270—271. Появление хлебных рынков на равнине Чечни относится к 60-м годам XIX в.— периоду бурного развития земледелия: в Старом Юрте — 1863 г., в Шалях — 1866 г., в Урус-Мартане — 1867 г., в Исти-Су — 1868 г. См.: О состоянии хозяйства и промышленности у туземцев Терской области.— ЗКОСХ, 1869, № 1, с. 100.
[135] *Щербина Ф.* Общий очерк...
[136] *Абрамов Я.* Очерки Северного Кавказа.— Дело, 1883, № 11, с. 39.
[137] *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство Предкавказья в 1861—1905 гг.— В кн.: Некоторые вопросы социально-экономического развития юго-восточной России. Ставрополь, 1970, с. 192, 194.
[138] Памятная книжка Кубанской области на 1879 г., с. 22.
[139] Обзор Кубанской области за 1886 г. Екатеринодар, 1886, с. 5—6.
[140] *Щербина Ф.* Общий очерк..., с. 194.
[141] ССТО, 1878, вып. 1, с. 144.
[142] *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство..., с. 198.
[143] Кубанская справочная книжка 1894 г. Екатеринодар, 1894, с. 1.
[144] *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство..., с. 198.
[145] Отчет начальника Терской области за 1889 г. Владикавказ, 1891, с. 45.
[146] *Калоев Б. А.* Осетины. (Историко-этнографическое исследование). М., 1971, с. 68—69.
[147] *Хубиев И.* Орошение полей (сабанов).— Кубанские обл. ведомости, 1910, № 170; *Шаманов И. М.* Земледелие и земледельческий быт карачаевцев.— В кн.: Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971, с. 57—61.
[148] *Тхагушев Н. А.* Адыгейские (черкесские) сорта..., с. 20.
[149] Северный Кавказ. М., 1957, с. 30.
[150] Кавказ. М.: Наука, 1966, с. 191.
[151] Северный Кавказ, с. 38.
[152] *Вертепов Г.* Осетины. Историко-статистический очерк.— ТС, 1892, вып. 2, кн. 2, с. 19.
[153] История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, с. 104; История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, с. 87.
[154] История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, с. 104.
[155] Там же, с. 308.
[156] *Дзокаев К. Х.* Экономическое развитие осетинского крестьянства от порефор-менного периода до Великой Отечественной войны.— Труды Северо-Осетинского с/х ин-та, Дзауджикау, 1952; т. 11(5), с. 19.
[157] *Максимов Евг.* Чеченцы. (Историко-экономический очерк).— ТС, 1893, вып. 3, кн. 2, с. 52.
[158] *В. Н. Л.* Переходное состояние горцев Северного Кавказа.— Новое обозрение, 1896, № 4199.
[159] *Максимов Евг.* Чеченцы, с. 53.
[160] *Дьячков-Тарасов А. Н.* Заметка о Карачае и карачаевцах.— СМОМПК, 1898, вып. 25, с. 52.
[161] Памятная книжка Кубанской области на 1873 г. Екатеринодар, 1874, с. 42—43; Очерки истории Карачаево-Черкессии, т. 1. Ставрополь, 1967, с. 441—443.
[162] *Алиев У.* Карачай. Ростов-на-Дону, 1927, с. 92.
[163] *Кипиани М. З.* От Казбека до Эльбруса. Путевые заметки о нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1884, с. 42—43.
[164] *Беркут.* Поездка к Чегемским ледникам.— Казбек, 1896, № 30.
[165] *Баранов Евг.* Очерки землевладения в горах.— ТВ, 1892, № 4.
[166] Труды Комиссии..., с. 47; *Караулов Н. А.* Балкары на Кавказе.— СМОМПК. 1908, вып. 38.
[167] *Кипиани М. З.* От Казбека..., с. 32—38.

168 *Вертепов Г.* Осетины, с. 26.
169 Труды Комиссии, с. 161.
170 *Гриценко Н. П.* Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861—1900 гг.). Грозный, 1963, с. 51.
171 *Грабовский Н. Ф.* Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушского округа.— ССКГ, 1870, вып. III, с. 13.
172 Речь идет о равнинных и горных селах. Кавказ, 1878, № 200.
173 *В. Н. Л.* Переходное состояние....
174 *Рклицкий М. В.* Главнейшая в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области.— Изв. Осетинского НИИ краеведения, Владикавказ, 1926, вып. 1.
175 *Вертепов Г.* Осетины, с. 32.
176 ТВ, 1899, № 67.
177 *Максимов Евг.* Чеченцы, с. 88.
178 *Гриценко Н. П.* Экономическое развитие..., с. 60—61.
179 *Вертепов Г.* Осетины, с. 41.
180 Там же, с. 33.
181 *Цаллагов А.* Сел. Гизель (или Кизилка).— СМОМПК, 1893, вып. 16, с. 18.
182 Так, например, в 80—90-е годы активную роль в нем играли известные агрономы и лесоводы А. Г. Ардасенов, Б. Н. Геевский и И. С. Хатисов, последний долгое время был вице-президентом Общества (см. ТКОСХ, 1888, № 1—2, с. 82).
183 «Кавказское общество сельского хозяйства» с самого основания издавало газету «Кавказское сельское хозяйство», а также исследования и материалы, выходящие под названиями: до 1877 г.— «Записки Кавказского общества сельского хозяйства», с 1877 по 1885 г.— «Отчеты и сборники...», с с 1885 по 1917 г.— «Труды...»
184 См.: ЦГИА ГССР, ф. 240, оп. 3, ед. хр. 851, л. 18—19.
185 ЦГИА ГССР, ф. 241, оп. 3, ед. хр. 1, л. 10.
186 Там же, ед. хр. 226, л. 4, 7.
187 *Геевский В. Н.* Участие Кавказского края во Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1887 г. в Харькове.— ТКОСХ, 1888, № 1—2, с. 82.
188 ЗКОСХ, 1872, № 2-3, с. 40.
189 Там же, с. 38.
190 ЦГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 24, л. 66, 67.
191 ЦГАСК, ф. 241, оп. 3, ед. хр. 82, л. 8.
192 ЦГИА ГССР, ф. 241, оп. 3, ед. хр. 82, л. 9.
193 ТВ, 1898, № 109.
194 Там же, № 111.
195 ЦГИА ГССР, ф. 241, оп. 3, ед. хр. 57, л. 7.
196 Там же, ед. хр. 80, л. 1.
197 Там же, ед. хр. 84, л. 1.
198 Кавказ, 1878, № 200.
199 Кавказский вестник практического садоводства. Тифлис, 1899, № 1, с. 24.
200 См.: ТКОСХ, 1888, № 4-5, с. 244.
201 *Хетагуров К.* Собр. соч. в пяти томах. М., 1960, т. IV, с. 147.
202 Здесь автор имеет в виду такие отрасли хозяйства горцев, как полеводство, садоводство, скотоводство, в частности овцеводство и коневодство, достигшие в конце XIX в. во многих районах Северного Кавказа высокого развития (см. там же, с. 157—158).
203 *Калоев Б. А.* Осетины, с. 30.
204 См.: *Саламов А. Б., Горец И.* Селекция кукурузы.— В кн.: Сборник работ Северо-Осетинской гос. селекционной станции. Дзауджикау, 1951, с. 67—69.
205 *Дикий С. П.* Майкопская опытная станция ВИР к 50-летию СССР.— Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1973, т. 50, вып. 2, с. 3.
206 Там же, с. 4.
207 Там же, с. 5.
208 См.: История Северо-Осетинской АССР, с. 217; *Попов А. Г.* Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976, с. 228.
209 Эти данные были нам любезно предоставлены доцентом Северо-Кавказского Горского сельскохозяйственного института Х. А. Калоевым.
210 *Вавилов Н. И.* Горное земледелие Северного Кавказа и перспективы его развития, с. 593.
211 Там же, с. 599.

II

СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

таблицы 1, 1а

Одним из важных факторов, определявших степень и характер развития земледелия и всей хозяйственной деятельности населения изучаемого региона, являлась вертикальная зональность. Намеченные нами три зоны (высокогорная, горная и равнинная) отличались друг от друга не только климатическими и почвенными особенностями, но и наличием определенных систем земледелия, культурных растений, орудий труда и т. д. По данным этнографических исследований, здесь использовались следующие основные системы земледелия: переложно-залежная, подсечная, паровая и чередование культур. Переложно-залежная система, известная еще с эпохи скифо-сарматов, практиковалась исключительно на равнине, где располагались большие пахотные угодья. Поэтому эта система, можно сказать, характерна для равнинных жителей, и прежде всего кабардинцев. Другие горцы, в частности осетины, ингуши, чеченцы, балкарцы и карачаевцы, познакомились с ней позже, по мере того как спускались с гор на равнину.

Характерной чертой рассматриваемой системы было сочетание земледелия со скотоводством и коневодством. Эти особенности были присущи кабардинцам. Располагая большими пахотными угодьями, кабардинцы еще в середине XIX в. оставляли поля под залежью на 20—25 лет [1]. Позже, в связи с естественным ростом населения и все возрастающим спросом на капиталистическом рынке на товарный хлеб, в частности на кукурузу и пшеницу, срок залежи сократился в Большой Кабарде до 9—10 лет, а в Малой Кабарде, где земледелие стало ведущей отраслью хозяйства, до 5—6 лет. В. П. Пожидаев, характеризуя переложно-залежную систему у кабардинцев, имевших много земель, отмечал: «Заброшенное поле, отдохнув лет 8 или 10, набирается сил и вновь поступает под пахоту до нового истощения... Такая система была главной лет 30 тому назад. С тех пор многое изменилось: увеличение народонаселения, рост цен на сельские продукты» [2]. Поэтому, как правильно отмечает П. Н. Раждаев, здесь время, в течение которого поля служили пашней и перелогом, не устанавливалось точно и определялось различно, «в зависимости от качества почвы и потребности в пашне или луге» [3].

Кабардинцы с большой хозяйственной выгодой умело распределяли земельную площадь на отдельные участки: землю, годную под пашню, делили на два или три участка, которые затем поочередно поступали в распашку, под сенокос и выпас. Максимов, описывая кабардинцев в конце XIX в., характеризовал их переложно-залежную систему следующим образом: «Через несколько лет пользования пахотный участок оставляется невозделанным, зарастает сначала сорными и позже степными травами,

после чего поступает в пользование как выгон или сенокос. Для пахоты же отводится участок «целинной» земли или «нови». Когда же заброшенный покосный участок вновь набирается производительных сил, опять может идти под распашку» [4].

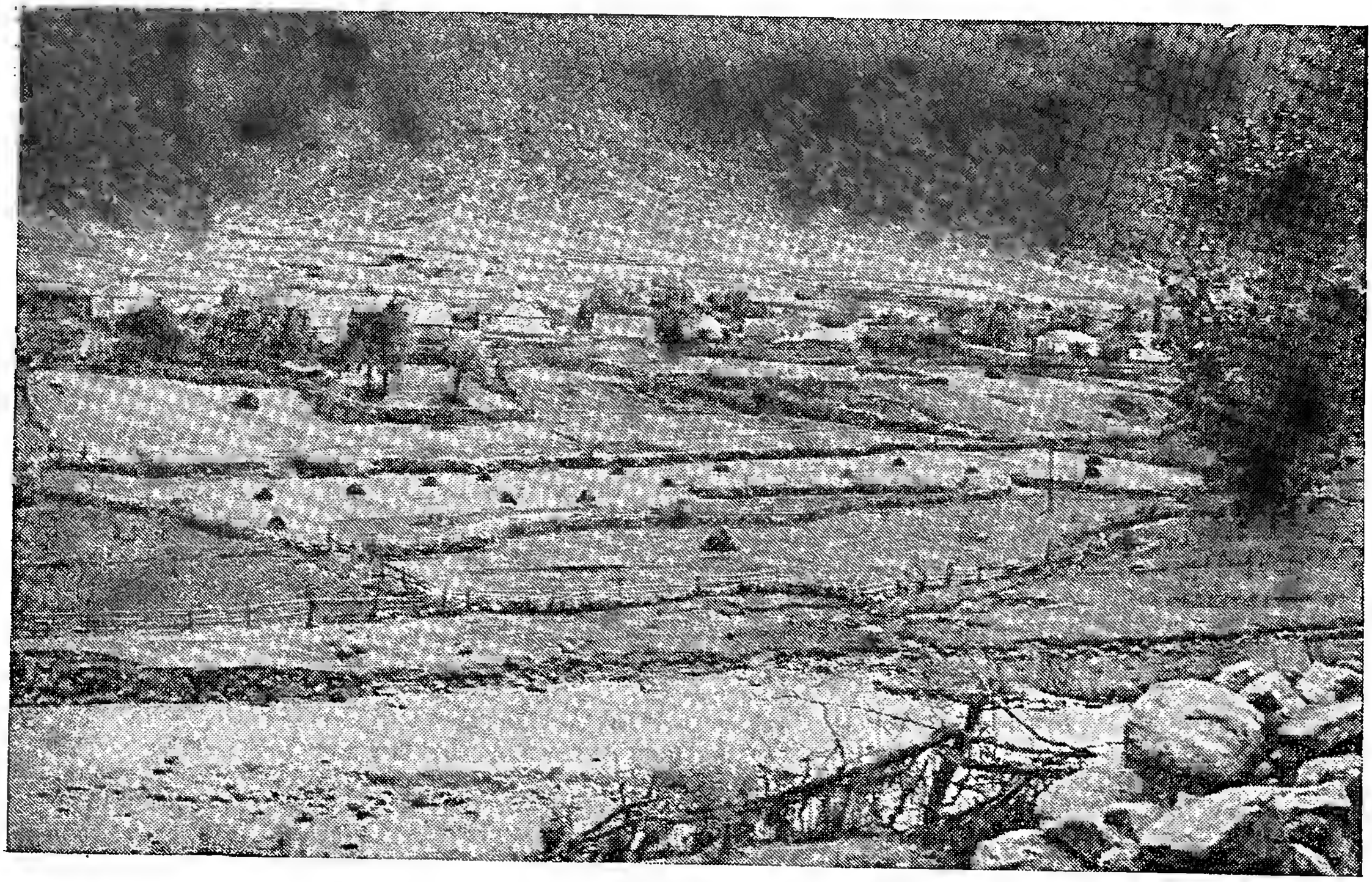
Широкое распространение рассматриваемой системы земледелия, особенно в Большой Кабарде, еще в канун Октябрьской революции было вызвано преобладанием скотоводческой отрасли хозяйства. По данным П. Раждаева, в 1917 г. в Кабарде из общей площади пахотных угодий под посевами было только $^2/_5$ пашни, остальные $^3/_5$ находились под залежью; в Большой Кабарде площадь распашки не поднималась выше 40% [5]. Аналогичное явление находим у черкесов, у которых под залежь отводилось ежегодно 66% пашен с целью содержания скота [6].

В отличие от адыгов-кабардинцев у других горцев равнинной зоны Северного Кавказа переложно-залежная система не достигла такого совершенства, вероятно, вследствие малоземелья. С. В. Кокиев, писавший в 80-х годах XIX в. об осетинах, отмечал, что указанная система земледелия «хотя первобытна», но вполне обеспечивает этому народу «безбедное существование» [7]. Более точные сведения о переложно-залежной системе в Осетии мы находим у Вертепова. По его словам, поля здесь засевали подряд 4—6, а иногда 12 лет, и только после этого давали им отдых, отводя под выпас и сенокос [8]. Однако срок залежи упомянут только в работе З. Сисоева, касающейся моздокских осетин, в частности, населения двух казачьих станиц — Черноярской и Ново-Осетинской, владевших, как все терские и кубанские казаки, большими земельными угодьями. Он писал, что здесь поля обрабатывали подряд три года, после чего они поступали под пастьбу скота, а через три года — под сенокос и вновь становились под «пахоту не раньше, как через 7—8—9 лет» [9]. Применение переложно-залежной системы засвидетельствовано и полевыми этнографическими материалами, по ним срок залежи в равнинных селах Северной Осетии (Кадгарон, Беслан, Хумаллаг, Эльхотово и др.) не превышал 2—3 лет.

В конце XIX — начале XX в. аналогичными чертами характеризовалась рассматриваемая система и в Чечено-Ингушетии. «В настоящее время чеченцы,— писал Максимов,— придерживаются переложно-залежной системы. Участки земли, разработанные из-под зарослей чилизника или из-под леса, или просто вновь распаханная степь эксплуатируются посевом хлебных растений в течение нескольких лет сразу, затем запускаются в залежь и через несколько лет, если не зарастают чилизником, поступают в пользование как сенокос или выгон. Через 10—15 лет такой участок снова может быть обращен в пахоть» [10]. Эти данные, как видно, относятся к предгорным лесистым районам, где почва отличалась особенной малопроизводительностью и нуждалась в длительном отдыхе. На остальной равнинной территории чеченцев и ингушей слишком мало было пахотных земель, и потому срок залежи, как свидетельствует полевой материал, ограничивался 2—4 годами. Правда, на чеченской равнине широко применялось орошение новых пахотных земель.

Таким образом, в конце XIX в., вследствие роста населения и малоземелья, срок переложно-залежной системы настолько сократился, что эта система, как справедливо отмечают специалисты, превратилась в новую — паровую. «Залежь, доведенная до срока двух или одного года,— писал А. С. Ермолов,— теряет уже свое название залежи и получает название

Рис. 1. Посевные участки. С. Учкулан. Карачай, 1968 г.



перепарья, пара, паренины; вместе с тем и система из переложной превращается в паровую. Постепенное сокращение перелога, при соответственном возрастании площади земель под хлебной культурой, достигает такого предела, когда дальнейшее сохранение переложной системы представляется уже невозможным». Автор отмечает далее, что почва, оставленная на такой короткий срок, естественно, не успевает восстановить свои производительные силы и «только зарастает сорными травами, с которыми потом земледельцы не в силах бороться» [11].

Паровая система издавна широко применялась по всему нагорному Кавказу, где ее появление было вызвано теми же причинами, что и в равнинной зоне региона,— крайним малоземельем и ростом населения. Она практиковалась на всех обрабатывавшихся пахотных участках, располагавшихся часто вдали от населенных пунктов, на крутых горных склонах, которые не могли быть не только орошены, но и удобрены.

Г. Вертепов, говоря о горном земледелии осетин, имел в виду такие участки: «За невозможностью удобрять и хорошо обрабатывать участки, расположенные на крутизнах, они часто остаются без удобрения и в таком случае засеваются через год и реже, через два года» [12]. Одновременно с этим паровая система применялась и на тех землях, которые отличались высоким урожаем. Такие земли обильно удобряли навозом, поливали. Эти участки через 3—4 года непрерывной обработки оставляли на один год под пар. В трудах «Абрамовской комиссии» относительно этого у ингушей говорится: «При существующей системе обработки пахотных полей и их бедности питательными веществами они самое меньшее в 4 года один год должны оставаться на отдыхе под черным паром» [13].

Разумеется, многие крестьяне, имея небольшие пахотные угодья, не могли пользоваться такой возможностью и вынуждены были вести беспрерывную обработку почвы. В таких случаях пар компенсировался внесением в почву большого количества органических удобрений.

Установившаяся издавна на равнине региона переложно-залежная система была воспринята от ее создателей-горцев последующими поселенцами этой зоны, в том числе русскими. В документе 1871 г. отмечалось, в частности: «Прибывшие из великорусских губерний перенимают у них (т. е. у коренных жителей.— *Б. К.*) это средство (т. е. переложно-залежную систему.— *Б. К.*) как уже испытанное и как бы необходимое»[14].

Одной из распространенных и в то же время древних систем земледелия на Северном Кавказе была подсечная, восходящая к эпохе мезолита и раннего неолита[15]. Известно, что еще в первой половине XIX в. горные и особенно предгорные районы региона были покрыты огромными лесными массивами, что обусловливало распространение этой системы земледелия. Однако в ходе Кавказской войны значительная часть лесов Восточного и Западного Кавказа была истреблена, что привело к упадку подсечного земледелия.

Н. Дубровин в 70-е годы XIX в. писал: «Все горы, наполняющие Чечню, Ичкорию и Аух, покрыты строевым лиственным лесом, отчего по наружному виду и называются черными, в отличие от снеговых... Между Готой и Аргуном стоят две отдельные горы, образующие собою знаменитое в истории Ханкальское ущелье. Горы эти были прежде покрыты густым лесом — Ермолов их уничтожил и поставил крепость Грозную»[16].

Горцы, спускаясь в предгорные и равнинные районы, покрытые густыми лесными зарослями, расчищали себе места для поселения. Так возникло здесь множество чеченских тайпов (поселения родственных групп), в том числе Беной, Бильтой, Гендыргеной, Дахтой и др., образующих нередко до 10 и более населенных пунктов[17]. После окончания Кавказской войны освоение чеченцами районов, покрытых лесами, приняло такой размах, что тогдашний наместник на Кавказе кн. Барятинский вынужден был издать специальное указание, в котором, в частности, говорилось: «Чтобы к расчистке предназначались участки не отдельными разбросанными в лесу полянами, а целыми группами участков, ибо только при таком порядке расчищаемая из-под леса местность может сделаться доступной и принести ожидаемую от расчистки лесов пользу»[18]. О распространении этой формы земледелия у чеченцев можно судить и по обычному их праву, в котором, в частности, говорится: «Земля у них, как вода и воздух, принадлежала всякому, и тот владел ею, кто хотел только обработать»[19]. В предгорьях и на равнине региона, где пахотные и покосные земли находились в общинном пользовании, лесные участки для подсека выделялись только тем семьям, которые остро нуждались в этом, причем делалось это исключительно по решению сельского общества.

«Каждой семье,— пишет Ив. Попов о чеченцах,— предоставлено было отметить участок леса по силам своим и постепенно валить его, чтобы очистить место для пахоты и покосов. Эти участки по праву первого владения поступали в наследственную собственность...»[20] Однако, как показывает полевой этнографический материал, этот порядок постепенно менялся, что было вызвано ростом населения и усилением общинного землевладения. Лесные участки, полученные для расчистки и пользования

ими под посев, переходили через определенное время из частного наследственного владения в общинное, причем срок владения этими участками определялся решением сельского общества.

В чеченском селе Маиртуп, например, по словам наших информаторов, подсечные участки оставались в частном пользовании в течение 16 лет, после этого они передавались в общинный земельный фонд. В других чеченских селах срок владения участками колебался от 5 до 15 лет, в зависимости от количества затраченного труда при расчистке от лесных зарослей. На территории Урус-Мартанского района, где подсечное земледелие практиковалось повсеместно почти до самой коллективизации, участки из-под мелкого кустарника передавались в общий фонд через 5 лет, а участки из-под крупного леса — через 15 лет. Тот же порядок мы находим в ряде других мест, особенно в восточной Чечне — в селениях Курчалой, Бачеюрт, Джегурта, Эхкинч-барз, Сая-сан и др.

Широкое распространение подсечной системы на равнине Чечни подтверждается сохранившимися до сих пор в Чечен-ауле названиями участков: Пунчи, Инархчи, Уатанаш, Уалсарты, Ирзы и др. В отличие от равнины и предгорных районов, в горах у чеченцев, как и у других горцев региона, подсечные участки находились, подобно остальным земельным угодьям, в частном наследственном пользовании.

В целом же чеченское подсечное земледелие можно сравнить с западноадыгским, и прежде всего с земледелием черноморских шапсугов, у которых, как свидетельствует полевой материал, подсека являлась до недавнего времени единственным видом земледелия. Широкое применение западными адыгами подсечной системы отмечали дореволюционные авторы, из которых наиболее ценным для нас является исследование И. Клингена. «Хлебные поля черкесов,— указывает он,— никогда не располагались большими сплошными площадями, а представляли собой небольшие прямоугольники, несколько вытянутые перпендикулярно направлению склона и обыкновенно не превышавшие 1 десятины, редко 2—3. Такие поля в лесной подгорной полосе тонули в чаще вековых деревьев и сильно ими притеснялись. Черкесы разрабатывали их из-под строевого леса подсечиванием или корчеванием» [21].

А. Н. Дьячков-Тарасов, описывая абадзехов — одно из многочисленных племен адыгов Северо-Западного Кавказа, указывал на то, что они употребляли особый инструмент для корчевания, производившегося ими «осенью и зимою» [22]. Своеобразные орудия подсеки, применявшиеся адыгскими племенами, хранятся ныне в Адыгейском краеведческом музее. Это небольшие железные топорики, кинжалы и ножи, они происходят из разных районов, населенных современными адыгейцами. Таким образом, ареал подсечной системы был значительно шире, чем указывается Клингеном. Подсека широко применялась, по-видимому, всеми племенами западных адыгов. Однако дольше всего она сохранялась у черноморских шапсугов, территория которых была покрыта огромными лесными массивами. В отличие от равнинных чеченцев, у западных адыгов участки, освобожденные из-под леса, оставались навсегда в частном наследственном пользовании и никогда не передавались в общинное, что объясняется, по-видимому, более высоким уровнем социального расслоения.

Подсечная система в значительной мере практиковалась и на территории Северной Осетии, Кабарды, Балкарии и Карачая. Так, жителями

осетинских селений Кадгарон, Биратзанг, Суадаг, Дур-дур было освобождено из-под леса большое количество земель, которые после десятилетнего единоличного владения ими передавались в общинное пользование. «Каждый хозяин стремился расширить свои пахотные и сенокосные угодья за счет лесных»,— говорит 97-летний Юсуф Гедгафов из кабардинского сел. Заюково. По данным Бека Тазиева (95 лет, сел. Старый Черек), подсечное земледелие применялось в значительной мере и жителями этого кабардинского селения. Здесь подсека сначала использовалась под сенокос, затем под посевы арбузов, а затем уже под посевы проса. Рассматриваемая система практиковалась и в ряде балкарских селений, располагавшихся в горах и в предгорьях. В лесистом Баксанском ущелье подсека являлась ведущей формой земледелия. По словам наших информаторов, в сел. Верхний Баксан, например, около 30 га пахотных и сенокосных земель было создано раскорчевкой лесных участков. Значительное распространение подсечное земледелие имело и в Карачае. В сел. Хурзук, например, фамилии Кубановых, Борлаковых были в числе первых, кто расширял свои пахотные и сенокосные угодья путем подсеки.

Таким образом, подсечная система практиковалась почти по всей территории Северного Кавказа, кроме высокогорной его зоны, лишенной лесного покрова. Судя по полевым этнографическим данным и письменным источникам, корчевание осуществлялось двумя способами: путем подсеки и путем рубки, присущими, как известно, всем народам, занимавшимся подсечным земледелием [23]. Судя по описаниям И. Серебрякова, В. В. Маркова, И. Клингена и др., у горцев Северного Кавказа значительное распространение имели подсека и окольцовка. При окольцовке на всех больших деревьях, находящихся на выбранном для пашни участке, со ствола на определенной высоте снимали сплошным кольцом кору шириной от 20 до 40 см. И. Клинген, описывая этот метод подсеки у западных адыгов, сообщает: «Для подсечивания они снимали кору с деревьев широкой лентой вокруг ствола на расстоянии аршина от земли, а когда дерево засыхало, они корчевали его» [24]. Подсека производилась почти повсюду весной, в период сокодвижения [25].

В. В. Маркович, описывая метод подсечивания у чеченцев, отмечал: «От одного года дерево не усыхает; обычно его подсекают два года подряд, а иногда даже и три, после третьего года дерево засыхает целиком» [26]. Как свидетельствуют многочисленные данные, этот процесс на севере страны растягивался до 10—15 лет [27]. Разумеется, крестьяне не могли ждать столько времени и, расчистив выбранный участок от кустарников и мелких деревьев, обрабатывали его. И. Клинген писал о черкесах (адыгейцах): «Эксплуатацию же земли под пашню начинали через год, не дожидаясь корчевки больших деревьев» [28].

Вторым способом подсечного земледелия была рубка, возникшая гораздо позже, чем подсечка. В XVI—XVIII вв. в средней полосе и на севере России «рубка была господствующим способом валки» [29]. В XIX в. рубка широко применялась у народов Северного Кавказа для расчистки земли из-под лесных зарослей. Как правильно отмечает В. П. Петров, технически более совершенная, «она вытеснила древнюю, архаическую подсечку» [30]. Как правило, валку деревьев производили с последовательным применением обоих указанных способов: сначала дерево подсекали, а затем рубили.

С конца XIX в. устанавливается строгий контроль над рубкой леса. Тем не менее, малоземелье вынуждало горцев, особенно в горах и предгорьях, искать землю для пахоты путем расчистки лесных зарослей. Почти каждое селение, особенно в лесных районах, располагало определенным участком леса, где, по решению сельского общества, выделялись наделы для многосемейных крестьян и нуждавшихся в земле односельчан.

Как показывает полевой материал, эта форма земледелия имела свои локальные и этнические особенности. У черноморских шапсугов, например, преобладающей была рубка, производившаяся обычно летом в августе.

Лес валили топором, крупный лес использовали в качестве строительного материала или топлива, мелкий лес складывали, сушили, а затем весной перед пахотой сжигали и разбрасывали золу по пашне для удобрения. Первые два — три года землю обрабатывали мотыгами и лишь после раскорчевки вспахивали ралом, запряженным двумя волами. В период коллективизации рало было заменено легким железным плугом. Основным культурным злаком, возделывавшимся на подсечном участке, была кукуруза. Через 5—6 лет участок переходил под сенокос или же под фруктовые посадки.

Рубка наряду с подсекой широко применялась и в Чечне, и в других районах Северного Кавказа. Здесь в отличие от западных адыгов расчистку производили в октябре или весною. Мелкий лес оставляли на месте и после просушки сжигали, используя золу в качестве удобрения. В первые 2—3 года, до завершения раскорчевки, пашни обрабатывали мотыгой и засевали кукурузой, причем зерна заделывали в землю при помощи палки-копалки. У черноморских шапсугов и некоторых других западных адыгов этот процесс завершался прогоном стада коз для втаптывания зерна в землю. После расчистки пней землю вспахивали легким самодельным орудием (ралом), в которое впрягали пару волов. Наряду с посевами кукурузы и других хлебных злаков на подсечных участках нередко выращивали бахчевые (дыни, арбузы) и огородные культуры (свеклу, лук, чеснок, огурцы и т. д.), разводили плодовые деревья. Знаменитые черкесские сады в горах Западного Кавказа и ореховые рощи в Восточной Чечне возникли именно на подсечных участках.

Нам остается рассмотреть еще одну систему земледелия, которую мы условно называем плодосменной. Она была также неравномерно распространена на территории изучаемого региона.

Известно, что плодосменная система представляет собой чередование различных сельскохозяйственных культур, следующих друг за другом в таком порядке, что одна культура приготовляет почву для другой. Этим устранялось утомление почвы, которое возникало в результате посевов однородных культур. Повсеместное распространение плодосменной системы мы находим в горной зоне, издавна отличавшейся многообразием культурных растений. Можно с уверенностью сказать, что своим возникновением рассматриваемая система обязана именно горной зоне региона. Тем не менее и здесь она практиковалась не на всей территории, а лишь на тех полях, которые располагались на солнечной стороне и засевались наиболее урожайными культурами — ячменем, пшеницей и рожью, а позже и картофелем. Поля же, находившиеся на теневой стороне, были мало пригодны для пахоты; они обычно не удобрялись и не орошались, на

них возделывался исключительно овес. Поэтому на этих участках практиковалась не плодосменная система, а паровая.

Описывая горцев Северного Кавказа, многие авторы указывают на возделывание в горной зоне различных культурных растений и, следовательно, на применение рассматриваемой системы земледелия. По данным И. Клингена, относящимся к концу XIX в., у западных адыгов, в частности у бжедугов и шапсугов, живших в основном в горах, имелись поля с посевами кукурузы, пшеницы, проса, ячменя, овса, льна и конопли [31]. Значительным разнообразием отличались культурные растения и у другой большой адыгской группы — абазехов, обитавших также в основном в горах; они возделывали рожь, пшеницу, просо и много огородных культур [32], применяя соответствующее чередование. Но уже к северо-востоку от адыгов, в верховьях Кубани, населенных карачаевцами, картина резко меняется, что объясняется более суровыми климатическими условиями. «Из хлебных пород в Карачае,— указывал Г. Петров,— возделывается только ячмень, но его далеко не хватает для удовлетворения местных нужд» [33] (эта характеристика относится к высокогорным селам Карачая). Плодосменная система применялась жителями только нижних сел, возделывавших пшеницу, овес и картофель.

Плодосменная система применялась и во всех балкарских ущельях, где пахотные поля также обильно удобрялись и орошались и где возделывались те же хлебные злаки (ячмень, пшеница, овес) и картофель, что и в горной зоне Карачая. По словам Чочаева Юсупа (70 лет, сел. Безенги) и других старожилов, лучшие пахотные поля, располагавшиеся на солнечной стороне и недалеко от селения, засевали поочередно в течение ряда лет ячменем и пшеницей, а затем оставляли на 1—2 года под черным паром. На других полях чередовали овес, ячмень и картофель (включение в севооборот картофеля относится к концу XIX в.).

Некоторое отличие плодосменная система имела в горной Осетии, что объясняется не только более суровыми климатическими условиями, но отсутствием здесь орошения полей. В Осетии пахотные участки, располагавшиеся на теневой стороне (и нередко именовавшиеся в литературе «окраинными землями»), никогда не удобряли и не орошали. Их засевали исключительно одной, весьма малоурожайной здесь культурой — овсом.

Следовательно, плодосменная система практиковалась в горной зоне Осетии только на тех полях, которые находились на солнечной стороне и засевались яровыми и озимыми хлебами — ячменем, пшеницей, отчасти рожью. Чередование этих культур на указанных полях производилось, по данным Вертепова, в следующем порядке: после удобрения их засевали или все три года ячменем, или первые два — ячменем, а затем преимущественно пшеницей. Однако, как показывает полевой этнографический материал, такой порядок не везде применялся, могли быть и отступления от него. Так, в селениях Куртатинского ущелья Северной Осетии в первый год сеяли пшеницу, на второй — ячмень, а на третий — овес или горох. Через три года после удобрения отмеченный севооборот снова повторялся. А в сел. Харисджын того же Куртатинского ущелья существовало следующее чередование культур: ячмень — горох — пшеница, в сел. Даргавс по р. Гизель — ячмень — рожь — овес. Во многих селах Северной и Центральной Осетии чередовались только посевы ячменя и пшеницы. В 80-х годах XIX в. в горной зоне Осе-

тии началось выращивание картофеля, эта культура была включена здесь в севооборот и возделывалась на второй год.

Многими сходными чертами характеризовалась плодосменная система и в нагорной Чечено-Ингушетии, где она имела также широкое распространение, особенно в восточных районах, отличавшихся более благоприятными климатическими условиями, способствовавшими возделыванию различных хлебных злаков и овощных культур. В «Трудах» Абрамовской комиссии отмечалось, что в горной Ингушетии засевались по очереди ячмень, пшеница и овес [34]. Эти данные повторяются и в работе Г. К. Мартиросяна, посвященной горной Ингушетии. «Система полеводства — однополье,— пишет он,— каждый год все пахотные земли прежде всего очищаются от камней. Если непрерывно сеется пшеница, то участок удобряется через каждые два года на третий, если же поле засевается по очереди ячменем, пшеницей и овсом, то оно удобряется через каждые три года на четвертый, при этом имеет место черный пар» [35].

Полевой материал, кроме того, свидетельствует, что ингуши проводили чередование посевов ячменя и пшеницы на полях, располагавшихся на солнечной стороне. Наши этнографические данные говорят также о появлении в конце XIX в. в ряде мест горной Ингушетии, в частности в Джерахском ущелье, посевов кукурузы и о включении этой культуры в севооборот.

В Чечне по сравнению с Ингушетией земледелие имело более высокий уровень развития не только на равнине, но и в горах. Благодаря хорошим климатическим условиям в горной Чечне возделывались почти все важнейшие культурные злаки (ячмень, пшеница, овес, кукуруза) и некоторые огородные культуры. Это приводило к широкому применению плодосменной системы. «Под пашни,— писал П. Н. Раждаев про горную Чечню,— занято все, что только можно было распахать; кукуруза преимущественно перед всеми другими хлебами возделывается во всех аулах, где позволяют климатические условия. Только в аулах, расположенных выше 4-х тысяч футов, преобладает яровая пшеница, овес и ячмень, а на высоте 7000 футов высевается один ячмень, но он редко созревает и идет на корм скоту» [36]. В конце XIX в. в горах Чечено-Ингушетии появился картофель; посевы этой культуры чередовались с посевами хлебных злаков — ячменя, пшеницы и кукурузы; картофель возделывался обычно на второй или третий год.

Распространение плодосменной системы на равнине Северного Кавказа зависело от степени развития земледелия у каждого народа и от количества возделываемых ими культурных злаков. Жителям Большой Кабарды, например, совершенно не была знакома эта система, почти до конца XIX в. они сеяли преимущественно просо. Однако в других равнинных районах региона плодосменная система имела повсеместное применение, что подтверждается как данными дореволюционных авторов, так и полевым этнографическим материалом. Достаточно сослаться, например, на известную работу Ардасенова, где дается характеристика хозяйственных изменений у горцев на равнине, вызванных широким проникновением товарно-денежных отношений в деревню. «Поднятая новь,— пишет он,— в первый год засевается просом, во 2-й и 3-й — пшеницею. Иногда и на четвертый год сеют пшеницу, но тогда первые два года поле занимает просо, последние же 2 — пшеница. За последние 16 лет осетины на 3-й и 4-й год стали сеять кукурузу» [37]. Слова эти относятся

к 90-м годам XIX в., к периоду интенсивного развития земледелия на Северном Кавказе, когда огромный спрос на товарный хлеб (пшеницу и кукурузу) вызвал увеличение посевных площадей, особенно под кукурузу.

Как показывает полевой материал в это время во многих равнинных селах Чечено-Ингушетии и Северной Осетии кукуруза, вытеснив все остальные хлебные злаки из севооборота, являлась почти единственной возделываемой культурой, что привело к исчезновению здесь плодосменной системы земледелия. Так произошло, например, в Чечено-Ингушетии в селениях Расничу, Урус-Мартан, Белгатой, Чечен-аул, Назрань, а в Северной Осетии — в селениях Беслан, Хумаллаг, Кадгарон. Здесь нередко бывали случаи, когда на одном участке в течение 10—15 лет возделывали кукурузу.

Тем не менее плодосменная система по-прежнему широко практиковалась на всей равнине. В конце XIX в.— начале XX в. она была воспринята жителями Большой Кабарды, черкесами, абазинами и др., которые наряду с традиционной культурой — просом начали возделывать также кукурузу, пшеницу и другие хлебные злаки. Это засвидетельствовано данными В. П. Христиановича по Кабарде, указывающими на чередование здесь посевов проса, кукурузы и озимой пшеницы, причем при севообороте во всех случаях предпочтение отдавалось просу как традиционной культуре, служившей главным продуктом питания адыгов. Просо всегда сеяли в первый год на полях, поступавших в севооборот вновь, после 2—3 лет залежи. Обычно же порядок чередования культур был таков: в предгорных селах залежь — 2 года, просо под пласт, 5 лет кукуруза; в селах (Урух, Н. Черек, Чегем и др.), расположенных на плодородных землях, 3—5 лет — залежь, просо по пласту, 1—2 года — озимая пшеница, 4 года — кукуруза. В некоторых селах здесь кукуруза и пшеница стали настолько широко возделываться, что совершенно вытеснили просо из севооборота. В таких селах чередование осуществлялось без проса: 1—3 года — залежь, 2 года — пшеница, 3 года — кукуруза; весь севооборот составлял 8 лет [38]. В отличие от Кабарды и других районов региона, населенных адыгскими народами, в чечено-ингушских и осетинских селах чередование начиналось с кукурузы, ставшей традиционной культурой и главным хлебным продуктом этих народов. Здесь порядок чередования в основном был таков: 1—2 года — залежь, 3—5 лет — кукуруза, 1 год — пшеница или ячмень; посев пшеницы два раза подряд на одном участке не допускался.

Таким образом, как свидетельствует приведенный материал, плодосменная система, получив почти повсеместное распространение на всей территории региона, наиболее устойчиво держалась в горах, где она появилась, по-видимому, раньше, чем на равнине. На равнине эта система характеризовалась неустойчивостью, что объясняется однобоким развитием земледелия при капитализме.

Одним из древнейших видов занятий населения нагорного Кавказа является террасное земледелие. Горное земледелие региона имело два вида террасных полей: естественные и искусственные, причем последние были более распространены в высокогорной зоне, где удобных земель было очень мало. Искусственные поля были разбросаны отдельными клочками часто на отдаленных от населенных пунктов местах. Землю на такие поля доставляли вьюками, на санях или на специальных арбах. Участки обносили кладкой из камня. Строительство искусствен-

ных террас требовало огромного труда и времени. Поэтому упадок горного земледелия, вызванный, как говорилось, развитием земледелия на равнине и массовым переселением горцев, начался именно с террасных земель. Горец, получив возможность покупать хлеб на равнине, перестал заниматься террасным земледелием. Уже для конца XIX в. мы можем говорить о почти полном исчезновении искусственных террасных полей на территории изучаемого региона. Отметим также, что, судя по имеющимся у нас данным, эта система земледелия здесь, по сравнению с Дагестаном, не достигла большого развития.

Что касается естественных террас, то они имели наибольшее распространение во всех горных зонах; почти все горное земледелие возделывалось на естественных террасах; в предгорьях на них разводили огороды и сады. Естественные террасы, находившиеся компактно вблизи сел, систематически удобряли и орошали, если это требовалось.

В данном разделе мы остановимся на характеристике только искусственных террасных полей. О широком распространении этой системы земледелия в прошлом по всей нагорной полосе региона свидетельствуют сохранившиеся здесь повсюду многочисленные следы террасных полей, каменных оград, земляных насыпей, каналов, служивших для орошения полей и т. д. В Чечено-Ингушетии, Балкарии, Карачае эти памятники земледельческой культуры встречаются чаще, в Северной Осетии — реже, что, по-видимому, свидетельствует о более раннем исчезновении у осетин этой формы земледелия.

Письменные источники по данной теме, к сожалению, весьма ограничены. И. Клинген, например, в своей обстоятельной работе, посвященной западным адыгам, в частности шапсугам, натухайцам, бжедугам и др., входившим в Сочинский округ, лишь упоминает о наличии у них террасных полей. «В местах слишком покатых, но с плодородною почвою,— пишет он,— горцы прибегали к искусственной террасовке» [39]. Такие же террасные поля создавались, по данным авторов, и у балкарцев и карачаевцев, испытывавших острую нужду в земле. В трудах «Абрамовской комиссии», например, отмечалось, что во всех балкарских ущельях, где ощущался крайний недостаток годной к обработке земли, «необходимо было приступить к устройству искусственных пашен и лугов путем расчистки полей из-под леса или же горные скаты из-под заваливших их камней, затратив на создание таких искусственных почв массу энергии, труда и времени...» [40]. Такие поля здесь обычно орошались искусственными канавами, но были и неорошаемые участки, разбросанные по крутым горным склонам. Большинство этих участков обносили прочными каменными стенами [41]. «Есть такие пашни,— писал Н. П. Тульчинский,— лишенные ирригаций; это такие, которые ютятся по крутым склонам гор, недоступных искусственному орошению» [42]. О таких террасных полях, встречавшихся вдали от сел на горных крутизнах, писал и В. М. Сысоев в своей работе о карачаевцах: «Клочки пахотной земли можно иной раз встретить и где-нибудь в диком ущелье или на террасе какой-нибудь высокой горы» [43].

Террасное земледелие было характерной чертой и горной Осетии, особенно ее высокогорных районов. В 1894 г. инспектор училищ Кутаисской губернии Н. Дмитриев, проезжая по Мамисонскому ущелью в Центральной Осетии, писал: «В ауле Тибе, через который мы проходили, замечательные искусственные террасы, на которых разводятся различные

хлебные злаки»[44]. Однако, как говорилось, массовое переселение осетин на равнину еще в первой половине XIX в., а также получение горцами возможности покупать там хлеб в нужном количестве привели почти к полному исчезновению искусственных террас во многих районах Осетии.

Широкое распространение имели искусственные террасы в горах Чечено-Ингушетии, о чем свидетельствуют как данные дореволюционных авторов, так проводившиеся нами здесь этнографические исследования. Еще в середине XIX в. А. П. Берже писал о верхних районах р. Аргуна: «Вся местность покрыта искусственными террасами, на которых сеяли пшеницу и кукурузу»[45]. В 70-х годах XIX в. наличие таких же террас зафиксировано Н. Ф. Грабовским в Ингушетии. «Встречаются,— писал он,— искусственно устроенные террасы для посева хлебов, на которых и засевают ячмень и отчасти пшеницу»[46]. Автор указывает, что для устройства террасных полей площадью в 10—12 аршин длины и в 5 аршин ширины необходимо было расчистить и сравнять выбранную для этого местность и нанести туда земли. О широком применении искусственных террас в Ингушетии писал и В. П. Христианович на основании находимых им здесь памятников прошлой земледельческой культуры: следов террас, оград пахотных и покосных участков и т. д.[47] И действительно, в горной Чечено-Ингушетии до сих пор можно встретить следы террасных полей. Особенно много их мы находим в верховьях Аргуна, в частности вблизи современного сел. Утумкале.

В системе земледелия горцев Северного Кавказа важную роль играли удобрение и орошение полей для получения устойчивых урожаев, особенно в горах.

Однако, рассматривая искусственное орошение в горах региона, следует отметить, что оно применялось только у балкарцев и карачаевцев, а также в ряде мест Восточной Чечни. Балкарцы и карачаевцы имели давние традиции орошения, уходящие, возможно, в аланскую эпоху. Как показывает полевой этнографический материал, на территории Балкарии и Карачая сохранились многочисленные следы средневековых оросительных систем и даже действующие каналы, которые местные жители приписывают прежним обитателям этих мест — аланам.

По словам прекрасного знатока быта карачаевцев 80-летнего Таулана Касаева из сел. Хурзук, предки его, переселившись из соседнего Баксанского ущелья, нашли на новом месте поселения нескольких таких каналов, орошающих до сих пор земли этого селения. Вообще время постройки многих оросительных каналов у балкарцев и карачаевцев не сохранилось в памяти народа. Наличие средневековых аланских оросительных систем на территории указанных народов отмечалось дореволюционными авторами. Так, в 1892 г. В. Я. Тепцов писал, что аланы, занимаясь земледелием на современной их исторической территории, «проводили оросительные каналы с большим искусством. Остатки таких каналов особенно хорошо сохранились в предгорьях около хут. Атажукова. В предгорьях же нам указали на пашни, которые орошались каналами, проведенными на довольно значительной высоте»[48]. Во всяком случае, предки современных балкарцев и карачаевцев обладали большим искусством в строительстве оросительных систем, что неоднократно отмечалось исследователями. «Горцы,— писал современник о карачаевцах,— опытные инженеры, и сооружение ими оросительных каналов производится по практическим соображениям. Воду они направляют на какую угодно

высоту...» [49] То же самое отмечал Н. П. Тульчинский о балкарцах: «... в горах большая часть пахотных и покосных участков подвергаются ирригации, без чего немыслима посевная растительность и хорошие питательные травы. Ввиду этого по ущельям горских обществ устроена целая сеть ирригационных каналов, искусно проведенных по очень гористым местам» [50].

В неопубликованных полевых записках М. М. Ковалевского о Балкарии, произведенных им в 80-х годах XIX в. во время его путешествия по этой стране, даются важные сведения о поливе полей, в частности в Чегемском обществе, указывается на древность этой системы в Балкарии. Ковалевским зафиксировано несколько канав для провода воды, строительство которых, по народным преданиям, восходит к средневековой аланской эпохе. «Есть предание,— пишет М. М. Ковалевский,— что в башне, в которой спасалась одна княжна от Темура, вода проведена была через турий рог и рога воловьи» [51].

По свидетельству наших информаторов, полив пахотных и сенокосных участков производили повсюду, используя для этой цели близлежащие водные источники. Только орошение полей могло обеспечить крестьянину получение гарантированного урожая. Поливные пахотные участки обычно располагались у поселений или недалеко от них.

Большое внимание уделялось поддержанию в исправности оросительной системы и особенно главного оросительного канала (*балк баш илипин, уллу илипин*) протяженностью 3—6 км. Во всех балкарских ущельях можно встретить несколько таких каналов. То же самое мы находим и в Карачае. В сел. Учкулан девять главных каналов; из них один был построен в 60-х годах XIX в., он протянулся до сел. Карт-Джурт; о времени постройки других каналов ничего не известно. Главный канал нередко представлял собой сложное инженерное сооружение с опорными каменными стенами, с подачей воды через туннели и по деревянным трубам. Для отвода из реки воды в канал использовалась большая крестовина из брусьев, которая ставилась ранней весной и снималась с наступлением зимы. От главного канала посредством распределителя вода отводилась в средние каналы (*орта илипин*), а от них — в более мелкие каналы (*гитче илипин*), которые непосредственно орошали участки. Таким образом, почти вся территория балкарцев и карачаевцев была покрыта широкой сетью оросительных каналов.

Строительство и постоянный уход за этими каналами, часто подвергавшимися разрушению, особенно в период весенне-летнего таяния снегов и ливней, требовали от горцев огромного труда и времени. Ремонт и очистка каналов от камней и других наносов начинались еще ранней весной, накануне сельскохозяйственных работ. Особое внимание обращалось на главные оросительные каналы, разделявшиеся обычно на отдельные участки по числу сел или кварталов; жители каждого отвечали за эту работу на своем участке. За исправностью главных каналов следил выборный представитель «илипинчи» (балк. букв. «канавный работник»), которому выплачивали натурой или деньгами. «Орошение полей,— писал Н. А. Караулов о балкарцах,— поставлено хорошо, и каждый хозяин внимательно следит за своим полем, вовремя пуская и отводя воду» [52]. То же самое пишет о карачаевцах Г. Петров, наблюдавший в 80-х годах XIX в. за жизнью этого народа: «Для поливки посевов пользуются ручьями, стекающими с возвышенности, с помощью канав во́ды направ-

ляются на участки. При этом наблюдается очередь: после орошения участков, лежащих по главному направлению ручья, вода пропускается в стороны с разветвлениями всюду, куда только может быть пропущена» [53].

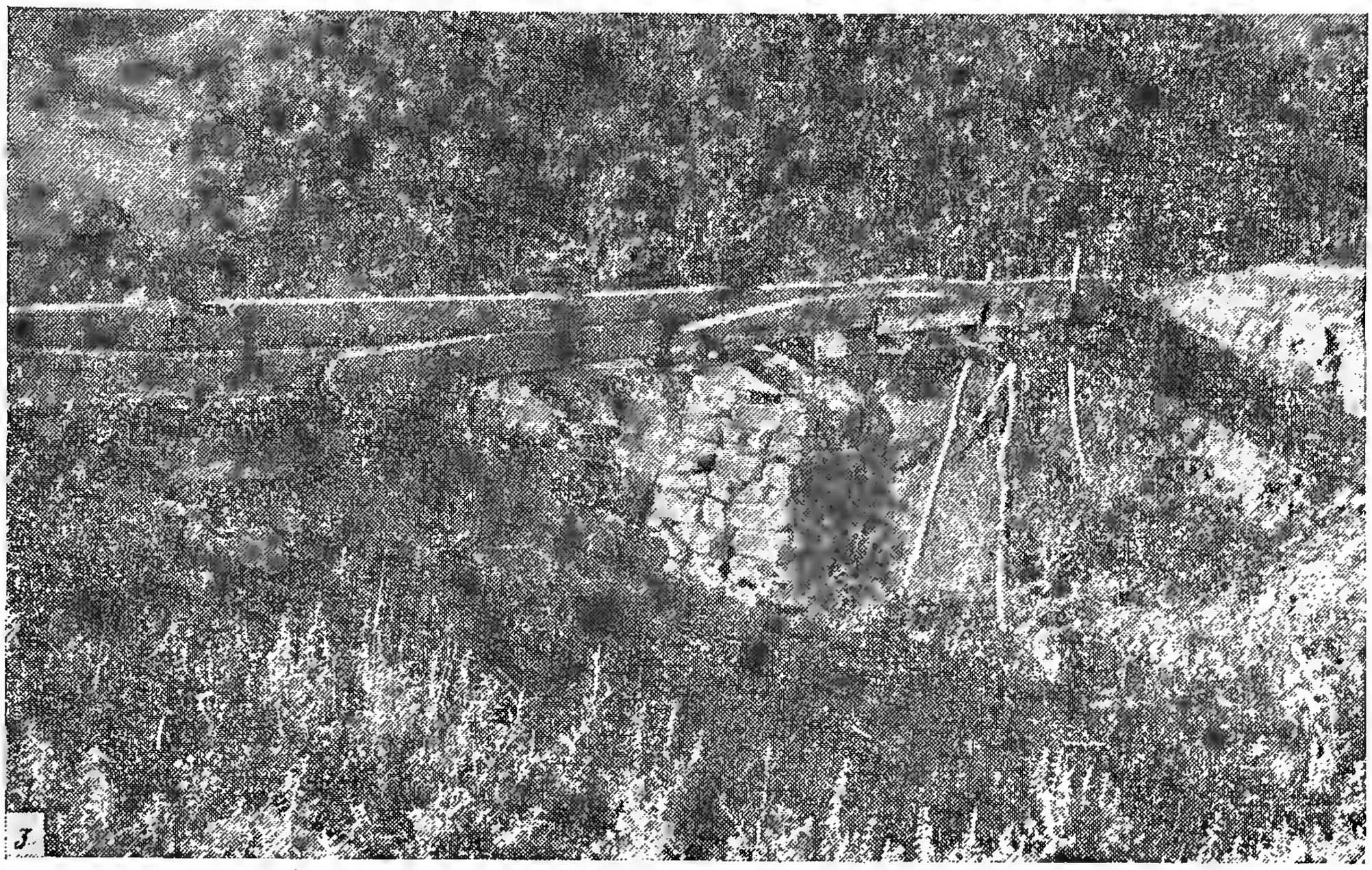
В упомянутых записках М. М. Ковалевского, касающихся в основном сел. Верхний Чегем, говорится, что вода для полива проводилась из речки Делы через земли владельца мельницы; в качестве вознаграждения последнему односельчане давали от каждого двора по чашке ячменя. «Обычай этот,— пишет М. М. Ковалевский,— теперь оставлен, так как воды много, но такого строгого распределения воды, как в Хуламе или Урусбиеве, не имеется. В Хуламе одной канавой пользуются семей двадцать, каждая семья в году один раз в течение двух суток. Если одна из семей, имеющих право на канаву, пахотной земли не имеет, то она за вознаграждение отчуждает ее нуждающимся (за сено или солому и т. д.)» [54].

Распределение воды осуществлялось специальными выборными лицами «суучула» (водники). Вода делилась подворно, строго соблюдалась очередность. Однако в местах, обильных водой, особенно в Балкарии, пользовались водой без учета. Наиболее строгое распределение воды было у карачаевцев, для которых она стала даже предметом купли и продажи: «Вода делится,— пишет Н. П. Тульчинский,— на равные паи, не по числу орошаемых участков и не по их размерам, а по числу домохозяев, считавшихся собственниками главных водных артерий, и каждый таковой двор получает по очереди на одни сутки свой пай, не входя в рассмотрение, нужна ли ему вода или нет. Такой своеобразный обычай вызвал другой — торговлю водой: не имеющие совсем пахотных и луговых участков продают свои паи другим, ощущающим большой недостаток в воде, а равно продают свою воду или часть ее те, которые по размерам своих участков или по местонахождению их не нуждаются в полном пае» [55]. Существование такого порядка пользования водой вызвано, несомненно, высоким развитием в горах Карачая поливного земледелия. В 80-х годах, по данным Н. С. Иваненкова, для полива поля с утра одного дня до утра другого платили 40 коп., а за использование 1/6 части воды — 20 коп.[56]; уступка очереди дневного полива оценивалась в 50 коп.; немного дешевле стоил полив, проводившийся ночью. При пользовании водой для полива карачаевцы выработали и некоторые другие правила: как и когда на верхних участках расходовать воду, чтобы не лишать водой нижние участки. «Такого рода пользование водой для орошения,— отмечает В. М. Сысоев в начале XX в.,— очень распространенное явление в Закавказье, но на Северном Кавказе в Кубанской области оно встречается только в Карачае» [57].

Наряду с балкарцами и карачаевцами искусственное орошение применялось также в ряде мест Восточной горной Чечни и особенно в Чеберлое, о чем свидетельствуют сохранившиеся здесь следы оросительных систем (каналов, водопроводных труб, дамб и т. д.). В других районах нагорного Северного Кавказа, где обычно выпадает большое количество осадков, искусственное орошение отсутствовало. Здесь поля и покосы поливали из ближайших речек и родников в случае крайней необходимости. Орошение не практиковалось и на равнине изучаемого региона. Исключение составляла Чечня, а также примоздокские и кизлярские степи, населенные русскими казаками и кавказскими народами. На равнине Чечни, через которую протекают несколько рек и множество ручьев,

Рис. 2. Ирригация

1 – оросительный канал XIX в. С. Белгатой. Чечня, 1968 г.; *2* – с. Былым. Балкария, 1968 г.; *3* — оросительные сооружения. С. Булунчу



полив начали практиковать еще в XVIII в., в связи с развитием земледелия и повсеместным возделыванием кукурузы. Уже в это время здесь было несколько оросительных каналов. «Большая и малая Чечня перерезаны множеством канав и болотистых топких ручьев» [58],— сообщал А. П. Берже в середине XIX в. «Чеченская равнина,— писал Евг. Максимов в конце этого столетия,— богато орошена текучими водами многих рек, впадающих в Сунжу, служащую главным основанием водной системы плоскостной Чечни» [59].

Наиболее ранними оросительными каналами в Чечне можно считать Ханькальский и Шавдонский каналы, построенные в начале XIX в., после основания крепости Грозный. Подтверждение этого мы находим в прошении, поданном в 1887 г. грозненскими огородниками, садоводами и мельниками на имя начальника Терской области, в котором, в частности, говорится: «Во время войны с горцами, когда существовала только крепость Грозная, а города еще не было, по распоряжению военных властей проведена была войсками канава для форпостных надобностей по направлению из реки Аргуна, через Ханкалы к реке Сунже, каковая канава до обращения крепости в город поддерживалась средствами войск в исправном состоянии. Впоследствии же, с введением гражданского управления и образования города Грозного, по течению той канавы образовались постепенно разного рода сельскохозяйственные образования. Как-то: мельницы, огороды и сады, преимущественно на истоке ее, в черте нынешней городской выгонной земли». К этому времени относится и проведение Шавдонской канавы, служившей для орошения близлежащих к городу земель [60].

После окончания Кавказской войны наряду с восстановлением прежних систем орошения были проведены новые оросительные каналы. Так, в 1866 г. жителями Малой Чечни был сооружен канал протяженностью более 27 км; он проходил из р. Аргун через Ханкальское ущелье и спускался недалеко от Старосунженского аула к р. Сунжа. В это же время на чеченской равнине началось строительство самой крупной оросительной системы в дореволюционной Чечне — Ново-Атагинского канала, орошавшего более 15 тыс. дес. земли, принадлежавших селениям Новые Атаги, Шали, Белгатой и Германчук [61]. Канал начинался на правом берегу р. Аргун против Воздвиженского укрепления (ныне сел. Старые Атаги) и, поднимаясь вверх по Шалинской поляне (Боку-Шу), разветвлялся на четыре рукава по числу указанных четырех селений. Строительство канала, завершившееся в 1871 г., потребовало от чеченцев, по словам Н. А. Вроцкого, «египетских работ» и огромных материальных средств. «В последнее время в ходу вопрос,— пишет он,— об оживлении громадной и почти пустынной Качкаликовской плоскости — две канавы из р. Аксай, Баклановская — из р. Гумки (она же Гудермас)» [62]. Одновременно со строительством Ново-Атагинского канала сооружалось большое количество второстепенных каналов на левом берегу р. Аргун: Старо-Атагинский канал, бравший свое начало около сел. Старые Атаги (более 24 верст), Чеченаульский (15 верст), Бердыкемский (16 верст), Грозненский (12 верст) и др.

После окончания Кавказской войны был восстановлен так называемый Гаджиаульский канал, построенный еще в XVIII в.

Однако, несмотря на сооружение значительного количества оросительных каналов, многие земли Чечено-Ингушетии, как и в других местах

равнинной зоны Северного Кавказа, остро нуждались в поливах, особенно во время часто повторявшихся засух. К числу таких, например, относилась Алхан-Чурская долина, составлявшая до 107 500 дес.[63] плодородной земли, принадлежавшая казачьим станицам, ингушским и чеченским селам. Этот огромный район крайне нуждался в обводнении. Вопрос о подведении сюда канала обсуждался ежегодно с 1862 г. в Терском областном правлении, неоднократно ставился перед кавказским наместничеством и министерством финансов царского правительства. Однако он не был решен. Алхан-Чурский канал был построен лишь в советское время[64].

Уход за оросительными каналами у чеченцев, а также порядок пользования ими при поливе осуществлялись под руководством общественных старейшин (юьртакъаной), избиравшихся обычно сроком на один год. Особое внимание обращалось на уход и содержание главного канала, очистка которого проводилась ежегодно ранней весной жителями всех сел, пользовавшихся водою из него. Примечательно, что в случае отказа от участия в работе виновники подвергались штрафу; у них забирали некоторые предметы домашнего обихода (большой медный таз, кувшин для воды, рукомойник и т. д.) и выставляли их напоказ всему селу. Это считалось большим оскорблением для данной семьи. От главного канала для каждого селения отводились свои каналы, которые в свою очередь делились на множество мелких каналов, принадлежавших отдельным хозяевам. Порядок распределения и пользования водой осуществлялся общественными выборными. Полив производили поочередно, причем первыми получали воду жители тех селений, которые располагались вблизи основной части главного канала. Количество воды зависело от качества почвы и степени засушливости. Обычно посевы пшеницы поливали два раза, а посевы кукурузы — три и более раз. Из-за воды часто возникали споры между селами и отдельными хозяевами, которые нередко заканчивались кровной местью.

Вопрос о создании ирригационных систем на равнине Северного Кавказа занимал не только горцев, но и русское население, в частности терских казаков, владевших огромными и наиболее плодородными пахотными угодьями. Уже около середины XIX в. на левом берегу Терека существовало три больших канала: Эристовский, или Неволка, Курский и Щедринский. Из них Эристовский канал был наиболее старым; его начали проводить в 40-х годах по распоряжению наказного атамана Терского казачьего войска кн. Георгия Эристова (отчего он назывался Эристовским) через обширные моздокские степи, населенные казаками и многими кавказскими народами: армянами, грузинами, осетинами, кабардинцами и др.[65]

Хотя канал официально именовался Эристовским, народ и поныне называет его «Неволкой», т. е. построенный принудительным трудом населения. Длина канала составляет более 200 верст; он берет начало от левого берега Малки выше станицы Павловской и, проходя по Моздокским степям, доходит до бывшего хут. Савельевского и исчезает в песках. Несмотря на весьма примитивную технику, канал обеспечивал водой страдавшие от засухи обширные моздокские поля. «Эристовский канал,— писал М. Герсеванов,— приносит большую пользу казакам Горского и Моздокского полков и городу Моздоку, но требует уже и теперь капитальных исправлений и постоянного ремонта»[66].

Курский канал, построенный в 1868 г., протяженностью более 19 верст, берет свое начало от левого берега Малки близ станицы Марьевской. Щедринский канал (более 40 верст) проходит от низовьев многоводного Терека через огромные безводные степи до сел. Черный Рынок, где его вода вливается в Каспийское море. Он был построен в 70-х годах XIX в. Кроме главной своей задачи — орошения полей, этот канал отводил воду от разливавшегося летом Терека; разливы реки наносили большие убытки хозяйству, особенно жителям притеречных районов.

В целом же, несмотря на наличие указанных каналов, проблема воды оставалась здесь, как и в других засушливых районах региона, нерешенной. Составлявшиеся неоднократно проекты сооружения новых оросительных каналов, в том числе Терско-Кумского, не могли быть претворены в жизнь из-за антинародной политики царизма. Только при Советской власти стало реальным осуществление рассматриваемой проблемы на всей территории Северного Кавказа. Уже в 20-х годах началась большая работа по сооружению оросительных каналов в засушливых районах всех национальных республик Северного Кавказа.

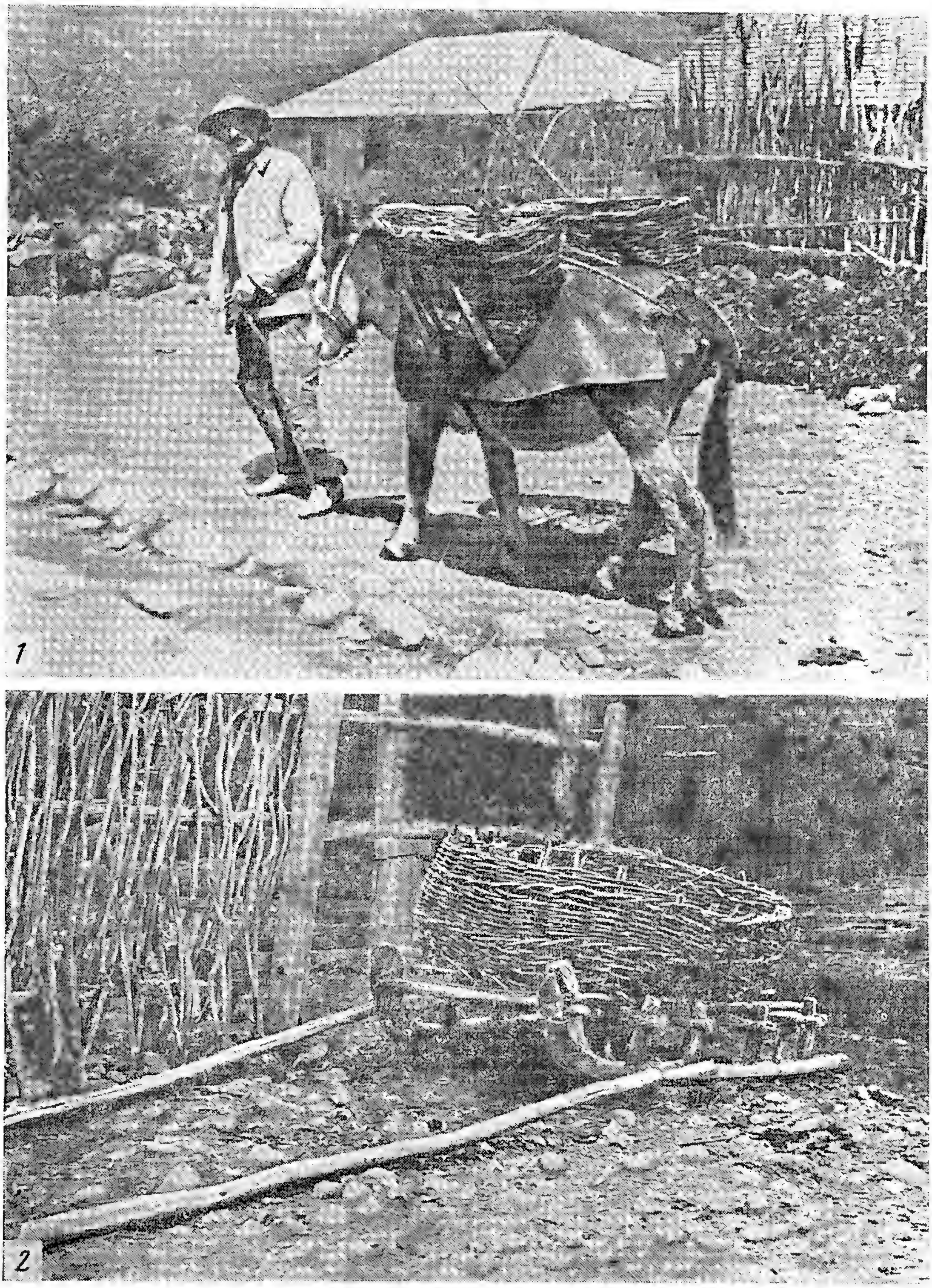
Только с 1923 по 1925 г. на постройку новых каналов и ремонт старых, на сооружение артезианских колодцев в Чечено-Ингушетии было израсходовано 254 092 руб. На эти средства провели Ашагино-Гайтинский канал (13 верст), осуществили изыскательные работы по строительству Шалинского и Алдынского обводнительных каналов, построили Шалинский, Валерикский, Алдынский и Надтеречный обводнительные каналы, было вырыто 16 колодцев в засушливом Ачалукском районе [67].

Осуществилась вековая мечта и жителей Алхан-Чурской долины Чечено-Ингушетии. В 30-х годах здесь была построена оросительная система с рядом крупных гидротехнических сооружений с забором воды из р. Терека у сел. Михайловское СО АССР. В последующие годы строительство оросительных систем приняло еще больший размах. В 1970 г. нами было зафиксировано только по обоим берегам Аргуна свыше 20 больших и малых оросительных каналов.

Большим событием в жизни кабардинцев и балкарцев была постройка Малокабардинской оросительной системы (1924—1929 гг.) с проектной площадью орошения до 30 тыс. га и обводнения 60 тыс. га. Общая протяженность всех каналов этой системы составляет 1210 км [68]. В эти же годы был проведен Дигорский оросительный канал на равнине осетин-дигорцев Северной Осетии. В предвоенный период во всех республиках Северного Кавказа было сооружено множество оросительных каналов методом всенародной стройки. Одним из таких был Цалыкский канал в Северо-Осетинской АССР, построенный в 1940 г. на огромном плодородном Цалыкском плато, совершенно лишенном водных источников. Осетинский народ веками мечтал об орошении земель Цалыка, составляющих 25 тыс. гектаров, т. е. свыше 30% посевной площади республики в указанное время. Сооружение Цалыкского канала было объявлено всенародной стройкой. Трасса канала была разбита на шесть участков по числу районов республики. Инициатором социалистического соревнования явились комсомольско-молодежные бригады, которые имелись в каждом селе или колхозе. В результате строительство канала протяженностью 47 км было окончено досрочно — за 16 рабочих дней. Общий объем земляных работ достиг 400 тыс. кубометров против намеченных 200 тыс.; было построено 28 мостов и других объектов, связанных с каналом [69].

Рис. 3. Способы доставки навоза в поле

1 — вьюком. С. Учкулан. Карачай; *2* — на санях. С. Верхний Зарамаг. Северная Осетия, 1957 г.



Таким же методом народной стройки были сооружены в предгорьях Чечено-Ингушетии оросительные каналы на реках Ассы, Аргун, Гойта и др., которые позже вошли в Ассинские и Аргунские системы.

Большим событием послевоенного периода явилось строительство Терско-Кумского канала, орошение и обводнение около 2494 тыс. гектаров плодородных земель Ставропольского края, Чечено-Ингушской АССР и Моздокского района Северо-Осетинской АССР [70]. Уже в 1957 г. наряду с межреспубликанскими оросительными системами (Алхан-Чурской, Терско-Кумской и Малокабардинской) на территории региона действовало большое количество каналов республиканского значения [71].

В 1965 г. площадь орошаемых земель в бассейне Терека составляла в Чечено-Ингушской АССР 108,4 тыс. га, в Северо-Осетинской АССР — 32,8 тыс. га, в Кабардино-Балкарской АССР — 74,4 тыс. га[72]. В это время здесь насчитывалось, по данным Г. К. Льгова, более 20 крупных оросительных систем и множество мелких. Таким образом, уже в 60-х годах вся равнинная зона изучаемого региона была покрыта широкой сетью оросительных и обводнительных каналов. Это привело к коренным изменениям в хозяйственном укладе горцев, особенно в засушливых в прошлом районах.

*

В системе земледелия у народов Северного Кавказа важное место занимали удобрения, применявшиеся только в горах, где каменистая почва не могла давать урожая без внесения соответствующих органических веществ. Потребность в удобрении здесь была вызвана и тем, что пашни в горах обрабатывались беспрерывно, не знали отдыха ввиду острой нехватки земли. К тому же почвенный покров в горной местности очень тонок. «Почва пахоты до того истощена,— писал современник про Балкарию в конце XIX в.,— что без хорошего удобрения не в состоянии дать самый скудный урожай» [73]. «Без навоза нет зерна», «из камня на камне нет урожая» — гласят горские поговорки. Наиболее ценным удобрением считался овечий навоз, который собирали в селах и в самых отдаленных загонах — кутанах. Широко практиковался также прогон овец непосредственно по пашням после снятия хлебов. Такой способ удобрения Н. П. Тульчинский, например, зафиксировал у карачаевцев. «Для полей, удаленных от жилых мест и расположенных вблизи пастбищ, владельцы полей, чтобы скопить навоз, сообща устраивали конюшни для загона на ночлег скота, или баранты» [74]. Наряду с овечьим навозом ценным удобрением считался и навоз крупного рогатого скота; никогда не применяли для этой цели конский навоз.

В качестве удобрения нередко использовали помет диких голубей, обитавших в башнях, имевшихся в значительном количестве в селениях горной Ингушетии, Чечни и Осетии. Указанным пометом удобряли преимущественно террасные поля. Малочисленность скота у подавляющего большинства крестьян, а у многих из них нередко и отсутствие его были главной причиной того, что навоз в ряде мест являлся предметом продажи. Так, в трудах «Абрамовской» комиссии отмечается, что у осетин бедные покупали навоз, уплачивая за «куф» (корзина навоза весом 8—10 пудов) по 20 и 25 коп.[75] В. П. Христианович, описывая горную Ингушетию уже в советские годы, отмечал: «Лет 20 тому назад навоз

был обычным рыночным продуктом. Цены на навоз достигли 2 коп. за пуд, или одного барана за 8 горских арб. В настоящее время случаи купли и продажи навоза редки...» [76] Не имея своего навоза, многие крестьяне вынуждены были удобрять свои пашни чужим навозом, платя за это в первый год пахоты половину полученного урожая.

Не удивительно поэтому, что горцы так тщательно собирали и хранили навоз в течение всего зимнего периода. «Пашни удобрялись навозом, скапливавшимся у порогов жилища»,— писал современник про горных чеченцев [77]. Транспортировка навоза, производившаяся перед началом пахоты, требовала от хозяев огромных сил и времени.

Несколько иной порядок, связанный со сбором и вывозом навоза в поле, существовал у карачаевцев. «Для скопления навоза,— писал Н. П. Тульчинский,— устраиваются особые помещения — конюшни, богатые скотоводы имеют свои собственные, а бедные устраивают их в компании и по мере надобности разновременно вывозят навоз на свои поля. Когда же является необходимость в одновременном удобрении, то компании делят навоз поровну» [78]. Время вывоза удобрения в поле зависело от вертикальной зональности; в высокогорных районах эта работа осуществлялась весной, перед окончательным сходом снегов; в горной зоне не было единого порядка; там навоз вывозили в поле большей частью осенью или зимой. Интересные данные по этому вопросу находим в работе В. П. Христиановича: «Сроки вывоза, по-видимому,— пишет он,— имеют связь с вертикальной зональностью. В селениях, где высота пашен от 1600 до 1900 метров, навоз вывозится только весной и тотчас заделывается горским деревянным плугом. В более низкой зоне, от 1300 до 1600 метров, нами зарегистрирована и осенняя вывозка навоза. Ниже 1300 метров продолжается зимняя вывозка. Разбрасывание и заделка навоза во всех случаях только весенние, в марте или апреле» [79].

Наиболее распространенным видом транспорта для вывоза навоза в поле у горцев были сани и своеобразная арба с длинной осью и маленькими колесами; на них ставили глубокую продолговатую плетеную корзину, служившую одновременно и единицей меры навоза, требовавшегося для удобрения. Корзина эта имела у каждого народа свое наименование.

На пашни, располагавшиеся в непроходимых для гужевого транспорта местах, навоз доставляли на ослах вьюками или в двух одинаковых корзинах, сплетенных из тонкого орешника. В ряде мест Ингушетии для этой цели применяли кожаные мешки.

Мерой удобрения являлась большая корзина. «Навоз для удобрения полей,— читаем мы в трудах «Абрамовской» комиссии про осетин,— возят в особых корзинах «куф», приспособленных на колеса, но чаще вьюками или же на носилках «ладжы куф» (букв. «корзина для мужчины».— *Б. К.*). Для удобрения площади в 120 кв. саж. достаточно 20—30 куф весом 8—10 пудов каждый» [80]. По сообщениям информаторов, у осетин, например в сел. Харисджын Куртатинского ущелья, на пахотный участок, составлявший двухдневную норму пахоты, клали навоз в 100 таких корзин, в сел. Махческ Дигорского ущелья — от 100 до 150 корзин. Таким образом, если учесть, что в каждой корзине помещалось до 25 пудов навоза, то на участок пашни, судя по приведенным данным, приходилось в среднем не менее 2500 пудов удобрения. Количество последнего зависело также от качества почвы и вида культуры.

По подсчетам В. П. Христиановича, ингуши, например, вносили под картофель от 34 до 86 тонн навоза, под кукурузу — от 25 до 75 тонн, под ячмень — от 23 до 59 тонн, под пшеницу — до 25 тонн, а под овес — 17 тонн [81]. Все эти культуры, за исключением овса, выращивались исключительно на плодородных землях, располагавшихся обычно на солнечной стороне.

Почти повсюду в регионе удобряли поля через 2—3 года. «Удобрение почвы навозом производится не каждый год, а через два-три до пяти лет» [82],— сообщает Н. П. Тульчинский о карачаевцах. «Через 3 года удобрение надо повторить»,— пишет Н. С. Иваненков про чеченцев и ингушей [83]. «Удобряется через каждые три года»,—говорит Е. Баранов, описывая земледелие у балкарцев [84]. По данным полевых этнографических исследований, таких же сроков (2—3 года) удобрения почвы придерживались и осетины. Вывезенный в поле навоз сваливали в кучи и оставляли до пахоты. Делалось это, по словам информаторов, для того, чтобы навоз сохранил влагу, а также с целью продолжения в нем процесса гниения. Перед пахотой после второго дождя навоз равномерно разбрасывали по пашне вилами, лопатами или же разносили в специальной плетеной корзине.

---

[1] *Раждаев П.* Экономический быт горцев Нальчикского округа. Владикавказ, 1920, с. 45.

[2] *Пожидаев В. П.* Хозяйственный быт Кабарды.— ТЕИЭОК, 1925, т. III, вып. 1, с. 77.

[3] *Раждаев П. Н.* Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1925, с. 79—80.

[4] *Максимов Евг.* Кабардинцы, с. 75.

[5] *Раждаев П.* Экономический быт..., с. 45.

[6] *Раждаев П. Н.* Основные черты..., с. 68.

[7] *Кокиев С. В.* Записки о быте осетин, с. 105.

[8] *Вертепов Г.* Осетины. Историко-статистический очерк.— ТС, 1892, вып. 2, кн. 2, с. 44.

[9] *Сисоев З.* Станица Черноярская.— ТВ, 1900, № 23, 24.

[10] *Максимов Евг.* Чеченцы, с. 75.

[11] *Ермолов А. С.* Организация полевого хозяйства. Системы земледелия. СПб., 1891, с. 135.

[12] *Вертепов Г.* Осетины, с. 35.

[13] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908, с. 105; *Христианович В. П.* Горная Ингушетия. Ростов-на-Дону, 1924, с. 194.

[14] ЦГИАЛ, ф. 866, оп. 1, ед. хр. 54, л. 7.

[15] *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 150.

[16] *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. 1, вып. 1, с. 379.

[17] *Попов И.* Земледелие у чеченцев.— ССТО, 1878, вып. 1.

[18] Чеченский округ.— ССКГ, 1869, вып. 2, с. 64.

[19] *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882, вып. 2, с. 79.

[20] *Попов И.* Земледелие..., с. 268. «В лесных местностях северной части района,— писал Н. С. Иваненков про горных чеченцев,— члены образовавшихся там общин практиковали тот же способ заимки, какой существовал во всех других местностях, покрытых лесами. Способ заключался в том, что всякий домохозяин занимал по своим потребностям и силам места для расчистки леса и обозначал его зарубками на деревьях. Установления какого-либо срока для расчистки не существовало потому, что право первого захвата переходило к наследникам и если отец не расчистил всего места, то дело это продолжали наследники его. Все признавали раньше и признают теперь это право, в том лишь разница, что прежде никто расчисток не запрещал, а теперь расчистки не дозволяются нашим правительством» (*Иваненков Н. С.* Горные чеченцы.— ТС, 1910; вып. 7, с. 57).

[21] *Клинген И.* Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897, с. 47.

[22] *Дьячков-Тарасов А. Н.* Абазехи.— ЗКОРГО, 1902, кн. XXII, вып. 4, с. 17.

[23] *Петров В. П.* Подсечное земледелие. Киев, 1968, с. 86; *Новоселов И. А.* Земледелие на крайнем севере Восточной

Сибири. М.— Иркутск, 1934, с. 58—59.
[24] *Клинген И.* Основы..., с. 47.
[25] *Алибердов Т. Д.* Из истории земледелия у адыгов в XIX в.— УЗ АНИИЯЛИ, 1966, т. VIII, с. 44; *Тхагушев Н.* Адыгейские (черкесские) сорта..., с. 15; *Хатисов И., Ратиньянц А.* Отчет Комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, между реками Туапсе и Бзыбью.— ЗКОСХ, 1867; *Клинген И.* Основы..., с. 49; *Петров В. П.* Подсечное земледелие, с. 87.
[26] *Маркович В. В.* В лесах Ичкории.— Лесной журнал, 1891, № 5, с. 1033.
[27] *Петров В. П.* Подсечное земледелие, с. 92.
[28] *Клинген И.* Основы..., с. 48.
[29] *Петров В. П.* Подсечное земледелие, с. 99.
[30] Там же.
[31] *Клинген И.* Основы..., с. 51.
[32] *Дьячков-Тарасов А. Н.* Абазехи, с. 18.
[33] *Петров Г.* Верховья Кубани. Карачай.— В кн.: Памятная книжка Кубанской области на 1880 г. Екатеринодар, 1880.
[34] Труды Комиссии..., с. 173.
[35] *Мартиросян Г. К.* Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк.— ИИНИИК, 1928, вып. 1, с. 34.
[36] *Раждаев П. Н.* Основные черты..., с. 59.
[37] *В. Н. Л.* Переходное состояние горцев Северного Кавказа.
[38] *Христианович В. П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды. Воронеж, 1926, с. 65.
[39] *Клинген И.* Основы..., с. 49.
[40] Труды Комиссии..., с. 38.
[41] *Раждаев П. Э*кономический быт..., с. 9.
[42] *Тульчинский Н. П.* Пять обществ Кабарды.— ТС, 1903, вып. 5. с. 181.
[43] *Сысоев В. М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении.— СМОМПК, 1916, вып. 43, с. 91.
[44] *Дмитриев Н.* Переход через Рокский и Мамисонский перевалы.— СМОМПК, 1894, вып. 20, с. 29.
[45] *Берже А. П.* Чечня и чеченцы, с. 62.
[46] *Грабовский Н. Ф.* Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушского округа.— ССКГ, 1870, вып. III, с. 10.
[47] *Христианович В. П.* Горная Ингушетия, с. 192.
[48] *Тепцов В. Я.* По истокам Кубани и Терека, с. 147.
[49] Тюркское племя.— КС, 1910, т. IV, с. 292.
[50] *Тульчинский Н. П.* Пять обществ..., с. 182.
[51] ААН, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 329, л. 20—25.
[52] *Караулов Н. А.* Балкары на Кавказе, с. 144.
[53] *Петров Г.* Верховья Кубани, с. 138.
[54] ААН, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 329, л. 20—25.
[55] *Тульчинский Н. П.* Пять обществ..., с. 182.
[56] *Иваненков Н. С.* Карачаевцы, с. 66.
[57] *Сысоев В. М.* Карачай, с. 90.
[58] *Берже А. М.* Чечня и чеченцы, с. 21.
[59] *Максимов Евг.* Чеченцы, с. 13.
[60] ЦГАСК, ф. 125, ед. хр. 2, л. 44.
[61] О состоянии хозяйства и промышленности у туземцев Терской области, с. 100.
[62] *Вроцкий Н. А.* Чечня как хлебный оазис.— ССТО, 1878, вып. 1, с. 272.
[63] ЦГАСК, ф. 125, ед. хр. 2, л. 182, 222.
[64] Нами в ЦГАСК была обнаружена большая переписка царских чиновников по этому вопросу (ф. 125).

Первыми инициаторами проведения Алхан-Чурского канала выступили приезжие мастера; в рапорте терского областного архитектора Грозмани от 18 сентября 1885 г., в частности, сказано: «Вопрос о проведении воды в Алханчурскую долину поднят давно, и я лично слышал о нем еще в 1862 г. ... Узнав о крайней потребности воды в Алханчурской долине, [мастера] предложили перевести камбилеевскую воду небольшой канавкой от бывшего камбилеевского поста по направлению к Назрану, затем повернуть ее налево назад прямо через перевал». Затем последовали проекты инженеров Зельского, Петерсона, Конради и др. Наиболее приемлемым оказался проект Конради, который предполагал проведение воды из Камбилеевки прямо в долину. Однако он не учитывал, что воды в Камбилеевке недостаточно для обводнения и что ее необходимо пополнять из Терека. Этот существенный недостаток проекта был устранен областным архитектором Грозмани. Для сооружения Алхан-Чурского канала требовалось около 400 000 руб., а по другим расчетам — еще больше.

Строительство Алхан-Чурского канала администрация считала чисто местным мероприятием и все затраты по его устройству возложила на земскую управу, которая должна была также следить за содержанием канала и пользованием водою из него. «Как земское сооружение,— говорится в документе,— оно должно поддерживаться и охраняться всеми силами местного населения. Необходимый для него денежный сбор взыскивается для трех надобностей: а) на ремонт, эксплуатацию и развитие канала, б) на погашение долгов и в) на составление запасного капитала». Сбором на стро-

ительство канала облагалось все население, «соразмерно величине земельного надела, обводняемого каналом». Сбором облагался даже крупный и мелкий рогатый скот.

65 *Калоев Б. А.* Из истории Моздока и моздокских осетин.— ИСОНИИ, 1966, т. 25.

66 *Герсеванов М.* Обзор работ, произведенных по ирригации в Кавказском и Закавказском крае до 1871 года, и будущность этого дела. Тифлис, 1872, с. 3; *Вейсенгов С. В.* Сведения о состоянии орошения на Кавказе по 1883 г. Тифлис, 1883, с. 40—42.

67 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 2. Грозный, 1972, с. 111.

68 *Льгов Д. К.* Орошение земледелия Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1967, с. 14.

69 Социалистическая Осетия, 1940, № 96(2036), № 100(2040), № 113(2053).

70 *Исенко А. А., Россинский А. М.* Терско-Кумская оросительно-обводнительная система. Грозный, 1952.

71 Народное хозяйство. К 40-летию автономии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1964, с. 66.

72 *Льгов Г. К.* Орошение земледелия...; Народное хозяйство Чечено-Ингушской АССР за 1966—1970 гг. Статистический сборник. Грозный, 1971, с. 36; Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Нальчик, 1967, с. 48.

73 *Баранов Евг.* Очерки земледелия в горах.— ТВ, 1892, № 14.

74 *Тульчинский Н. П.* Пять обществ..., с. 182.

75 Труды Комиссии..., с. 105—106.

76 *Христианович В. П.* Горная Ингушетия, с. 194.

77 См.: *Иваненков Н. С.* Горная Чечня, с. 122.

78 *Тульчинский Н. П.* Пять обществ..., с. 182.

79 *Христианович В. П.* Горная Ингушетия, с. 194.

80 Труды Комиссии..., с. 105—106.

81 *Христианович В. П.* Горная Ингушетия, с. 194.

82 *Тульчинский Н. П.* Пять обществ..., с. 182.

83 *Иваненков Н. С.* Горная Чечня, с. 122.

84 *Баранов Евг.* Очерки..., с. 14.

III

КУЛЬТУРЫ

таблицы 2—3

Характеристику культурных растений мы начнем с горных зон региона, поскольку сорта важнейших хлебных злаков (ячменя, пшеницы, ржи и т. д.) у горцев Северного Кавказа возникли, по определению Н. И. Вавилова, именно в горах, где земледелие стояло до 70—80-х годов XIX в. на более высоком уровне развития, чем на плодородной равнине края. В горах одним из наиболее распространенных злаков был ячмень, имевший несколько разновидностей и множество сортов. В соседнем Дагестане, например, имелось до 30 форм ячменя, т. е. «свыше 60% общего числа форм в СССР» [1]. В горах Северного Кавказа славились высоким качеством зерна, продуктивностью и морозоустойчивостью местные яровые двурядные и четырехрядные сорта ячменя, представлявшие «исключительный интерес для практической селекции и семеноводства». Н. И. Вавилов считал, что по зимостойкости озимые ячмени Северного Кавказа «не имели конкурентов в мировом ассортименте» [2]. В другой своей работе ученый, рассматривая распространение этой культуры в мировом масштабе, писал: «В горных странах ячмень идет наиболее высоко, поднимаясь до пределов вечных снегов, где невозможна ни культура яровой ржи, ни культура яровой пшеницы». По его мнению, ячмень хорошо переносит низкие температуры и «не боится заморозков даже в том случае, если понижение температуры происходит после появления всходов» [3].

Эта характеристика ячменя находит свое яркое подтверждение в материалах Северного Кавказа. В трудах «Абрамовской комиссии», например, касающихся населения Восточного и Центрального Кавказа, указывалось: «Горцы продолжают засевать поля ячменем, пшеница же не может произрастать на такой высоте над уровнем моря, на какой расположены поля горцев» [4]. Суровые климатические условия, острая нужда в земле вынуждали горцев разводить специальные морозоустойчивые сорта ячменя и ряда других культурных растений. Так, по данным указанной комиссии и по нашим наблюдениям, жители таких мест осетинского высокогорья, как Хилак в верховьях р. Фиагдон, Зака, Зруг, Гуркгумтыком, Тырсы и др., засевали свои поля почти исключительно особым скороспеющим двурядным ячменем, известным под местным названием «сыскъ» [5]. Ячмень этот был низкорослым и малоурожайным, обладал небольшим колосом [6].

В целом же каждый вид ячменя, по словам информаторов, требовал определенного ухода: двурядный ячмень мог давать хороший урожай только в холодных местах, т. е. в высокогорной зоне; четырехрядный и шестирядный ячмени любили, наоборот, сравнительно теплый климат и

более плодородную почву, поэтому их сеяли преимущественно в низменных местах. Ячмень являлся в горах главным продуктом питания населения. Из него же осетины, как и некоторые их соседи-горцы, делали превосходное пиво. При этом, по словам стариков, для приготовления пива наилучшим считался именно двурядный ячмень. Н. И. Вавилов, характеризуя культуру ячменя, замечает, что двурядный ячмень «часто называется и пивоваренным», хотя «в Англии нередко пиво высокого качества получается из шестирядных ячменей» [7].

Рассмотрим возделывание ячменя у каждого народа в отдельности. Еще первые европейские путешественники по Осетии отмечали преобладание в ее горных районах посевов ячменя. Клапрот (начало XIX в.) отмечал возделывание здесь шестирядного ячменя [8]. Несколько позже Янковский указывал, что урожай ячменя в горах Осетии бывает сам от 10 до 15, причем в отличие от овса, который «созревает поздно и пропадает иногда под выпавшим снегом, он остается невредим» [9]. Во второй половине XIX в. ячмень по-прежнему являлся в горной Осетии главной посевной культурой [10]. Так, в 1898 г. во всех горных приходах ячмень занимал первое место, а в таких, как Закинский, Хилакский, Зругский и др., располагавшихся на высоте более 2 тыс. м над уровнем моря, возделывали в основном только этот злак [11]. Переселяясь с гор на равнину в первой половине XIX в., осетины, как можно полагать, продолжали возделывать эту традиционную культуру. Но впоследствии посевы ячменя здесь резко сократились; ячмень оставался ведущей культурой лишь в селениях Заманкул, Эмаус, Старый Батакаюрт, отчасти Беслан (Тулатово), где климатические и почвенные условия благоприятствовали для его вызревания; здесь он давал «баснословные урожаи» [12].

В 1885 г., по данным С. В. Кокиева, ячмень занимал лишь шестое место среди посевных культур равнинной Осетии, причем возделывали исключительно четырехрядный и шестирядный озимый ячмень [13]. В конце XIX в. это растение здесь окончательно вытеснили озимая пшеница и кукуруза [14]. Посевы ячменя встречались лишь в ряде селений (Христиановское, Ардон, Батакаюрт). Это, по-видимому, ввело в заблуждение Г. Вертепова, ошибочно считавшего ячмень преобладающим хлебным злаком на равнине Осетии в указанное время [15]. В 1913 г. в Северной Осетии было засеяно озимым ячменем всего 4 тыс. га; не намного больше его сеют в советское время: в 1928 г.— 1,6 тыс. га, в 1940 г.— 4,3 тыс. га, в 1953 г.— 6,9 тыс. га, в 1958 г.— 13,9 тыс. га, в 1962 г.— 11,0 тыс. га [16].

Распространение ячменя в соседней Ингушетии имело аналогичный характер, эта республика весьма близка по своим климатическим и почвенным условиям Северной Осетии. Во всех ингушских горных селах ячмень являлся преобладающей культурой, а в верховьях Ассы — почти единственной. Здесь посевы ячменя достигали высоты более 2 тыс. м [17]. Причем в этих местах, по словам информаторов, сеяли преимущественно двурядный ячмень. В 1889 г. в Сунженском округе, куда входила почти вся горная Ингушетия, ячмень занимал второе место среди культур, составляя 6817 четв., т. е. намного больше, чем во Владикавказском округе (2865 четв.) [18], населенном осетинами и отчасти ингушами. К концу XIX в. посевы ячменя резко сократились не только на равнине Ингушетии, но в ее предгорьях, где стали в значительной мере возделывать кукурузу.

В 1894 г. по Грозненскому округу, куда в это время входила и Ингушетия, посевов ячменя было всего 2584 четв.[19] Тем не менее, судя по этнографическим данным, ячмень продолжали сеять в значительном количестве в таких равнинных селениях ингушей, как Назрань, Ачалуки, Кантышево и др.

Не менее широкое распространение ячмень имел и в Чечне. По данным начальников округов Аргунского, Веденского и Грозненского за 1871, 1872, 1875 и последующие годы [20], эта культура возделывалась на всей чеченской территории. Однако наибольшее количество посевов ячменя имелось в верховьях рек Чанты-Аргуна, Шаро-Аргуна и Фортанги, где поля засевались преимущественно этим злаком. В 1878 г. по официальным данным ячмень занимал первое место по всему горному Аргунскому округу; его посевы составляли 1824 четв.— намного больше, чем других культур [21]. Е. Максимов писал об указанных горных районах: «Ячмень по роли его в сельском хозяйстве чеченцев занимает чувствительное место» [22].

По другим данным, относящимся к концу XIX в., по всей Чечне ячменя было посеяно всего 2561 четв., из них на равнине — только небольшая доля [23]. Этнографические исследования свидетельствуют о том, что в это время посевы ячменя почти исчезли в таких селениях, как Шали, Чечен-аул, Энгеной и др. В связи с широким распространением в горной зоне кукурузы ячмень постепенно стал уступать свое место этой культуре, главным образом в низменных местах. По данным информаторов, в низовьях рек Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна ячмень отошел с первого места на второе. В высокогорной зоне Чечни ячмень оставался главным хлебным злаком и в последующие периоды.

Судя по нашим этнографическим исследованиям, в высокогорных поселениях балкарцев (ущелья Черека, Чегема, Безенги, Хулама, Баксана) сеяли исключительно ячмень, в то время как в нижних горных и предгорных селах он сочетался с другими культурными растениями. «Из хлебных злаков,— писал Н. П. Тульчинский про балкарцев,— сеяли во всех обществах ячмень — 2/3 площади» [24]. О ячмене, главной зерновой культуре балкарцев, писали и многие другие дореволюционные авторы [25]. В 1889 г., по данным начальника Терской области, в Нальчикском округе было засеяно 1939 четв. ячменя, из них абсолютное большинство падало на балкарские общества, входившие в этот круг. В равнинной зоне округа, населенной в основном кабардинцами, ячмень возделывался в ограниченном количестве. В конце XIX в. количество посевов ячменя в целом по округу значительно сократилось. Так, например, в 1894 г. посевы этого злака составляли всего 1310 четв.[26] Объясняется это как общим упадком горного земледелия, так и проникновением в предгорные и горные селения новых культур, в частности картофеля и кукурузы.

Появление ячменя у карачаевцев связано, по народной легенде, с Боташом — родоначальником одного из карачаевских племен, поселившихся впервые в верховьях Кубани. Боташ якобы принес с собой это растение со своей родины — Баксанского ущелья [27] и посеял его на землях современного карачаевского селения Хурзук, чтобы определить пригодность почвы для земледелия.

«Из хлебных пород,— пишет Г. Петров в 1880 г.,— в Карачае возделывается только ячмень, но его далеко не хватает для удовлетворения

местных нужд»[28]. Наряду с этим злаком карачаевцы сеяли и другие зерновые культуры, однако ячмень был преобладающим, а на многих высокогорных пашнях — единственным злаком. А. Н. Дьячков-Тарасов, хорошо знавший быт карачаевцев, отмечал, что «на суровых, крутых и каменистых склонах» Карачая «каждое удобное место отведено под посевы ячменя»[29].

В 1877 г. по всему Баталпашинскому отделу, куда входил и Карачай, было засеяно всего 2608 четв. этой культуры, т. е. намного меньше любого из возделывавшихся здесь злаков[30]. Бóльшая доля посевов ячменя падала на горные районы Карачая, поскольку равнинные просторы Кубани засевали более урожайными культурами. Согласно данным, например, за 1879 г., посевные площади под ячменем составляли по всей Кубанской области лишь 3600 дес., что не превышало даже посевных площадей под овес[31].

Из всего сказанного можно заключить, что ячмень возделывали в целом по региону преимущественно в горах, так как он наилучшим образом отвечал местным климатическим и почвенным условиям.

В отличие от горных зон региона на равнине ячмень никогда не был преобладающей культурой. Однако он бытовал в меньшей или большей степени у всех равнинных жителей — у кабардинцев, черкесов, адыгейцев, абазин и оседлых ногайцев. При этом ячмень возделывался ими специально для корма лошадям.

Е. Максимов указывал, что у кабардинцев «ячмень возделывается относительно мало», а наибольшее количество этого растения высевается в Малой Кабарде[32]. Распространение ячменя по всей Кабарде наряду с традиционным просом подтверждается и полевыми этнографическими данными. По словам информаторов, ячмень сеяли жители таких селений Большой и Малой Кабарды, как Аргудан, Урух, Старый Урух, Заюково, Плановское и др. Согласно полевым исследованиям, в конце XIX — начале XX в. ячмень еще возделывался черкесами, абазинами, ногайцами, а также всеми адыгейцами, за исключением черноморских шапсугов. У последних он был вытеснен уже давно кукурузой, ставшей здесь почти единственным зерновым злаком.

Вторым после ячменя хлебным злаком в горах Северного Кавказа была пшеница, получившая позднее широкое распространение и в его равнинной зоне. Н. И. Вавилов в специальной работе, посвященной горному земледелию Северного Кавказа, основанной на собственном полевом материале, отмечал, что нельзя понять эволюции пшеницы и ржи без Кавказа. По его мнению, некоторые виды пшеницы, обнаруженные в горах, «отличаются поразительной стойкостью к болезням»[33]. Наличие таких качеств пшеницы, возможно, объясняется не только благоприятными климатическими и почвенными условиями, но и давней традицией ее возделывания. По Вахушти, например, пшеница занимала первое место среди других хлебных злаков, возделывавшихся в горной Осетии[34]. По данным путешественника Клапрота, такой же преобладающей культурой пшеница являлась в начале XIX в. «Осетины,— пишет он,— сеют только озимую пшеницу, весной — яровую пшеницу»[35]. Однако у другого автора того же периода — Яновского, хорошо знавшего и высокогорные районы Осетии, пшеница занимает не первое место, а третье. По его словам, озимую пшеницу сеяли в высокогорье только в Нарском и Джавском ущельях. В других районах (Мамисонское, Закин-

ское, Зругское и другие ущелья Центральной Осетии) изредка практиковалась яровая пшеница [36].

Для нас большое значение имеют данные М. З. Кипиани, обследовавшего в 80-х годах XIX в. всю горную полосу от Казбека до Эльбруса. Он отмечал: «Повсюду в горах сеют пшеницы, овес» [37]. Однако в высокогорных районах с холодным климатом посевы пшеницы были весьма ограничены, а во многих случаях совершенно отсутствовали. В. Н. Геевский, занимавшийся изучением хозяйства горцев в верховьях Арагвы и Терека, писал о том, что в самых верхних районах Осетии сеяли ячмень, ниже — овес, еще ниже — яровую пшеницу [38]. «Жители Рока (около Рокского перевала в Юго-Осетии.— *Б. К.*),— сообщает Н. Дмитриев,— сеют на полях только ячмень и изредка пшеницу, которая иногда поспевает». Еще более суровыми климатическими условиями отличалось Закинское ущелье, расположенное в верховьях р. Ардон. По словам того же автора, здесь единственным злаком был ячмень, который часто не успевал созревать [39]. Пшеницу почти не возделывали и во многих других высокогорных ущельях (Зругское, Джинатское, Трусовское, Хилакское, Сбийское и др.) в силу неблагоприятных для этого растения условий.

Таким образом, основным районом распространения пшеницы у осетин, как и у других горцев, была горная зона. Здесь климатические и почвенные условия благоприятствовали широкому возделыванию этого злака. Пшеницу сеяли на плодородных землях, которые обильно удобряли, а там, где требовалось, и орошали. Такие пахотные участки обычно располагались на солнечной стороне, здесь сеяли как озимую, так и яровую пшеницу. В 1898 г., например, подавляющее большинство посевных площадей в таких приходах, как Дагомский, Санибаевский, Махческий, Даллагкауский и др., было занято пшеницей [40].

По сведениям информаторов, как озимая (осет. *фæзыгонд*), так и яровая пшеница (*уалдзыгонд*) отличались исключительно хорошими качествами.

Давняя традиция выращивания этой культуры доказывается наличием местных сортов пшеницы. В Мизурском приходе, например, славился красный сорт пшеницы, который давал высокий урожай и имел хорошие вкусовые качества. В Даллагкауском приходе был известен коричневый сорт пшеницы. Переселяясь с гор на равнину, осетины принесли с собой традиционные сорта культурных растений. Однако до 70-х годов XIX в. земледелие на равнине находилось на более низком уровне развития, чем в горах. Лишь с 80-х годов отмечается рост равнинного земледелия, резкое увеличение посевных площадей, главным

Селение	Посевы озимой пшеницы, дес.	Посевы кукурузы, дес.	Селение	Посевы озимой пшеницы, дес.	Посевы кукурузы, дес.
Кадгарон	200	700	Ольгинское	2140	587
Христиановское	535	1384	Хумаллаг	340	587
Дарг-Кэ х	50	240	Батакаюрт	776	330
			Арадон	1152	810

образом под товарный хлеб — пшеницу и кукурузу. Уже в 1872 г. во Владикавказском округе озимая пшеница занимала первое место по количеству посевных площадей [41]. В 1889 г. в указанном округе было занято под озимой пшеницей 12 297 дес., а под яровой — 2363 дес.[42] О преобладании пшеницы в этот период писал и Д. Лавров в специальной работе, посвященной осетинам. По его словам, эта культура занимала первое место среди возделывавшихся культур «на Владикавказской равнине» [43]. Однако по сведениям других авторов, и прежде всего С. В. Кокиева, во второй половине XIX в., в связи с быстрым ростом посевных площадей под кукурузой, постепенно сокращаются посевы пшеницы. Уже в 80-х годах у жителей равнинных осетинских сел пшеница занимала во многих случаях второе место [44]. Приводим соотношение посевов озимой пшеницы и кукурузы по данным 1898 г.[45]

В результате многолетней практики на равнине Осетии были выведены высококачественные сорта пшеницы. Об одном из таких сортов, выведенных жителями сел. Батакаюрт (ныне сел. Старый Батакаюрт), мы узнаем из работы Г. Вертепова: «Местная пшеница,— пишет он,— называется здесь туземной или азиатской, строго различается по своим качествам на местном рынке и имеет свои особенности. Лучшей пшеницей этого сорта считается батаковская, доставляемая на рынок из сел. Батакаюрт и окрестностей. Цвет этой пшеницы красноватый, зерно круглое и полное. По внешнему виду и тяжеловесности она может конкурировать с лучшими сортами. Мука из этой пшеницы чрезвычайно белая, превосходящая белизной все другие местные сорта. Но качество муки невысокое. Тесто из нее расплывчато, мало всхоже и тяжелое; она пригодна в низших сортах преимущественно для хлебов, изготовлявшихся горцами в виде коржей и лепешек, а в высших сортах идет на конфетные фабрики» [46].

По определению В. П. Христиановича, пшеничные посевы в горной Ингушетии располагались на высоте от 1600 до 1800 м. «Горная полоса,— пишет автор,— стала пшенично-ячменная» [47]. Слова эти относятся к послереволюционному периоду, когда в горах Ингушетии были проведены некоторые агрономические мероприятия, направленные на улучшение земледелия, в частности разведение новых морозоустойчивых сортов пшеницы. До революции этот злак возделывался в высокогорье весьма редко, а в горной зоне пшеница занимала второе место. Значительное распространение она получила на равнине Ингушетии. Согласно полевым исследованиям, еще в конце XIX — начале XX в. это растение занимало второе место у жителей таких равнинных селений ингушей, как Кантишево, Назрань, Плиево и др. Однако с широким распространением кукурузы посевные площади под пшеницей все более сокращались не только на равнине, но в ряде горных районов, например в Джерахском ущелье.

В отличие от горной Осетии и Ингушетии в горах Чечни климатические условия были наиболее благоприятными для разведения пшеницы и других земледельческих культур. О том, что пшеница в горной Чечне являлась в течение почти всего XIX в. преобладающим злаком, говорят письменные источники. В работе А. П. Берже, например, относящейся к середине XIX в., утверждается, что пшеница занимает у чеченцев первое место [48]. Преобладание ее среди других зерновых злаков, особенно у горных чеченцев, мы находим и в последующие периоды. Так,

з отчетах начальников Аргунского и Веденского округов за 1870—1875 гг. указано, что пшеница стоит на первом месте [49]. Однако в Грозненском округе, включавшем в себя почти всю равнинную Чечню в те годы, судя по отчетам, она была вторым зерновым злаком [50]. В горах Чечни, за исключением высокогорных районов, возделывали и озимую и яровую пшеницу; в высокогорных районах пашни засевали только яровой пшеницей. Отметим, что в 1889 г. в отчете по Грозненскому округу числится только озимая пшеница, составлявшая наибольшее количество посевов — 13 737 четв.[51] Однако уже в отчете за 1894 г. даются сведения и о посевах яровой пшеницы по указанному округу; здесь было засеяно озимой пшеницы 17 776 четв. и яровой пшеницы — 10 003 четв.[52], причем большая доля последней падала, безусловно, на высокогорные районы Чечни.

В 80—90-е годы XIX в. в Чечне в целом снижается количество посевных площадей под пшеницей в связи с резким увеличением посевов кукурузы. Одновременно с этим снижается и урожайность пшеницы. По данным Е. Максимова, в конце XIX в. по урожайности пшеницы Чечня занимала среди других районов региона последнее место; 1 дес. пшеницы давала здесь всего 3,6 сам.[53] В это время кукуруза стала преобладающим злаком не только на равнине, но и почти во всей горной зоне Чечни. По данным Н. С. Иваненкова (начало XX в.), в горной Чечне пшеница занимала четвертое место, а кукуруза — первое [54]. О том же говорят и сообщения информаторов. По Чанты-Аргуну, например, пшеница занимала третье место после кукурузы и ячменя, а по Шаро-Аргуну ее сеяли только жители нижних сел.

Неравномерно возделывалась пшеница в указанное время и на равнине Чечни. Так, если на территории современных Ножайюртского и Надтеречного районов она засевалась лишь на небольших площадях, то на территории Шалиского и Веденского районов она являлась преобладающей культурой. Во многих местах здесь, по словам информаторов, пшеницу сеяли столько же, сколько кукурузу — самый распространенный на Северном Кавказе злак.

Балкария, подобно соседней горной Осетии, имела зону вечных снегов и поэтому была мало пригодна для возделывания пшеницы. По единодушному мнению всех авторов, занимавшихся изучением хозяйственного быта балкарцев, эта культура здесь не получила большого распространения, а в высокогорных районах встречалась лишь изредка. Ланге писал: «По краткости теплого времени в году пшеница здесь не успевает вызревать» [55]. По данным Е. Баранова, пшеница была в Балкарии «у более зажиточных хозяев в ограниченном количестве» [56]. Наиболее достоверные сведения о распространении этого злака у балкарцев мы находим в работе Н. П. Тульчинского. По его данным, во всех пяти балкарских обществах треть посевной площади была занята пшеницей [57]. Н. А. Караулов указывал, что пшеница занимала у балкарцев одно из последних мест, после овса,— случай весьма редкий, почти не встречавшийся у других народов нагорного Кавказа. Для нас весьма важным является и другое замечание автора — об отсутствии в Балкарии озимых хлебов, в том числе озимой пшеницы, что объяснялось суровыми климатическими условиями [58].

Данные полевых исследований аналогичны с данными письменных источников. В сел. Верхняя Балкария в Черекском ущелье, например,

пшеница занимала самое последнее место, причем ее сеяли только на солнечной стороне и в небольшом количестве. Здесь, как повсюду в горной Балкарии, сеяли исключительно яровую пшеницу, имевшую даже свое наименование — «летняя пшеница». Озимую пшеницу сеяли только жители предгорных сел Балкарии. Высокогорные пашни Безенги, Черекского, Чегемского и Баксанского ущелий засевались исключительно наиболее морозоустойчивым злаком — ячменем.

Соседний Карачай, весьма близкий по своим естественно-географическим условиям с Балкарией, не отличался от нее составом культурных растений. По данным многих авторов, пшеницу жители верхнего Карачая почти не сеяли по причине холодного климата. «Лучше всего вызревает ячмень. Остальные хлеба иногда не успевают»,— писал В. М. Сысоев [59]. Г. Петров даже утверждал, что из хлебных злаков в Карачае возделывают только ячмень [60]. Однако такое мнение опровергается данными других авторов, и прежде всего сведениями Н. Г. Петрусевича — одного из лучших знатоков быта карачаевцев. По его данным, в 1867 г., например, в Карачае было засеяно 311 четв. пшеницы [61]. В. М. Сысоев отмечал, что пшеница в Карачае занимала второе место после ячменя [62].

Другими источниками о распространении этого растения здесь мы не располагаем. Невозможно выяснить это и из отчетов начальника Баталпашинского отдела, куда административно входил Карачай, поскольку о посеве хлебов даются в отчетах лишь общие сведения. Так, например, в 1879 г. на территории отдела было посеяно 28 174 четв. озимой пшеницы и 3206 четв. яровой пшеницы [63]. В последующие годы количество посевных площадей под пшеницей значительно выросло. В 1882 г. в Баталпашинском отделе было засеяно озимой пшеницы 31 634 четв. и 5843 четв. яровой пшеницы [64].

Согласно полевым исследованиям, пшеницу сеяли в Карачае почти повсюду. В таких селах, как Хурзук, Учкулан, Верхняя Теберда и др., она занимала второе место на посевных площадях. «На наших каменистых полях, которые обильно орошали и удобряли,— рассказывает Адеи Баджиев (70 лет, сел. Учкулан),— возделывали исстари многие сельскохозяйственные культуры, в том числе зерновые злаки, среди которых пшеница занимала одно из главных мест». Особенно большие поля пшеницы были в предгорных селениях Карачая, где климатические условия позволяли возделывать и такие растения, как просо и кукурузу, почти нигде не вызревавшие в горах этого района.

Перейдем теперь к Кабарде — одному из равнинных и наиболее плодородных районов Северного Кавказа, имевшему большие возможности для выращивания самых различных хлебных злаков, в том числе и пшеницы. Однако в рассматриваемое время, судя по письменным источникам и данным полевых этнографических исследований, кабардинцы ограничивались посевами почти одной культуры — проса, что, видимо, объясняется общей отсталостью земледелия, особенно в Большой Кабарде. Здесь, как, впрочем, и в Малой Кабарде, главной отраслью хозяйства оставалось скотоводство. «Экономическая жизнь Большой и Малой Кабарды,— писал современник в 1891 г.,— поддерживается исключительно скотоводством. Роскошные сочные поля со множеством рек остаются там почти без всякой возделываемой растительности. Сеют же почти исключительно просо, хлеб, как известно, наименее питательный. Гро-

мадные же земельные дачи служат в Кабарде для подножного корма конским табунам, рогатому скоту и овцам» [65].

Медленное внедрение культуры пшеницы в быт кабардинцев отмечалось, например, в докладе «Комиссии кабардинского отделения по правам личным и поземельным туземного населения Терской области от 19 января 1868 г.», в котором, в частности, подчеркивалось: «Разведение пшеницы составляет в Кабарде самое недавнее нововведение и потому еще не многими понято» [66]. Почти то же самое говорится и в статье Т. Г. Баратова [67]. Возделывание пшеницы в Кабарде не получило сколько-нибудь значительного распространения и в последующее время. В конце XIX в., по данным, например, Е. Максимова, пшеница занимала здесь лишь третье место после проса и кукурузы. «Кабарда,— пишет В. П. Христианович,— вышла в XX столетие, имея еще просо первым растением 35,5% посевной площади» [68].

Признаком слабого развития земледелия в Большой Кабарде является также то, что многие кабардинские сельские общества отдавали свои земли в аренду соседним казакам, которые выращивали на них исключительно пшеницу. «Могут указать на селения Аргунданское и Тыжевское Нальчикского округа,— писал современник в 1898 г.,— где соседние казаки... из года в год арендуют у кабардинцев самые лучшие части общественной земли под посев пшеницы, и результаты получаются очень выгодные; по словам казаков, пшеница родится весьма доброкачественной... кабардинцы добровольно лишают себя лучшего источника благосостояния, отдавая в посторонние руки богатство своей земли, тогда как сами легко могли бы воспользоваться и таким добром значительно улучшить свое не совсем завидное существование» [69].

В Малой Кабарде, где земледелие было несомненно выше по своему уровню развития, не существовало подобной практики. Здесь землю обрабатывали сами хозяева, засевавшие ее различными хлебными злаками, в том числе пшеницей. «Вокруг малокабардинских аулов вы увидете во всякое время множество непочатых скирдов хлеба»,— сообщал очевидец в 1901 г.[70] О большой роли земледелия в хозяйстве населения Малой Кабарды писал и П. Раждаев в работе, посвященной характеристике экономического быта горцев бывшего Нальчикского округа. Правда, по данным этого автора посевы пшеницы здесь занимали незначительное место в общей посевной площади, преобладала традиционная кабардинская культура — просо [71].

Степень распространения пшеницы во всех частях Кабарды хорошо прослеживается и по полевому этнографическому материалу. Здесь еще в конце XIX — начале XX в. нередко бывали случаи, когда местные власти прибегали к административным мерам, чтобы заставить кабардинцев засеять хотя бы полдесятины озимой пшеницы. Так было, например, в сел. Старый Урух, где, по словам 103-летнего Бетрозова Адыл-Гери, сельский старшина Амзоров Пшимах давал ежегодно распоряжение всем хозяевам вспахивать определенное количество земель под указанную культуру. Ашноков Тату 1881 г. рожд. из того же села рассказывал нам, что сначала многие хозяева не умели возделывать пшеницу, а затем постепенно научились и благодарили старшину Амзорова за то, что он заставлял их сеять эту культуру. С внедрением пшеницы постепенно увеличивалась и ее посевная площадь. Так, если в первый год хозяева засевали лишь 0,5 дес., то в последующие годы они обязаны

были увеличить посевы пшеницы до 2—3 дес. и более. Судя по данным информаторов, появление пшеницы на посевных площадях различных селений Кабарды происходило в разное время. В сел. Аргудан, например, пшеницу впервые стали сеять при жизни 90-летнего Тазиева Бека, а в сел. Заюково, по словам 97-летнего Гедгафова Юсуфа и других стариков,— лишь в советское время. В сел. Урух с пшеницей познакомились тогда, когда нашему информатору, 100-летнему Битокову Туту, было 20 лет. «Возделывание этого злака,— говорит он,— началось здесь по требованию сельского пристава Анзорова Сафарби. Сначала сеяли пшеницу по 0,5 дес., а затем — кто сколько мог». Посевы пшеницы на полях сел. Старый Лескен появились при жизни одного из старейших его жителей — 85-летнего Шожева Елмурзы.

В Малой Кабарде мы можем лишь отметить, что здесь ни один информатор не помнит времени появления этой культуры. Все повторяют в один голос: «Пшеницу сеяли и до нас». Можно заключить, что пшеница, хотя и не была здесь преобладающей культурой, тем не менее издавна возделывалась постоянно, наряду с другими зерновыми злаками. В Большой Кабарде, наоборот, эта культура то появлялась, то исчезала на много лет из быта земледельцев. Вот что писал по этому поводу В. П. Христианович в работе, посвященной характеристике хозяйственной деятельности кабардинцев: «Чем же объясняется в таком случае постоянно встречаемое утверждение, что пшеница в Кабарде — совершенно новая культура? Тем, что население не поддерживало беспрерывной культуры пшеницы. После неурожая, когда при затруднительности сношений с русским рынком нельзя было возобновить семена, пшеница вовсе выпадала из обихода на долгие годы... в течение 16 лет, с 1905 по 1921 г., пшеница там совершенно не сеялась» [72].

Во всяком случае, в рассматриваемое время в Кабарде пшеница не получила сколько-нибудь значительного распространения по сравнению с другими равнинными районами Северного Кавказа, а в ряде мест Большой Кабарды, как было сказано, посевы этой культуры совершенно не практиковались вплоть до Советской власти.

Судя по источникам, пшеница очень медленно внедрялась в быт и других равнинных жителей Северо-Западного Кавказа, в частности закубанских черкесов, а также абазинов и оседлых ногайцев. Вот что сообщалось в одном из документов 1867 г.: «Все племена, за исключением кабардинцев и живущих вместе с ними абазинцев и бесленеевцев, сеют рожь, пшеницу, которую пускают исключительно в продажу; для себя же потребляют преимущественно просо, пшено и часть кукурузы. Кабардинцы же, абазинцы и бесленеевцы сеют только просо и кукурузу почти исключительно для собственного потребления» [73] (здесь под названиями «кабардинцев» и «бесленеевцев» имеются в виду предки современных черкесов из аулов Хабез, Бесленей, Псаучел-Дах и др., входящих ныне в состав Карачаево-Черкесской автономной области).

Данные о посеве пшеницы по Баталпашинскому отделу мы уже давали. Однако, как говорилось, по ним невозможно определить количество посевной площади под пшеницей или другой культурой, которое приходилось на долю каждого из входивших в отдел народов. Поэтому нам придется обратиться к полевым исследованиям, дающим достаточно достоверные сведения о степени распространения этого злака. Данные свидетельствуют о том, что, подобно кабардинцам, черкесы, абазины и ногай-

цы сеяли пшеницу в весьма ограниченном количестве. В ряде мест, например в ауле Хабез, ее начали возделывать только в начале XX в. Еще С. Браневский отмечал, что пшеница занимает у всех черкесов третье место [74]. Во второй половине XIX в. адыги, жившие в Сочинском округе, по данным некоторых авторов, сеяли и яровую и озимую пшеницу [75], имея даже свои сорта этой культуры, например «кубанка». Однако пшеница тогда же постепенно стала вытесняться кукурузой. Особенно широко это представлено у черноморских шапсугов (аулы Б. Кичмай, Головинка, Ново-Александровский) и у некоторых других адыгов (бжедугов, краснодарских шапсугов), живших в аулах Гатлукай, Пчегатлукай, Афипсии и др.

Пшеницу в значительном количестве возделывали те небольшие группы адыгов, которые входили в состав Майкопского отдела: абадзехи, махошевцы, хатукаевцы и др. Живя в окружении русского казачьего населения, они давно и прочно ввели пшеницу в свой быт, и она наряду с другими зерновыми, занимала значительные посевные площади. Об этом можно судить хотя бы на основании отчета начальника Майкопского отдела за 1880 г.: в этом году было засеяно озимой пшеницы 44 992 четв. и яровой — 5413 четв.[76] И в последующие годы пшеница занимала в этом отделе, как и по всей Кубанской области, первое место [77].

В целом приведенный материал свидетельствует, что пшеница была одним из главных традиционных хлебных злаков горцев, имевшим до 80-х годов XIX в. наибольшее распространение в горной зоне региона. В горах появились, несомненно, многие ценные сорта этой культуры, к сожалению, бесследно исчезнувшие для нас. С развитием земледелия на равнине пшеница становится здесь одной из главных культур. Как мы пытались показать, у одних равнинных жителей она заняла первое место, у других — второе, у третьих — только начала осваиваться. В советское время, особенно после коллективизации сельского хозяйства, пшеница, возделываемая исключительно на равнине, стала одним из главных хлебных злаков. Судя по статистическим данным, она занимает первое место на посевных площадях у всех народов региона, кроме осетин, у которых пшеница стоит на втором месте после кукурузы [78].

Овес возделывался по всему региону, в том числе во многих высокогорных районах. В условиях Северного Кавказа овес был малоурожайной культурой и служил, особенно на равнине, кормом для лошадей. Н. И. Вавилов, отмечая, что овес занимает третье место среди хлебных злаков на юго-востоке страны, писал: «Возделывается он здесь почти исключительно как кормовое растение, совершенно не имея значения хлебного растения, каким он еще является в северных странах — Норвегии, Шотландии». Ученый пишет, что в течение последних десятилетий эта культура проявляла тенденцию к сокращению [79], что объясняется ее низкой урожайностью. По этой причине в горах Северного Кавказа овес сеяли обычно на самых малоплодородных землях, расположенных на теневой стороне, которые никогда не удобрялись и не орошались. Делалось это даже в тех случаях, когда овес шел в качестве продукта питания; из него у осетин делали, например, различные национальные кушанья, а также напитки.

Количество посевов этой культуры было настолько незначительным, что даже не числилось в официальных документах. Так, в отчетах начальников Грозненского и Веденского округов об урожаях за 1871—

1875 гг. совершенно отсутствуют данные о посевах овса [80]. Такие данные имеются в отчете начальника Аргунского округа, где в ряде мест посевы овса были более значительны. «В последние годы,— говорится там,— в обществах Хачарой, Хельдихарой, Дашни и Чанти, где местные условия чрезвычайно благоприятны для посевов овса, жители стали в довольно большом количестве заниматься посевами овса для продажи. В прошлом году продано до 1500 четвертей этого хлеба» [81]. Однако в последующие годы посевная площадь под овес повсюду сократилась. Такое сокращение Е. Максимов, например, объясняет тем, что якобы для лошадей горцы «больше привыкли давать в корм кукурузу и ячмень, чем овес» [82].

Проведенные нами этнографические исследования в чеченских селах свидетельствуют о почти полном отсутствии в указанное время посевов овса на равнине и в ряде предгорных районов Чечни. Жители таких селений, как Чечен-аул, Шали, Урус-Мартан, Энгеной, Саясан и др., совершенно не возделывали этот злак. Овес сеяли в ряде мест Аргунского округа, в частности в верховьях Шаро-Аргуна, где природные условия благоприятствовали произрастанию этой культуры. Посевы овса практиковались и в Ингушетии, особенно в ее горных районах. Еще в конце XIX в. в верховьях Ассы, например, эта культура занимала второе место после ячменя. Значительное количество овса сеяли и в ряде мест на равнине Ингушетии, в частности в Ачалукской долине, где, по сведениям информаторов, овес культивировали до недавнего времени. Однако в таких равнинных селах ингушей, как Назрань, Сурхаихи, Плиево, Кантышево, Алкуни и др., посевы овса, по этнографическим данным, совершенно прекратились уже в конце XIX в.

В Осетии овес был довольно широко распространен. Еще Вахушти считал его в числе первых трех хлебных злаков, возделывавшихся осетинами повсюду в горах [83]. Наличие посевов овса в Осетии зафиксировано и другими авторами более позднего времени [84]. По мнению Яновского, например, овес был одним из главных зерновых культур в горах Осетии [85]. Того же мнения авторы второй половины XIX в. Так, в отчетах начальника Владикавказского округа за 1872—1875 гг. указывается, что среди зерновых культур осетин овес занимает третье место [86]. Его широко возделывали не только в горах, но и на равнине. Однако в последующие годы количество посевных площадей под овсом постепенно уменьшилось на всей территории Осетии, особенно на равнине, где поля стали засевать другими, более урожайными культурами [87].

Уже в 1898 г. посевы овса совершенно отсутствуют в таких равнинных селениях, как Христиановское, Ардон, Магометанское, Кадгарон, Хумаллаг, Ольгинское и др. В то же время из тех же источников видно, что посевы овса по-прежнему широко практиковались в горах. В Дагомском приходе, например, посевная площадь под озимой пшеницей составляла 35 четв., под яровой пшеницей — 32 четв., ячменем — 37 четв., овсом — 27 четв.; в Архонском приходе: под озимой пшеницей — 20 четв., рожью — 6 четв., ячменем — 85 четв., овсом — 5 четв.; в Галиатском приходе: под озимой пшеницей — 21 четв., яровой — 19,5 четв., ячменем — 47 четв., овсом — 22 четв. и т. д. [88]

Этнографические исследования свидетельствуют также о почти полном прекращении в указанное время посевов овса на равнине Осетии и, наоборот, о наличии их в горных районах.

Возделывание этой культуры широко практиковалось и во всех ущельях Балкарии. Еще в 80-х годах XIX в. М. З. Кипиани, совершая поездку с целью изучения земельных отношений горцев, писал, что в Балкарии повсюду сеют овес [89]. На это же указывал Н. П. Тульчинский — автор начала XX в.; по его словам, треть всей пахотной земли балкарцев занята посевами пшеницы и овса [90]. По данным Н. А. Караулова, относящимся к этому же периоду, среди зерновых культур овес занимал в Балкарии, подобно соседней горной Осетии, третье место.

Распространение посевов овса почти во всех балкарских ущельях подтверждается и данными полевых исследований. В сел. Верхняя Балкария, например, по словам 100-летнего Байрама Настуева и других стариков, овес сеяли на тех участках, которые не были пригодны для посевов ячменя или пшеницы. В сел. Верхний Чегем, по свидетельству информаторов, овес занимал второе место и считался наряду с ячменем самым распространенным злаком. «Из овса варили превосходный напиток — бузу, а из ячменя — пиво»,— рассказывал 95-летний Этезов Зулка — один из старейших жителей этого села. Подобно чегемцам, овес сеяли повсеместно и жители Безенги и Хулама. В то же время посевы овса совершенно не практиковались в Баксанском ущелье и в предгорьях Балкарии (селения Гунделен, Бабугент, Советское и др.). Информаторы объясняют это появлением здесь в конце XIX в. более урожайных зерновых культур. Отсутствие последнего или незначительные посевы его в этих местах, по-видимому, были вызваны также климатическими условиями.

О распространении овса у карачаевцев в источниках существуют расхождения. Лишь Н. Г. Петрусевич признает в Карачае наличие посевов овса, составлявших, по его словам, в 1867 г. 6,44 четв. [91] В работах других исследователей нет даже упоминания об этой культуре [92], что противоречит данным полевых этнографических материалов, свидетельствующих о повсеместном распространении овса в горах Карачая на протяжении почти всего изучаемого периода. Здесь в высокогорных районах овес занимал второе место и отличался значительной урожайностью. Этому способствовало вносимое в почву обильное удобрение и орошение полей под овсом. В то же время в предгорьях Карачая его посевы были редким явлением, а в конце XIX в. совершенно исчезли в связи с появлением более урожайных культур.

Источники не дают возможности судить о степени распространения посевов овса у кабардинцев. В существующей литературе по Кабарде нет даже упоминания об этой культуре [93]. Исключение составляет лишь работа Е. Максимова (конец XIX в.), в которой, в частности, сказано: «Озимый ячмень, рожь, овес и др. дают (в Кабарде.— *Б. К.*) не более 10 тыс. четв.» [94]. Посевы овса в Кабарде были настолько незначительными, что их даже не брали в расчет исследователи, в том числе такие, как В. П. Христианович, который посвятил изучению хозяйственного быта кабардинцев превосходную работу, основанную на личных наблюдениях [95]. В. П. Пожидаев даже утверждает, что овес, как и некоторые другие зерновые культуры, не был известен кабардинцам [96]. Однако последние, разводя значительное количество лошадей, не могли обойтись без овса, предназначавшегося здесь исключительно для корма этим животным.

Подтверждение того, что в Кабарде все же имелись посевы овса, хотя и очень небольшие, дает полевой этнографический материал. Эта культу-

ра разводилась, например, жителями таких селений Большой и Малой Кабарды, как Аргудан, Старый Урух, Лескен, Плановское и др. Этнографические данные свидетельствуют и о частичном возделывании овса черкесами, абазинами, ногайцами, а также многими адыгейскими племенами (абазехами, хатукаевцами, бжедугами, темиргоевцами и др.). Большой интерес для нас представляет в этом отношении описание Сочинского округа И. Клингеном, в котором, в частности, говорится: «Овес удается прекрасно, если его сеять не весной, а осенью с начала октября до января; убирается овес с половины июня одновременно с озимым ячменем» [97]. К сожалению, из этого сообщения невозможно определить степень распространения посевов овса, тем не менее приведенные данные свидетельствуют о возделывании здесь этой культуры еще в конце XIX в. Полевые исследования указывают, что некоторые адыги не были даже знакомы с этим злаком. К ним мы можем отнести черноморских шапсугов, живших в аулах Головин, Большой Кичман, Ново-Александровский и др. Даже у бжедугов, владевших более плодородными землями, чем шапсуги, посевы овса, по-видимому, были незначительными.

К числу наименее распространенных у горцев Северного Кавказа зерновых культур относится и рожь. Судя по источникам, исключение составляют осетины, для которых рожь являлась одним из распространенных злаков почти на всей их территории, и в горах и на равнине. Н. И. Вавилов, изучавший на Северном Кавказе сорта главных зерновых растений, брал для своих материалов по культуре ржи именно осетинские данные. «Наряду с исключительной ценностью местных сортов,— пишет он,— в горных районах сохранились своеобразные реликты, представляющие большой интерес для выяснения эволюции культурных растений. В пределах горной Дигории в Северной Осетии, у подножья главного Кавказского хребта, экспедицией обнаружена интересная находка — своеобразная рожь-сорняк, отличающаяся исключительной ломкостью колоса при созревании. Эта рожь засоряет посевы ярового ячменя, яровой пшеницы, а также озимой пшеницы. В отличие от культурной и обычной сорной ржи с неломким колосом данная рожь является по существу типичной дикой формой, колоски которой опадают при созревании, как у овсюга, засоряя почву. Земледельческое население Дигории хорошо знает эту рожь. Имеется специальное название этой ржи на осетинском языке — «сушила», в отличие от обыкновенной ржи, которую здесь называют «хлепа»... Такая рожь впервые встречена нами в пределах европейской части Союза и представляет собой одно из звеньев эволюции культурной ржи. Связуя типичные дикие многолетние ломкие формы с культурными формами, она еще больше показывает значимость Кавказа как родины хлебных злаков» [98].

Повсеместное распространение посевов ржи в Осетии отмечалось и многими дореволюционными авторами. По данным Д. Лаврова [99] и С. В. Кокиева [100], в 80-х годах XIX в. рожь занимала одно из первых мест в посевной площади осетин. Свидетельства о преобладании посевов ржи в горах и на равнине Осетии мы находим и у последующих авторов, в частности у Г. Вертепова и Н. Дмитриева (конец XIX в.). Во время своего путешествия по центральной горной Осетии Н. Дмитриев, например, наблюдал здесь повсюду пашни с озимой рожью [101]. Как свидетельствует архивный документ, в 1898 г. среди осетинских приходов посевы ржи были особенно распространены в Архонском, Зарамагском и

Тибском приходах. В Тибском приходе, например, было засеяно 32 дес. ржи, т. е. лишь на 8 дес. меньше посевов ячменя [102] — самого распространенного в горах хлебного злака. Как одно из главных зерновых растений в горах Осетии рожь оставалась и в последующие годы.

Об этом говорят и данные полевых исследований. Известную у осетин под двумя названиями — «хлепа» и «сылмæнæу» (букв. «женская пшеница») [103] рожь уже в советское время сеяли почти во всех осетинских горных районах как наиболее высокоурожайный злак. В сел. Даргавс, например, по словам информаторов, одна копна ржи давала 2 мешка зерна, в то время как одна копна ячменя могла дать лишь 1,5 мешка зерна. В сел. Харисджын Куртатинского ущелья рожь занимала больше посевных площадей, чем, например, озимая пшеница. Жители ущелий по рекам Саниба, Генальдон и Канидон сеяли наряду с ячменем исключительно «хлепа». Примеры эти можно было бы продолжить. Из приведенного материала видно, что рожь у осетин в отличие от всех их соседей-горцев была одной из наиболее распространенных зерновых культур, что объясняется, по-видимому, очень давними традициями. Во всяком случае, в других районах региона, судя по источникам, посевы ржи либо совершенно отсутствовали, либо были весьма незначительны.

Упоминание о возделывании этого злака чеченцами мы находим лишь в конце XIX в. и только у одного автора — Е. Максимова [104]. То, что чеченцы сеяли рожь, зафиксировано и нами в ряде мест (селения Дай, Шатой) по Аргуну, где она известна под названием «черная пшеница». В то же время посевы ржи не практиковались у ингушей, так же как у ногайцев, кабардинцев, балкарцев, черкесов, карачаевцев, абазин и ряда других адыгейских племен. Исключение составляли только некоторые из адыгов, которые, по словам И. Клингена, стали сеять рожь «очень недавно», т. е. в конце XIX в.[105] К ним относятся, в частности, бжедуги и шапсуги, жившие в районе современного Краснодара.

В целом появление ржи у горцев в конце XIX в. объясняется, по-видимому, влиянием соседнего русского населения, которое, как известно, принесло во второй половине XIX в. на новые места поселения и некоторые другие сельскохозяйственные культуры, например гречиху. Последняя имела у горцев такое же неравномерное распространение. В наибольшем количестве гречиху сеяли на степных просторах Кубани. Еще в 1877 г. она занимала здесь третье место среди засеваемых культур. В Ставрополье и на Тереке гречиху возделывали в небольших количествах. Так, по данным обзора Ставропольской губернии за 1879 г., здесь гречихой, просом и коноплей было засеяно всего около 6% площади [106]. В Терской области в 1894 г. в Нальчикском округе было засеяно 53 четв. гречихи, во Владикавказском — лишь 20 четв.[107]. Для многих горских народов региона эта зерновая культура была незнакомой. К ним относятся кабардинцы, чеченцы (кроме жителей Аргунского округа), ингуши, балкарцы, горные карачаевцы, черкесы, абазины, ногайцы и часть адыгейцев. Посевы гречихи мы находим лишь в ряде мест равнинной (селения Гизель, Кадгарон, Тулатово — ныне г. Беслан) и горной Осетии [108], а также у жителей Аргунского округа Чечни [109] и у западных адыгов; про последних И. Клинген писал: «Посев гречихи пробовали много раз, но она созревает крайне неравномерно» [110]. Время появления этого хлебного злака у горцев, судя по источникам, относится к 70—80-м годам XIX в.[111], периоду развития земледелия на Северном Кавказе и распро-

странения здесь новых сельскохозяйственных культур. Во всяком случае по данным Кавказского календаря за 1883 г., посевная площадь гречихи по всему Кавказу составляла всего около 10 тыс. дес., из них значительная доля ее падала на Владикавказский округ и Баталпашинский уезд [112].

Из древних традиционных зерновых культур горцев нам предстоит рассмотреть еще просо, возделывавшееся исключительно на равнине региона жившими там издавна адыгскими народами (адыгейцами, черкесами и кабардинцами), а также абазинами и ногайцами. Культура проса была широко знакома и предкам осетин и балкарцев, обитавших до монгольских походов на равнине Северного Кавказа. После оттеснения монголами этих равнинных жителей в горы Центрального Кавказа они перестали сеять просо вследствие суровых климатических условий, в которых этот злак не мог созревать. Наличие культуры проса у предков осетин и балкарцев подтверждается не только данными археологии и письменных источников, но сохранением его названия. У осетин просо носит древнеиранское наименование *еу* [113], а у балкарцев и карачаевцев — древнетюркское *тары*. В послемонгольское время просо являлось одним из основных традиционных культурных растений жителей равнинной зоны Северного Кавказа, в частности адыгских народов. У последних оно сыграло большую роль в формировании их национальной пищи и напитков. В результате вековой практики адыги вывели множество различных сортов проса. Так, в 1970 г. во время экспедиционных поездок нами зафиксировано у одних только черноморских шапсугов несколько местных сортов этой культуры: ашэфы (поздний), ащагучъ (ранний), фычьо (августовский), гчыщ (сентябрьский), хыныплыжь (красный) и т. д. Несколько больше названий сортов проса находит у тех же шапсугов известный адыгейский лингвист З. И. Керашева. В своей весьма содержательной статье она отмечает, что каждый из этих сортов характеризовался определенными качествами: «Одни из них не боялись птиц, другие выдерживали засуху и т. д.» [114]

Наиболее древним и распространенным сортом проса у шапсугов Т. Д. Алибердов считает *чьыш*, семена которого, по его словам, обладали высокими качествами, способствовали восстановлению структуры почвы, уничтожению сорняков и тем самым увеличению урожая. Он считает, что чьыш был аналогичен грузинскому «петви» и сванскому «пату», широко применялся еще в древней Колхиде [115]. Конечно, такое утверждение нуждается в более солидном обосновании. Особенно много местных сортов проса было выведено жителями плодородных равнин Кубани, в частности современного Шовгеновского района Адыгейской автономной области. Здесь нами было зафиксировано около 10 сортов этого хлебного злака.

Еще в первой четверти XIX в. С. Броневский отмечал, что у адыгов (черкесов) из хлебных растений больше всего сеют просо [116]. В последующее время просо оставалось у них преобладающим, а в ряде случаев — единственным злаком. Объясняется это, по-видимому, давней традицией и тем, что посевы проса требовали гораздо меньшего ухода, чем, например, посевы пшеницы или кукурузы. Просо являлось главным хлебным продуктом всех адыгов. Об этом свидетельствует, в частности, годовой отчет Лабинского военного округа за 1867 г., в котором сказано, что жившие здесь адыгейские племена — шапсуги, хатукаевцы, темиргоевцы, бжедуги, абадзехи и др.— «употребляли преимущественно просо и

часть кукурузы». Производившиеся ими другие хлебные злаки, в частности рожь и пшеницу, они «не употребляли, а пускали исключительно в продажу» [117].

Процесс вытеснения проса другими культурами особенно быстро происходил у тех западных адыгов, которые занимали земли современной Адыгейской автономной области,— бжедугов, краснодарских шапсугов, хатукаевцев, абадзехов и др.

Согласно полевым исследованиям, уже в конце XIX в. у черноморских шапсугов, например, преобладающей культурой стало не просо, а кукуруза, для посевов которой, по словам наших информаторов из аулов Головинка, Б. Кичмань, отводили наиболее плодородные пахотные земли. Просо же считали вторым злаком и сеяли обычно на худших участках. Подобная картина наблюдалась и у бжедугов, краснодарских шапсугов, а также у жителей аулов современных Шовгеновского и Кошехабльского районов Адыгеи. Здесь в одних случаях просо было вытеснено кукурузой, в других — пшеницей; в ряде мест (аулы Афипси, Ходзь) по-прежнему наблюдалось преобладание его на посевных площадях.

В отличие от западных адыгов у кабардинцев, современных черкесов, а также у абазин и оседлых ногайцев просо оставалось наиболее распространенной, а во многих случаях — единственной зерновой культурой. В 1860 г., Т. Г. Баратов, говоря о хозяйственной деятельности кабардинцев, писал: «К сожалению, сеют больше просо, нежели пшеницу» [118]. Спустя много лет почти то же самое сообщали «Терские ведомости». Характеризуя землевладение в Большой и Малой Кабарде, современник отмечал: «Сеют же почти исключительно просо, хлеб, как известно, наименее питательный» [119]. Значительный интерес в этом отношении представляет отчет начальника Терской области за 1904 г., в котором, в частности, подчеркивается: «Из яровых в больших размерах производится просо, посевом которого преимущественно занимаются кабардинцы Нальчикского округа, употребляющие почти исключительно просяной хлеб» [120]. В. П. Христианович свидетельствует также об абсолютном преобладании проса на посевных площадях в Большой Кабарде вплоть до начала XX в.[121]

Хотя просо являлось у кабардинцев почти единственным культурным злаком, оно у них, по сравнению с западными адыгами, не отличалось многообразием сортов, что объясняется, по-видимому, общим низким уровнем развития земледелия у этого народа. Во всяком случае, по данным наших полевых исследований, в Кабарде насчитывалось не более двух—трех сортов проса, во многих же местах возделывали лишь один белый сорт этого злака. Характерно, что в кабардинском языке многие термины, связанные с земледелием, образовались не от корня *просо*, а от корня *ячмень* [122] — культурного растения преимущественно жителей нагорного Кавказа. Несомненно, это объясняется тем, что предки современных кабардинцев до обоснования их на новом месте поселения — в Центральном Кавказе — жили когда-то в горах. М. А. Кумахов, анализируя значения слов *ячмень* и *просо* в адыгских языках, не отрицает такую возможность. Наоборот, сходство этих терминов у кабардинцев и шапсугов он объясняет пребыванием когда-то их предков вместе в горах Северо-Западного Кавказа [123].

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. просо, традиционный хлебный злак адыгских народов, преобладало в земледелии лишь у кабар-

динцев, на что указывают и полевые исследования. Согласно последним, еще в первые годы Советской власти просо занимало первое место на посевных площадях таких селений, как Урух, Старый Урух, Старый Чегем, Аргудан и др. Объясняется это не только устойчивостью культивирования этого растения, но, несомненно, и слабым развитием земледелия, особенно в Большой Кабарде, где основное внимание было обращено на развитие скотоводства. Отметим еще одно обстоятельство — это неприхотливость проса. Кабардинская поговорка гласит: «Держи больше проса и коз. Просо можно разводить на камне, а коз — в лесу».

Кроме адыгов, просо с давних времен широко возделывали русские казаки, населявшие засушливые моздокские и кизлярские степи. Просо давало по сравнению с другими хлебными злаками наибольший урожай, служило основным продуктом питания и кормом для скота. Один из исследователей быта терских казаков отмечал: «Во-первых, просо дает зерно, из которого казаки приготовляют пшено и муку для блинов, которыми жители питаются всю зиму; во-вторых, зерном проса жители кормят свою домашнюю птицу; в-третьих, солома проса считается лучшим после сена кормом для рогатого скота зимою» [124]. Аналогичным образом просо использовали и горские обитатели этих районов. Судя по этнографическим данным, здесь сеяли два вида проса: желтое и красное, из которых первое возделывалось с давних времен, появление второго относится лишь к началу XX в. По словам того же автора, казаки, например, станицы Наурской сеяли до этого исключительно желтое просо. Красное просо отличалось от желтого тем, что имело низкорослый стебель и значительно раньше поспевало. Кроме того, оно не боялось летней жары [125].

В отличие от равнинной зоны в горах Северного Кавказа просо не успевало созревать и поэтому его здесь не сеяли. Жители горных районов познакомились с этой культурой по мере их переселения с гор в предгорья и на равнину. Для чеченцев, осетин и ингушей это был рубеж XVII—XVIII вв., а для балкарцев и карачаевцев — лишь 70-е годы XIX в. Согласно полевым исследованиям, жители всех балкарских (Бабугент, Гунделен, Жемтала и др.) и карачаевских (Карачаевск, Верхняя Мара, Сары-Тюз и др.) новых сел, основанных в этот период в предгорьях, сеяли просо. Напомним, что балкарцы и карачаевцы сохранили древнетюркское название этого злака.

Полевые этнографические исследования подтверждают возделывание проса в таких селах чечено-ингушского предгорья, как Ведено, Соясан, Ножай-Юрт, Мужичи и т. д. Особенно много проса сеяли в равнинной зоне Чечено-Ингушетии, в частности на территории современного Надтеречного района. Здесь, как и в ряде равнинных сел Осетии, просо занимало второе место на посевных площадях. В конце XIX — начале XX в. эта культура была постепенно вытеснена кукурузой.

По-видимому, к этому же времени относится исчезновение во многих местах и полбы, возделывавшейся также исключительно равнинными жителями, главным образом адыгами. В. П. Пожидаев, например, считая полбу у кабардинцев «второй культурой по древности» после проса, отмечал ее широкое распространение по всей Кабарде [126]. О наличии у адыгов (черкесов) полбы с давних времен можно судить и по данным С. Броневского, по которым эта культура занимала пятое место [127]. О том, что полба была редким злаком у адыгов, свидетельствует отсутствие упоминаний о ней в литературе (кроме отмеченных авторов) и в

официальных отчетах о посеве хлебов по региону. Из адыгских народов лишь кабардинцы сохранили эту культуру (под названием *хъаша*). Это подтверждается и полевыми исследованиями, согласно которым кабардинцы возделывали полбу, хотя и на небольших площадях, до недавнего прошлого.

Этот злак был известен и осетинам на равнине. Еще Клапрот отмечал, что они называют его гальмой [128]. По данным Д. Лаврова, в 80-х годах XIX в. полба занимала у этих осетин третье место [129]. В последующее время мы уже не находим никаких известий о возделывании осетинами этого растения. К сожалению, отсутствие источников не позволяет судить о распространении этой культуры у других народов региона.

Одной из наиболее распространенных в XIX в. культур на равнине Северного Кавказа была кукуруза — культура более поздняя. Ее появление на Кавказе впервые отмечено в XVI в. в Грузии [130], откуда она проникла, возможно, и в районы Северного Кавказа, в частности на чеченскую равнину [131]. Можно полагать, что уже в это время кукуруза стала возделываться северо-западными адыгами, воспринявшими ее либо от грузин, либо от турок, с которыми они вели издавна широкий торговый обмен [132]. Вызывает интерес и ее название — «хлеб нартов», встречаемое почти у всех горцев: у адыгейцев — *нартыф*, у черкесов и кабардинцев — *нартыху*, у балкарцев и карачаевцев — *нартюх*, у осетин — *нартхор* [133]. Отмечая появление кукурузы в хозяйстве горцев, Ардасенов писал: «Горцы очень довольны ее урожаями, находят ее самым благородным, надежным, «необманчивым». Это — не пшеница и просо, которые при неблагоприятной погоде могут погибнуть. Как последний аргумент в пользу кукурузы осетины любят приводить обстоятельство разведения ее их предками — нартами в героическую нартскую эпоху, что доказывается, по их мнению, происхождением самого названия кукурузы — нартхор, т. е. буквально нартовский хлеб» [134].

Тем не менее до 80-х годов XIX в. кукуруза оставалась не только у ряда горских народов [135], но и у русского населения Северного Кавказа лишь огородной культурой. «Кукуруза не вошла в систему полеводства. Ее сеют только на «бакчах» вместе с арбузами, дынями и огурцами и, то в виде лакомства, а не с промышленною целью, о чем нельзя не сожалеть, так как в последние 2—3 года в Закавказье кукуруза сделалась важным продуктом заграничного экспорта во Францию и агенты покупают ее на месте по ценам, равным пшенице» [136]. По данным «Кавказского календаря», в 1883 г. только из одной Кутаисской губернии было продано за границу около 500 тыс. пудов этого хлеба. Посевная площадь кукурузы в том году составляла по всему Кавказу 250 тыс. дес., т. е. 18,9% всех хлебных злаков края, причем значительная доля падала на Северный Кавказ [137].

Среди горских народов этого региона кукуруза издавна была широко распространена у западных адыгов и равнинных чеченцев. У последних она широко культивировалась уже в первой половине XIX в., что было причиной появления здесь новых оросительных каналов, новых сельскохозяйственных орудий, в частности своеобразных борон и мотыг. Благодаря возделыванию кукурузы на больших площадях чеченская равнина стала житницей всего Восточного Кавказа. Об этом писали многие авторы. Капитан русской армии К. Самойлов, в частности, отмечал в 1855 г.: «Едва ли чеченская плоскость не есть самая плодородная часть северной

стороны Кавказа, и она вполне заслуживает данной горцами названия «житницы Дагестана» [138]. Специальные кукурузные базары во многих селениях Чечни обеспечивали хлебом не только приезжих горцев Чечни и Дагестана, но и соседних русских казаков. «Чечня давно слывет житницей Дагестана,— писал Н. А. Вроцкий,— она могла бы поспорить с Самарскою губерниею если не качеством произрастающей в ней кукурузы, которою она в 1872 и 1873 годах кормила не только Дагестан, но и Персию... В эти годы тавлинцы (горцы Дагестана.— *Б. К.*) вывозили десятки тысяч арб кукурузы из аулов Шали и Урусмартана на главные торговые пункты» [139].

Рассмотрим распространение этой культуры в целом по региону. Еще в начале XIX в., по данным С. Броневского, у западных адыгов Сочинского округа кукуруза занимала второе место на посевных площадях, а в середине этого столетия она уже стала в ряде мест первым злаком, в частности у черноморских шапсугов. В 1866 г. комиссия Хатисова и Ратиньяца, изучавшая земледелие в шапсугских горах, находила здесь множество кукурузных и просяных полей [140]. В конце XIX в., согласно нашим полевым исследованиям, черноморские шапсуги возделывали почти одну кукурузу. Преобладающее место она занимала и у бжедугов, и у краснодарских шапсугов. Кукурузу сеяли на значительных площадях и другие адыгейские племена, жившие на территории современной Адыгейской автономной области. В то же время эта культура была неизвестна почти до конца XIX в. абазинам, оседлым ногайцам, черкесам, кабардинцам, а также балкарцам и карачаевцам. Во всяком случае, в 1868 г. в докладе «Комиссии кабардинского отделения по правам личным и поземельным делам туземного населения» Терской области отмечалось, что «кукуруза разводится в Кабарде как огородная овощь» [141]. Однако в конце XIX в., по данным Е. Максимова, она уже заняла здесь второе место после проса. В 1905 г., по подсчетам В. П. Христиановича, 50% посевной площади в Кабарде было занято кукурузой [142].

Конец XIX в. ознаменован появлением кукурузы на посевных площадях у черкесов, абазин, ногайцев, а также у балкарцев и карачаевцев, живших в предгорьях. Согласно полевым исследованиям, в Карачае, отличавшемся сравнительно мягким климатом, кукуруза в это время проникла далеко в горы. Ее посевы встречались в таких высокогорных селах, как Верхняя Теберда. Правда, по справедливому замечанию В. М. Сысоева, растение это, как и некоторые другие, не успевало здесь иногда созревать [143].

В Осетии кукуруза была известна уже с начала XIX в. Ее посевы на равнине и в предгорных селах Северной Осетии впервые были зафиксированы путешественником Клапротом [144]. В последующие периоды кукуруза широко вошла в быт осетин, в 80-х годах она стала наиболее распространенной культурой на равнине. Об этом свидетельствуют данные, приводимые в работах С. В. Кокиева [145] и Д. Лаврова [146], относящихся к этому периоду. По С. В. Кокиеву, кукуруза занимала первое место среди возделывавшихся осетинами на равнине зерновых культур, она давала с одной десятины по 100—150 сам, т. е. почти в два раза больше пшеницы.

Кукуруза быстро распространялась, вытеснив все остальные сельскохозяйственные культуры [147]. В 1883 г. газета «Терские ведомости» сообщала, что в сел. Салугардан (ныне г. Алагир) «каждый порядочный хо-

зяин засевает не менее 5 дес. кукурузы», что, по мнению автора, объясняется высокой урожайностью этой культуры на земле салугарданцев [148]. В 1895 г. А. Белобородов писал, что поля горцев Терской области «по преимуществу заняты кукурузой, дающей превосходные урожаи» [149]. Так, в конце XIX в. она была у равнинных осетин преобладающим, а в ряде мест — единственным зерновым злаком [150], проникшим и в некоторые горные районы Осетии. По данным информаторов, кукурузу иногда сеяли жители низовьев Генальдона, Гизельдона, Фиагдона, а также в ряде мест Алагирского и Дигорского ущелий. Однако в отличие от горной Чечни здесь она не успевала созревать. Поэтому чаще всего ее возделывали в горах Центрального Кавказа как огородную культуру.

Появление кукурузы у вайнахов, в частности чеченцев, относится к более отдаленному времени. Можно полагать, что уже в XVIII в. кукурузу сеяли почти повсюду на Чеченской равнине, отличавшейся весьма благоприятными климатическими и почвенными условиями. Несомненно, что уже с давних времен кукуруза являлась на равнине Чечни наиболее распространенным злаком, без которого, как отмечал Р. Ф. Розен в 1830 г., население здесь не могло существовать [151]. В дальнейшем эта культура приобрела и широкое товарное значение, посевные площади ее еще более увеличились. Вот что говорилось, например, в годовом отчете по Грозненскому округу за 1874 г.: «Что же касается вообще земледельческого хозяйства, то оно у горцев сравнительно увеличивается; они много стали засевать кукурузы, пользуясь сильной производительностью этого сорта хлеба и сбытом его непосредственно потребителям в соседний Дагестан и на винокуренные заводы Владикавказский и Петровский» [152]. По данным начальника Веденского округа, куда входили предгорные и горные районы Восточной Чечни, посевы кукурузы составляли в указанное время наибольшее количество — 88 453 четв. (по сравнению с пшеницей — 8610 четв. и ячменем — 115 четв.) [153]. В середине XIX в. А. П. Берже, говоря в целом о Чечне, считал этот злак вторым на посевных площадях [154].

Наличие посевов кукурузы в горах Чечни, в частности по Аргуну, подтверждается и данными, содержащимися в отчете начальника Аргунского округа за 1875 г. Здесь кукуруза, в отличие, например, от соседней горной Ингушетии, была одним из наиболее распространенных злаков [155]. В ингушских горах, и особенно в верховьях Ассы, эта культура не успевала созревать, ее возделывали лишь в предгорьях Ингушетии и в Джерахском ущелье, куда она проникла, по словам информаторов, не ранее начала XX в. В то же время в горах Чечни по описанию Н. С. Иваненкова, это растение уже занимало первое место [156].

Согласно полевым исследованиям, кукурузу чеченцы сеяли по всей горной зоне. Так, например, в сел. Утум-кале, расположенном в верховьях Чанты-Аргуна, кукуруза была преобладающей культурой, так же как в нижних селах Шаро-Аргунского ущелья. В верхних селах она не успевала созревать, как вообще по всей высокогорной зоне Чечни.

Подводя итог, мы можем отметить, что из северокавказских народов наибольшее распространение кукуруза получила у чеченцев, возделывавших ее повсеместно как на равнине, так и по всей горной зоне. Причем на равнине в одних местах, например в современных Шалиском и Надтеречном районах, она широко сочеталась с посевами пшеницы, а в других была почти единственным злаком (это сегодняшние Ножай-Юрт-

ский, Грозненский, Урус-Мартанский районы, а также часть Шалиского, Ачхой-Мартанского, Гудермесского районов). В целом уже в конце XIX — начале XX в. кукуруза стала почти у всех равнинных жителей региона преобладающей, а в ряде случаев — единственной земледельческой культурой. «В отчетном году, как и в прошлые годы,— писал начальник Терской области в 1915 г.,— преобладала культура яровых хлебов. Первое место среди них по занимаемой площади принадлежит кукурузе, которая составляет главное продовольственное средство горского населения и, кроме того, имеет широкий и всегда обеспеченный сбыт в качестве материала для добывания спирта и крахмала» [157].

Появление кукурузы у горцев на равнине коренным образом изменило важную отрасль их хозяйства — земледелие. Значительно увеличивая посевные площади под кукурузу, они сокращали площади под другими сельскохозяйственными культурами. Из местных сортов кукурузы, по данным информаторов, наиболее широкое распространение имела желтая кукуруза, отличавшаяся обычно низким стеблем, мелким зерном и хорошими вкусовыми качествами. Этот сорт кукурузы, называемый «кремовым», составлял основной запас продуктов питания крестьян.

Приблизительно в конце XIX в. горцы стали возделывать наряду с местными сортами кукурузы и сорта белой кукурузы, проникшие к ним из других регионов и стран. К осетинам, например, некоторые сорта белой кукурузы были завезены отходниками из Северной Америки и Канады [158]. Белая кукуруза в отличие от желтой имела крупные зерна (отчего она называлась «конскими зубами» или «зубовидной»). В результате смешения местной и привезенной культуры были получены наиболее качественные сорта кукурузы, возделывавшиеся во многих районах региона [159]. В период коренного социалистического преобразования сельского хозяйства учеными Северного Кавказа было выведено много высокоурожайных сортов кукурузы, ныне выращиваемых на колхозных и совхозных полях. Кукуруза по-прежнему остается одним из главных хлебных злаков у многих народов региона. Она занимает первое место среди возделываемых хлебных злаков у осетин [160], второе место — у кабардинцев и балкарцев [161], третье место — у чеченцев и ингушей [162], а также у адыгейцев [163].

Наряду с полеводством, отличающимся, как мы пытались показать, почти повсюду высоким уровнем развития, значительное место в хозяйстве горцев региона составляли огородничество и садоводство. Из огородных культур наиболее распространенными были лук, чеснок, красный перец и свекла, выращиваемые с отдаленных времен почти на всей территории Северного Кавказа. Значительным событием было появление картофеля — культуры более поздней; в изучаемом регионе возделывание картофеля относится лишь к первой половине XIX в. Эта культура была заимствована горцами от русских поселенцев, о чем свидетельствует, в частности, ее русское название: у осетин, адыгейцев, балкарцев — *картоф*.

В отчете Кавказской палаты государственного имущества за 1844 г. указывается, что государственные крестьяне Ставрополья засеяли картофеля в этом году значительно больше, чем в предыдущие годы [164]. В отчете за 1865 г. отмечается слабое распространение этой культуры вследствие сухости почвы. «Посадка картофеля,— говорится там,— между крестьянами и колонистами не распространяется потому, что почва

земли большей частью признается неспособною для этого продукта и не вознаграждает удовлетворительно труды поселян»[165]. Непригодность почвы являлась главной причиной отсутствия посевов картофеля и во многих других местах на равнине Северного Кавказа.

Судя по источникам, первыми среди горских народов региона картофель стали сажать карачаевцы и осетины. По данным начальника Эльбрусского округа Н. Г. Петрусевича, наличие картофельных полей у карачаевцев зафиксировано впервые в 1867 г.[166] «В последнее время карачаевцы,— пишет он,— познакомились с картофелем и стали охотно его возделывать, но после двух-трех посевов он вырождается, мельчает, и потому является необходимость обновления семян через известные промежутки времени»[167].

Повсеместное распространение картофеля в Карачае началось только в конце XIX — начале XX в.[168] Первое упоминание о посевах картофеля в Осетии мы находим в «Записках Кавказского общества сельского хозяйства» за 1869 г., в которых сказано, что «в последнее время здесь производится картофель»[169], данные об этом имеются в отчетах начальника Терской области за 1871, 1875 гг.[170] Судя по этим и другим источникам, картофель сажали жители многих сел на равнине Северной Осетии (Ольгинское, Батакаюрт, Гизель, Хумаллаг, Дарг-Кох и др.) и в ее высокогорных районах. В 1881 г. М. З. Кипиани, например, видел картофельные посевы на полях сел. Зарамаг в верховьях р. Ардон[171]. В конце XIX в. эта культура заняла прочное место в полеводстве в таких ущельях Центральной Осетии, как Мамисонское, Нарское, Зругское, Закинское и др.[172], находящихся на высоте более 2000 м.

В это время широко стали выращивать картофель и в других районах нагорного Кавказа. «За последние 3—4 года,— писал Е. Баранов в 1892 г.,— горцы усиленно засевают картофель, насколько это возможно при крайней ограниченности удобных земель»[173]. Судя по имеющимся данным, по-видимому, к этому времени относится появление посевов картофеля в Балкарии[174], Ингушетии, а также в ряде мест горной Чечни. В. П. Христианович считает, что ингуши начали сажать картофель лишь в советское время. По словам Е. Максимова, относящимся к 1893 г., картофель в незначительном количестве возделывали в Чечне[175]. Судя по полевым этнографическим данным, здесь сажали картофель исключительно в верховьях Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна. Появление здесь этой культуры информаторы связывают с русскими военными поселенцами Шатойской крепости по р. Аргун[176].

В отличие от горных районов посадки картофеля совершенно не практиковались на равнине Чечено-Ингушетии. Картофель не разводился и всеми адыгскими народами: кабардинцами, черкесами, адыгейцами, а также абазинами и ногайцами. Во всяком случае, по словам П. Раждаева, кабардинцы, например, «не возделывали картофель и подсолнух вследствие сухости почвы»[177]. Однако немаловажное значение имело и отсутствие у горцев соответствующих навыков и приемов, а во многих случаях — и желания заниматься разведением этой и других овощных культур. Только при коллективном хозяйстве стало возможным широкое внедрение в быт горцев целого ряда ранее неизвестных им огородных культур. В 1960-х годах посадки картофеля на полях колхозов и совхозов Северной Осетии составляли 9,1 тыс. га[178], Чечено-Ингушетии — 5,0 тыс. га[179], Кабардино-Балкарии — 7,6 тыс. га[180], Адыгеи —

0,8 тыс. га [181]. Значительная доля этих площадей падает на горные районы, где картофель дает хороший урожай и отличается высокими качествами [182].

Ввиду чрезвычайного малоземелья горец предпочитал отводить имевшиеся у него пахотные земли под зерновые культуры и оставлял лишь небольшой клочок под огород, на котором он сажал обычно лук, чеснок, перец, свеклу и фасоль. Все эти культуры, знакомые горцам с древнейших времен, имеют у каждого народа региона свои наименования, что указывает на самостоятельное их развитие. Заметим, что наибольшее распространение огородные культуры получили в предгорьях и на равнине Восточного и Северо-Западного Кавказа, где этому благоприятствовали природные условия. Здесь кроме отмеченных огородных культур издавна сажали различные сорта капусты, огурцы, морковь и бахчевые — арбузы, тыквы, дыни. В работе Д. А. Милютина о чеченцах (30-е годы XIX в.) находим упоминание о таких огородных и бахчевых культурах, как лук, огурцы, арбузы, дыни, тыквы, разводившихся, по словам автора, на равнине Чечни [183]. Те же овощные культуры находил здесь и К. Самойлов в 1855 г.: «В огородах их (чеченцев.— *Б. К.*) — арбузы, дыни, тыква, огурцы и лук, рассаживают иногда эти овощи между кукурузой» [184]. Наличие различных огородных культур в Чечне подтверждает Н. Дубровин; по его словам, «сады и огороды» у чеченцев «были весьма невелики», они возделывали «лук, чеснок, огурцы, тыквы и редко арбузы и дыни» [185]. Есть сведения, что огурцы сажали и в горах Чечни [186], где климатические условия благоприятствовали этому. В Центральном Кавказе, наоборот, эта культура не успевала созревать в горах и ее сеяли в предгорьях или на равнине, на что указывает, например, Клапрот, находивший в начале XIX в. посевы огурцов у осетин в предгорьях Северной Осетии [187].

Среди северокавказских народов наибольшее развитие огородничество имело у западных адыгов — абазехов, шапсугов, натухайцев и др. Хан-Гирей писал об адыгах: «Каждый порядочный хозяин имеет обыкновенно огород около своего дома, где засевает он всякого рода огородные растения» [188]. По данным С. Броневского, адыги сажали следующие огородные и бахчевые культуры: лук, капусту, свеклу, морковь, тыкву, арбузы [189]. Сведения других авторов первой половины XIX в. дополняют этот набор такими культурами, как чеснок, красный перец, петрушка, фасоль, горох и бобы [190]. Однако во второй половине XIX в. в связи с массовым переселением адыгов огородничество, как и садоводство, пришло в упадок.

Можно предположить, что происхождение той или иной огородной культуры у каждого народа региона можно определить по ее названию. Так, осетинские названия *джитъри* (огурец) и *неси* (дыня) идут от грузинск. *читри* и *несви*, а *харбыз* (арбуз), по-видимому, от кабардинск. *хъырбыдз*, *маркоф* (морковь) — от русского и т. д. В то же время такие огородные культуры, как лук (*хъæдындз*), чеснок (*нуры*, диг. *бодан*), свекла (*цæхæра*, диг. *къумбул*), фасоль (*хъæдур*), у осетин имеют свои названия, что говорит о возделывании их здесь с древнейших времен.

Садоводство одних горцев имело глубокие традиции и являлось важнейшим их занятием, у других — носило лишь подсобный характер, у большинства же горцев садоводство развилось уже в советское время, после коллективизации сельского хозяйства. О традиционном садоводстве

в регионе мы можем говорить только для народов Северо-Западного Кавказа и отчасти для чеченцев и осетин. Судя по многочисленным свидетельствам очевидцев, территория Закубанья и побережья Черного моря, населенная адыгскими племенами — абазехами, шапсугами, натухайцами и др., была покрыта фруктовыми садами, составлявшими одно из главных их богатств. «Изобилие садов у этих племен,— пишет В. К. Гарданов,— неизменно поражало всех иностранцев, посещавших Черкесию в первой половине XIX в. Абазехские и шапсугские аулы Закубанья, по свидетельству многих очевидцев, буквально утопали в садах. Еще больше садов было у шапсугов и натухайцев, живших по побережью Черного моря» [191].

Созданная в 60-х годах XIX в. специальная комиссия по изучению истории хозяйства черноморских адыгов находила по всему побережью многочисленные заброшенные сады. По словам Клингена, комиссия «была поражена обилием фруктовых деревьев. Она нашла там великолепные желтые и красные спелые сливы прекрасного вкуса и аромата, крупные граненые яблоки вроде «кальвиля», персики и груши. Сады были огорожены» [192]. Ранее этого Н. Данилевский указывал, что из плодов знаменитых садов черноморских адыгов особого внимания заслуживают персики, абрикосы, яблоки, груши, черешня. По его словам, все адыгские племена, живущие в горах и по западному побережью моря, «прилагали всевозможные старания о развитии фруктовых деревьев». Причем если для горцев сады являлись источником их существования, «ибо заменяли недостаток хлеба», то для вторых «составляли роскошь» [193]. А. Н. Дьячков-Тарасов говорил об абазехах, обитавших в основном в горах Закубанья: «Остатки обширных садов, состоящих из яблонь, груш, слив, алычи, черешен, вишен, указывают на любовь горцев к плодовым деревьям» [194]. По определению специалистов, у адыгов широко практиковалось создание новых сортов плодовых деревьев путем прививок, что также свидетельствует о высоком уровне развития садоводства [195].

«Еще до заселения области казаками,— писал современник начала столетия,— здесь процветало плодоводство, доказательством чего служат остатки старых 100-летних привитых деревьев — это сады так называемые черкесские» [196]. Из описания другого автора мы узнаем, что заброшенные черкесские сады и плодовые деревья, поделенные между новыми поселенцами края, долгое время давали им значительные доходы. «Плодоводство, или, вернее, добыча плодов,— пишет он,— имеет важное значение в жизни населения Туапсинского и Сочинского округов, добывающего средства к жизни по преимуществу сбором и сбытом плодов оставшихся после горцев садов... жители Туапсинского округа до сих пор возят собранные плоды через имеющиеся перевалы в Кубанскую область для обмена на муку и хлеб». Автор особо подчеркивает, что разводимые поселенцами новые сады «не оправдали их надежд», приносят лишь в редких случаях урожаи, в то время как «горские сады дают урожаи гораздо чаще, почти ежегодно» [197]. Как говорилось, во второй половине XIX в., в связи с переселением адыгских племен на новые места, садоводство пришло в упадок.

Значительное количество фруктовых садов имелось в изучаемый период и в ряде мест Чечни, в частности в Грозненском округе и в восточных районах. Из плодовых деревьев в горах Чечни разводили яблоки, груши, сливы, вишни, персики, но все в небольшом количестве. «Здесь

нет обычая,— писал Н. С. Иваненков,— разводить сады, хотя это и возможно по климату во всех долинах» [198]. Е. Максимов, характеризуя садоводство в целом по Чечне в конце XIX в., указывал, что «плодовые деревья редко составляют сплошные насаждения, а образуют большею частью небольшие садики при усадьбах и на лесных полянах» [199]. Восточная Чечня издавна славилась ореховыми рощами. Во время экспедиции по современному Ножай-Юртскому району нам повсюду встречались такие ореховые рощи, принадлежащие отдельным родственным семьям.

Появление первых садов в Осетии относится к середине XIX в., к периоду основания так называемой горной станицы Алагир (ныне г. Алагир), ставшей центром осетинского садоводства. В 1852 г. здесь при доме начальника Алагирского завода инженера Новицкого, члена Кавказского сельскохозяйственного общества, был посажен первый сад, от которого затем возникли и другие. Позже в Алагире поселился купец Яковлев, выходец из Курска, большой любитель садоводства. У себя на усадьбе он путем прививок вывел знаменитый сорт черной алагирской груши. Деятельность любителей способствовала, по словам С. И. Толмачева [200], разведению садов не только в Алагире, но и в окрестных осетинских селениях — Салугардане, Бирагзанге, Кадгароне и др.

По данным агронома В. Н. Геевского, к 1886 г. садоводство в ряде мест равнинной и предгорной Северной Осетии достигло значительного развития. Он отмечал: «Алагир давно уже приобрел известность высокими качествами своих черных груш. Несколько лет тому назад в помещении Кавказского общества сельского хозяйства выставлена была великолепная коллекция г. Бушека из его сада на Камбилеевке (в 14 верстах от Владикавказа), состоявшая из 80 с лишком отборных сортов яблок и 43 сортов груш. В газетах неоднократно сообщалось о том эффекте, который производила коллекция владикавказских яблок и груш на наших столичных выставках. Знатоки ставили некоторые присланные из Владикавказа образцы яблок и груш нисколько не ниже производимых в лучших садах Европы. Благодаря такому успеху плодовое садоводство начало быстро развиваться сначала в Алагире, а впоследствии в окрестностях Владикавказа. В первом из них в настоящее время около 100 десятин садов, а во втором — 400» [201]. Тогда же П. С. Уварова, известная своими археологическими изысканиями в Осетии, писала, что Алагир славится «огромными фруктовыми садами, в которых растут самые лучшие персики, абрикосы, сливы, груши и яблоки» [202].

Алагирские сады отмечали и последующие авторы. «В отношении садоводства,— писал Ардасенов,— горцами сделаны кое-какие успехи, но и то пока на весьма ограниченном районе». Автор имеет в виду прежде всего Алагир, где, по его словам, благодаря «стараниям и умелой деятельности» инженеров Алагирского завода Иваницкого и Шастливцева развивалось садоводство, распространившись потом «на ближайшие аулы, в особенности на Ардоне» (ныне г. Ардон). Вторым значительным пунктом садоводства в Терской области Ардасенов считал окрестности Владикавказа [203].

Из сообщений авторов конца XIX — начала XX в. мы узнаем об упадке знаменитых алагирских садов, об исчезновении ряда ценных сортов яблок, груши, черешни и т. д. Так, В. А. Адоницкий сообщал с горечью, что знаменитая алагирская черная груша, выведенная местными

садоводами Габулаевыми и др., «близка к вымиранию... Да вообще садоводственное дело значительно упало. Сады Ольшевского, Тройтера, бывшие гордостью Алагира, с массой редких, ценных экземпляров, в настоящее время в полном запустении» [204]. Тем не менее Алагир оставался центром садоводческой культуры в Осетии. Известный кавказовед Ф. Ган считал, что антоновские яблоки, «прославленные на весь Кавказ, происходят из Алагира, из сада Антонова» [205]. В конце XIX — начале XX в. сады возникли и в других горных долинах Осетии (селения Унал, Быз, Даллагкау, Барзикау и др.) [206]. Горцы стали сажать плодовые деревья и в высокогорных районах.

В указанное время делались попытки развести сады в ряде мест Кабарды [207], Балкарии [208], Карачая [209] и т. д. Однако садоводство, как огородничество и отчасти виноградарство, получило повсеместное распространение лишь в советское время, особенно в послевоенный период, благодаря строительству многочисленных оросительных систем во всех национальных республиках и областях Северного Кавказа. В настоящее время на равнине Северного Кавказа садоводство и огородничество стали одним из важных занятий населения. Большое развитие эти отрасли хозяйства получили и в горах, особенно Балкарии, а также в ряде мест Карачая, Осетии и Чечни. Постепенно осуществляются предвидения Н. И. Вавилова о том, что плодоводство в этих районах «смело может быть продвинуто на высоту 1500—1700 м и даже выше, в наиболее защищенные ущелия» [210].

Садоводство и огородничество стали одними из ведущих отраслей хозяйства многих совхозов и колхозов региона. Созданные крупные плодопитомнические совхозы и станции дают возможность успешно развивать садоводство на всей территории края, в том числе в его горных районах. Так, один только Бесланoвский плодопитомнический совхоз в Северной Осетии ежегодно осенью и весной отправляет во все хозяйства республики около 200 тыс. саженцев фруктовых деревьев [211].

Молодыми отраслями хозяйства горцев являются виноградарство и виноделие, возникшие лишь в 60—70-е годы в низменных засушливых местах Терека: Надтеречном и Грозненском районах Чечено-Ингушской АССР, в Моздокском районе Северо-Осетинской АССР, в Терском районе Кабардино-Балкарской АССР. Во всех этих районах созданы крупные совхозы, занимающиеся разведением винограда и виноделием (совхозы-заводы «Каббалквино», «Чеченингушвино», «Осетинское вино»). Горцам приходилось осваивать непривычную для них культуру. В указанных районах Чечено-Ингушетии, например, многие совхозы состоят из одних чеченцев, выходцев из высокогорных районов республики. Горцы с большим энтузиазмом осваивали навыки и приемы виноградарства и виноделия.

Естественные природные условия, в частности кизлярских и моздокских степей, позволяли здесь заниматься виноградарством еще в очень отдаленные времена. Исторические сведения о виноделии на Тереке относятся к концу первой половины XVII в.— намного раньше, чем в других районах региона, в частности в современном Краснодарском крае. Несомненно, что древние местные племена, обитавшие в низовьях Терека и Сунжи, широко занимались виноградарством, о чем, например, свидетельствуют сохранившиеся здесь дикие виноградники, которыми обильно пользовались первые русские поселенцы — гребенские и терские казаки.

Названия зерновых культур

Народы	Озимая пшеница	Яровая пшеница	Ячмень	Овес	Просо	Кукуруза	Рожь	Гречиха	Полба
1. Чеченцы	гуьйнан кIа	бIаьстенан кIа	мукх	кена, сула	борц	хьаьжкIа	сума	гуьржийн, борц	сос
2. Ингуши	гуранна дув кIа	бIавьсти дув кIа	мукх	кен	борц	хьажкIа	сума	гречих	сос
3. Осетины	фазыгонд мæнæу	уалдзыгонд мæнæу	хъæбæрхор	сыскджы, диг. зæтхæ	еу, диг. фагос	нартхор	цьой, сылмæнæу	сауфагæ	пальма
4. Кабардинцы и черкесы	бжьыхьэсэ гуэдз	гъатхасэ гуэдз	хьэ	зэнтхь авос (Iэвос)	мэш	нартыху	хьэпцIий	гречихэ	гъашэ
5. Карачаевцы и балкарцы	кюзлюк дудай	джалык будай	арпа	зынтхы	тары	нартюх, джюгери	къарабудай	речка	
6. Ногайцы	куьзги биидай	язлык биидай	арпа	сулы	тары	наьртуьн (Кубань), ож(и) бийдай (степные ног.)		кара ярма	
7. Адыгейцы	бжыхьэсэ коц	гьэтхэшы, тазэ, аблэ, гъэтхэсэ коц	хьэ	зэнтхъ	мэщы, гъажъо, гъычы-цIы рамышъ, ашI эгъудж, фыгъо, ащэфы	нартыф, натрыф	хьамцIый	гречих	гъашэ

Названия огородно-бахчевых культур и картофеля

Народы	Лук	Чеснок	Перец	Свекла	Фасоль	Огурец
1. Чеченцы	хох	сярамсекх	бурч	бурак	кхоьш	наьрс
2. Ингуши	хох	саьмарсекх	сибиз	бурак	кхоьш	наьрс
3. Осетины	хьæдындз	нуры, диг. бодæн	цывжы	цæхæра, диг. къумбул	хъæдур	джитри, диг. хуæргæнаса
4. Кабардинцы	бжьын	бжьыныху	шыбжий	жэгундэ	джэш	нашэ
5. Балкарцы	сохан	сарымакъ	чибижи	чюгюндюр	къудору	наша
6. Карачаевцы	сохан	сарымакъ	шибижи	чюгюндюр	къудору	огурча, наша
7. Ногайцы	соган	сарымсак	шибижий	шуьвилдир	ногыт	кыяр, кавын
8. Абазины	джьыпщы	джыш	чыбджьи	сандрыйа	къвыд	нащэ
9. Черкесы	бжьын	бжьыныху	шыбжий	жэгундэ	джэш	нащэ
10. Адыгейцы	бжьыны	бжьыныф	щыбжьый	гыныплъ, чIыплъ	джэнчы	нэшэбэгу

Народы	Арбуз	Тыква	Дыня	Морковь	Капуста	Картофель
1. Чеченцы	хорбуз	гIапакх	паста	жIонка	копуста	картол
2. Ингуши	хорбаз	ябакх	паста	марков	кобуста	картол
3. Осетины	харбыз	нас	неси	маркъоф	къабускъа	картоф
4. Кабардинцы	харбыз	къаба	хъэн	пхъы	къэбыстэ	кIэртIоф
5. Балкарцы	харбыз	хыяр	хауун		къобуста	картоф
6. Карачаевцы	карбыз	къаба	кауун	пыхы	къобуста	гордош
7. Ногайцы	карбыз	кабак	кавын	швхы	капбыста	ералма
8. Абазины	хъарбыз	кабак	кавын	пыхы, швхы	кIамбыста	кIэртIоф
9. Черкесы	хъарбыз	къэб	хъэуан	пхъы	къэбыстэ	кIэртIоф
10. Адыгейцы	къэпрэз, къырбыдз	къэбы	нш, къаук	пхъы	къэбаск	картоф

В XVII в. терские воеводы доносили в Москву, что казаки из этого винограда изготовляют напиток. Следствием этого донесения был указ царя Алексея Михайловича 1652 г. астраханскому воеводе: прислать из Астрахани мастеров, «бывших в учении у немцев», на Терек, в места обитания казаков, для выделки вина «на опыт».

В 1720 г. последовал указ Петра I, предписывавший терским и гребенским казакам выделывать вино из разводившегося ими винограда. Однако значительное развитие виноградарство приобрело только с основанием Кизляра (1736 г.) и заселением его выходцами из Грузии и Армении, принесшими с собой традиции возделывания и обработки этой культуры. Во второй половине XVIII в. благодаря грузинским и армянским поселенцам виноградарство по Тереку и особенно в Кизляре стало важнейшей отраслью хозяйства. Вино стало предметом сбыта; его вывозили, в частности, в Астрахань. В 1772 г. здесь было продано 600 тридцативедерных бочек, т. е. 18 тыс. ведер, кизлярского вина.

В начале XIX в. в пределах Терской области насчитывалось 5050 виноградных садов, занимавших около 9900 дес. В одном Кизляре разводили до десяти европейских и азиатских сортов винограда: «черный», «чернобор», «черный тавлинский»; «белый душистый мускатель», «белый простой», «белые» и «красные козьи сосцы» и др. Преобладающими сортами являлись: «кара-изюм», «бор-изюм», «черный гимринский», «горский белый», «гиляби» и др. Из местных сортов, разводившихся почти всюду на Тереке, особенно славились «кизлярки», из которых делали приятное «кизлярское вино», из черного винограда делали неочищенное вино довольно плохого качества «чихир». О нем, например, моздокские осетины-цайта говорили: уый сæн нæу, уый чихир у (да это же не вино, это — чихир). Тем не менее это вино наряду с «кизлярским» пользовалось широким спросом в городах и во многих торговых пунктах Терской области [212]. В повести Л. Н. Толстого «Казаки» Ерошка советует Марьяне продать на базаре часть чихира и на вырученные деньги «поправить хату». И в последующие периоды виноградарство и виноделие являлись, по словам современника, «главным источником дохода» у жителей Кизлярского и Моздокского отделов. Достаточно отметить, что в 1903 г. площадь виноградников здесь равнялась 4191 дес., что составляло 6430 садов [213].

В отличие от Терской области в Ставрополье и на Кубани виноградники появились лишь в начале XIX в. Так, в 1877 г. на Кубани было всего 267 виноградников, занимавших более 218 дес. В них разводили как местные, так и привозимые сорта из Крыма, Дона, Кизляра, Кахетии и других мест [214].

Таким образом, народы Северного Кавказа сохранили много традиционных сортов важнейших хлебных злаков (пшеницы, ячменя, проса, ржи), разводившихся их отдаленными предками. В результате культурного взаимообмена с народами Закавказья и с соседним русским населением у горцев появились новые хлебные злаки, огородные, бахчевые и садовые культуры, получившие широкое распространение лишь в советское время.

[1] *Ковалевский Г. В.* Культурно-историческая и биологическая роль горных районов.— Природа, 1931, № 2, с. 167.
[2] *Вавилов Н. И.* Горное земледелие Северного Кавказа, с. 597.
[3] *Вавилов Н. И.* Избранные труды, т. 2, с. 241.
[4] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908, с. 172; *Вахушти.* География, с. 39; Обозрение Российских владений за Кавказом, с. 210.
[5] В других местах Осетии двурядный ячмень имеет два названия: *хъудала* и *тъапан хор*; последнее означает «плоский хлеб». По словам информаторов, его зерно было подобно кинжалу. Под двумя названиями известен у осетин и обычный ячмень: у иронцев — *карваз*, у дигорцев — *хъабархор* (букв. «твердый, крепкий хлеб»).
[6] Труды Комиссии..., с. 90; *Геевский В. Н.* О состоянии скотоводства в верховьях рек Терека и Белой Арагвы.— МУКЛЗПИСК, 1887, т. 2, с. 266.
[7] *Вавилов Н. И.* Избранные труды, т. 2, с. 242.
[8] Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 36, 102, 172.
[9] Обозрение Российских владений за Кавказом, с. 210.
[10] *Кипиани М. З.* От Казбека до Эльбруса, с. 26; *Кокиев С. В.* Записки о быте осетин, с. 19, 29; Материалы по истории Осетии, т. 3. Дзауджикау, 1960, с. 61, 62.
[11] ЦГАСО АССР, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 48, л. 16—19.
[12] О состоянии хозяйства и промышленности Терской области, с. 89.
[13] *Кокиев С. В.* Записки..., с. 105.
[14] *Медоев А.* Сел. Христиановское.— ТВ, 1899, № 94.
[15] *Вертепов Г.* Осетины. Историко-статистический очерк.— ТС, 1892, вып. 2, кн. 2, с. 48.
[16] Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Статистический сборник. Орджоникидзе, 1964, с. 42.
[17] *Христианович В. П.* Горная Ингушетия, с. 190.
[18] Отчет начальника Терской области за 1889 г.
[19] Там же, 1894 г.
[20] ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 2, д. 125, л. 65, 95.
[21] ССТО, 1878, вып. 1, с. 120.
[22] *Максимов Е.* Чеченцы, с. 80.
[23] Отчет начальника Терской области за 1894 г.
[24] *Тульчинский Н. П.* Пять обществ Кабарды, с. 181.
[25] *Баранов Е.* Очерки из жизни горских татар Кабарды; *Тепцов В. Я.* Балкары на Кавказе, с. 141; *Караулов Н. А.* По истокам Кубани и Терека, с. 144.
[26] Отчет начальника Терской области за 1894 г.
[27] *Алейников М.* Карачаевские сказания.— СМОМПК, 1883, вып. 3, с. 164—168; Татарские племена на Кавказе.— Кавказ, 1859, № 91; *Люсин.* Карачай.— Северный Кавказ, 1888, № 49—50.
[28] *Петров Г.* Верховья Кубани, с. 138.
[29] *Дьячков-Тарасов А. Н.* Абазехи, с. 52.
[30] ЦГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 1130, л. 77.
[31] Памятная книжка Кубанской области на 1879 г. Екатеринодар, 1879, с. 122.
[32] *Максимов Евг.* Кабардинцы, с. 30.
[33] *Вавилов Н. И.* Горное земледелие Северного Кавказа, с. 597.
[34] *Вахушти.* География, с. 139.
[35] Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 172.
[36] Обозрение Российских владений..., с. 210.
[37] *Кипиани М. З.* От Казбека до Эльбруса, с. 26.
[38] *Геевский В. Н.* О состоянии..., с. 266.
[39] *Дмитриев Н.* Переход через Рокский и Мамисонский перевалы.— СМОМПК, 1894, вып. 20, с. 19, 29.
[40] ЦГА СОАССР, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 450, л. 105—112.
[41] Материалы по истории Осетии, т. 3, с. 71.
[42] *Лавров Д.* Заметки об Осетии и осетинах.— СМОМПК, 1880, вып. 3, с. 135.
[43] Отчет начальника Терской области за 1891 г.
[44] *Кокиев С. В.* Записки..., с. 105.
[45] ЦГА СОАССР, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 50, л. 105—112.
[46] *Вертепов Г.* Осетины, с. 50.
[47] *Христианович В. П.* Горная Ингушетия.
[48] *Берже А. П.* Чечня и чеченцы, с. 62.
[49] ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 2, д. 126, л. 70, 90.
[50] Там же.
[51] Отчет начальника Терской области за 1889 г.
[52] Отчет начальника Терской области за 1898 г.
[53] *Максимов Е.* Чеченцы, с. 80.
[54] *Иваненков Н. С.* Горная Чечня, с. 122.
[55] *Ланге Б. А.* Балкария и балкарцы.— Кавказ, 1903, № 283; *Тепцов В. Я.* По истокам Кубани и Терека, с. 141.
[56] *Баранов Е.* Очерки земледелия в горах.— ТВ, 1892, № 14.
[57] *Тульчинский Н. П.* Пять обществ Кабарды, с. 181.

58 *Караулов Н. А.* Балкары на Кавказе, с. 144.
59 *Сысоев В. М.* Карачай, с. 91.
60 *Петров Г.* Верховья Кубани, с. 138.
61 См.: *Шаманов И. М.* Земледелие и земледельческий быт карачаевцев.— В кн.: Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971, с. 56.
62 *Сысоев В. М.* Карачай, с. 91.
63 ЦГА ГССР, ф. 5, ед. хр. 2957, л. 7.
64 Кубанская справочная книжка 1894 г. Екатеринодар, 1894, с. 11.
65 *Князь Х.-Ч.* К вопросу о хозяйственных успехах туземцев.— ТВ, 1891, № 95.
66 *Пожидаев П.* Хозяйственный быт Кабарды, с. 70.
67 *Баратов Т. Г.* О природе и хозяйстве Кабарды.— Кавказ, 1890, № 73.
68 *Христианович В. П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды.
69 *Бирюлькин А.* Кое-что о сельском хозяйстве Кабарды.— Кавказ, 1860, № 73.
70 *Л.-К.* Малая Кабарда.— ТВ, 1901, № 30.
71 *Раждаев П.* Экономический быт горцев Нальчикского округа, с. 48.
72 *Христианович В. П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды, с. 60.
73 ЦГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 35, л. 16.
74 *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч. 2, с. 135.
75 *Клинген И.* Основы хозяйства в Сочинском округе, с. 87; *Дьячков-Тарасов А. Н.* Абазехи, с. 135.
76 ЦГА ГССР, ф. 5, ед. хр. 6312, л. 7.
77 Кубанский сборник на 1900 г. Екатеринодар, 1899, с. 354.
78 Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии, с. 42; Народное хозяйстве Кабардино-Балкарской АССР за годы Советской власти. Нальчик, 1967, с. 45; Народное хозяйство Чечено-Ингушской АССР за 1966—1970 гг. Грозный, 1971, с. 33; Народное хозяйство Адыгейской автономной области. Краснодар, 1957, с. 30.
79 *Вавилов Н. И.* Избранные труды, т. 2, с. 232.
80 ЦГА СОАССР, ф. 2, оп. 2, д. 126, л. 95.
81 Отчет начальника Терской области за 1894 г., с. 122.
82 *Максимов Е.* Чеченцы, с. 80.
83 *Вахушти.* География Грузии, с. 139.
84 Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 172.
85 Обозрение Российских владений за Кавказом, с. 210.
86 Материалы по истории Осетии, т. 3, с. 71.
87 *Лавров Д.* Заметки..., с. 135.
88 ЦГА СО АССР, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 50, л. 105—112.
89 *Кипиани М. З.* От Казбека до Эльбруса, с. 27.
90 *Тульчинский Н. П.* Пять обществ Кабарды, с. 181.
91 *Шаманов И. М.* Земледелие..., с. 56.
92 *Петров Г.* Верховья Кубани, с. 135; *Дьячков-Тарасов А. Н.* Абазехи, с. 52; *Сысоев В. М.* Карачай, с. 91.
93 *Броневский С.* Новейшие..., с. 135; *Баратов Т. Г.* О природе...; *Бирюлькин А.* Кое-что о сельском хозяйстве..., и др.
94 *Максимов Е.* Кабардинцы, с. 174.
95 *Христианович В. П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды, с. 51, 53.
96 *Пожидаев В. П.* Хозяйственный быт..., с. 70.
97 *Клинген И.* Основы хозяйства..., с. 83.
98 *Вавилов Н. И.* Горное земледелие..., с. 598.
99 *Лавров Д.* Заметки..., с. 135.
100 *Кокиев С. В.* Записки..., с. 105.
101 *Дмитриев Н.* Переход..., с. 29.
102 ЦГА СОАССР, ф. 24, оп. 1. ед. хр. 450, л. 105—112.
103 По словам информаторов, растение это было длинное, «как молодая стройная невеста». Отсюда, по-видимому, такое название.
104 *Максимов Е.* Чеченцы, с. 80.
105 См.: *Калоев Б. А.* Земледелие у горских народов Северного Кавказа.— СЭ, 1973, № 3.
106 Обзор Ставропольской губернии за 1879 г., с. 5.
107 Отчет начальника Терской области за 1895 г., с. 79.
108 ЦГА СОАССР, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 450. л. 105—112.
109 ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 2, д. 119, л. 65.
110 *Клинген И.* Основы хозяйства..., с. 83.
111 *Лавров Д.* Заметки..., с. 135.
112 КК, 1884, с. 250—251.
113 *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, с. 59.
114 *Керашева З. И.* Значение диалектной лексики для решения историко-генетических проблем.— ЕИКЯ, 1975, т. 2, с. 67.
115 *Алибердов Т. Д.* Из истории земледелия у адыгов в XIX в.— УЗАНИИЯЛИ, 1968, т. VIII, с. 49.
116 *Броневский С.* Новейшие..., с. 135.
117 ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 35, л. 16.
118 *Баратов Т. Г.* О природе...,
119 *Князь Х.-Ч.* К вопросу...
120 Отчет начальника Терской области за 1903 г., с. 82.
121 *Христианович В. П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды, с. 51.
122 *Кумахов М. А.* Отраслевая лексика с корнями на «ячмень», «просо», в адыг-

ских языках.— ЕИКЯ, 1975, т. 2, с. 76—78.

123 Там же, с. 77.

124 *Востриков П. А.* Станица Наурская Терской области.— СМОМПК, 1904, вып. 33, с. 164.

125 Там же, с. 167.

126 *Пожидаев В. П.* Хозяйственный быт..., с. 70.

127 *Броневский С.* Новейшие..., с. 135.

128 Осетины глазами русских и иностранных путешественников, стр. 172.

129 *Лавров Д.* Заметки..., с. 135.

130 *Декапрелевич Л. Л.* Из истории культуры кукурузы в СССР, с. 371.

131 Судя по термину *хъаджикъа* — «пшеница из Мекки» — и народному преданию, эта культура могла быть занесена и чеченскими паломниками из Мекки. Появлению этого хлебного злака у чеченцев и его значению в их хозяйственной жизни посвящена содержательная статья Т. И. Дешериевой и Ю. Д. Дешериева «Чеченские наименования кукурузы, ее частей, процессов и средств ее обработки» (ЕИКЯ, 1975, т. 2, с. 184—188), основанная на данных чеченского языка.

132 ЦАГКК, ф. 581, ед. хр. 322, л. 1—2.

133 Приведенные названия кукурузы у адыгских народов означают дословно «нартовское просо», а у осетин — «нартовский ячмень». Таким образом, они дали этому новому для них популярному растению наименования наиболее распространенных у них культур. Что касается балкаро-карачаевского названия кукурузы, то оно, видимо, заимствовано у кабардино-черкесов.

134 *В. Н. Л.* Переходное состояние горцев Северного Кавказа.— Новое обозрение, 1896, № 4173.

135 *Гарданов М. К.* Селение Христиановское в фактах жизни.— ИНИИК, 1926, вып. 1.

136 Обзор Ставропольской губернии за 1886 г., с. 3.

137 КК, 1884, с. 258.

138 *Самойлов К.* Заметки о Чечне.— Пантеон, 1855, т. XXIII, с. 58.

139 *Вроцкий Н. А.* Чечня как хлебный оазис.— ССТО, 1878, вып. 1, с. 270—271.

140 *Клинген И.* Основы хозяйства..., с. 44.

141 *Пожидаев В. П.* Хозяйственный быт Кабарды, с. 70.

142 *Христианович В. П.* Сельскохозяйственные районы..., с. 51.

143 *Сысоев В. М.* Карачай, с. 91.

144 Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 172.

145 *Кокиев С. В.* Записки..., с. 105.

146 *Лавров Д.* Заметки..., с. 135.

147 *В. Н. Л.* Переходное состояние...; *Гарданов М.* Селение..., с. 168.

148 Терские ведомости, 1883, № 37.

149 *Белобородов А.* Земледелие Терской области.— ТВ, 1895, № 111.

150 ЦГА СОАССР, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 50, л. 105—112.

151 История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958, с. 282.

152 ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 2, д. 124, л. 26—27.

153 Там же.

154 *Берже А. П.* Чечня и чеченцы, с. 62.

155 ЦГА СОАССР, ф. 2, оп. 2, д. 126, л. 95.

156 *Иваненков Н. С.* Горная Чечня, с. 122.

157 Отчет начальника Терской области за 1915 г., с. 61.

158 *Калоев Б. А.* Осетины, с. 72.

159 *Коновалов Ф. Я., Саламов А. Б.* К вопросу о массовом отборе местной кукурузы в национальных областях. Орджоникидзе, 1936.

160 Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии, с. 42.

161 Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР, с. 45.

162 Народное хозяйство Чечено-Ингушской АССР, с. 33.

163 Народное хозяйство Адыгейской автономной области, с. 30.

164 ЦГАСК, ф. 55, ед. хр. 147, л. 25.

165 Там же, л. 38.

166 Архив Карачаево-Черкесского НИИ, ф. 6, оп. 6, д. 43, л. 9—15; *Шаманов И. М.* Земледелие..., с. 62.

167 *Петров Г.* Верховья Кубани, с. 138.

168 Кубанская справочная книжка на 1894 г., с. 84.

169 О состоянии хозяйства и промышленности у туземцев Терской области, с. 88.

170 Материалы по истории Осетии, т. 3, с. 62, 71.

171 *Кипиани М. З.* От Казбека до Эльбруса, с. 26.

172 ЦГА СОАССР, ф. 4, ед. хр. 50, л. 105—112; *Дмитриев Н.* Переход..., с. 29.

173 *Баранов Е.* Очерки земледелия в горах.— ТВ, 1892, № 4.

174 *Христианович В. П.* Горная Ингушетия, с. 190.

175 *Максимов Е.* Чеченцы, с. 80.

176 Знаток чеченского быта Х. Д. Ошаев сообщил нам, что в Шатое и его окрестных селах картофель стали сажать по распоряжению ген. Кулибякина, отчего растение это чеченцы назвали «генеральской картошкой». Природные условия здесь оказались для картофеля весьма благоприятными. И сейчас «шатойский картофель» считается в республике лучшим по высоким вкусовым качествам и урожайности.

177 *Раждаев П.* Экономический быт горцев Нальчикского округа, с. 48.

178 Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии, с. 48.
179 Народное хозяйство Чечено-Ингушской АССР, с. 33.
180 Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР, с. 45.
181 Народное хозяйство Адыгейской автономной области, с. 30.
182 *Калоев Б. А.* Осетины, с. 113.
183 *Милютин Д. А.* Чеченцы.— РО ГБЛ, ф. 169, кор. 8, ед. хр. 7, л. 19, 20.
184 *Самойлов К.* Заметки о Чечне, с. 46.
185 *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе, с. 379.
186 *Иваненков Н. С.* Горная Чечня, с. 122; *Верлина Я.* Медицинская топография Ичкеринского округа Терской области.— Медицинский сборник, издаваемый Кавказским медицинским обществом, 1870, № 10.
187 Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 172.
188 Записки о Черкессии..., ч. II, л. 39.
189 *Броневский С.* Новейшие...
190 *Гарданов В. К.* Общественный строй..., с. 75—77.
191 Там же; Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 462, 493, 497, 535.
192 *Клинген И.* Основы хозяйства..., с. 53.
193 *Данилевский Н.* Кавказ и его жители. М., 1851, с. 97—98.
194 *Дьячков-Тарасов А. Н.* Абазехи, с. 18.
195 *Тхагушев Н. А.* Адыгейские (черкесские) сорта..., с. 18—23.
196 См.: Кавказский вестник практического садоводства, 1902, № 103, с. 6.
197 *Гейдук Я. Ф.* Постановка садоводства в Черноморской губернии.— Кавказский вестник практического садоводства, 1902, № 103, с. 3.
198 *Иваненков Н. С.* Горная Чечня, с. 122.
199 *Максимов Е.* Чеченцы, с. 87.
200 *Толмачев С. И.* Селение Алагир.— ТС, 1903, вып. 5, с. 128.
201 Болезнь грушевых деревьев в Терской области. Отчет агронома В. Н. Геевского...— ТКОСХ, 1886, ноябрь-декабрь, № 11—12, с. 7.
202 *Уварова П. С.* Кавказ. Путевые заметки. СПб., 1887, ч. 1, с. 34.
203 *В. Н. Л.* Переходное состояние горцев Северного Кавказа.
204 *Адоницкий В. А.* Впечатление из поездок по Военно-Осетинской дороге.— Естествознание и география, 1905, № 4, с. 64.
205 *Ган Ф.* По долинам Черека, Уруха и Ардона.— СМОМПК, 1898, вып. 25, с. 47.
206 *Калоев Б. А.* Осетины, с. 114.
207 *Пожидаев В. П.* Хозяйственный быт..., с. 77.
208 *Тульчинский Н. П.* Пять обществ Кабарды, с. 162; *Караулов Н. А.* Балкары на Кавказе, с. 144.
209 *Тепцов В. Я.* По истокам Кубани и Терека, с. 14; *Шаманов И. М.* Земледелие..., с. 91—93.
210 *Вавилов Н. И.* Горное земледелие Северного Кавказа, с. 600.
211 Соц. Осетия, 1976, № 23.
212 Данные заимствованы из: Статистический временник Российской империи, 1877, сер. 2, вып. 15.
213 Кавказский вестник практического садоводства, 1903, № 15—17, с. 8.
214 См.: Статистический временник Российской империи, с. 193—211.

IV

ОРУДИЯ ОБРАБОТКИ ПОЧВЫ

таблицы 4—7

Вертикальная зональность, своеобразие климатических и почвенных условий региона вызвали создание множества различных орудий обработки почвы. По определению Н. И. Вавилова, в процессе вековой практики горцы создали не только сорта важнейших культурных растений, но и большое количество оригинальных земледельческих орудий, многие из которых до сих пор находят широкое практическое применение, особенно в горах [1]. Рассмотрим сначала орудия мотыжного земледелия.

Мотыги

Одним из древнейших видов орудий обработки почвы являлись деревянные и железные землекопалки. Деревянное орудие имело обожженное острие. Чаще использовалась палка с железным наконечником или с наконечником, имевшим форму лопаты. Такая землекопалка применялась исключительно на каменистых почвах и на подсечных участках. Наряду с ними большое распространение имели железные лопаты и железные вилы, последние в основном массивные двузубые, применявшиеся преимущественно в подсечном земледелии. Такие вилы попадались нам нередко во время экспедиций в аулы черноморских шапсугов, они имели длину 30 см, ширину 17 см. Зубья массивные, квадратные, длина зуба 22 см. Вилы имели широкие плечики для нажима ногой. Они насажаны на толстую ручку (75 см), имеющую на конце изгиб для удобства при работе. Этими вилами вскапывали поля на подсеках в течение ряда лет до тех пор, пока землю не освобождали от корней и можно было применять пахотное орудие.

Наряду с указанными почти на всей территории региона применялись вилы обычного типа с четырьмя зубьями, служившие для обработки мягкой почвы. Большое распространение имели железные лопаты, которыми обрабатывали сады и огороды. Они использовались также при пахоте и строительстве оросительных каналов.

Среди ударных орудий имелись деревянные молоты, железные топоры, металлические киркообразные мотыги, тесловидные мотыги, секиры. Каждое из перечисленных орудий имело определенное назначение. Деревянный молот служил для разрыхления твердых комьев земли. Он широко применялся в горных районах, где боронование производили не боронами, а волокушей.

Судя по коллекции Краеведческого музея Адыгейской автономной области (г. Майкоп), среди топоров большое распространение имел топор с вытянутой длинной (17 см) рабочей частью. Им расчищали лесные заросли, рубили леса, выкорчевывали. Такую же роль играли секиры. Сре-

ди ударных орудий частое применение имели односторонние и двусторонние кирки. Острым концом кирки выкапывали камни и выкорчевывали корни, а широким концом вскапывали и разрыхляли землю. В ряде мест широкий конец кирки делали в виде лопаты.

Много разновидностей имели теслообразные мотыги, применявшиеся в основном в горных районах. К ним относится, в частности, мотыга в виде равнобедренного треугольника, имевшая круглую массивную шейку, насаженную на деревянную ручку. Длина мотыг достигала 22 см. Массивная мотыга была зафиксирована нами в 1966 г. в Балкарии (сел. Безенги), длина мотыги 41 см, длина ее ручки 110 см. Орудие такого типа нам больше не попадалось, это дает основание говорить о его локальном распространении. Рассматриваемая мотыга применялась в основном для обработки террасных полей.

К древнейшим типам орудий относятся и секиры. Судя по коллекциям краеведческих музеев Майкопа, Сочи, Краснодара, а также по полевым материалам, эти орудия, применявшиеся преимущественно на подсечных участках, отличались большим разнообразием. Они имели форму серпа, ножа, кинжала. Широко распространен нож с согнутым концом и массивной шейкой, насаженной на деревянную ручку, его длина до 35 см. Он известен у адыгейцев под названием *цалда*. Другой нож с широким лезвием и короткой железной ручкой имел длину лезвия 17 см, длину ручки 15 см.

Тяпки широко применялись для прополки кукурузных посевов и посевов других зерновых и овощных культур. Широко распространена тяпка с длинной рабочей частью (25—30 см), слегка согнутой в центре; длина ее железного стержня зависела от почвы: мягкий грунт обрабатывали тяпкой с длинным стержнем, и наоборот. Все перечисленные орудия изготовлялись местными мастерами. Во второй половине XIX в. наряду с кустарными орудиями большое распространение получили и орудия фабричного производства, прежде всего тяпки и кирки.

Таким образом, ударные орудия, как и орудия, приводимые в действие силой ног, существовавшие с эпохи мотыжного земледелия, не потеряли своего значения в хозяйстве горцев до недавнего времени.

Пахотные орудия

Главными орудиями обработки почвы были пахотные орудия. Исследование показывает, что каждая зона региона имела определенные типы орудия [2]. Рассмотрим горные пахотные орудия. Судя по полевым этнографическим материалам и данным письменных источников, наиболее распространенным пахотным орудием в горной полосе Северного Кавказа являлось безотвальное орудие типа рала; оно имело обычно длинный и массивный полоз. Полоз скреплялся с грядилем, состоящим из двух частей: задней, представляющей собой коленообразный крюк, и прямой передней. Рукоять служила для управления орудием и регулирования глубины пахоты. На переднем узком конце полоза надет железный наконечник (наральник), в высокогорной зоне, где располагались обычно террасные поля, он делался меньше.

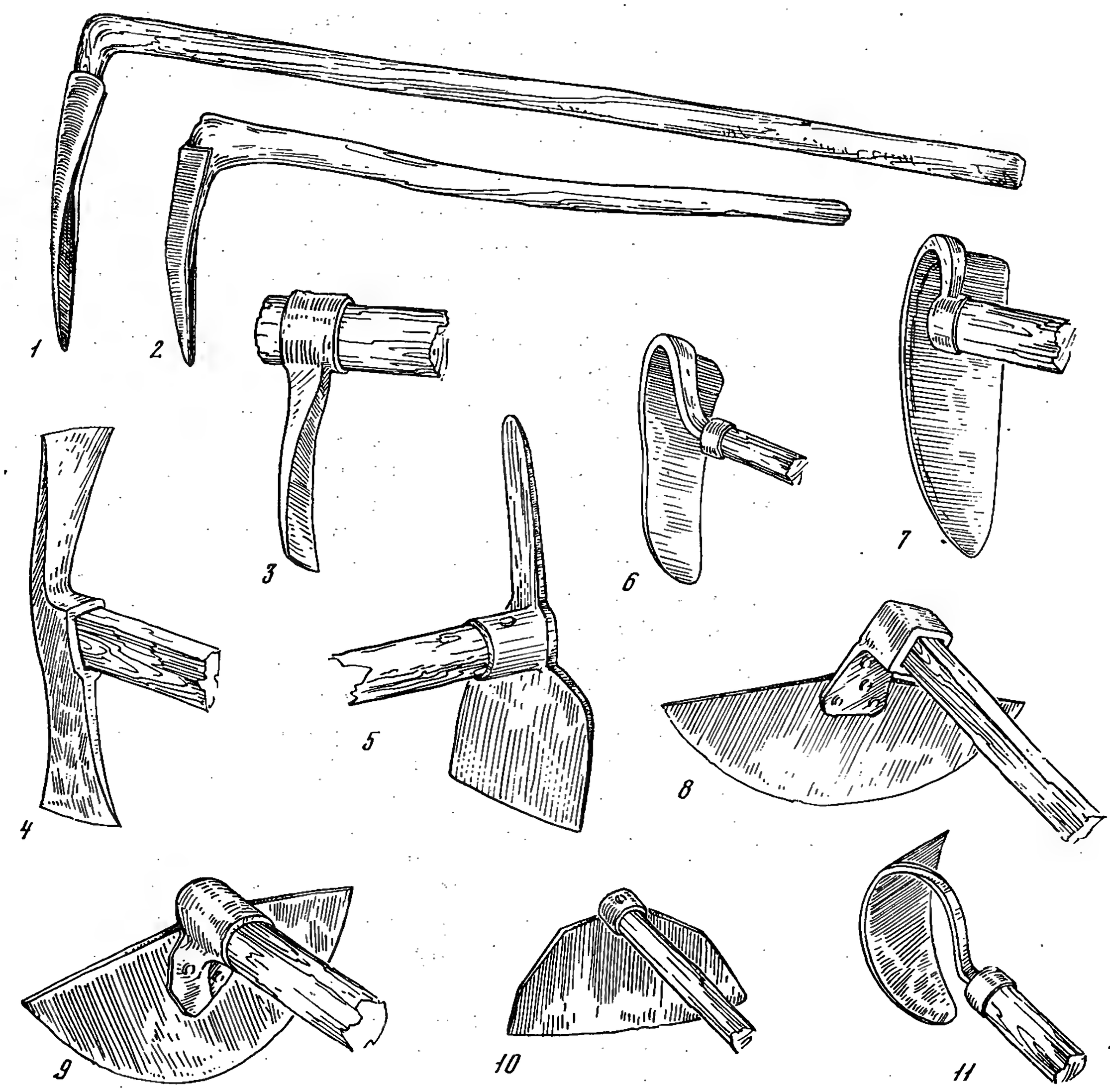
Этот тип орудия имел определенные различия на территории региона, что позволяет разделить его на два подтипа. В первом случае орудие имело длинный грядиль (дышло), достигавший ярма, обычно конец грядиля скреплялся с ярмом при помощи скрученных ореховых прутьев или

ремня из воловьей кожи. Во втором случае эта часть грядиля заменялась целиком ремнем или вальками. По терминологии Г. С. Читая, основанной на грузинском материале [3], первый наш подтип называется ярмочным орудием, второй — грядильным. Первый подтип имел абсолютное преобладание по всей территории региона, второй же применялся лишь в некоторых местах..

Рассматриваемое горное пахотное орудие имело у каждого народа свое название, что говорит о самостоятельном пути его развития: у чеченцев и ингушей оно именовалось *нох*, у осетин — *дзыбыр*, *дзывыр*, у адыгов — *цхъэлаш*, у балкарцев и карачаевцев — *сабан агъач*, *каладжюк* и т. д.

Рис. 1. Виды мотыг

1, 2 — кособразная мотыга. С. Безенги. Балкария; *3* — односторонняя кирка. С. Джерах. Ингушетия; *4, 5* — двусторонние мотыги. С. Донифарс. Северная Осетия; *6, 7* — тяпки. С. Старый Чегем. Кабарда; *8—11* — тяпки. С. Шали. Чечня, 1968 г.



В русской литературе это орудие встречается под разными названиями: «плуг» [4], «соха» [5], «рало» [6]; начиная с середины XIX в. наиболее широкое распространение получил термин «соха». И до сих пор во всех кавказоведческих изданиях, в том числе в специальных этнографических работах (включая тома «Народы Кавказа»), горное орудие Северного Кавказа ошибочно именуют «сохой». Между тем хорошо известно, что русская соха, прекрасно описанная в работе Д. М. Зеленина [7], совершенно не соответствует конструкции этого горного орудия. Единственное, что их роднит — это простота конструкции [8], что послужило, видимо, главной причиной того, что горское орудие в литературе стали называть «сохой». Рассматриваемое орудие совершенно аналогично по своему устройству широко распространенному у многих народов мира безотвальному пахотному орудию — ралу, возникшему также в период зарождения плужного земледелия — в VII—VI вв. до н. э.[9]

Появление термина «рало» в кавказоведческой литературе относится к 60-м годам XIX в. Впервые этим термином назвал горское орудие И. Серебряков, изучавший пахотные орудия у адыгов. «Землю горцы,— писал он,— вспахивали двумя орудиями, из которых одно, более тяжелое, имело все главные принадлежности плуга, а другое — более похожее на рало» [10]. Мы полагаем, что будет более правильно именовать в дальнейшем горное орудие не сохой, а ралом.

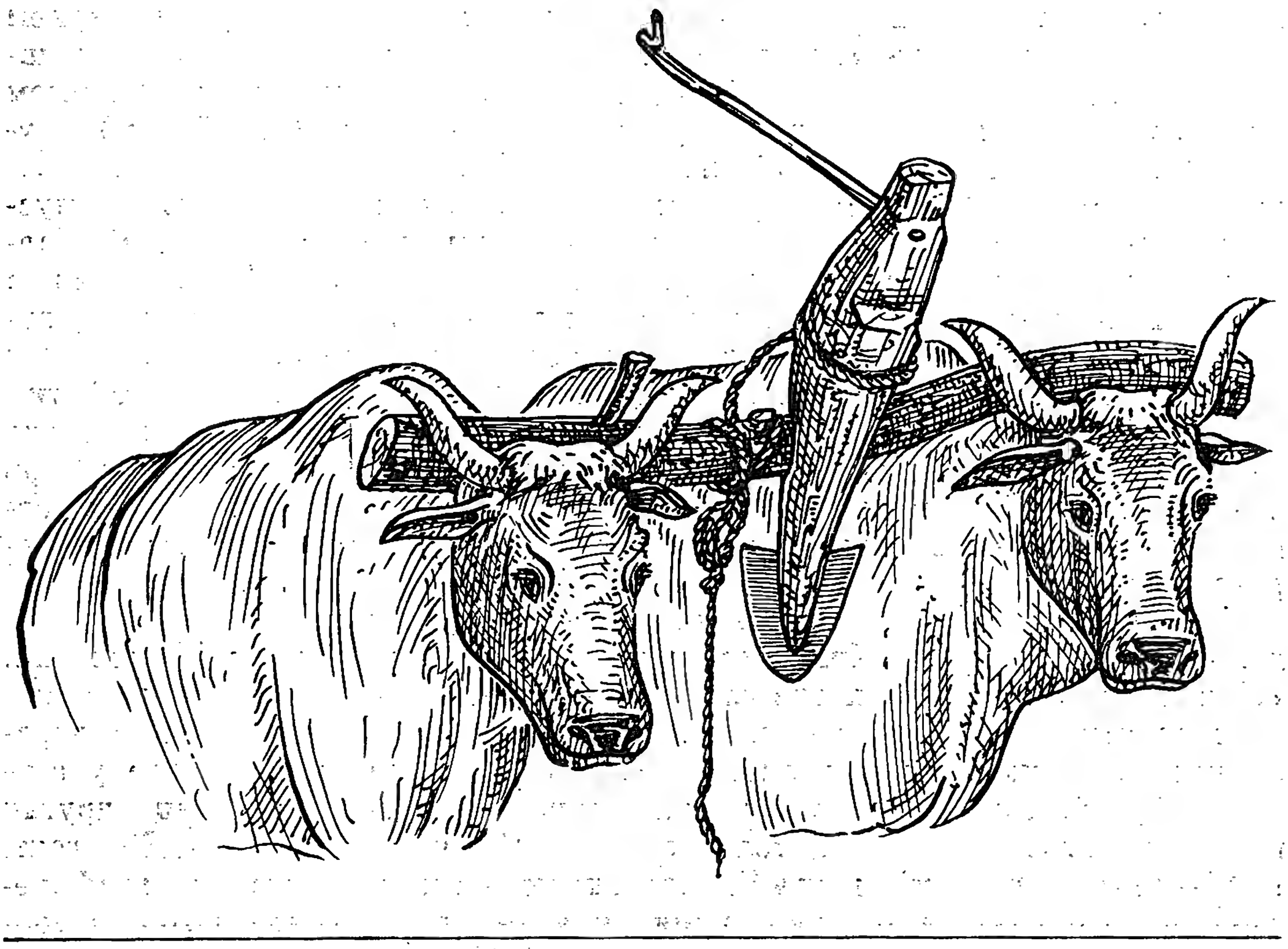
Ю. Клапрот был одним из первых исследователей, кто дал детальное описание указанного орудия у осетин. «Плуг, который употребляют осетины и другие жители Кавказских гор,— писал он,— меньше, чем русский, и имеет следующую форму: а) изогнутый кусок дерева, обе лопасти которого имеют полтора фута длины и удалены друг от друга лишь на 8 дюймов; б) железный плоский лемех, образующий равносторонний треугольник, приложенный к изогнутому куску дерева и разрыхляющий землю; в) к концу изогнутого куска дерева приделан шест длиной в 6 футов, к концу которого припрягают двух быков с ярмом; г) ручка, при помощи которой человек управляет плугом левой рукой, в то время как правой рукой он стегает быков» [11]. Перед нами один из подтипов рала — ярмочное орудие, применявшееся как в горах, так отчасти на равнине региона. В первой половине XIX в. такое же орудие было зафиксировано А. Гакстгаузеном у южных осетин. По его мнению, оно имело большое сходство с немецкой «мекленбургской сохой». Автор ошибался, отрицая бытование этого орудия у других кавказских народов [12].

Литературные данные о рассматриваемом пахотном орудии, как и о других земледельческих орудиях, мы находим во второй половине XIX в., когда началось всестороннее этнографическое изучение быта горцев, в частности их главных занятий — земледелия и скотоводства. Особого внимания в этом отношении заслуживает исследование М. З. Кипиани, содержащее обстоятельную характеристику земельных отношений горцев Центрального Кавказа. Наблюдая за жизнью населения верховьев р. Ардон в Северной Осетии, автор, в частности отмечал: «Пашут здесь землю особою местною сохою. Этот весьма небольшой крючок, на конце которого прикрепляется лемех, выворачивает землю чуть ли только не на вершок. В соху впрягают всегда пару горских быков величиною не больше русских годовалых телков» [13]. Из этого сообщения видно, что в высокогорных районах Северного Кавказа, где располагались в основном террасные поля, применялось исключительно орудие малых габаритов типа

ярмочного или грядильного. Орудие отличалось большой легкостью. Пахарь, отправляясь на работу, нес его на плече, подгоняя волов, находившихся под ярмом или же клал орудие на ярмо. Один из авторов писал о карачаевцах в 80-х годах: «Карачаевский плуг легок, прост, оригинален и весьма приспособлен для карачаевской почвы» [14].

Наряду с таким легким орудием широкое распространение имело, особенно в горной зоне, орудие большего габарита, которым вспахивали все виды пахотных земель, кроме искусственных террасных полей. Вызывает интерес длительное бытование этих видов рала, применявшихся нередко и в наши дни. Подобные орудия нами зафиксированы не только в литературе [15], в фондах музеев Северного Кавказа [16], но встречались во многих районах региона: в Чечено-Ингушетии (Итум-кала, Шатой, Джерах и др.), в Северной Осетии (Даргавс, Даллагкау, Галиат, Дагом, Нар и др.), в Кабардино-Балкарии (Верхняя Балкария, Верхний Чегем, Безенги и др.), в Карачаево-Черкесии (Хурзук, Учкулан). В лесистых районах это орудие часто делали из цельного дерева, включая грядиль и полоз. Такие деревья, по данным информаторов, выискивали в лесу, а иногда и специально выращивали. Это особенно характерно для лесистых районов Северо-Западного Кавказа и гор Чечено-Ингушетии. Описываемое орудие имело изогнутый составной грядиль, приставную рукоять с держаком. На передний конец полоза надевали железный наральник. Орудие это применялось в основном в высокогорных районах, где пахотные угодья имели тонкий почвенный слой. Такое орудие широко ис-

Рис. 2. Способ доставки пахотного орудия. Афганистан (по Н. И. Вавилову)



пользовалось у западных адыгов, однако здесь его делали более массивным и оно имело наряду с наральником резак. В Абхазском краеведческом музее имеются подобные оригиналы, вот размеры одного из них: длина всего грядиля 2, 10 м, задняя часть грядиля 20×60 см, рукоять 60 см, держак 20 см, длина переднего конца полоза 15 см, наральник 20×25 см, резак 5×56 см; передний конец грядиля имеет два отверстия для скрепления орудия с ярмом, расстояние между отверстиями 10 см.

Исследование показывает, что в ряде мест Осетии, Балкарии и Карачая применялось орудие грядильного типа, что объясняется не только этническим или локальным факторами, но, по-видимому, отсутствием леса. Одно такое грядильное орудие нам встретилось в сел. Верхняя Балкария Черекского ущелья. Оно имело следующее устройство: основа (полоз) его — толстая доска длиной 53 см, суженная к одному и расширенная к другому концу. На узком конце ее был насажен железный лемех 17×19 см, а на широком — стойка-грядиль 37×66 см. На конце грядиля находился коленообразный крюк (42 см), скрепленный кожаным ремнем с ярмом. Орудие имело одинарную рукоятку (47 см), при помощи которой пахарь правил и регулировал глубину пахоты. Для тех же целей служил и указанный ремень: при увеличении глубины пахоты его удлиняли, а при уменьшении — наматывали на ярмо.

При пахоте ярмочным орудием глубину пахоты регулировали в основном рукояткой; при помощи ее пахарь приподнимал орудие и уменьшал глубину пахоты и, наоборот, прижимая орудие к грунту, увеличивал глубину. Наибольшее распространение в горной зоне имело большое рало. Оно имело следующее устройство: основой его являлась подошва-полоз, представлявшая собой плоскую толстую доску (86×58 см); на узком переднем конце ее набивали острый железный лемех (26—31 см), а на заднем широком конце сажали массивную согнутую стойку, соединенную с дышлом-грядилем (160—175 см). Конец дышла обычно скрепляли с ярмом штифтом (засовом). Одинарная рукоятка с держаком (52—60 см) служила для регулирования глубины пахоты. Для пахоты целинных и залежных земель описываемое рало снабжалось резаком, который пропускали через грядиль. Рало с резцом применялось у осетин, ингушей, балкарцев, карачаевцев и у некоторых западных адыгов. У чеченцев и ингушей, как свидетельствует полевой материал, было специальное орудие-резец, которое, к сожалению, не сохранилось. Однако по рассказам стариков его можно восстановить. Орудие это представляло собой тип рала, делалось обычно из цельного куска сучковатого дерева; оно имело на стойке широкий острый резец и рукоятку, при помощи которой пахарь правил орудием, запряженным парой волов. Во время пахоты резец разрезал вертикально пласты, которые затем подрезал горизонтально и переворачивал лемех.

В литературе имеется лишь единственное упоминание об этом орудии — в работе В. П. Христиановича, посвященной горной Ингушетии. «Применяется в большинстве случаев,— пишет он,— однократная вспашка горскими орудиями: специальным проводится обрез пласта, а деревянным висячим плугом делается затем оборот пласта. В работе участвуют 3 работника и 4 вола; одна пара запряжена в резец, другая пара — в плуг. Производительность такой работы 0,25—0,30 гект. в 11—12-час. рабочий день»[17]. Собранные нами полевые этнографические данные свидетельствуют о широком распространении резца в гор-

ной Чечне и лишь о незначительном бытовании его в соседней Ингушетии. Объясняется это, по-видимому, не только благоприятными почвенными условиями Чечни, но и широким возделыванием здесь кукурузы.

У других народов региона подобное орудие отсутствует [18]. Наряду с отмеченными пахотными орудиями почти по всей горной зоне региона применяли беспередковый плуг типа грузинского малого плуга, снабженный массивным резаком. Этим плугом, имевшим под ярмом две пары волов, распахивали в основном целинные и залежные земли. Однако таких земель в крае было не так уж много. Поэтому рассматриваемый плуг не мог получить большого распространения, он применялся в ряде мест Осетии и в Чечено-Ингушетии.

В 1970 г. во время полевых работ в Чечено-Ингушетии мы зафиксировали еще один плуг в селах Шаро-Аргунского ущелья, совершенно сходный с тем, который описан в начале XX в. Н. С. Иваненковым в горной Чечне. Судя по данным автора, плуг резко отличался по своей конструкции от подобных беспередковых плугов нагорного Кавказа. Передняя часть плуга представляла собой длинную жердь, на заднем толстом конце которой был насажен железный резец, наклоненный вперед, ручка была отогнута назад, за нее держался и управлял плугом второй пахарь; передний конец жерди привязывали ремнем к ярму. Вторая, задняя часть плуга состояла из тонкой жерди, сильно приподнятой вверх, полоз представлял собой толстый деревянный обрубок, имевший на переднем заостренном конце куполообразный лемех [19]. От этого плуга, не встречавшегося в других районах региона, во многом отличался черкесский (адыгский) беспередковый плуг. По описанию И. Серебрякова, он имел прямое дышло и был «несравненно меньше и легче», чем грузинский плуг. «Самая большая ширина лемеха,— пишет он,— четыре вершка, длина режущей части ножа — три вершка, отвал прямой, деревянный; длина всего плуга четыре аршина, из которых один аршин приходится на корпус плуга, а остальные — на дышло». По словам автора, конструкция этого плуга «позволяла распахивать землю не более как на четыре вершка глубины, рало же (горное орудие.— *Б. К.*) могло поднимать землю только на 2 1/2 вершка» [20].

В Музее краеведения Адыгейской автономной области (г. Майкоп) сохранился макет черкесского (адыгского) легкого плуга, который дает возможность судить о близком сходстве его с тяжелым адыгским плугом с колесным передком. Макет этот сделан в 30-х годах XX в. по заказу известного адыгейского краеведа Новарузова. Рассматриваемое орудие изготовляли из прочного дерева, рабочую часть делали из дуба. Резак и лемех по внешнему виду такие же, что у тяжелого плуга, но меньше по размеру. Орудие это, по данным адыгейских стариков (аулы Хотажукай, Шовгеновский, Джарикай и др.), непосредственно производивших им вспашку, часто изготовляли целиком из одного дерева, включая лемех и резак. Таким плугом обрабатывали поля с мягким грунтом, производили вторичную пахоту. В плуг впрягали пару валов, его обслуживали двое пахарей.

Описываемое орудие широко применялось на равнине и в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Его можно считать принадлежностью хозяйства адыгских народов. Таким образом, в горах Северного Кавказа древнейшими пахотными орудиями были рала и беспередковые плуги, имев-

шие локальные, отчасти этнические особенности. Плуги имели распространение преимущественно в горной зоне, рало применяли повсюду не только в горах, но и на равнине, где его использовали для вторичной пахоты после тяжелого плуга с колесным передком. Чеченцы и ингуши наряду с этими орудиями имели рало-резец, появление которого, возможно, объясняется широким возделыванием здесь кукурузы. Горные пахотные орудия оказались долговечными. Они настолько отвечают местным условиям, что горцы предпочитают пользоваться ими и в наши дни. Особенно прочно держится в горах рало, служащее и теперь для обработки пахотных земель и приусадебных огородных участков. В отличие от горных районов на равнине традиционные орудия земледелия горцев оказались менее устойчивыми. Начиная с 70—80-х годов XIX в. они постепенно были вытеснены различными привозными усовершенствованными орудиями.

В равнинной зоне региона наиболее распространенными пахотными орудиями были черкесский (адыгский) и украинский тяжелые передковые плуги. При этом адыгским плугом обрабатывали земли не только сами адыги — кабардинцы, черкесы и адыгейцы, но и абазины, ногайцы, а также переселившиеся с гор на равнину осетины, балкарцы, карачаевцы, отчасти ингуши и чеченцы. Свидетельством такого заимствования является и термин «черкесский плуг» или «кабардинский плуг», встречающийся в языках многих из указанных народов; так, например, у осетин этот плуг именовался *кæсгон гутон* (кабардинский плуг), у балкарцев и карачаевцев — *черкес агъач* (черкесское дерево) и т. д.

Наряду с адыгским (кабардинским) плугом значительное распространение среди осетин, ингушей и чеченцев имел украинский плуг, привезенный в XVIII в. переселенцами с юга России. В конце XIX в. В. В. Маркович, описывая восточные районы Чечни (Ичкерии), сообщал, что здесь «на равнинах употребляли русский плуг», имевший отвал, грядиль, передок с деревянными колесиками [21]. Под русским плугом В. В. Маркович, несомненно, имел в виду украинский («малорусский») плуг, являвшийся единственным традиционным пахотным орудием у русского земледельческого населения Северного Кавказа.

Заметим, что в дореволюционной литературе по осетинам отсутствуют указания на этническую принадлежность плуга. Так, например, у С. В. Кокиева сказано лишь о том, что земля «обрабатывается плугом, в который запрягается четыре пары волов» [22]. Не более определенно говорит о плуге и А. Цаллагов: «Пашут деревянным плугом с железным лемехом и резцом» [23]. О жителях одного из крупных равнинных сел — Ольгинского М. Баев сообщает: «Для пахоты употребляют плуг осетинского изготовления. Все осетины говорят, что их плуг хорош: берет широко и глубоко...» [24] К сожалению, мы не располагаем больше никакими данными об осетинском тяжелом плуге. Полевые этнографические материалы свидетельствуют о том, что осетины со времени их появления на равнине Северного Кавказа широко пользовались для обработки своих полей адыгским и украинским плугами, заимствованными ими у соседей — кабардинцев и русских казаков. «Осетины свою соху «дзивир»,— пишет Ардасенов,— переменили на тяжелый передковый плуг, напоминающий малороссийский и заимствованный, вероятно, у кабардинцев, живших на плоскости и занимавшихся с давних пор земледелием» [25].

Об адыгском плуге Гюльденштедт говорит: «Плуг сей употребляют

для новой, тяжелой, глинистой и весьма твердой почвы; ибо легкие плуги в такой почве ломаются» [26]. Описание Гюльденштедта важно для нас потому, что оно опровергает утверждения некоторых авторов о том, что тяжелый плуг будто бы был заимствован адыгами у соседей — русских казаков. Между тем в конструкции этих плугов существует большая разница, что говорит об их самостоятельном развитии. К сожалению, в музеях Северного Кавказа не сохранилось ни одного оригинала упомянутых плугов, поэтому о конструкции адыгского плуга мы будем говорить на основании наших этнографических исследований, а также пользуясь данными из работы Т. Д. Алибердова, основанной на адыгейском материале [27].

Адыгский передковый плуг состоял из двух главных частей: собственно плуга и передка. Собственно плуг в свою очередь состоял из полоза (*пхъэIашэ лъэгу*), грядиля (*пэгъу*), отвала (*уо*), рукоятки (*пхъIэIашэкI*), стояка (*шьэнчат*), лемеха (*цуабзэ*), резака (*шIоба*). Полоз длиной около 80 см делали из толстого четырехгранного бруска, имевшего на переднем заостренном конце лемех, а на заднем широком — две рукоятки, составлявшие как бы одно целое с полозом. На полоз был насажен небольшой дубовый стояк, верхний конец его проходил через грядиль. На стояке закреплялся отвал, представлявший собой доску длиной около 90 см. «Деревянный отвал,— пишет Т. Д. Алибердов,— был неудобен тем, что увеличивал трение, и плугарь должен был ногой все время отбрасывать прилипавшую к отвалу землю» [28]. Грядиль делали из прочной породы дерева прямым, четырехгранным, приклеплялся он к передку при помощи ремня из воловьей кожи. В отличие от адыгского грядиль грузинского, вообще закавказского плуга делали кривым и более массивным.

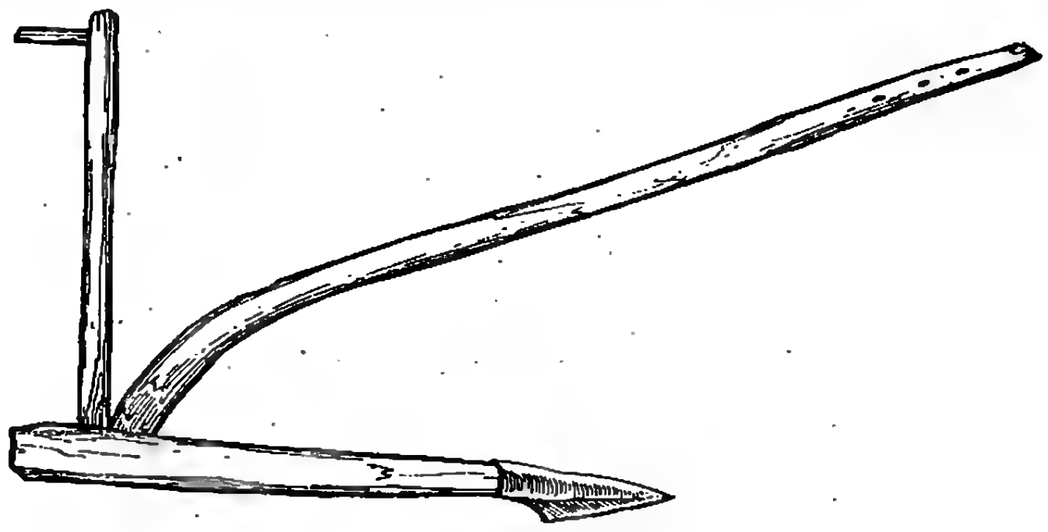
Главные части плуга — лемех и резак — изготовляли из отточенного железа. Лемех был очень массивным, весом около 10 кг, его надевали на полоз при помощи трубницы-шейки. Острая часть лемеха представляла собой неправильный треугольник. По сохранившимся экземплярам в краеведческих музеях Кабардино-Балкарской АССР и Адыгейской автономной области, длина лемеха по обуху была около 60 см, ширина в самой широкой части 45 см, длина лезвия 60 см. Клинообразный резак (50×8 см) укреплялся на грядиле. Как справедливо подчеркивает Т. Д. Алибердов, адыгейский лемех был аналогичен грузинскому [29].

Передок (*кутанэ*) адыгского плуга состоял из деревянной оси, двух неравных деревянных колес и дышла. По словам информаторов, в ряде мест Кабарды и Черкесии колеса плуга делали нередко одинаковыми. Макет плуга с подобными колесами выставлен в Краеведческом музее Кабардино-Балкарии (г. Нальчик). Однако в основном адыгский плуг делали с колесами разного диаметра, причем на правой стороне оси всегда помещали большое (бороздковое) колесо. Оба колеса плуга изготовляли из дуба.

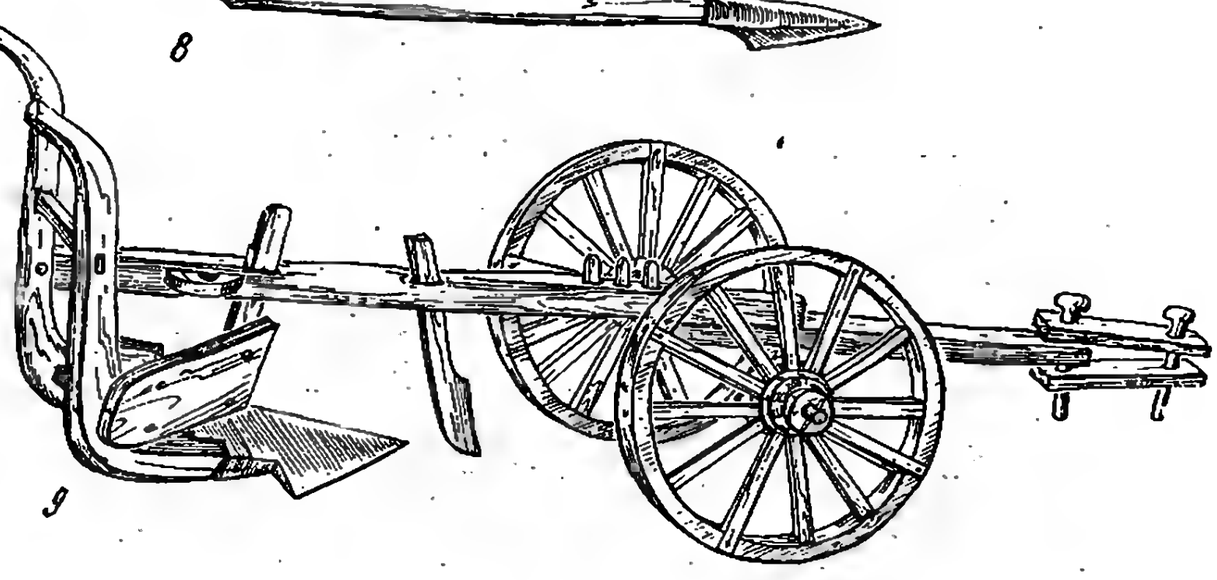
Некоторые локальные особенности имело и дышло, оно состояло, например у адыгейцев, лишь из одной длинной рейки. «Дышло деревянное,— пишет Т. Д. Алибердов,— в виде длинной рейки, которая одной головкой вставляется в ось и закрепляется клином ближе к правому колесу» [30]. В отличие от адыгейцев у кабардинцев дышло представляло собой длинную деревянную цепь (*пачъу*), состоявшую из трех и более подвижных частей, скрепленных между собой специальными дощечками с колышками. Ярмо закреплялось деревянным засовом или при помощи кожаного

Рис. 3. Горные пахотные орудия — рала

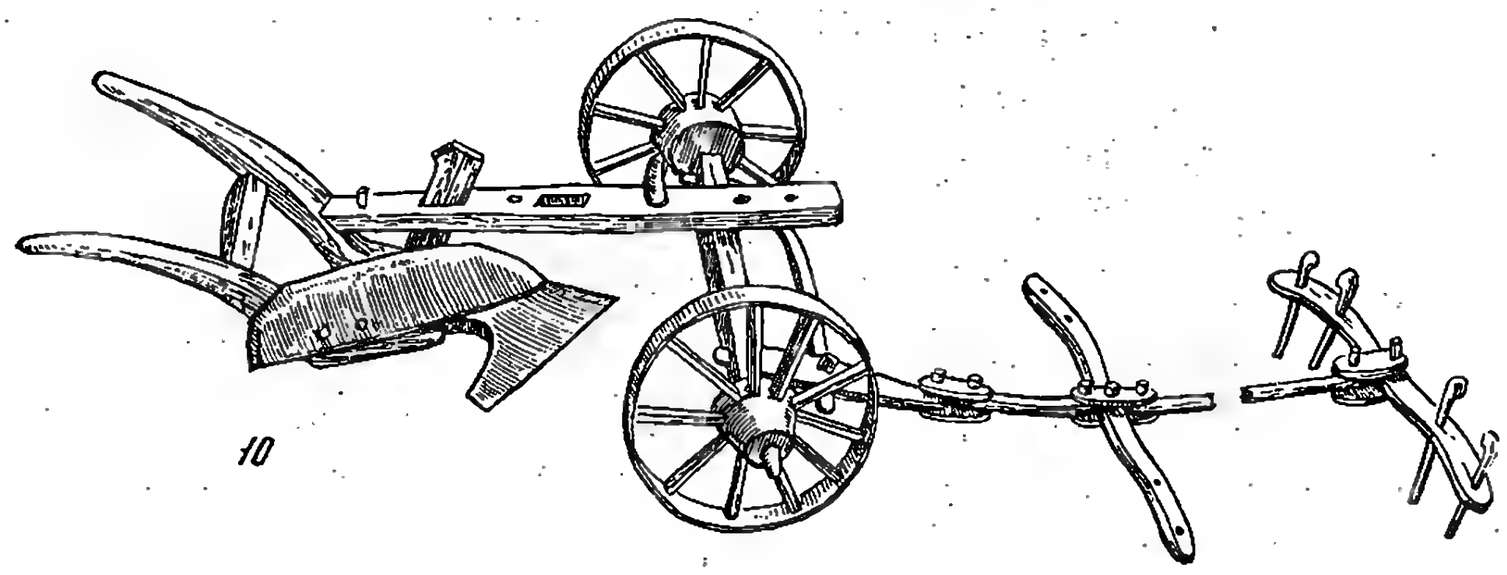
1 — осетинское орудие. С. Нар;
2 — ингушское орудие. С. Джерах;
3 — осетинское орудие. С. Даргавс;
4, 5 — балкарские пахотные орудия. С. Верхняя Балкария;
6 — карачаевское орудие. С. Учкулан;
7, 8 — чеченские орудия. С. Утумкале;
9, 10 — адыгейские (черкесские) тяжелые плуги (макеты). Адыгейский краеведческий музей;
11—13 — абхазские пахотные орудия. Абхазский краеведческий музей



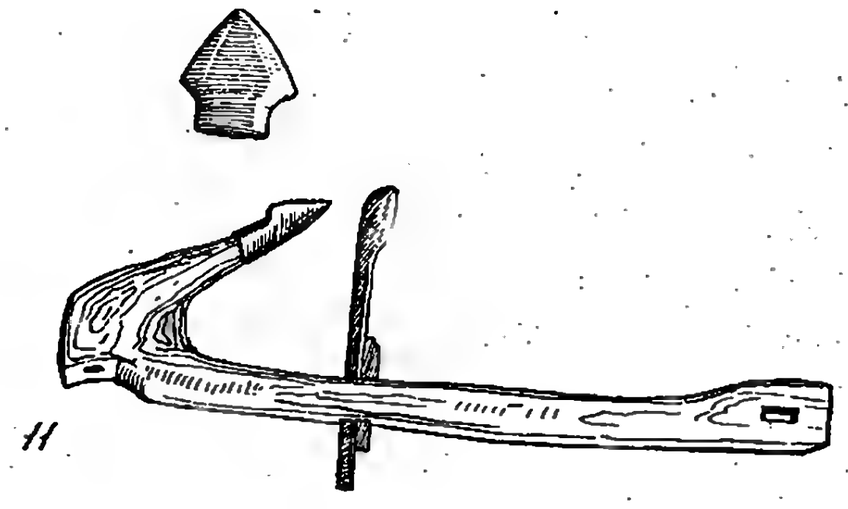
8



9

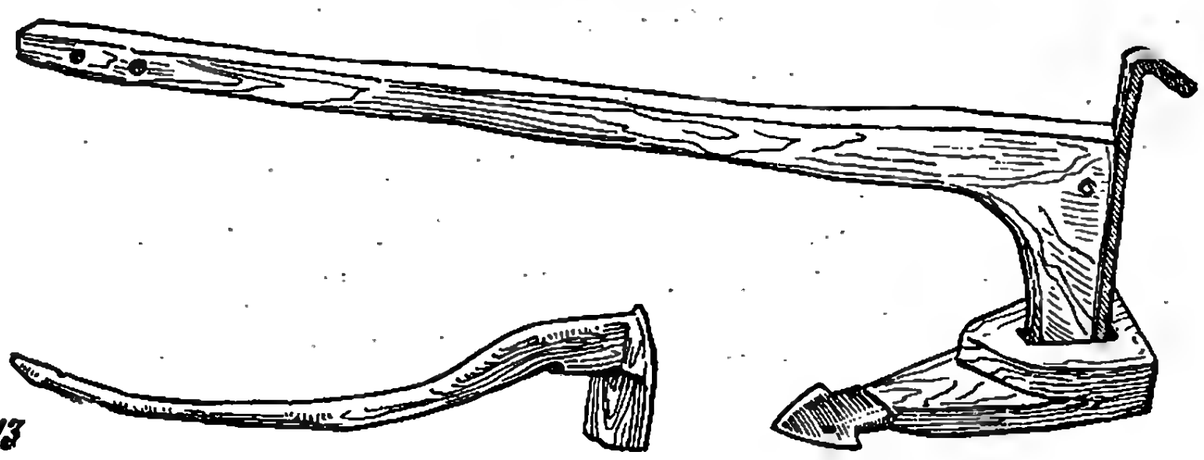


10



11

12



13

ремня. На конце цепи передней пары волов вешали деревянный или каменный брусок весом 7—8 кг, называемый *выщхэщэлэ*. Его назначение — держать цепь в состоянии равновесия, чтобы конец ее не поднимался вверх и не стягивал горла животным передней пары. В зависимости от положения передка к полозу определялась глубина вспашки: чем дальше от полоза — тем глубже, чем ближе — тем мельче. Таким же способом регулировалась ширина борозды: передвижением спицы на оси к большому (бороздковому) колесу уменьшали ширину вспашки и наоборот.

Части адыгского плуга, как и грузинского, скреплялись кожаными ремнями из воловьих и буйволовых шкур. Ремни были двух видов: плетеные и скрученные, наибольшее применение имели скрученные ремни. Для упряжи четырех пар волов требовались шкуры трех волов [31]. Во второй половине XIX в. кожаные ремни были заменены железными цепями.

В целом изготовление адыгского плуга, как и рала, было простым. Деревянную часть плуга делали сами крестьяне, железную — лемех и резак — местные кузнецы. Учитывая, что в процессе работы часто выходили из строя детали плуга и требовали постоянного ремонта, для него изготовляли большое количество запасных частей.

Особенно ценились лемех и резак плуга, общий вес которого составлял более 20 кг; они делались обычно из привозного железа. Во время вспашки наряду с пахарями в поле постоянно находились плотник и кузнец, следившие за исправностью плуга и другого инвентаря.

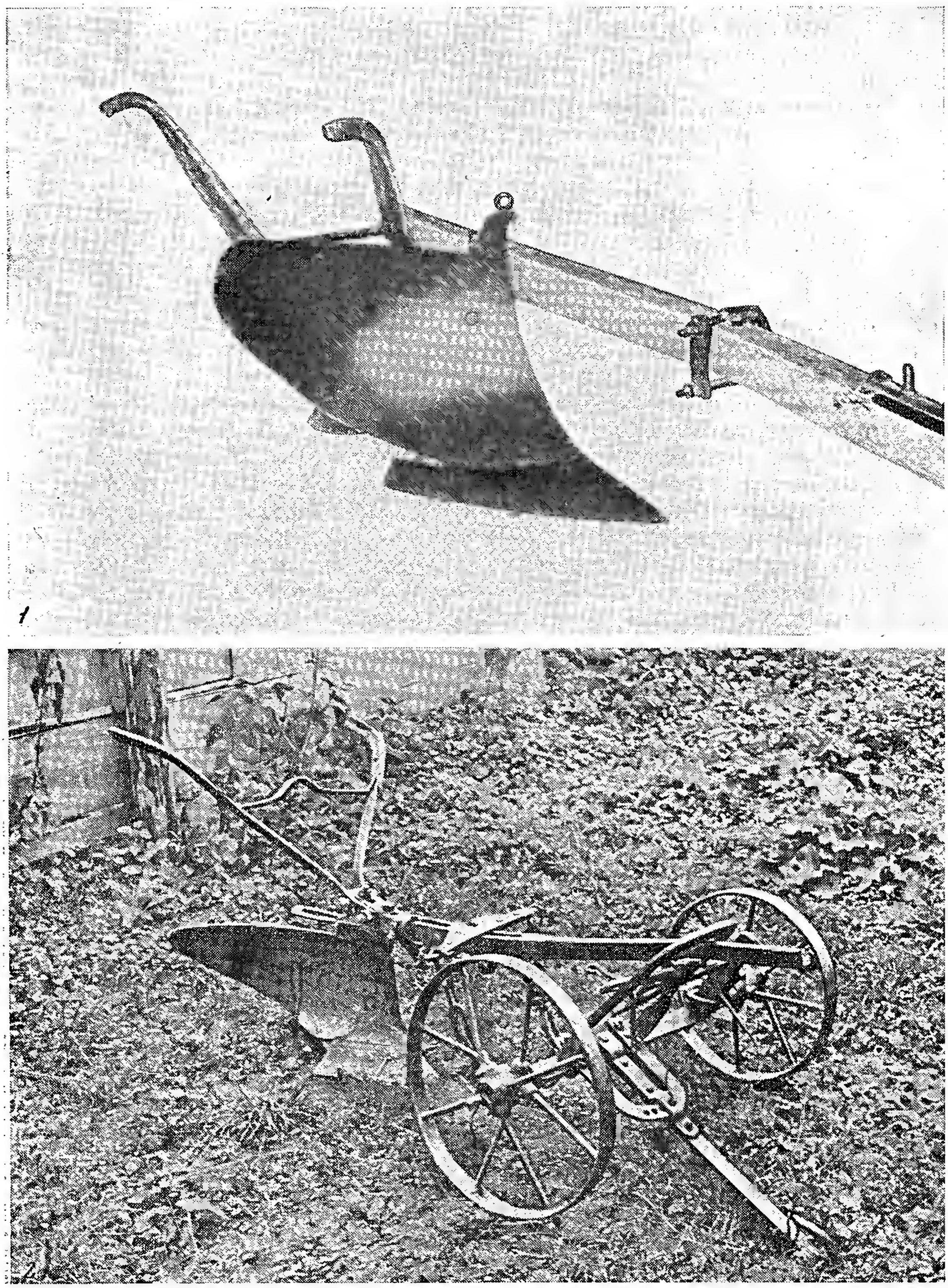
Адыгский тяжелый плуг, как и подобные ему деревянные орудия, требовали постоянных забот. Тем не менее он очень долго не выходил из употребления, особенно в Большой Кабарде. «За последний минувший год,— пишет очевидец в 1896 г.,— среди населения Большой Кабарды пришлось отметить одно отрадное явление — постепенное отрешение кабардинцев от привычки обработки земли чуть ли не первобытными земледельческими орудиями, как-то: плуг, бороны, требующие затраты большого количества труда и времени при обработке земли, они мало-помалу вытесняются более усовершенствованными земледельческими орудиями, представляющими несравнимые удобства для сельского хозяйства. Я не говорю, что это полезное нововведение в сельском хозяйстве было наблюдаемо повсеместно в Кабарде, но пока на первых порах хорошо то, что его можно встретить во многих селениях...» [32]

По данным В. П. Христиановича, деревянный плуг окончательно вышел из употребления в Большой Кабарде лишь перед Октябрьской революцией [33]. Причиной столь длительного бытования этого орудия в быту кабардинцев, в отличие от соседних горцев, является, по-видимому, слабое развитие у них земледелия. Немаловажное значение имело и сохранение в быту кабардинцев некоторых традиционных обычаев, препятствовавших, например, применению лошади в качестве тягловой силы. Почти до начала XX в. в Кабарде лошадь не впрягали ни в плуг, ни в арбу. По понятиям кабардинцев, да и других горцев, лошадь предназначалась только для верховой езды. «Грешно есть хлеб, полученный с пашни, вспаханной лошадью»,— гласила старая кабардинская пословица.

Тяжелый деревянный плуг, кроме адыгских народов, прочно держался в быту и других горцев, отчасти и русских [34]. Объясняется это во многом тем, что крестьяне не могли приобретать железные плуги, так

Рис. 4. Фабричные пахотные орудия

1 — тяжелый немецкий плуг с большим железным отвалом. Северо-Осетинский краеведческий музей; *2* — сакковский плуг. С. Урус-Мартан. Чечня, 1970 г.



как они стоили очень дорого. Кроме того, как правильно отмечали многие авторы [35], хлебопашцы не хотели расставаться со своими традиционными земледельческими орудиями, считая их лучшими для обработки земель, чем усовершенствованные фабричные плуги. Так, еще в 1910 г., по официальным данным, на территории региона насчитывалось более 13 тыс. деревянных плугов: во Владикавказском уезде — 524 плуга, в Грозненском — 2609, в Введенском — 3533, в Назрановском — 649, в Нальчикском — 246, в Пятигорском — 32, в Екатеринодарском отделе — 4257, Баталпашинском — 703, Майкопском — 490 [36]. Несомненно, что в рубрику плугов вошли и горные пахотные орудия (рало).

Статистические данные о применении горцами, наряду с усовершенствованными орудиями, тяжелого деревянного плуга в конце XIX—начале XX в. согласуются с данными этнографических исследований. Многие наши информаторы сами обрабатывали землю рассматриваемым плугом. По словам черкеса Ордакова Мурзы, 1884 г. рожд. (аул Хабез), тяжелым плугом черкесы работали с давних времен и ему самому приходилось работать на нем в качестве погонщика. В его ауле с населением около 100 дворов было не более 10—15 таких орудий. Их изготовляли местные мастера из прочной древесины; многие части плуга делали из дуба. Особенно высоко ценились лемех и резак, которые кузнецы аула делали из покупного железа. Во время пахоты, говорит Мурза, в поле постоянно до окончания сезона находились кузнецы и плотники, причем последние обычно запасались большим количеством запасных частей. После пахоты тяжелым плугом производили вторичную вспашку ралом горского типа. В другом черкесском ауле Заюкове, состоявшем из 120 дворов, по сообщению старожилов, в конце XIX в. имелось всего 8 тяжелых деревянных плугов. Каждый из них обслуживали четыре человека: два подростка-погонщика, плугарь и его помощник. Для младшего погонщика на ярме второй пары волов имелось сидение — плетеная из орешника корзина, наполненная сеном. Каждая пара упряжи имела свое название.

Как отмечалось, адыгский (черкесский) тяжелый плуг был основным пахотным орудием и для соседних абазин, оседлых ногайцев и переселившихся во второй половине XIX в. с гор на равнину карачаевцев. Во всяком случае, по словам 70-летнего абазина Шереметова Рамазана (аул Эльбурган), адыгский тяжелый плуг вышел здесь из употребления только в 1916 г. На смену ему пришел покупной легкий железный фабричный плуг, приобретавшийся горцами в соседней стан. Баталпашинской (ныне г. Черкесск). В ногайском ауле Кизил-Юрт, по словам 80-летнего Есенова Мажита и других стариков, железный плуг такого же типа появился еще позже — в первые годы Советской власти. До этого вспашка производилась всеми оседлыми ногайцами почти исключительно адыгским тяжелым плугом. Приблизительно в это же время последний вышел из употребления у жителей предгорных карачаевских сел, которые наряду с этим орудием применяли и железный, названный ими «Николай Темир» (николаевское железо). В этот плуг они впрягали для мягкой почвы 4 вола, а для твердой — 6 волов. Адыгский тяжелый плуг прочно держался в ряде сел Большой Кабарды даже в первые годы Советской власти. Насколько древним считают адыги, в том числе кабардинцы, свой плуг, видно из сообщения 120-летнего Балкарова Туту (сел. Дейск в Малой Кабарде): «Сколько существуют адыги,— говорит

он,— столько существует их плуг». По его словам, это орудие имело широкое распространение у всех соседних горцев на равнине Северного Кавказа. 100-летний кабардинец Битаков Камболат (сел. Урух в Большой Кабарде), говоря о применении этого плуга его односельчанами еще в начале XX в., утверждает, что он имел два равных колесика, его обслуживали 4 человека, им можно было вспахать за 2—3 дня лишь 1 дес. Эти данные дополняет Карданов Хамус, 1889 г. рожд., из соседнего сел. Чегем 2. По его словам, адыгский плуг делали без единого железного гвоздя, в него впрягали 4—5 пар волов, в зависимости от почвы. Сзади и спереди впрягали опытных сильных волов, в центре упряжки — молодых и слабых. Поскольку плуг часто выходил из строя и требовалось много времени для его ремонта, дневная пахота плуга не превышала более 0,5 дес.

По данным В. П. Христиановича, еще в первые годы Советской власти в ряде мест Кабарды вспашку производили этим орудием [37]. Это объясняется, возможно, низким уровнем развития земледелия, а также отсутствием материальных средств у беднейших слоев крестьянства для приобретения железных плугов.

Распространение в соседней Осетии «адыге пха-аша» (адыгского деревянного орудия) подтверждается данными осетинских стариков, многие из которых непосредственно участвовали в обработке земель этим плугом. Старая осетинская поговорка гласит: «Если мальчик не был погонщиком, он никогда не может быть плугарем». Это указывает не только на участие мужчин в пахоте, но на существование у осетин издавна рассматриваемого тяжелого плуга. По словам Бабоичева Дарико, 1889 г. рожд., сел. Чикола, осетинский плуг был совершенно сходен по конструкции с кабардинским (адыгским) плугом. Дарико помнит это хорошо, поскольку сам участвовал в пахоте в качестве погонщика. Ему было 15 лет, когда на смену деревянному плугу пришли железные «сааковские» плуги. В обработке поля тяжелым деревянным плугом адыгского типа принимал участие и 88-летний Дигуров Хазимет (сел. Дарг-Кох). «Я сам был,— говорит он,— погонщиком, сидел на ярме, на котором находился бандон [скамейка]». При нем появился в селении тяжелый немецкий плуг с большим железным отвалом, в который впрягали 4 вола и 2 лошади. Единственным достоинством этого орудия было то, что им производили глубокую вспашку [38].

Традиционный тяжелый плуг по словам информаторов делали сами осетины из твердых пород дерева. Для регулирования борозды плуг имел специальное приспособление на оси между двумя равными колесиками. В него впрягали 4—5 пар волов, его обслуживали четыре человека (в том числе два подростка-погонщика). «Я был первым погонщиком,— говорит 90-летний Дзгоев Дзыбынаг (сел. Эльхотово),— сидел на переднем конце цепи (*хъулта*), на котором была прикреплена скамейка. От крика на животных в течение дня лицо погонщика становилось бледным. Кто может от рассвета до темноты непрестанно кричать одно и то же: ай, ой, ой, канын!»

Каждый участник пахоты имел свое наименование: *гутондар* (плугарь), *гутоны æфсæн мæ кæсæг* (смотритель за лемехом), *хистæр галтæрæг* (старший погонщик), *хъултыл бадæг* (букв. «сидящий на цепи» — младший погонщик). По словам информаторов, описываемый плуг делал в день не более 150 оборотов, вспахивая лишь 0,5 дес.

Интересные сведения о тяжелом передковом плуге собраны нами в Чечено-Ингушетии. Здесь также многие старики в молодости сами непосредственно обрабатывали землю этим орудием, были плугарями, погонщиками, а некоторые из них даже изготовляли такой плуг. В восточных районах Чечни деревянный передковый плуг оставался единственным пахотным орудием вплоть до коллективизации. По рассказу 100-летнего ингуша Евлоева Орцхго (г. Назрань), тяжелый плуг, имевший, по его словам, у ингушей два неравных колесика, сохранялся в быту до 1916 г. Отец нашего информатора был известен в Ингушетии как один из лучших мастеров по изготовлению указанного орудия. Вспашку тяжелым плугом производил и Дударов Батал, 1883 г. рожд. (сел. Кантышев). По его словам, в него впрягали до 6—8 волов. Баталу было 12 лет, когда в его родном селе появились первые железные плуги, принадлежавшие наиболее состоятельным односельчанам. По данным 90-летнего Хаурбекова Айдербека (сел. Сурхайхи) и других стариков, ингушский *дахген нох* (тяжелый плуг) имел два одинаковых колеса. Деревянные части его, как и железные (лемех и нож), изготовляли местные мастера.

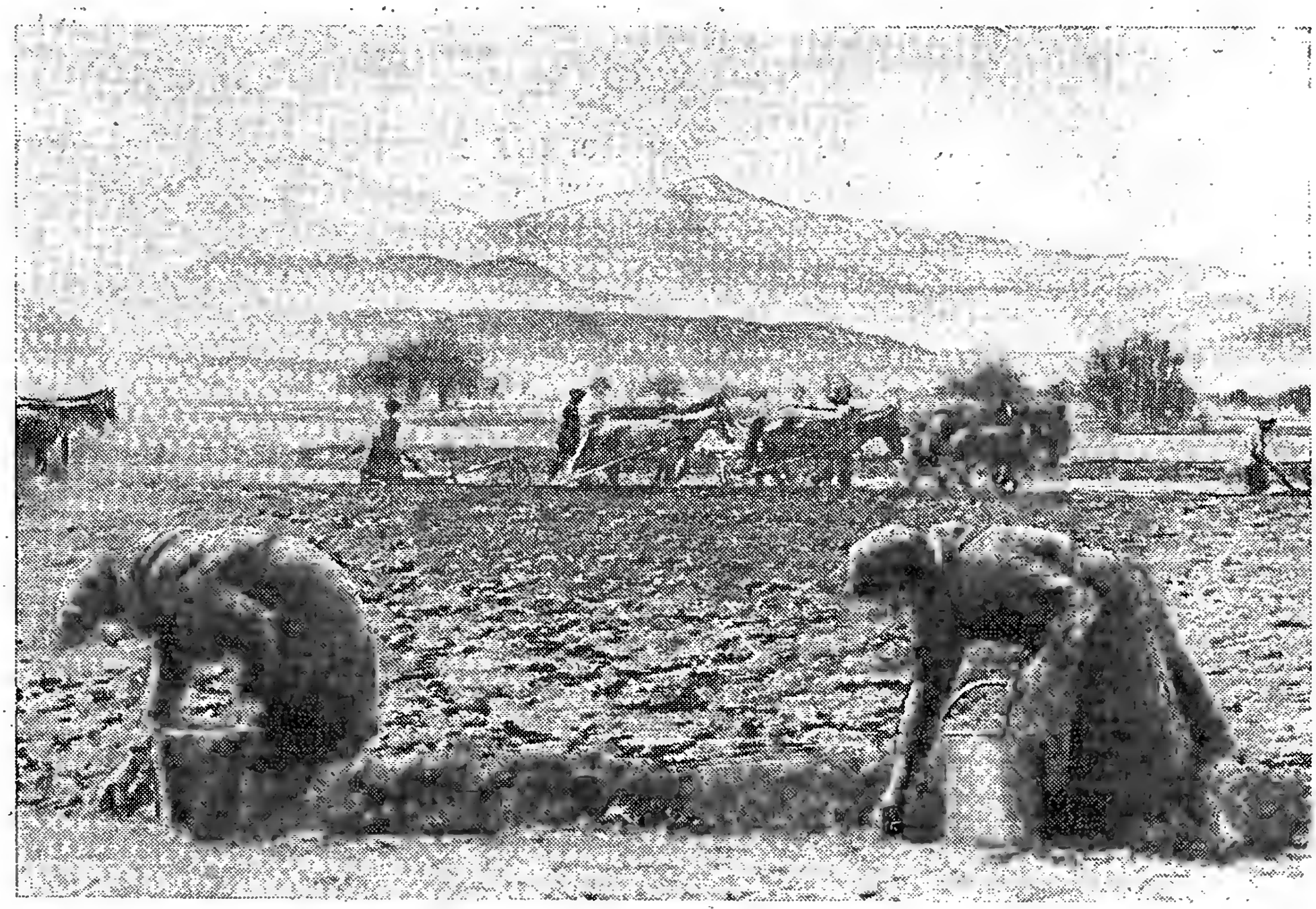
Этнографические исследования позволяют проследить распространение передковых плугов и в Чечне. В ее равнинной зоне повсюду практиковался обычный тяжелый плуг, в который впрягали до 5—6 пар волов и буйволов. В предгорьях современных Введенского и Ножай-Юртского районов вспашка производилась легким передковым плугом, запряженным парой волов. Житель одного из крупных равнинных сел Чечни — Чечен-аула Бакаров Абдул, 1888 г. рожд., был в числе многих других, кому приходилось вспахивать поле тяжелым плугом, аналогичным украинскому. В него впрягали 6 пар волов, плуг имел два неравных колесика, на переднем конце его цепи подвешивали тяжесть или сажали подростка для равновесия. Чеченский плуг обслуживали четыре человека, каждый из которых имел свое наименование. В период пахоты после трех кругов обычно делали перерыв, а в случае необходимости и заменяли уставших волов. По свидетельству Бакарова и многих других стариков, в конце XIX — начале XX в. в Чечен-ауле как и в Шали, Бачи-Юрте, Белгатое и других равнинных селах Чечни, на смену указанному орудию пришел однолемешный фабричный плуг, в который впрягали наряду с волами и буйволами и лошадей. Однако многие крестьяне, не имевшие возможности приобрести такой плуг, продолжали обрабатывать свои поля традиционными орудиями.

Таким образом, из анализа этнографического материала видно, что наибольшее распространение в равнинной зоне региона имел адыгский тяжелый плуг. Этот плуг, как и грузинский [39], нередко делали с колесами разного диаметра. Еще Гюльденштедт, говоря об орудии, отмечал, что «левое колесо его сделано меньше» [40]. Наличие двух типов передка рассматриваемого плуга: с колесами одинакового диаметра и с колесами разного диаметра — объясняется, несомненно, рельефом местностей. Судя по данным наших информаторов, в равнинных местах региона наибольшее распространение имел плуг с колесами одинакового диаметра; в предгорных селах, наоборот, применению такого орудия препятствовал рельеф местности.

На Северном Кавказе в такой плуг впрягали 3—4 пары волов, в зависимости от почвы. На юге России и на Украине в такой плуг обычно впрягали 4—5 пар волов, в ряде мест Ставропольской губернии — 6—

Рис. 5. Способ ношения мешка при посеве. Станица Архонская. Северная Осетия. ГМЭ, 1938 г.

Рис. 6. Пахота и посадка картофеля. С. Урух. Кабарда. ГМЭ, 1938 г.



7 пар волов [41]; в Закавказье, в частности в Грузии, впрягали до 16—20 волов и буйволов [42]. В отличие от русских и украинцев, впрягавших в плуг и лошадей, горцы Северного Кавказа вспашку производили только волами. Чеченцы впрягали в плуг и буйволов, причем на чеченской равнине специально разводили для этой цели породу крупных буйволов [43].

У горцев существовал единый порядок для упряжи волов при вспашке тяжелым плугом. Каждая упряжка, равно как и каждый участник в пахоте, имела свое название. Все это хорошо иллюстрируется адыгейским материалом, приведенным в работе Т. Д. Алибердова. «В адыгейский плуг,— пишет он,— впрягали четыре пары волов, причем каждая пара, впряженная в плуг, выполняла особую функцию и соответственно занимала определенное место и имела свое название. Впереди идущая пара называлась *пащэ* (вожатый) — обычно это были опытные быки, правильно шедшие по борозде без погонщика. Вторая пара называлась *пащэ дакъэ* (пара, идущая после вожатых). В пащэ дакъэ впрягали новичков. Третья пара называлась *дакъэ пащэ* (пара, идущая впереди последних). В дакъэ пащэ впрягали более смирных быков. Последняя пара называлась *дакъэ* (пара, идущая позади), куда также впрягали опытных быков» [44].

Такой плуг имел прислугу в четыре человека, каждый из которых выполнял определенные функции. Наиболее опытный и сильный в физическом отношении правил плугом: в его обязанности входило держать подошву в горизонтальном положении и следить, чтобы плуг двигался по одной линии. Рядом с плугарем (*котэн апш*) шел его помощник (еурыеу), державший небольшую деревянную лопату (*кхъуэхъэнцэ*) для очистки отвала и лемеха от комьев земли. Волов подгоняли два подростка. Первый погонщик (*мщхъдтат* или *пашвауэ*) — мальчик 9—11 лет — сидел в специальной корзине (*тетысхъапэ*) и погонял две передние пары. Второй погонщик (*дакъэцуао*) шел с левой стороны борозды и погонял задних волов. По словам информаторов, когда младший погонщик подрастал, он переходил на место старшего, а тот в свою очередь заменял плугаря. Кроме перечисленных, нужны были ночные пастухи (*цухэпцы*) и повар.

В конце XIX в., с появлением легких железных плугов, большинство горцев наряду с волами стали впрягать и лошадей. Однако кабардинцы по-прежнему строго придерживались старой традиции, используя лошадей только для верховой езды. Вспашка тяжелым передковым плугом требовала от крестьян большого труда, что привело к созданию трудовых коллективов. Супряга была самой распространенной формой совместной обработки земли. Она объединяла 5—7 хозяев, располагавших одним тяжелым деревянным плугом.

Даже в казачьих станицах, как показал П. А. Шацкий, было очень мало хозяев, имевших возможность самостоятельно обрабатывать свои земли. «Для пахоты,— пишет он про терских казаков,— употреблялся тяжелый украинский плуг [45], в который впрягалось не менее 5 пар волов. Поэтому идеалом рядового казака было иметь свой плуг, т. е. не менее 5 пар рабочих волов, только при этом условии казак мог считать себя вполне самостоятельным и обеспеченным хозяином. Но этот идеал был уделом немногих». Автор указывает, например, что в станице Прохладной, состоявшей из 364 дворов, только 28 дворов имели свои плуги, остальные вынуждены были прибегать к супряге [46].

В горских селах и аулах почти не было хозяйств, имевших полный плуг, т. е. нужное количество тягловой силы и прислуги. Как свидетельствует полевой материал, здесь нередко на 7—10 хозяйств приходился один тяжелый плуг. Так, в черкесском ауле Хабез на 100 дворов приходилось всего 12 таких орудий, в ингушском сел. Сурхайхи на 130 дворов — 13, в осетинском сел. Дарг-Кох на 150 дворов — 17 и т. д.

Из-за неимения тягловой силы и плуга к супряге прибегали не только жители равнинной зоны региона, но и горной, где, как известно, вспашка производилась ралом (сохой), запряженным парой волов. В горах нехватка кормов не позволяла даже наиболее состоятельным крестьянам содержать более одного вола. Таким образом, супряга издавна являлась на всей территории Северного Кавказа одной из распространенных форм трудового объединения крестьян. Она имела у каждого народа свое наименование: у кабардинцев — *здзей*, адыгейцев — *зэцэи*, осетин — *сæдис*, *галæмбал* (букв. «товарищ по волу»), у чеченцев, ингушей — *чешхой* и т. д. Супряга создавалась большей частью между ближайшими родственниками — членами патронимии и соседями на время вспашки или на весь период сельскохозяйственных работ, в зависимости от сложившихся отношений супряжников. Нередко одни и те же хозяева в течение многих лет совместно обрабатывали свои земли, а также выполняли другие основные работы по хозяйству (заготовка и доставка дров, приготовление корма для скота и т. д.). Члены такого коллектива называли обычно друг друга «товарищами по супряге».

Численность супряжников определялась не только наличием у них тягловой силы и инвентаря, но и зоной их поселения. В горах она составляла не более двух хозяйств, на равнине — иногда достигала шести, в зависимости от обрабатываемой земли. Засушливые степи Ставрополья, Моздока и Кизляра требовали для вспашки не менее 6—8 пар волов и значительного числа прислуги. Соответственно отличались формы обработки земли: в горной зоне каждый член супряги вспахивал самостоятельно, в равнинной это делали все вместе. Условия супряги в обеих зонах имели почти полное сходство: пахота производилась поочередно. При этом учитывалось количество посевной площади каждого члена супряги и вложенных им орудий производства; давший одного вола имел право на один день пахоты, давший двух волов — на два дня, и т. д. Владелец плуга, кроме того, получал дополнительно на весь сезон несколько дней бесплатной пахоты.

Однако были и другие формы товарищества по совместной обработке земли. В ряде мест Кабарды, например, супряга состояла из 2—3 хозяев, ведших вспашку поочередно. При этом тот, кто первым вспахивал в текущем году, в будущем году вспахивал последним. Такой порядок, например, практиковался в Чегеме 2, Старом Урухе, Лескене и др.

У балкарцев и карачаевцев в отличие от других народов региона практиковалась общинная форма вспашки. Целый аул или большая фамилия часто составляли одно трудовое товарищество на весь период вспашки, имея 6—8 пахотных орудий. Члены артели выезжали вместе в поле и вспахивали сначала участок одного, затем другого и т. д. Естественно, скопление такого количества орудий, скота и людей на небольшом участке создавало неудобства. По словам информаторов, на пашне иногда становилось настолько тесно, что пахарям некуда было ставить свои орудия. Тем не менее горцы не могли расстаться со своей

вековой традицией и сохранили указанную форму совместной обработки земли вплоть до организации колхозов.

Как известно, 70—80-е годы XIX в. явились переломными в истории развития земледелия на равнине Северного Кавказа. С этого времени традиционные сельскохозяйственные, в том числе пахотные, орудия стали широко сочетаться с усовершенствованными фабричными орудиями. «Земледельческий капитализм,— писал В. И. Ленин,— впервые подорвал вековой застой нашего сельского хозяйства, дал громадный толчок преобразованию его техники [...] первобытные земледельческие орудия стали уступать место усовершенствованным орудиям и машинам»[47]. Огромное значение для развития всей экономики Северного Кавказа имело проведение в 80-х годах Ростово-Владикавказской железной дороги. В край стали широко поступать различные земледельческие орудия, в том числе пахотные, отечественных и иностранных марок. По словам В. И. Ленина, с этого времени земледелие на Северном Кавказе, в частности на Кубани и в Ставрополье, как и в других районах юга России, вступило на путь капиталистического развития. Усиленное распространение здесь усовершенствованных орудий и машин В. И. Ленин связывал с ростом новых поселенцев — выходцев из внутренних губерний России. По его данным, в 1882 г. в Ставропольской губернии насчитывалось 908 сельскохозяйственных машин; в 1891—1893 гг. в среднем — 29 275; в 1894—1896 гг.— 54 874; в 1895 г.— до 64 тыс. сельскохозяйственных орудий и машин[48].

Рассмотрим данные об усовершенствованных пахотных орудиях по отдельным административным делениям региона. (К сожалению, в официальных источниках пахотные орудия не выделяются из общего количества земледельческих орудий и машин.) Так, в отчете начальника Кубанской области за 1899 г. особо подчеркивается, что широкому развитию хлебопашества в области немало способствовало «столь же широкое распространение среди населения усовершенствованных земледельческих орудий», причем первое появление последних, по его словам, совпадает «с водворением» здесь в начале 70-х годов «многочисленных украинских и русских поселенцев, положивших начало более высокой земледельческой культуре». В отчетном году общее количество усовершенствованных земледельческих орудий достигло 171 552. Причем в Баталпашинском отделе, населенном многочисленными горскими народами, 7441 орудие[49]. В 1905 г. в Кубанской области насчитывалось 343 393 усовершенствованных орудия, а в 1910 г.— 491 393[50]. В Ставропольской губернии в 1884 г. их было 1281, в том числе 429 плугов трехлемешных и других марок; в 1892 г. в Ставрополье насчитывалось 35 855 усовершенствованных пахотных орудий всех марок; в 1900 г. здесь на 10 дворов приходилось 7 таких плугов, а всего было 60 708 плугов[51].

Терская область не отставала от Кубани и Ставрополья по темпам распространения в ее равнинной зоне усовершенствованных пахотных орудий и машин. В 80-х годах XIX в. здесь в ряде мест открылись склады земледельческих орудий, обеспечивавшие жителей области, в том числе горцев, плугами различных марок. Так, склад, находившийся в стан. Прохладной, реализовал с 1886 по 1896 г. 1475 плугов[52]. Благодаря широкому распространению привозных фабричных плугов традиционные пахотные орудия у горцев, как и у русских, постепенно уходили из употребления. Так, в 1896 г. в «Терских ведомостях» сообщалось,

что в Большой Кабарде традиционные земледельческие орудия, в частности пахотные, «мало-помалу вытесняются более усовершенствованными», их можно встретить во многих селах [53]. Процесс вытеснения традиционных орудий новыми происходил в разных районах региона по-разному. Такая же картина наблюдалась в соседних русских казачьих станицах. «В настоящее время,— писал М. Афанасьев в 1893 г.,— жители Терской станицы один перед другим стали бросать свои допотопные плуги, а выписывают железные плуги из Москвы» [54].

Как показал В. И. Ленин [55], хотя количество заводов, производивших земледельческие орудия, в России быстро росло, они не успевали обеспечить развивающееся земледелие на юге страны [56]. Кроме того, выпускаемая ими продукция намного уступала по своему качеству иностранной. Этим объясняется засилие немецких, английских, американских и других зарубежных фирм. На Северном Кавказе широко были известны «Товарищество» сакковских плугов и железных борон «зигзаг», «Международная кампания жатвенных машин», акционерное общество Р. и Т. Эльворти, поставлявшее сеялки, и т. д. [57] Особенно активно распространяли свои изделия немецкие фирмы, каждая из них широко рекламировала свои изделия. «Такое разнообразие плугов,— писал современник в 1882 г.,— положительно ставит в тупик хозяина: какой выбрать для своего хозяйства. Каждая фирма хвалит свой плуг, выставляя похвальные отзывы различных выставок и конкурсов» [58]. С этой же целью акционерные общества нередко устраивали в базарные дни, в период многолюдного стечения крестьян из самых отдаленных районов, демонстрацию своих плугов непосредственно в поле [59].

Однако многие плуги с иностранной маркой не отвечали требованиям местных условий и поэтому не находили сбыта. «Вот почему при введении того или другого плуга,— пишет современник,— у нас на Кавказе необходима большая осторожность и предварительное изучение почвы, ее физических свойств и особенностей, чтобы плуг работал успешно и крестьянин, неподатливый на советы, воочию убедился в их достоинстве перед своим неуклюжим, требующим 10—12 пар быков» [60].

По этнографическим данным, первым усовершенствованным плугом на Северном Кавказе был тяжелый деревянный немецкий плуг с железным отвалом, привезенный сюда, по-видимому, немцами-колонистами. Одним из достоинств этого плуга было то, что он производил более глубокую вспашку. Однако для него требовалось такое же количество скота и рабочих рук, как для адыгского или украинского плуга. Поэтому крупным событием в хозяйственной жизни горцев было появление у них легких железных плугов, называвшихся «сакковскими» (фирмы «Сакко»), в конце XIX — начале XX в. В этот плуг впрягали две пары волов или два вола и две лошади, причем в последнем случае волов как более сильных животных впрягали позади лошадей; широко практиковалась вспашка тремя лошадьми, запряженными в один ряд. У чеченцев, разводивших в значительном количестве буйволов, вспашку производили наряду с указанными животными и буйволами; для описываемого плуга требовалась обычно пара буйволов.

Как отмечалось, покупные фабричные плуги были достоянием только богатых слоев землепашцев. Подавляющее большинство крестьян продолжало обрабатывать землю своими традиционными орудиями. По сообщениям наших информаторов, во многих селах Кабарды, Осетии, Чеч-

ни в каждом квартале имелось по 3—4 железных плуга, либо принадлежавших зажиточным крестьянам, либо приобретавшихся совместно несколькими хозяевами.

Время появления железных плугов в каждом селении и ауле устанавливается, наряду с другими источниками, по данным информаторов. Так, в Кабарде, по словам столетнего Пахира Макоева (с. Старый Лескен), жители этого села впервые стали употреблять железный плуг, когда информатору не было еще 16 лет. Появление этого орудия в другом кабардинском селении — Старый Черек относится к тому периоду, когда 88-летнему Темиркану Ашинову исполнилось 18—19 лет. Появление железных плугов в осетинском с. Дарг-Кох относится к тому периоду, когда жителю села 88-летнему Хадзимету Дигурову было 12 лет. К 80—90-м годам XIX в. относится появление усовершенствованных орудий и в селах Чечено-Ингушетии, о чем можно судить по многочисленным данным стариков. «Уже при жизни моего отца,— говорит 85-летний Абдул Бакаров из сел. Чечен-аул,— многие наши односельчане производили вспашку железными плугами различных марок русского и иностранного производства». Об использовании таких орудий в Ингушетии зажиточными крестьянами рассказывает 95-летний Орцко Евлов из г. Назрань.

Наиболее полное представление по данному вопросу дают статистические данные, относящиеся к 1910 г.; в них отмечается, что во Владикавказском уезде в том году насчитывалось 4150 усовершенствованных плугов, в Грозненском — 2275, Назранском — 2546, Нальчикском — 11 503, Моздокском — 10 738, Екатеринодарском — 15 010, Майкопском — 27 243 и т. д.[61] Плуги эти были различных марок русских и иностранных фирм. Так, в 1894 г. жители Кубанской области обрабатывали земли немецкими, английскими, американскими, болгарскими, бессарабскими и таврическими плугами. Из них наибольшее количество составляли немецкие плуги, среди них числятся и многолемешные — буккера, составлявшие собственность крупных землевладельцев[62]. «В настоящее время,— писал Ардасенов в конце XIX в.,— не найдется, пожалуй, и одного аула в плоскостной Осетии, где бы большинство хозяев не имело уже плугов. Наибольшее распространение получают плуги англо-бельгийские»[63].

Земледельческие орудия доставлялись в изучаемый регион не только иностранными и русскими фирмами, но и представителями крупных кустарных предприятий из южных губерний России. Так, по данным А. А. Алова, большая группа кузнецов Беловодской слободы Харьковской губернии занималась изготовлением усовершенствованных плугов, которые, несмотря на то что намного уступали по своему качеству фабричным плугам, находили широкий сбыт на Северном Кавказе: «Их предприятие,— пишет он,— увенчалось полным успехом. Плуги очень скоро были распроданы так, что даже их не хватило, настолько был велик спрос на плуги. С тех пор (т. е. с 1891 г.—*Б. К.*) каждую весну отправляются они с партиями плугов и всегда успешно оканчивают свои поездки». Однако автор признает, что крестьяне все же чаще покупают плуги фабричного производства, «видя в этом для себя бóльшую выгоду»[64].

По данным переписи 1917 г., в Большой Кабарде, например, зарегистрировано 4455 плугов однолемешных, 1272 многолемешных, в Малой Кабарде — 2748 однолемешных и 23 многолемешных. Всего в Кабарде

было 8498 плугов, что, по подсчетам П. Раждаева, примерно составляло один плуг на два хозяйства [65]. Наибольшее количество плугов, как можно полагать, приходилось на долю казачьих станиц, расположенных на территории Кабарды.

В горной зоне земля по-прежнему обрабатывалась традиционными орудиями, сохранившимися почти до наших дней. Эти орудия, созданные в процессе вековой практики, наилучшим образом отвечали местным условиям. Лишь после коллективизации сельского хозяйства в ряд мест горной зоны были завезены специальные легкие железные плуги, применявшиеся наряду с традиционными [66].

*

После пахоты продолжалась дальнейшая обработка почвы волокушами, боронами и мотыгами (тяпками). Волокуша относится к числу древнейших земледельческих орудий на Северном Кавказе, она применялась на всей его территории. Лишь со второй половины XIX в. на равнине наряду с волокушей поля стали обрабатывать деревянными боронами, привезенными на Кавказ, по-видимому, русскими поселенцами. В горах единственным орудием боронования оставалась по-прежнему волокуша, не потерявшая своего значения здесь и до наших дней. По этнографическим данным и письменным источникам, в рассматриваемое время это орудие не вышло из употребления и на равнине региона, причем наиболее широкое распространение оно имело у тех народов, которые сеяли просо, так как эта культура заделывалась только волокушей (адыги, прежде всего кабардинцы). В. П. Христианович, исследовавший хозяйственный быт кабардинцев в первые годы Советской власти, отмечал: «Посев проса производится вразброс руками и заделывается традиционной волокушей» [67].

Широкое применение волокуши адыгами еще в недавнем прошлом подтверждается и многими нашими информаторами в Кабарде, Черкесии и Адыгее. «Посевы проса,— рассказывает 90-летний Инус Шагенов из кабардинского села Урух 2,— приглаживали всегда волокушей, потому что она лучше заделывала зерна, чем деревянная борона». Появление последней связано у кабардинцев, как и у других горцев, с началом возделывания кукурузы. Почти те же сведения получили и в других кабардинских селах: от 85-летнего Елмурза Шеожева (сел. Лескен), 100-летнего Тута Битокова (сел. Урух), 90-летнего Хамуса Карданова (сел. Чегем 2), 120-летнего Тута Балкарова (сел. Дейское) и т. д. В Черкесии, по словам 85-летнего Мурзабека Ордакова (аул Хабез), волокушей заделывали не только просо, но и пшеницу. Это подтверждает и 75-летний Ибрагим Кенчешаов (аул Зеюково), указывающий, что кроме проса его односельчане еще в недавнем прошлом бороновали «плетеной волокушей» и пшеницу, сорные же травы на полях вырывали руками.

Для заделывания проса волокушу применяли адыгейские племена — абадзехи, бжедуги, махевцы и др., а также абазины, ногайцы, чеченцы, осетины и другие жители на равнине. Характерно, что у черноморских шапсугов, занимавшихся преимущественно подсечным земледелием, волокуша не применялась, ее заменяли козы, которых гоняли по взрыхленным мотыгами участкам земли до тех пор, пока зерна не оказывались втоптанными в землю.

По своей конструкции волокуша имела некоторые локальные и этнические особенности. Она состояла везде из остова, изготовлявшегося из массивной продолговатой доски или бревна, служившего и для разбивания комьев и разравнивания вспаханного поля. На остов волокуши обычно набивали ветви. Волокуша, применявшаяся карачаевцами [68], кабардинцами, черкесами, абазинами и другими народами Северо-Западного Кавказа, состояла из двух поперечных жердей; между ними при помощи нескольких кольев скрепляли сплетенные ветки орешника. Волокуша имела два массивных тяжа [69]. Можно полагать, что орудие это являлось принадлежностью адыгских народов, от которых его восприняли их соседи.

Осетинская волокуша, получившая распространение отчасти в Ингушетии и Балкарии, существенно отличалась от адыгской. Она имела плетеную основу из толстых веток, что намного увеличивало ее тяжесть, которая была необходима для выравнивания почвы и заделки семян. Н. Дмитриев, изучавший в конце XIX в. быт осетин в верховьях Ардона, несомненно, имел в виду такую волокушу, когда писал: «Семена заволакиваются бороною, которая представляет собой не что иное, как довольно тяжелый плетень» [70].

В других районах в основном применялась волокуша, состоявшая, подобно адыгской, лишь из остова и ветвистого хвоста. Одна из таких, например была зарегистрирована В. П. Христиановичем в горной Ингушетии: «Волокуша делается из прутьев, укрепленных на деревянном остове» [71]. Почти такая же волокуша была отмечена тем же автором в Кабарде, где, по его словам, посев проса заделывался «традиционной волокушей, изготовленной из куста терновника. Ширина захвата ее 3—4 арш.» [72]

Во многом отличалась от вышеуказанных чеченская волокуша, которая подразделялась на два подтипа; первый, наиболее распространенный на равнине и в тех горных районах, где возделывалась кукуруза, представлял собой волокушу с деревянными зубьями [73], вбитыми в шахматном порядке на широкой поперечной перекладине. Появление этого орудия, служившего в основном для обработки кукурузных посевов, относится, по-видимому, на равнине к началу XIX в., в горах — ко второй половине этого столетия.

Судя по данным информаторов, указанную волокушу делали с разным количеством зубьев, в зависимости от почвы и наличия других борон, применявшихся также в основном для обработки кукурузных посевов. В горах и во многих предгорных селах Чечни, где не было борон, волокуша имела до 30—35 деревянных зубьев, на равнине она сочеталась с деревянными боронами. Второй подтип чеченской волокуши, судя по единственному сохранившемуся экземпляру в Чечено-Ингушском краеведческом музее, имел плетеную основу из орешника, в центре массивную перекладину с зубчатыми нарезами и ветвистый хвост. Аналогичная волокуша была зафиксирована «Абрамовской комиссией» и в горной Ингушетии [74].

Несмотря на указанные локальные и этнические особенности северокавказской волокуши, она имела много общего в применении. Волокушей бороновали только один раз, для лучшего приглаживания посевного поля и заделки семян на нее клали тяжесть (камень, чурбан, колеса от арбы и т. д.) или же сажали подростков. «В волокушу впрягают пару волов,— пишет В. П. Христианович про ингушей,— двое рабочих нава-

ливаются и управляют волокушей, а третий рабочий — погонщик волов» [75].

Большим событием в хозяйственной жизни горцев было появление у них борон. Однако бороны применялись исключительно на равнине, где этому благоприятствовали почвенные условия. Встречались только рамочные деревянные бороны, большей частью четырехугольные. Судя по письменным источникам и этнографическим данным, распространение борон среди горцев относится, по-видимому, лишь к XIX в. и было связано, как можно полагать, с русским населением края, от которого они заимствованы горцами. Во всяком случае, такое заимствование бороны имело место, по данным М. Баева, у осетин во второй половине XIX в. «Осетины употребляют простую русскую борону,— пишет он,— и находят ее удовлетворительной для размельчения пластов, поднятых плугом, раздробления глыб и закрытия семян» [76]. О том, что это орудие было заимствовано у русских, можно заключить из описания Ф. Бузиловым быта населения соседней казачьей станицы Архонской, где в это время усовершенствованные орудия получили широкое распространение. «Плуг употребляется,— пишет он,— малороссийский, а бороны деревянные» [77].

Распространение борон среди горцев зависело от возделывавшихся ими культурных злаков. Поскольку бороны применяли в основном для обработки кукурузных полей, то народы, занимавшиеся издавна севом кукурузы, по-видимому, пользовались этим орудием и в первой половине XIX в. К числу таких, например, могут быть отнесены жители равнинной Чечни, для которых эта культура является с давних пор традиционной. Другие народы, у которых кукуруза была менее распространенным злаком или вовсе отсутствовала, стали пользоваться боронами значительно позднее. В. П. Христианович, например, в первые годы Советской власти отмечал, что у кабардинцев «бороны появились всего 30—40 лет назад» [78]. А по данным Умара Алиева, карачаевцы, жившие в предгорьях, познакомились с этим орудием после Октябрьской революции [79].

В целом появление бороны у горских народов Северного Кавказа было вызвано дальнейшим развитием у них земледелия на равнине и особенно возделыванием на больших площадях кукурузы. Использование борон горцами явилось важным событием в их хозяйственной жизни и нашло отражение даже в их фольклоре. Одно из народных преданий кабардинцев, записанных нами у 85-летнего Елмурза Шеожева (сел. Стар. Лескен), повествует об этом. В нем говорится, как два соседа невзлюбили друг друга; один из них изобрел борону и пробороновал участок своего недруга, стараясь этим самым нанести ему материальный ущерб. Однако его ожидания не оправдались. На участке врага вырос отличный урожай кукурузы. С тех пор, гласит рассказ, борона стала достоянием каждого хозяина.

Рамочная борона делалась из дерева. Она состояла из пяти—шести продольных и двух—трех поперечных планок, на которых имелось от 24 до 60 деревянных зубьев, в зависимости от размера обороны. При этом зубья ставили и по прямой и в шахматном порядке. Почти повсюду отмечалось распространение квадратных борон. Исключение составляла Чечня, где наряду с квадратными боронами широко применялись треугольные [80]. Причем последние отличались одной важной особенностью: их делали с зубьями разной длины. С ростом кукурузы и формированием стебля соответственно удлиняли и зубья бороны. Обычно же хозяе-

ва нередко располагали несколькими боронами, одни из них были с короткими зубьями, другие — с длинными. Наибольшая длина зубьев бороны 50—60 см, в то время как у обычной бороны — не более 15 см. Зубья бороны делали из прочной породы дерева, обычно из дуба. Появление таких борон у чеченцев объясняется давней традицией возделывания у них кукурузы.

В конце XIX — начале XX в. почти повсюду отмечается замена деревянных зубьев железными. При этом число зубьев у бороны стало почти вдвое меньше — 20—25. Железные зубья покупались в сельских и городских магазинах, а также изготовлялись местными мастерами. Почти в это же время у более богатых крестьян появились и железные бороны, получившие повсеместное распространение только после коллективизации сельского хозяйства.

Попытаемся на основании полевого материала показать распространение всех видов бороны у каждого народа. В Кабарде, по словам 100-летнего Инуса Шагенова (сел. Урух), применялись квадратные бороны (1×1 саж.), появление которых он объясняет возделыванием здесь кукурузы. Борона эта имела от 40 до 50 зубьев, насаженных на пяти поперечных и двух продольных балках. Она изготовлялась местными мастерами. Бороны с железными зубьями стали применять только перед Октябрьской революцией. По сведениям другого информатора — 80-летнего Елмурза Шеожева (сел. Лескен), бороны впервые появились в его родном селении лет 60 тому назад. Они делались из дерева, имели не более 30 зубьев. Введение борон с железными зубьями он приурочивает к советскому периоду.

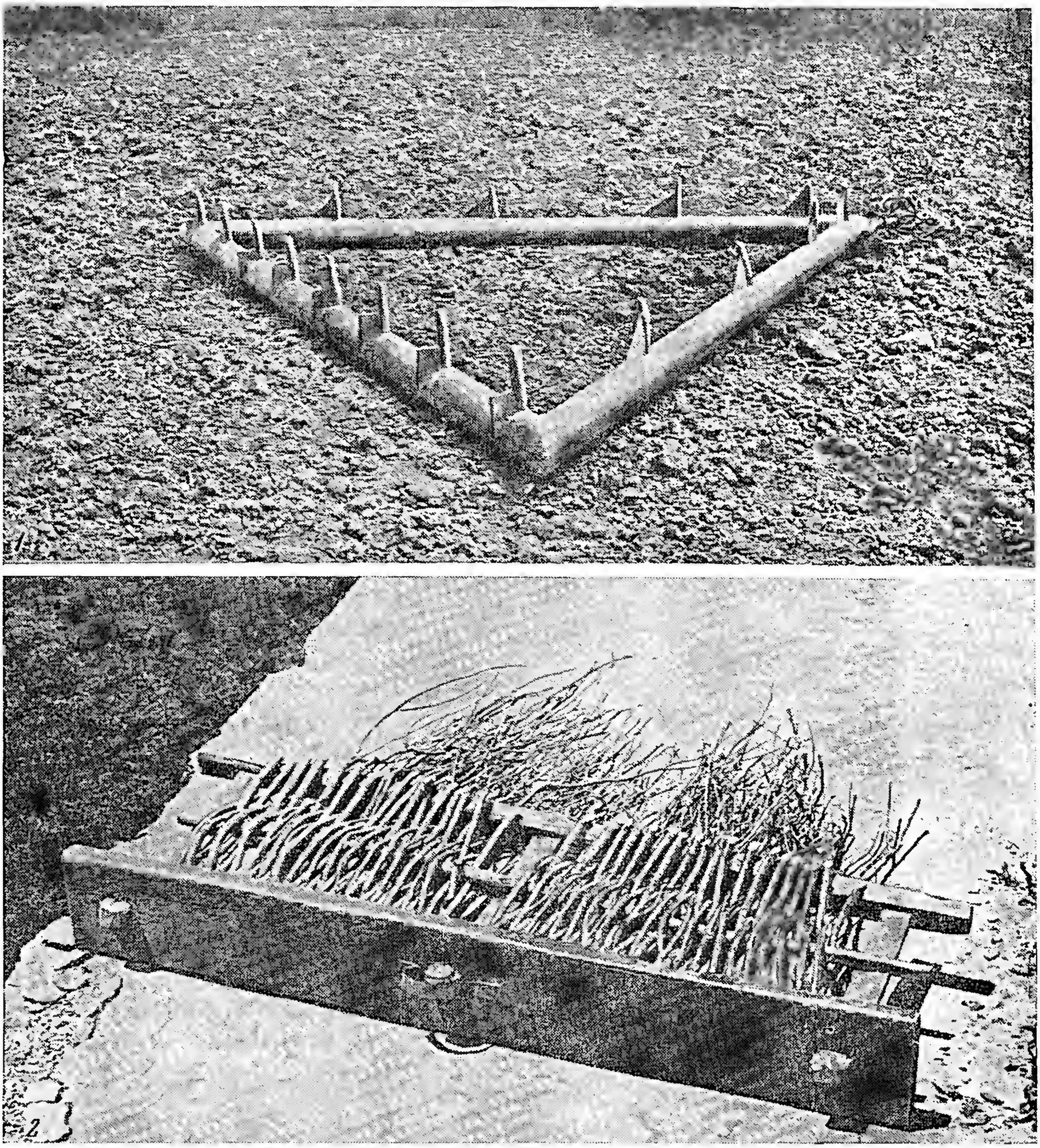
Наряду с боронами большое распространение в Кабарде имела и традиционная волокуша. «Заделка волокушей,— говорит В. П. Христианович про жителей Малой Кабарды,— настолько традиционна, что, если (при недостатке семян проса) пласт предварительно и разделывают бороной, то после посева заделка идет все-таки волокушей. Остальные растения на залежи сеются под борону». Автор отмечает, что в ряде прималкинских селений — в Нартане, Заюкове — заделка семян производилась «самодельной деревянной тяжелой бороной с 22—44 железными (реже 20—32) зубьями. Бороны с деревянными зубьями исчезли лет 8 назад» [81].

Квадратные деревянные бороны, совершенно аналогичные кабардинским, применялись и во всех селах на равнине Северной Осетии (Кадгарон, Хумаллаг, Чикола, Ольгинское и др.). По данным 87-летнего Гаппо Мецоева, 90-летнего Афако Сокаева (сел. Кадгарон) и многих других, борона подобной конструкции состояла из пяти продольных и двух поперечных балок, причем каждая балка имела десять деревянных дубовых зубьев. Этим орудием обрабатывали посевы не только кукурузы, но и пшеницы и картофеля. И все же в наибольшей обработке нуждались кукурузные посевы; их неоднократно бороновали, в зависимости от почвы и наличия сорных трав. Обычно же пашни под кукурузу бороновали три раза: после посева, после всходов и с появлением сорных трав. Особенно много усилий тратили на очистку участка от сорных трав, для этого кукурузные поля бороновали вдоль и поперек, а затем несколько раз — после посева. Для заделки проса применялась, как везде, традиционная волокуша.

По сведениям многих информаторов, появление у осетин бороны с железными зубьями происходит одновременно с появлением железных

Рис. 7. Бороны

1 — чеченская железная борона. С. Курчелой; *2* — ингушская волокуша. Чечено-Ингушский краеведческий музей, 1968 г.



плугов, т. е. приблизительно в 90-х годах XIX в. Такие бороны, имевшие до 40—42 железных зубьев, были доступны наиболее имущим крестьянам.

Квадратная деревянная борона, применявшаяся народами Северо-Западного Кавказа, аналогична вышеописанным. Судя по сохранившемуся единственному оригиналу в Краснодарском краеведческом музее, она состояла из пяти продольных и двух поперечных брусков, скрепленных между собой. На каждом бруске было пять деревянных зубьев, крайний

правый брусок был поднят и немного вытянут, напоминая полоз саней. Нижняя часть бруска более толстая, по-видимому для прочности, указанный приподнятый конец имеет квадратное отверстие, за которое прикрепляли веревку. Общий размер бороны 143×100 см.

Как уже говорилось, большим своеобразием отличались бороны в Чечне, что было вызвано, по-видимому, более высоким уровнем развития земледелия и давними традициями возделывания кукурузы на больших площадях. Здесь на равнине применялись три вида борон: четырехугольные, треугольные и волокуша, а в горах — только волокуша. При этом заделка семян всех злаков, в том числе кукурузы и пшеницы, осуществлялась всюду волокушей, что также, как известно, не практиковалось у других народов региона. Несколько отличалась и конструкция чеченской волокуши; она непременно имела поперечную перекладину с зубчатым нарезом, в некоторых местах на перекладине были насажены деревянные зубья. На равнине Чечни практиковалось неоднократное боронование волокушей с целью заделки семян, по выражению информаторов, до единого зерна. Рамочные бороны (четырехугольные и треугольные), имевшие различное число (36—40) деревянных зубьев, служили как для разрыхления почвы, так и для очистки сорных трав и культивации.

Кукурузные поля бороновали многократно, почти каждый раз после дождя. Затем их пололи не менее тщательно тяпками. Чеченская поговорка гласит: «Два раза прополешь, получишь два початка, три раза прополешь — получишь три початка». При такой обработке почвы, разумеется, достигалась цель — получение высокого урожая кукурузы. Сев кукурузы в Чечне производился в основном до пахоты. Поэтому первое боронование этой культуры осуществлялось после всходов, а второе — через неделю. При наличии сорных трав боронование повторяли несколько раз. В этом случае на борону клали какую-нибудь тяжесть или сажали двух человек, в нее впрягали одну или две пары волов или лошадей.

В начале XX в. в ряде мест равнинной зоны Чечено-Ингушетии на смену традиционным боронам пришли бороны с железными зубьями и отчасти железные бороны. Однако повсеместное распространение они получали лишь в советское время. Что касается горной Чечено-Ингушетии, то там, подобно всем горным районам региона, боронование осуществляется и ныне традиционной волокушей, отвечающей наилучшим образом местным почвенным условиям.

С развитием у горцев огородничества, особенно в равнинной зоне Центрального Кавказа, у них появились и соответствующие орудия для обработки почвы. Одно из них, зафиксированное нами у осетин, представляло собой грабли со значительным количеством деревянных или железных зубьев.

*

Значительными локальными и этническими особенностями характеризуются предметы и способы сева. Как свидетельствует полевой этнографический материал, в одних районах региона для сева применялись переметная сума, кожаный или матерчатый мешок и даже бешмет, в других — своеобразная плетеная из мелкого орешника корзина с дощатым дном или небольшой цилиндрический сосуд, выдолбленный из цельного куска дерева; в-третьих — обычный кавказский башлык. Почти каждый из этих предметов характерен для определенного народа или

группы народов. На большей территории горной и равнинной Чечни сеяли из переметной сумы (*хурджин*), применявшейся также в ряде мест горной Ингушетии. Хурджин шили из простой ткани, его надевали через голову на грудь. Высеяв семена из переднего отделения, сеятель передвигал со спины на грудь второе отделение и продолжал работу. Хурджин был рассчитан на 10—12 кг. Наряду с ним в Чечне и особенно в Ингушетии широко применяли для сева кожаный или полотняный мешок. Его укрепляли с помощью веревки на правом плече и опускали под левую руку. В ряде сел горной Ингушетии — Джерах, Ольгитой, Верхний Алкун и т. д.— сев производили из бешмета, из обычных ведер или подобных им деревянных сосудов.

В отличие от чеченцев и ингушей жители Центрального и Северо-Западного Кавказа пользовались для той же цели продолговатой плетеной из мелкого орешника корзиной с дощатым дном, обмазанной внутри раствором глины или коровьим навозом. Она имела широкое распространение у осетин, кабардинцев, черкесов, до некоторой степени — у балкарцев, карачаевцев, отчасти ногайцев, причем у осетин, балкарцев и карачаевцев эта корзина имела одно наименование — *мидаон*. Корзина подвешивалась на веревке на шею или на правое плечо. Наряду с указанной корзиной широко употребляли, особенно в высокогорных районах, лишенных лесных зарослей, мешок из телячьей или козьей шкуры. По образному выражению балкарских стариков, его вешали при севе, как ружье, через правое плечо. Одновременно с этим пользовались, подобно жителям Восточного Кавказа, ведрами или небольшими деревянными сосудами.

Наконец, в ряде мест Кабарды, в некоторых селах современного Притеречного района Чечни, а также у большинства северо-западных адыгов широко применяли для сева обычный кавказский башлык. Этот факт свидетельствует, какое большое значение придавали горцы севу — одному из важнейших процессов земледелия. Не случайно выполнение этого процесса доверялось наиболее опытному пахарю, которым обычно являлся плугарь, т. е. старший по возрасту мужчина. Такого пахаря приглашали даже в другие селения. Словом, горец старался посеять как можно разумнее и сберечь семена. «Сеяли вручную,— пишет М. Баев про жителей равнинной Осетии,— но известно, что при ручном посеве употребляется большое количество зерна и все зависит от искусства сеятеля» [82].

В горной Осетии в роли такого сеятеля нередко выступала и *æфсин* — хозяйка дома, распоряжавшаяся всеми съестными припасами, в том числе зерном, и умевшая экономить их. Естественно, что опытный сеятель обладал определенными навыками и приемами сева каждой культуры. Беря 12—16 кг семян, в зависимости от объема сосуда, сеятель шел по пашне с таким расчетом, чтобы размах руки и шаг ноги были одновременны. При посеве кукурузы, требовавшей менее густого сева, он бросал полгорсти через шаг, а при посеве проса или пшеницы — полную горсть. Примечательно, что у балкарцев считалось большим достоинством, если сеятель пропускал зерна между пальцами, а не просто бросал их.

В процессе вековой практики земледелия у горцев установились определенные нормы высева семян различных культур, требовавшиеся для одной десятины или определенного участка пашни. Так, например, считалось, что для сева 1 дес. под кукурузу необходимо 3 пуда семян, а для сева такой же площади под пшеницу или ячмень — 10—12 пудов, просо

требовало 5—6 пудов, при этом, по словам информаторов, у западных адыгов его сеяли с песком, чтобы не разнесло ветром.

Как говорилось выше, в ряде мест на равнине, особенно в Чечне, нередко практиковался сев кукурузы до пахоты, а не после нее, что было вызвано, по мнению информаторов, сухой почвой, а также недостаточной заделкой семян. В основном же сев кукурузы, не говоря о других злаках, осуществлялся почти везде после пахоты. Большое значение придавалось и срокам сева, что зависело как от вертикальной зональности, так и от естественно-географических условий. Учитывалась не только высота расположения пашен, но и местонахождение их по отношению к солнцу. Пашни на солнечной стороне засевали на 5—7 дней раньше, чем пашни, находившиеся на теневой стороне [83].

В заключение следует отметить, что появившиеся еще в 90-е годы XIX в. на Северном Кавказе [84] различные виды сеялок в отличие от других орудий не получили распространения среди горцев.

---

[1] *Вавилов Н. И.* Горное земледелие Северного Кавказа, с. 598; *Он же.* Мировой опыт земледельческого освоения.— Природа, 1936, № 2, с. 83, 84.

[2] *Калоев Б. А.* Земледелие у горских народов Северного Кавказа, с. 47.

[3] Народы Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 2, с. 236.

[4] Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 171—172; *Раждаев П. Н.* Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1925, с. 58.

[5] *Кипиани М. З.* От Казбека до Эльбруса, с. 42; *Вертепов Г.* Осетины, с. 26.

[6] *Серебряков И.* Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа.— ЗКОСХ, 1867, № 1-2.

[7] *Зеленин Д. М.* Русская соха, ее история и виды. Очерк из истории русской земледельческой культуры. Вятка, 1908.

[8] *Найдич-Москаленко Д. В.* О принципах классификации русских пахотных орудий.— СЭ, 1959, № 1.

[9] Возникновение и развитие земледелия, с. 150.

[10] *Серебряков И.* Сельскохозяйственные условия...

[11] Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 171—172.

[12] *Гакстгаузен А.* Закавказский край. Заметки об осетинской общественной жизни. СПб., 1857. Ч. II, с. 89.

[13] *Кипиани М. З.* От Казбека до Эльбруса, с. 42.

[14] *Люсин.* Карачай.— Северный Кавказ, 1888, № 50.

[15] *Иваненков Н. С.* Горная Чечня, с. 50; *Мартиросян Г. К.* Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк. ИИНИИК, 1928, с. 102; Очерки истории Карачаево-Черкессии, с. 319; История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней, т. 1, с. 323.

[16] *Калоев Б. А.* Осетины, с. 76. В краеведческих музеях в городах Орджоникидзе, Грозном, Нальчике, Черкесске.

[17] *Христианович В. П.* Горная Ингушетия, с. 189.

[18] Народы Кавказа, т. 2, с. 235.

[19] *Иваненков Н. С.* Горная Чечня, с. 27.

[20] *Серебряков И.* Сельскохозяйственные условия..., с. 1—21.

[21] *Маркович В. В.* Ичкерия. Воспоминания лесничего о чеченском лесе.— ЗКОРГО, 1897, кн. XIX.

[22] *Кокиев С. В.* Записки о быте осетин.

[23] *Цаллагов А.* Селение Гизель.— СМОМПК, 1893, вып. 16.

[24] *Баев М.* Несколько слов об осетинах Владикавказского округа.— ТВ, 1877, № 5.

[25] *В. Н. Л.* Переходное состояние горцев Северного Кавказа.

[26] Описание некоторых в Малой России употребительных плугов (из путешествий Гильденштедта).— Технологический журнал, 1804, т. 1, ч. 2, с. 5—6. См. также: *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч. 2, с. 136; *Серебряков И.* Сельскохозяйственные условия...

[27] Этот автор впервые дал подробное описание адыгского плуга. См.: *Алибердов Т. Д.* Адыгейские земледельческие орудия XIX — начала XX в.— УЗАНИИЯЛИ, 1965, т. 4.

[28] Там же, с. 112.

[29] Там же, с. 109.

[30] Там же, с. 113.

[31] Там же, с. 114.

[32] ТВ, 1896, № 25.
[33] *Христианович В. П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды. Воронеж, 1926, с. 71.
[34] Так, еще в конце XIX в. тяжелый деревянный плуг имел широкое распространение в селах Ставропольской губернии. См.: СМОМПК, 1897, вып. 33.
[35] См.: *Хан-Агов Л.* Плуг.— Кавказское сельское хозяйство, 1900, № 131, с. 6—8.
[36] Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913, с. 90.
[37] *Христианович В. П.* Указ. соч., с. 75.
[38] В 1962 г. корпус этого плуга был найден нами у жителя с. Ольгинского. Сейчас он находится в Краеведческом музее Северной Осетии.
[39] *Джалабадзе Г.* К истории земледельческих орудий восточной Грузии. Тбилиси, 1960, с. 166 (на груз. яз.).
[40] Описание некоторых в Малой России употребительных плугов, с. 5—6.
[41] *Семилуцкий А.* Сел. Покойное, Новогригорьевский уезд Ставропольской губернии.— СМОМПК, 1897, вып. 23, с. 296.
[42] Народы Кавказа, т. 2, с. 239.
[43] РО ГБЛ, ф. Милютина, ф. 169, кар. 8, ед. хр. 7.
[44] *Алибердов Т. Д.* Адыгейские..., с. 115.
[45] Описание этого плуга см.: *Неручев М. В.* Несколько дней в степи.— Русское сельское хозяйство, 1873, т. XII.
[46] *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство Предкавказья в 1861—1905 гг.—В кн.: Некоторые вопросы социально-экономического развития юго-восточной России. Ставрополь, 1970, с. 296.
[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 311.
[48] Там же, с. 220, 221.
[49] Отчет начальника Кубанской области. Екатеринодар, 1899.
[50] Отчеты начальника Кубанской области за 1905, 1910 гг.
[51] Обзоры Ставропольской губернии за 1884, 1892, 1900 гг.
[52] История Кабардино-Балкарии, т. 1, с. 315.
[53] Письмо из Кабарды. ТВ, 1896, № 5.
[54] *Афанасьев М.* Станица Терская.— СМОМПК, 1893, вып. 116, с. 107.
[55] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 216, 217, 218.
[56] См.: *Васюков С. И.* В степях Северного Кавказа.— Вестник Европы, 1908, кн. 6, с. 553.
[57] ЦГА СОА СССР, ф. 11, оп. 64, д. 123, л. 12.
[58] *Мозговой В.* Плуг и соха (историко-экономический очерк).— Труды вольного экономического общества, 1881, с. 190.
[59] ТВ, 1883, № 48; Отчет комиссии по испытанию земледельческих орудий в Сигнахском уезде Тифлисской губернии 5 сентября 1895 г.— ЗКОСХ, 1895, № 64, 65.
[60] *Хан-Агов Л.* Плуг, с. 6, 7.
[61] Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России, с. 90.
[62] Кубанская справочная книжка 1894 г.
[63] *В. Н. Л.* Переходное состояние...
[64] *Алов А. А.* Производство плугов в Харьковской губернии.— В кн.: Отчеты и исследования по кустарной промышленности России. СПб., 1898. Т. 5.
[65] *Раждаев П.* Экономический быт горцев Нальчикского округа, с. 47.
[66] Соц. Осетия, 1976, № 188.
[67] *Христианович В. П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды, с. 71.
[68] Н. С. Иваненков писал о карачаевцах: «скородят землю широким пучком хвороста, связанного двумя палками» (*Иваненков Н. С.* Карачаевцы, с. 650).
[69] История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, с. 322.
[70] *Дмитриев Н.* Переход через Рокский и Мамисонский перевалы.— СМОМПК, 1894, вып. 20, с. 9.
[71] *Христианович В. П.* Горная Ингушетия, с. 189.
[72] *Христианович В. П.* Сельскохозяйственные районы..., с. 71
[73] К сожалению, не сохранилось даже в музеях, как и многие другие земледельческие орудия горцев.
[74] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908, с. 173.
[75] *Христианович В. П.* Горная Ингушетия, с. 45.
[76] *Баев М.* Несколько слов...
[77] *Базилов Ф.* Станица Архонская.— ССТО, 1878, вып. 1, с. 340.
[78] *Христианович В. П.* Сельскохозяйственые районы, с. 72.
[79] *Алиев У.* Карачай. Ростов-на-Дону, 1927, с. 110.
[80] Очень схожие с молдаванскими драпаками. См.: *Демченко Н.* Земледельческие орудия молдаван XVIII — начала XX в. Кишинев, 1967, с. 48.
[81] *Христианович В. П.* Сельскохозяйственные районы, с. 71.
[82] *Баев М.* Несколько слов...
[83] *Христианович В. П.* Горная Ингушетия, с. 190.
[84] Кубанская справочная книжка 1894 г. Екатеринодар, 1894; Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России.

V

ОРУДИЯ И СПОСОБЫ УБОРКИ ХЛЕБОВ, МОЛОТЬБЫ, ВЕЯНИЯ. ПОМЕЩЕНИЯ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ЗЕРНА. МЕЛЬНИЦЫ

таблицы 8—12

Уборка хлебов производилась в горах исключительно серпами и очень редко косами. На равнине она осуществлялась и тем и другим способами, однако и здесь предпочтение отдавалось серпу. Тем не менее косы, которыми убирали преимущественно просяные посевы, широко применялись, особенно адыгскими народами (кабардинцами, черкесами, адыгейцами), абазинами, ногайцами, возделывавшими, как известно, в основном просо. Мы не имеем возможности судить о форме и конструкции серпов местного производства до появления фабричных. В литературе встречаются лишь краткие данные о традиционных серпах у северо-западных адыгов. Еще С. Броневский писал, что «черкесы жнут хлеб обыкновенными серпами» [1]. По данным И. Клингена, относящимся к концу XIX в., адыгские племена Сочинского округа производили уборку хлебов «серпами и косой очень малых размеров» [2]. А. Н. Дьячков-Тарасов зафиксировал у абадзехов серпы «очень грубой работы» [3].

Гораздо большее представление о горских традиционных серпах дают сохранившиеся их экземпляры во многих музеях Северного Кавказа. Так, в Краснодарском краеведческом музее имеются несколько местных серпов, в их числе серп, применявшийся в 80—90-х годах XIX в. жителями Кубанской области, в частности северо-западными адыгами. Серп этот самодельный, с гладким лезвием, представляет собой правильную полуокружность; один конец его постепенно суживается, другой оканчивается черенком, который отогнут в сторону и вставляется в рукоятку. Серп довольно большой, длина полукруга (рабочей части) составляет 70 см, а длина рукоятки — 13 см. Здесь же находится другой серп, совершенно отличный по форме от первого, датируемый XIII—XV вв. Им жали местные племена адыгов. Серп имеет небольшое, слабо изогнутое лезвие, переходящее под углом в прямоугольный в сечении стержень, служивший основой для деревянной рукоятки.

Серпы подобного типа встречались и в других музеях региона. В Карачаево-Черкесском краеведческом музее, например, хранится небольшой самодельный серп с гладким лезвием. Расстояние от начала клинка до его конца по прямой линии составляет 21 см, длина рукоятки 10 см.

Приводимый музейный материал и данные этнографических исследований свидетельствуют о наличии в регионе с древнейших времен двух типов серпов местного производства: с зазубринами и с гладким лезвием.

Наибольшее распространение имел первый, так как был более удобным в работе, чем второй тип, требовавший постоянной заточки лезвия. Напомним, что серп из кремня с зазубринами, датируемый II—I тысячелетиями до н. э., был найден А. П. Кругловым в прикаспийских степях Дагестана «на распаханной поверхности древнейшего селища у Каякента» [4]. Дальнейшие многочисленные находки серпов, особенно медной и бронзовой эпохи на Северном Кавказе [5], не дали такого типа жатвенного орудия; все найденные серпы оказывались с гладкими лезвиями. Тем не менее, привлекая данные этнографических исследований, можно с уверенностью говорить о существовании здесь с древнейших времен традиции изготовления обоих типов рассматриваемого орудия. Во всяком случае, в XIX в. во многих районах региона серп с зазубринами являлся даже преобладающим.

Рассмотрим бытование указанного орудия в его двух вариантах у каждого народа. В 1968 г. во время экспедиции по Северо-Западному Кавказу нам удалось зафиксировать в адыгейских аулах (абадзехов, бжедугов, шапсугов и др.) серпы первого и второго типа местного производства, совершенно одинаковые по размеру и внешнему виду. По словам информаторов, наибольшее распространение имели серпы с зубчатым краем. Аналогичные серпы мы находили и в абазинских и ногайских аулах, а также во многих селах Кабарды. В кабардинском селении Аргундан, например, нам показали два одинаковых по размеру серпа, которыми жители производили жатву до недавнего прошлого. Один из них имел зубчатое лезвие, а другой — гладкое; оба они имели деревянные рукоятки в форме цилиндра, расширяющегося к месту соединения с ножом. Ножи обоих серпов были сильно изогнуты и заканчивались постепенно сужающимися острыми концами. Расстояние от рукоятки до конца острия составляет 30 см, ширина лезвия 5—7 см, длина рукоятки 14,5 см.

Такие серпы имели наибольшее распространение в равнинной зоне региона, где земледелие являлось главным занятием. В Кабарде, например, по свидетельству 90-летнего Инуса Шагенова (сел. Урух 2), жатву проса и пшеницы производили преимущественно серпами с зубчатым лезвием, изготовлявшимися местными мастерами. Появление фабричных серпов здесь приурочивается лишь к началу первой мировой войны. Однако в других селах Кабарды распространение таких серпов относится к более раннему периоду. В сел. Чегем 2, по словам 85-летнего Хамуса Карданова, покупные серпы стали употреблять во времена его детства; он хорошо помнит, как последние постепенно вытеснили местные орудия жатвы. В то время во многих селах Кабарды (Урух, Заюково, Лескен, Плановское и др.) хлеба убирали и самодельными, и фабричными серпами. В начале XX в., по этнографическим данным, серпы местного производства здесь встречались уже редко.

При изготовлении самодельных серпов железо не подвергалось предварительной закалке, чтобы можно было нарезать зубья при помощи напильника; делалась односторонняя насека. Поэтому работа таким серпом производилась только правой рукой.

Производство серпов с зубчатой рабочей частью широко практиковалась и во всех балкарских ущельях. Во время экспедиции нам нередко попадались такие серпы в селениях Верхняя Балкария, Безенги, Верхний Чегем, Верхний Баксан и т. д. По свидетельству 100-летнего Зулкая

Этезова (сел. В. Чегем) и многих других стариков, в Балкарии преобладал зубчатый серп местного производства, отличавшийся меньшим размером по сравнению с кабардинским, но имевший такой же острый зубчатый край, как последний. Появление фабричных серпов в горах Балкарии относится лишь к началу XX в., а во многих случаях — и к более позднему периоду. Однако жители предгорных сел Балкарии, подобно кабардинцам на равнине, уже в 90-х годах XIX в. применяли наряду с местными серпами и покупные.

За неимением других источников о распространении жатвенных орудий в Карачае мы можем судить о них только по данным информаторов. Обследование нами всех сел Большого и Малого Карачая дает возможность говорить о повсеместном производстве здесь различных серпов почти исключительно с гладкими лезвиями. Распространение фабричных серпов здесь началось лишь в советское время.

В горной Осетии в одних селах (Кусу, Стыр-Дигора, Махческ, Унал и др.) преобладающим был зубчатый серп собственного изготовления, а в других (Нар, Верхний Зарамаг, Тиб и др.) — гладкий, также изготовлявшийся местными мастерами. Такой серп был аналогичен балкарским и карачаевским и значительно меньше серпа, применявшегося на равнине региона. Наряду с ним в ряде мест высокогорной Осетии был распространен большой серп типа грузинского *ламган*, встречавшийся также в некоторых горных селах Чечено-Ингушетии, Балкарии и Карачая. Появление ламгана в горных зонах Северного Кавказа объясняется влиянием соседних грузин, где он, как и у других народов Закавказья, имел широкое распространение. Серп этот состоял из большого железного полукруга с широким гладким лезвием и суживающимся острым концом. Длина лезвия (по прямой) 27 см, длина предручья — 32 см, длина рукоятки 10—12 см. По сравнению с другими серпами ламган не получил большого распространения среди горцев.

Полевой материал выявляет значительное разнообразие серпов в Северной Осетии. В Дигорском ущелье, например, жители сел. Кусу жали хлеб самодельными серпами, имевшими гладкие лезвия, а жители соседнего сел. Стыр-Дигора, по словам 90-летнего Датка Хайманова и других стариков,— серпами с остро зазубренным краем также местного производства. Последние имели наибольшее распространение по всей горной Дигории. По рассказам 70-летнего Санде Езакова (сел. Махческ), здесь считался искусным мастером тот, кто мог делать острее зубья серпа. В конце XIX — начале XX в. в связи с широким притоком в Дигорское ущелье фабричных серпов традиционные постепенно вышли из употребления. В соседнем с Дигорией Алагирском ущелье, наиболее крупным в горной Осетии, серпы местного производства не отличались от дигорских по размеру и конструкции. Однако в верхних районах р. Ардона, как и Терека, наибольшее распространение имел серп с гладким лезвием [6]. Здесь широко пользовались и большим грузинским серпом — ламганом, изготовлявшимся, по словам 80-летнего Георгия Тотиева (с. Нар), местными осетинскими мастерами с гладкой рабочей частью. Появление фабричных серпов в Алагирском ущелье относится в основном к советскому времени. Во всяком случае, в селениях Унале, Дагоме, Верхнем Мизуре и др. местные старожилы помнят об использовании здесь только зубчатого серпа собственного производства.

К сожалению, за неимением других источников, на данных информа-

торов, собранных нами в селениях Чикола, Кадгарон, Хумаллаг, Эльхотово, Ольгинское и др., основано и утверждение о том, что по всей равнинной зоне Северной Осетии применялся в основном серп с гладким лезвием, изготовлявшийся местными мастерами. С 90-х годов XIX в. значительное распространение здесь имели также привозные фабричные серпы, по словам информаторов, совершенно аналогичные местным. Это утверждение подтверждается сохранившимися в музеях экземплярами серпов фабричного и местного производства, в которых действительно трудно заметить различие. Изготовление серпов с зубчатым краем в горных зонах, судя по этнографическим данным, являлось более древней традицией, чем на равнине региона, куда она, по-видимому, была занесена переселенцами с гор.

Появление здесь так называемых «русского» и «английского»[7] серпов, получивших широкое распространение преимущественно среди русского населения, относится, возможно, к середине XIX в. Такие серпы, имевшие, подобно местным, зубчатые лезвия, нам часто попадались в фондах музеев и при обследовании. Так, например, из трех серпов, обнаруженных в 1973 г. в Краеведческом музее Чечено-Ингушской АССР, были два совершенно аналогичны русским[8]; третий же, отличавшийся большей массивностью, несомненно местного происхождения, его можно считать одним из вариантов чеченского серпа.

Вызывают интерес народные сказки, связанные с серпом. В одной народной легенде, записанной нами от 90-летнего Абу-Бакара Баканиева (с. Гехи), говорится о том, как однажды еж пришел к чеченцам и спросил их: «Чего у вас нет?» — «У нас нет серпа!» — ответили они. «Возьмите петушиный хвост, и он будет служить серпом!» — посоветовал им еж.

Привозные фабричные серпы в горах Чечено-Ингушетии появились лишь в первые годы Советской власти. Появление последних на равнине относится к более раннему периоду, уже в конце XIX в. они применялись, например, в таких селах ингушской равнины, как Ольготой, Плиево, Далаково, Ачалуки, Кантышево и др., тяготевших к Владикавказу. В ряде мест в горах и на равнине Чечено-Ингушетии использовали изогнутый серп с плоской рабочей частью типа грузинского, изготовлявшийся местными мастерами.

Адыгские народы наряду с серпами использовали косы, особенно при жатве проса. Как свидетельствует полевой материал, жатва косой практиковалась почти повсеместно в Кабарде, Черкесии и Адыгее. При этом, по словам 80-летнего кабардинца Карданова Хамуса (сел. Чегем 2), косой убирали те хозяева, которые не успевали производить эту работу серпами. «Один косарь,— говорит он,— мог скосить в день десятину, т. е. столько же, сколько десять жнецов серпами». Кабардинец Дохтуко Каиров (сел. Плановское) утверждал, что косой убирали только просо. В конце XIX в. традиционная адыгская коса была заменена более усовершенствованной русской косой, имевшей граблеобразную стойку. Такая коса укладывала скошенный хлеб ровно, по одной линии, намного облегчая вязку его в снопы.

У других горцев региона коса при уборке хлебов применялась очень редко, особенно в горах. По словам осетинских стариков из сел. Верхний Зарамаг, убирать хлеб косой считалось здесь, как и во всех других горных селах Осетии, большим позором для хозяев, такой человек не

пользовался доброй славой. Обычно коса применялась горцами для уборки хлеба после градобития или других стихийных бедствий. Поэтому у осетин существовало даже проклятие: «Чтобы ты скосил свои хлебные поля косой». О другой причине уборки хлеба косой писал М. Баев в 70-х годах XIX в.: «Косить хлеб косой не хотят, говоря, что это невозможно, много будет высыпаться зерна» [9].

Остановимся на характеристике типов кос в целом по региону. Об адыгской косе писал А. Н. Дьячков-Тарасов: «Косили косами, отличавшимися от современных тем, что ручка косы не приклинивалась, а заостренная пятка косы — ледивтывалась ручку» [10]. В литературе имеются данные о балкарской косе, аналогичной традиционной косе карачаевцев и осетин. Вот как описывает ее Н. А. Караулов: «Прежде и косы были самодельные, обоюдоострые, так, что ими косили, переменяя руку и проходя два раза по одному и тому же месту» [11]. К сожалению, приведенными выдержками исчерпываются данные о косе. Не удается проследить этнические и локальные особенности косы и на основании полевого материала, кроме осетин, балкарцев и карачаевцев, для которых выделяется единый тип косы, отмеченный выше Н. А. Карауловым. Режущая часть этой косы представляла собой плоский отточенный с обеих сторон кусок железа, короткая деревянная ручка была без рукоятки. Они крепились между собой особым способом. Так как ручка была очень коротка, то работать косой приходилось в согнутом состоянии. Поскольку коса быстро тупилась и требовала поэтому постоянной отточки, косарь должен был иметь при себе специальный точильный камень (брусок) и ведро с водой. Разумеется, с появлением более усовершенствованных кос, какими являлись, например, русские [12], описываемая коса уже в 80—90-х годах XIX в. была вытеснена ими из быта горцев на равнине. Однако в горах она применялась почти до конца столетия. По-видимому, в это же время на равнине горцы восприняли от русских косу со стойкой в виде граблей.

Аналогичные русским по форме были отбивки у горцев [13], что, по-видимому, объясняется также давними контактами этих народов. Отбивали косу молотком обычно два раза в день: после обеда и в конце рабочего дня, причем отбивка выполнялась наиболее опытным косарем. Косу точили специальным каменным бруском.

Горцы с ранних лет приучали своих детей к сельскохозяйственному труду. «В 13—14 лет мальчик становился помощником отца во всех отраслях хозяйства,— писал Коста Хетагуров про осетин,— а к 16 годам свободно управлял сохой, владел топором, серпом и косой» [14].

Во второй половине XIX в. в регионе начинают появляться жатвенные машины. Так, в 1889 г. в станицах Темрюковского отдела Кубанской области имелось уже 67 жатвенных машин [15]. По данным Кубанской справочной книжки за 1894 г., в Баталпашинском и Майкопском отделах, куда входили и некоторые горские народы, насчитывалось 271 и 59 жатвенных машин [16]. В Ставропольской губернии в 1910 г. имелось 48 202 жатвенные машины, т. е. жатвенная машина приходилась на три крестьянских хозяйства [17]. Однако для горского населения такая машина оставалась обычно недоступной. По данным того же источника, в 1910 г. в Веденском округе имелось всего лишь 6 жатвенных машин, во Владикавказском — 8, в Грозненском — 21, в Нальчикском округе, где подавляющее большинство составляло русское казачье население,—

Рис. 1. На сенокос. С. Булунчу. Балкария, 1968 г.

808 [18]. Жатву машинами начали применять только на равнине, в горах она осуществлялась по-прежнему вручную.

*

Уборочная страда длилась около четырех месяцев. Уборка хлебов в равнинной зоне начиналась с половины июля, в горной — во второй половине августа, в высокогорной — в конце сентября, причем здесь, особенно в районах Центрального Кавказа, урожай часто не успевал созревать и погибал от градобития, заморозков или раннего снегопада.

Пока убирали озимые, поспевали яровые хлеба, бахчевые и огородные культуры. Особенно много сил и времени требовала уборка кукурузы, имевшая некоторые этнические и локальные особенности. У чеченцев, например, большей частью кукуруза убиралась целиком, без отделения початков от стеблей. Последний процесс совершался на гумне, причем он мог длиться в течение всей зимы. У осетин практиковалась, наоборот, раздельная уборка кукурузы: сначала убирали початки, а затем косили обычными серпами стебли на корм для скота. Для сбора початков служили различные по форме и объему плетеные из прутьев корзинки (сапетки). Почти каждый сборщик кукурузы был снабжен небольшой плете-

ной корзиной, доставка же кукурузы с поля осуществлялась в больших продолговатых плетенях, поставленных на подводы. Последние служили одновременно и мерилом урожая кукурузы с одной десятины.

Убранный хлеб связывали почти повсюду в регионе в снопы. Для перевязи жнец вырывал несколько колосьев с корнями, связывал их со стороны корневищ и на них клал определенное количество горстей колосьев. Снопы отличались разными размерами в зависимости от зоны и традиций народа. У осетин-горцев, например, как и у балкарцев и карачаевцев, он состоял из трех горстей, а у кабардинцев, подобно другим адыгам,— из восьми горстей.

Существовали и разные виды укладки хлебов для сушки: у современных черкесов, абазин и ногайцев сжатый хлеб оставляли в поле для сушки дней на 15, а затем складывали в «бабки»: 50 снопов ставили вверх колосьями, сверху накрывали одним снопом, обращенным вниз колосьями (чтобы, по словам информаторов, сберечь хлеб от дождей и воробьев). Таким же способом сушили просо. Остальные хлеба (пшеницу, ячмень, овес) складывали в крестцы, состоявшие здесь из 24 снопов. После просушки хлеб свозили на гумно, находившееся в поле или во дворе хозяев, и складывали в скирды.

Почти таким же путем проводилась эта работа и в Кабарде. Здесь сначала снопы ставили вверх колосьями и оставляли их дней на 8, а затем складывали в крестцы, состоявшие из 28—30 снопов. Через несколько дней хлеб перевозили на арбах для молотьбы и складывали в скирды; при этом на одну арбу клали 10 крестцов, скирда же состояла из 11—12 арб.

У осетин снопы сначала складывали в так называемый *угас*, состоявший из 7 снопов, а затем в одних местах — в крестцы, в других — в копны. В верховьях Уруха, Терека, Ардона, например, наибольшее распространение имела копна, состоявшая из 7—10 угас, в низменных районах и на равнине Северной Осетии, наоборот, преобладали крестцы; последние состояли из 3 угас. Аналогичный способ сушки и укладки хлебов применялся в Балкарии и Карачае, отчасти в Чечне и Ингушетии. У чеченцев хлеб складывали сначала в так называемый *оьс*, состоявший из 5 снопов, а затем — в крестцы (*гъама*), по выражению информаторов, колосьями «вовнутрь». Гъама состояла из 20—40 снопов. После просушки хлеб свозили в селения и складывали в большие скирды (*хал*) на гумнах.

У ингушей, по сообщению «Абрамовской комиссии», наибольшее распространение имела копна, состоявшая из 60 снопов. «Копна эта,— говорится там,— равно как и копна сена, тотчас же обвешивается прутьями из березы крест-накрест с 4-х сторон и к концам их прикрепляются тяжелые камни весом в 10—20 фунт. каждый, чтобы ветер не разметал их по воздуху» [19].

Таким образом укладка и сушка хлебов имела некоторые локальные и этнические особенности.

Способы и орудия молотьбы

Одним из наиболее трудоемких процессов была молотьба, производившаяся на закрытых и открытых токах, принадлежавших как отдельным хозяйствам, так и родственным семьям, членам одной патронимии.

В горах и особенно в высокогорных районах, отличавшихся суровыми климатическими условиями, ранним наступлением зимы, молотьбу производили только на закрытых токах [20]. Складывая весь хлеб в закрытое помещение, горец мог обмолачивать его в любое время в течение всей зимы. Большое внимание обращалось на оборудование тока. Поскольку самым распространенным способом молотьбы у всех горцев было топтание колосьев копытами животных, то размер тока определялся наличием требуемых для молотьбы животных. Разумеется, в горах ток был меньше, чем на просторной равнине под открытым небом.

Обычно ток делали с таким расчетом, чтобы на нем можно было поставить 5—8 голов крупного рогатого скота, привязанных друг к другу по кругу. В некоторых равнинных осетинских селах размер тока определялся двумя возами снопов, расстилавшихся на нем. В ряде мест Кабарды ток делали с расчетом на 8—10 голов крупного рогатого скота, причем гумно устраивали часто там, где был снят хлеб, т. е. вдали от селения в открытом поле.

Ток делали следующим образом. Землю разравнивали, утрамбовывали, а затем заливали смесью воды, коровьего навоза и мелкой соломы и сушили. Ранее построенные открытые и закрытые тока только мазали раствором коровьего навоза или глины и сушили. В центре тока ставили столб, к которому привязывали в один ряд животных, почти повсюду использовали волов и нетелей, однако в ряде мест, например в горной Осетии, при отсутствии последних для молотьбы использовали дойных коров и рабочих волов. В целом число животных, предназначавшихся для молотьбы, определялось имущественным состоянием хозяина. Равнинные жители, в частности в Кабарде, где в большом количестве разводили крупный рогатый скот, ставили на ток не менее 8—10 волов и нетелей, в то время как в горах жители имели возможность выделить для этой цели лишь 4—5 животных. Здесь многие хозяева на этот период нанимали скот у богатых за определенную плату, а также объединяли свой скот для совместной молотьбы.

Некоторые различия имелись и в способе упряжки животных на току. Почти повсюду, как отмечалось, скот привязывали веревкой друг к другу в ряд по радиусу круга. У осетин это делали при помощи дуги, надевавшейся на шею животного и прикреплявшейся к общей веревке; конец этой веревки привязывали к деревянному подвижному кольцу, укрепленному на столбе в центре тока. Единый порядок прослеживается в расстановке животных при молотьбе. У столба ставили наиболее сильное, но спокойное животное [21], которое вело за собой остальных. С краю помещали, наоборот, самого резвого бычка или нетель. Старались приучать скот ходить самостоятельно по току без погонщика.

У балкарцев, у которых ток строили большей частью без центрального столба, был немного иной порядок. У самого сильного и спокойного быка левый рог привязывали веревкой к задней левой ноге. Он находился в центре тока и, кружась на одном месте, увлекал за собой остальных животных. В ряде мест горной Чечено-Ингушетии (Шарой, Итум-кале, Ольгиж и др.) впереди животных шел поводырь, а сзади — погонщик, снабженный деревянной чашкой или совком для сбора испражнений скотины. Применялась и другая мера предосторожности — на животных надевали намордники, сделанные из мелкого скрученного орешника. «Скот весь был снабжен намордниками,— писал К. Хетагуров про

осетин,— не позволяющими лакомиться добром хозяина. Погонщик — обыкновенно подросток — очень хорошо следил за своей рогатой командой и, вооруженный хворостиной и плетеным веером, не позволял нарушать порядок и наваживать хлеб, во-время подставляя веер» [22].

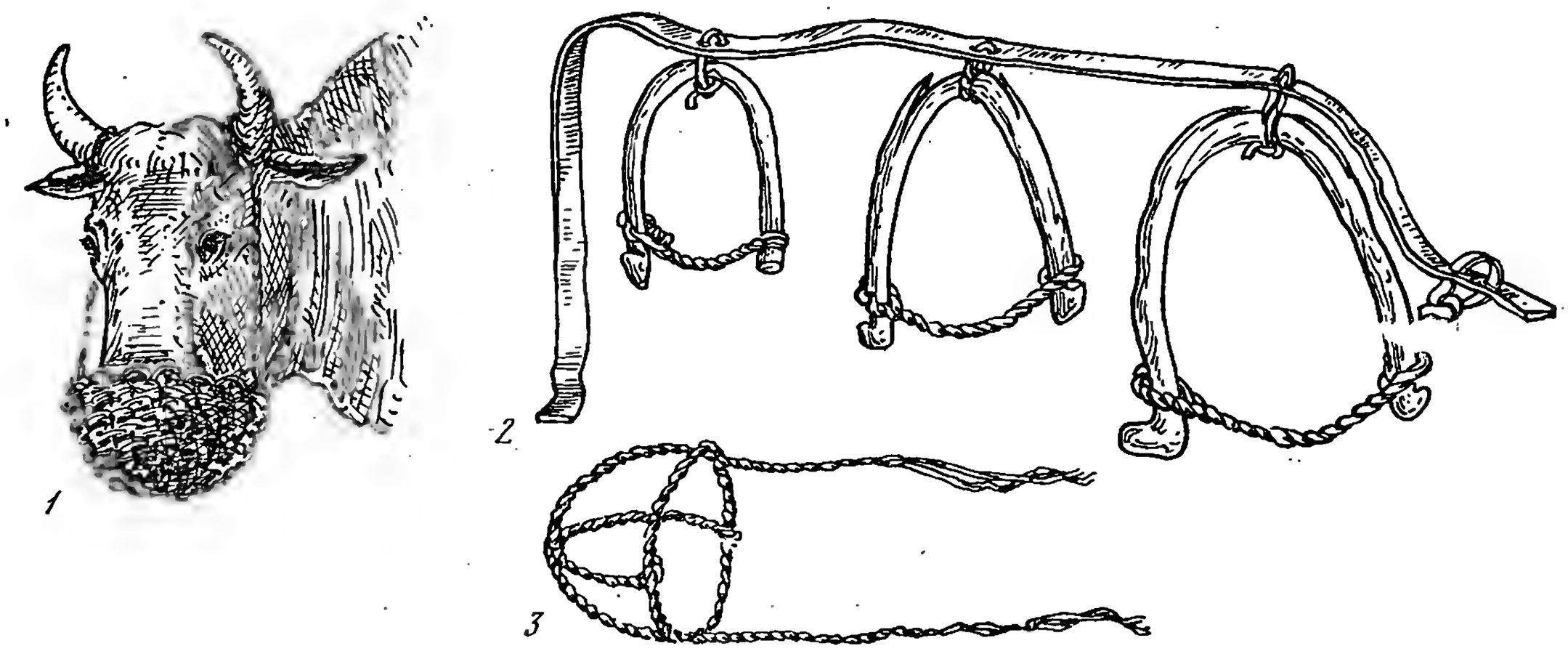
В ряде мест горной Ингушетии под одно ярмо, прикрепленное одним концом к вращающемуся кольцу на столбе тока, запрягали 3—4 вола. Такой способ молотьбы, широко известный всему Востоку [23], был зафиксирован здесь В. П. Христиановичем, изучавшим хозяйственный быт горных ингушей [24].

Молотьба являлась единственным сельскохозяйственным процессом на равнине, который выполнялся наряду с крупным рогатым скотом и лошадьми. Участие лошади в других земледельческих работах (в пахоте, боронованию, культивации и т. д.) не допускалось почти до конца XIX в. Еще С. Броневский, описывая хозяйственную деятельность адыгов, отмечал, что молотьба ими производилась «посредством лошадей и быков» [25]. Об этом же свидетельствуют данные И. Клингена по северо-западным адыгам в конце XIX в. «С полдюжины лошадей,— пишет он,— скакало по настилке полным галопом по окружности тока, и в самое краткое время хлеб был обмолочен» [26].

Традиция молотьбы таким способом прочно держалась здесь и в последующее время, вплоть до коллективизации сельского хозяйства. Причем, по словам информаторов в адыгейских аулах широко практиковалась молотьба необъезженными лощадьми из табунов. Несколько таких лошадей, привязанных длинной веревкой в ряд к центральному столбу тока, гоняли по густо застеленным снопам. Кроме адыгов, лошадь издавна использовали при молотьбе и другие равнинные горцы. В 70-х годах XIX в., например, М. Баев писал про осетин: «Они по расстеленным снопам по току заставляют бегать лошадей, быков и коров». Автор считает этот способ молотьбы непригодным и стоит за ручную молотьбу, широко применявшуюся у соседних русских казаков [27]. «Мало того, что здесь много зерна разбрасывается и портится от испражнений животных,—

Рис. 2. Упряжь при молотьбе скотом

1 — корова с плетеным намордником; *2* — упряжь; *3* — намордник из веревки



писал он,— самая работа сильно зависит от погоды, так как совершается очень медленно; потерю зерна можно считать 15%, тогда как при ручной работе (цепами), презираемой осетинами, обходится в 10%» [28].

Молотьба лошадьми совершалась намного быстрее, кроме того, она требовала, по сравнению с молотьбой крупным рогатым скотом, меньшего количества животных, не более 3—4 лошадей; последних привязывали близко друг к другу в ряд веревкой, длина которой равнялась радиусу тока. Конец веревки наглухо привязывали к столбу в центре тока; лошади шли по расстеленным снопам в одну сторону, и веревка наматывалась на столб до конца. Затем лошадей поворачивали в обратную сторону, и повторялось то же самое. При таком способе молотьбы лошади двигались равномерно от края тока до его центра, и наоборот. В ряде мест лошадьми управлял человек при помощи той же длинной веревки. Стоя в центре тока, он поворачивал лошадей то в одну сторону, то в другую. У черноморских шапсугов лошадей вели по кругу просто за узду.

В период молотьбы рабочий день начинался еще до рассвета и заканчивался обычно в середине дня. Процесс молотьбы был почти везде одинаков. Снопы раскладывали по току колосьями вовнутрь до самого центра, причем количество их определялось размерами тока. В горных селах Осетии, например, норму одного настила составляли одни сани, воз, или 20 угас (140 снопов) [29]; в равнинных селах — две арбы (воза). В процессе обмолота хлеб два раза переворачивали и встряхивали деревянными вилами, имевшими на конце козьи рога. Обмолоченную солому выбрасывали и на ее место клали новые снопы. Легче всего обмолачивался ячмень и гораздо труднее — пшеница; дневная норма обмолота ячменя была в два раза больше нормы пшеницы. При молотьбе ячменя успевали делать в день два настила, а при молотьбе пшеницы — только один.

Одним из древнейших способов молотьбы на Кавказе, в частности в Закавказье, была молотьба при помощи молотильной доски; последняя состояла из двух толстых досок, скрепленных между собой, имевших на нижней стороне насаженные острые кремневые зубья. Наличие молотильной доски у адыгов было отмечено еще С. Броневским. «Хлеб топчут и перетирают колосья,— пишет он,— посредством лошадей или быков, впряженных в особую доску, на которую насаживают тяжесть, как в Грузии и Ширване» [30]. Однако это сообщение является в литературе единственным и не подтверждается работами последующих исследователей адыгских народов.

Молотильная доска отсутствовала и у осетин, как и у всех народов Западного и Центрального Кавказа, здесь «хлеб топчется быками на гумне,— сообщал Ю. Клапрот об осетинах в начале XIX в.— Они не пользуются досками, как степные татары, потому что в этом случае солома, которую они заботливо берегут для зимнего фуража, совершенно раздавливается» [31]. По-видимому, этим обстоятельством объясняется полное отсутствие или весьма слабое распространение этого орудия и у других северокавказских народов. Молотильная доска применялась лишь в ряде мест горной и равнинной Чечни, а также в некоторых терских и кубанских казачьих станицах [32]. Причем у чеченцев ее волочили по току два вола, в конце XIX в. для этой цели стали использовать лошадей. При этом сидевший на доске погонщик укреплял нож между двумя половинами доски, нож разрезал солому для лучшей молотьбы.

Рис. 3. Способ укладки снопов. С. Барзикау, Куртатинское ущелье. ГМЭ, фото А. А. Миллера. 1927 г.

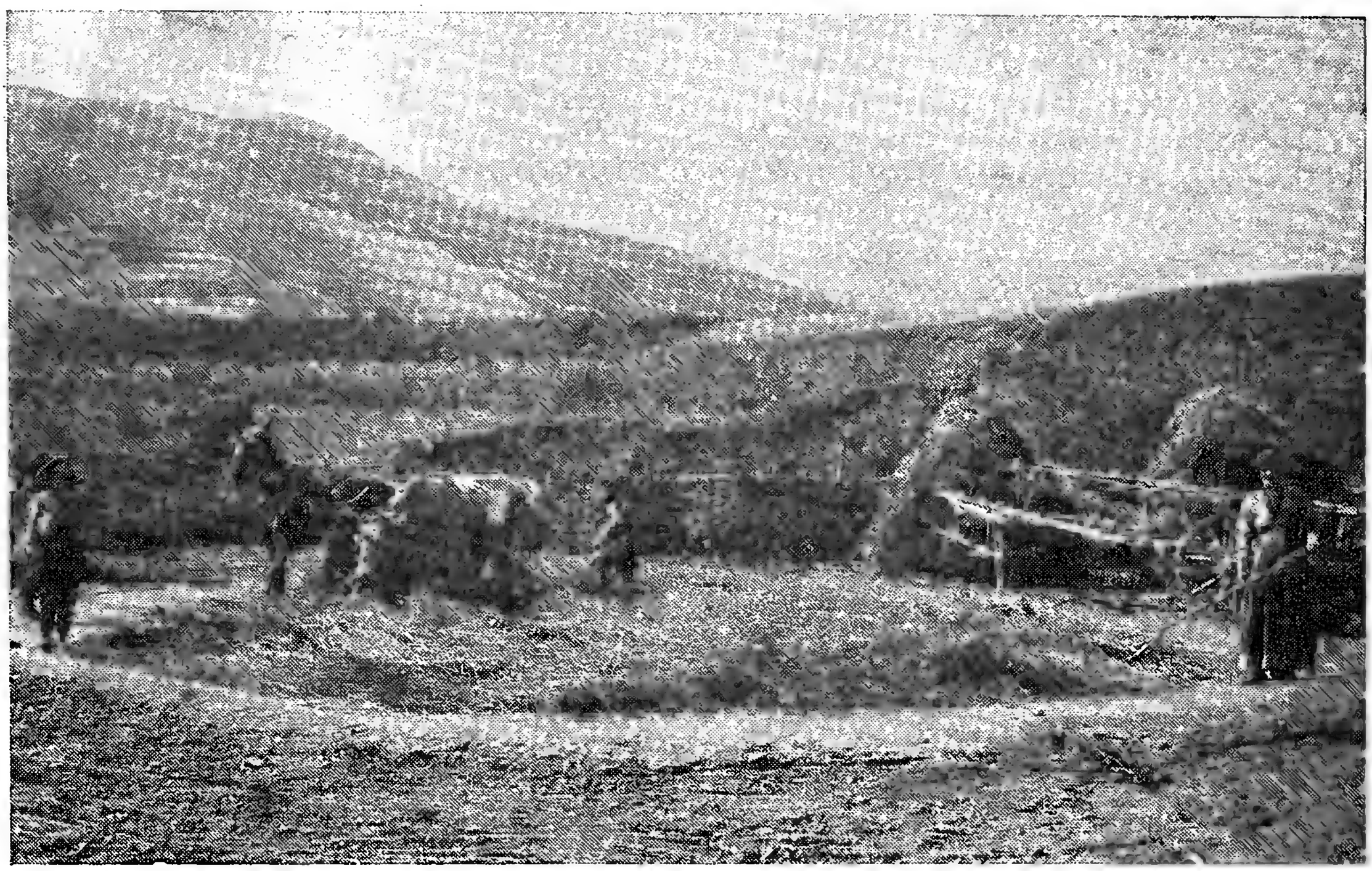
Наиболее распространенными орудиями молотьбы у равнинных жителей были круглые и граненые деревянные и каменные катки, применявшиеся с давних времен горцами, в частности Западного и Восточного Кавказа. Судя по этнографическим данным, рассматриваемые орудия вполне можно считать местными северокавказскими, возникшими, по-видимому, первоначально у западных адыгов и чеченцев в ряде мест горной и равнинной Чечни. По словам адыгейских стариков, деревянные молотильные катки появились у них одновременно с тяжелым плугом. Поэтому, как нам кажется, едва ли правильно будет утверждать, что указанные орудия заимствованы горцами у соседних русских казаков [33]. Есть все основания думать, что скорее всего было наоборот.

Трудно определить время появления указанных катков. Однако, как свидетельствуют этнографические исследования, наибольшее распространение они получили во второй половине XIX в., в связи с бурным развитием земледелия на равнине Северного Кавказа. Рассмотрим их применение у западных адыгов. По рассказам Тукова Исмаила, 1879 г. рожд. (аул Афипси), и других стариков, все бжедуги, как и соседние шапсуги, производили молотьбу с давних времен при помощи круглых и граненых самодельных деревянных катков, изготовлявшихся из тяжелой и прочной породы дерева. В конце XIX в. на смену деревянным каткам пришли каменные, приобретавшиеся большей частью в городах. Почти такие же сведения о катках мы записали и у черноморских шапсугов. По данным, например, 80-летнего Гважева Айтега (аул Большой Кечмап), жители этого аула, как и других, молотили хлеб самодельными граненными деревянными катками. Наш информатор сам занимался изготовлением таких катков.

Экземпляры подобных катков имеются в Краснодарском краеведческом музее. Здесь представлены каменный (60×40 см) и дубовый (80×48 см) шестигранный каток, единые по конструкции. На концах катка наглухо вбиты железные болты, имеющие железные кольца.

По-видимому, с давних времен применялись деревянные катки и чеченцами, располагавшими огромными лесными массивами в горах и на равнине. В высокогорном селении Дай в Шаро-Аргунском ущелье, по данным информаторов, издавна применялись и деревянные, и каменные катки, причем последние появились здесь намного раньше деревянной молотильной доски. Жителям современного Ножай-Юртского района

Рис. 4. Молотьба. С. Барзикау, Куртатинское ущелье. ГМЭ, фото А. А. Миллера. 1927 г.



Чечни были известны только 6—8-гранные каменные катки, изготовлявшиеся местными мастерами. В других равнинных районах Чечено-Ингушетии молотьбу производили исключительно копытами животных. Катки применялись лишь в современном Притеречном районе, причем появление их относится к сравнительно позднему периоду — к началу XX в.

Распространение катков среди черкесов, абазин и ногайцев зафиксировано в конце XIX в. По словам 65-летнего Кагова Муссы (аул Псаучел-Дахе) и других старожилов, указанные орудия молотьбы появились здесь тогда, когда ему было лет 12. Применялись круглые и граненые каменные катки весом 80—90 кг. Этим каткам предшествовали гране-ные деревянные катки, изготовлявшиеся местными мастерами из прочной породы дерева. По сведениям информаторов, катки, преимущественно каменные, 6—8-гранные, были знакомы и жителям кабардинских (Легиной, Плановское, Дейское, Заюково) и балкарских (Гунделен, Советское) сел, а также горским поселенцам Моздокского района. По словам 120-летнего Балкарова Титу (сел. Дейское) и многих других стариков, катки и сенокосилки появились в селах Малой Кабарды одновременно, в первые годы Советской власти. При этом молотили исключительно каменными катками. К концу XIX в. относится известие о распространении таких же катков и в ряде сел Большой Кабарды, в равнинной Северной Осетии [34] и балкарском предгорье.

Развитие капитализма на Северном Кавказе привело к появлению здесь ручных, конных и паровых молотилок, приобретавшихся, однако, лишь наиболее богатыми горцами. Появление этих машин у казаков и

иногородних крестьян относится к более раннему времени. Во всяком случае, уже в 70-х годах XIX в. встречаются первые упоминания о молотилках в ряде станиц терских казаков, широкому распространению которых мешала их дороговизна и «косность хлеборобов». «Молотилки в стан. Прохладной в 1878 и 1879 годах,— пишет современник,— потерпели неудачу... в силу традиций, которые мешают всяким нововведениям между казаками, в силу недоверия к земледельческим не нашим, а выписанным откуда-то орудиям» [35]. «Молотят молотильными машинами,— сообщал современник из стан. Терской в конце XIX в.,— которые жители выписывают из Москвы. Есть несколько конных машин и одна паровая, кроме того, молотят катками при помощи лошади» [36]. Не могли пользоваться молотилками и русские крестьяне неказачьего сословия, жившего намного богаче горцев. Вот что писал очевидец про крестьян Ставропольской губернии: «Молотилками, несмотря на все их удобства, крестьяне пользуются мало, не желая за пользование ими платить 6—10 или 9—10 часть» [37].

О количестве различных молотилок, имевшихся в каждом административном районе региона, можно судить, например, по данным за 1910 г.[38]:

Область, губерния	Молотилки		
	ручные	конные	паровые
Терская область	262	590	99
Кубанская область	534	1565	3706
Ставропольская губерния	2	1290	583

Более полное представление о наличии молотилок в отдельных округах и уездах региона, населенных в основном горскими народами, дает нижеприведенная таблица (составлена на основе того же источника [39]).

	Молотилки			
	ручные	конные	паровые	всего
Терская область				
Владикавказский округ	17	37	2	56
Веденский »	20	13	7	40
Назрановский »	20	5	2	27
Нальчикский »	129	66	18	213
Кубанская область				
Баталпашинский уезд	10	264	208	482
Екатеринодарский уезд	18	26	308	352
Майкопский уезд	12	24	693	729

Приведенные данные свидетельствуют о весьма ограниченном распространении молотильных машин в тех округах и уездах (Владикавказском, Веденском, Назрановском и Нальчикском), которые были населены преимущественно горскими народами, и о преобладании этих машин в уездах (Баталпашинском, Екатеринодарском, Майкопском), где русское население составляло подавляющее большинство. Таким образом, горцы, как и основная масса русских крестьян и казаков, молотили в рассматриваемое время старыми традиционными способами. Однако многие хозяева, объединяясь в группы, пользовались молотилками, о чем, например, свидетельствуют данные информаторов. По словам 86-летнего черкеса Ордакова Мурзабека (аул Хабез), его земляки впервые произвели молотьбу при помощи молотилки в 1904 г., причем арендовали ее в соседней казачьей станице. Для доставки машины в аул, говорит он, понадобилось 20 лошадей. Почти в это же время стали применять паровую машину и в некоторых осетинских селах. По данным 80-летнего Бабочиева Дарико и других стариков (сел. Чикола), при молотьбе машиной чиколинцы объединялись поквартально, строили на окраине села общие квартальные токи, куда каждый хозяин свозил свой хлеб и складывал его отдельно. Затем производили обмолот по очереди. В осетинском сел. Дарг-Кох молотильная машина появилась перед Октябрьской революцией. Тогда же начали применять ее и в ряде сел Кабарды (Плановское, Дейское, Старый Урух) и Чечено-Ингушетии (Валерик, Чечен-аул, Плиево и др.).

Повсеместное распространение молотильных машин, прежде всего паровых молотилок, началось по всей равнинной зоне только в советское время и особенно после завершения коллективизации сельского хозяйства. Что касается горных зон, то там молотьба осуществлялась по-прежнему старыми традиционными способами.

Веяние

Следующим после молотьбы этапом работы было веяние — процесс не менее важный и трудоемкий, во время которого от намолоченного хлеба отделяли не только мякину и сорные травы, но и мелкие семена, шедшие на пропитание. Крупные зерна, оседавшие на одном месте в процессе веяния, предназначались на семена будущего года. Этот запас зерна, хранившийся обычно в определенном помещении, считался неприкосновенным даже в случае острой нужды в хлебе, что нередко бывало, особенно в горах.

Веяние начиналось так: после молотьбы зерно вместе с сором сгребали на току в одну кучу, затем деревянной лопатой подбрасывали зерно на ветру. При этом самое тяжелое и крупное зерно падало прямо перед веяльщиком, более мелкое — дальше от него, а еще дальше — мякина — хлебная чешуя. В результате двух-трехкратного повторения этой процедуры крупное зерно отделялось от мелкого, образуя отдельную кучу. Успех всей работы целиком зависел от ветра, часто из-за его отсутствия работа останавливалась на несколько дней. В ожидании ветра горцы прибегали к различным магическим приемам. Осетины, например, резали красного петуха в честь своего бога-покровителя ветра Галагона.

Вторым после лопаты орудием веяния были решета с мелкими и крупными отверстиями. Решето с мелкими отверстиями на кожаном дне

Рис. 5. На току. С. Барзикау, Куртатинское ущелье. ГМЭ, фото А. А. Миллера, 1927 г.

применялось исключительно на равнине почти всеми адыгами, абазинами, оседлыми ногайцами, а также балкарцами и карачаевцами в предгорьях и жителями многих равнинных сел Чечено-Ингушетии. Исключение составляли осетины, у которых дно решета делали только из лыка или конских волос. Решето аналогичного типа широко использовалось также почти по всему нагорному Кавказу.

Наряду с описываемым решетом, именовавшимся у осетин *сыхырна*, у них в отличие от других народов региона применялось и решето с крупными отверстиями (*цыхауи*). После веяния лопатой зерно пропускали сначала через решето с крупными отверстиями, а затем через решето с мелкими отверстиями. Процесс завершался обычно веянием из плетеного из мелкого орешника совка. Наполнив совок зерном, веяльщик высоко поднимал его над головой и сыпал против ветра. Такой совок известен балкарцам и карачаевцам.

Для очистки зерна от пыли и сорных трав применялась частая плетеная сетка прямоугольной формы, которой широко пользовались терские и кубанские казаки и от которых она, по-видимому, была заимствована некоторыми горцами. Сетка эта применялась, в частности, в ряде мест Кабарды, равнинной Чечни, Осетии, а также всеми жителями Моздокского уезда. Сетку прикрепляли к шесту, намачивали и водили по зерну, очищая его таким образом от пыли и сорных трав.

Полевой этнографический материал дает возможность судить о времени появления веялок у горцев на равнине; это в основном начало XX в., а во многих случаях — советский период. Так, например, в малокабардинском сел. Плановское появление первой веялки приурочивают к 1914—1915 гг., в осетинском сел. Эльхотове — к 1905 г., в чеченском

сел. Грушевское — к советскому периоду и т. д. Конечно, веялки, как и другие сельскохозяйственные машины, имелись у горцев в весьма незначительном количестве, причем составляли собственность наиболее богатых слоев — помещиков, князей, кулаков. Судя по официальным статистическим данным, Северный Кавказ в начале XX в. занимал одно из первых мест в России по количеству веялок. В 1911 г. в Кубанской области насчитывалось 37 091 веялка, в Терской области — 2064, а в Ставропольской губернии — 5244. Из них на долю горских народов падало лишь самое незначительное количество, о чем можно судить по данным того же источника. Так, в Грозненском округе было всего 25 веялок, в Назрановском— 15, во Владикавказском — 183, а в Веденском — ни одной [40]. Только в советское время, после коллективизации сельского хозяйства веялки, как и другие сельскохозяйственные машины, стали достоянием всех горцев, в том числе жителей многих горных районов. Тем не менее, несмотря на значительное распространение этих машин в горах, там по-прежнему широко практиковался традиционный способ веяния с применением всех вышеупомянутых орудий.

Помещения для хранения зерна

Полученный ценой таких огромных трудов урожай требовал большого внимания и бережливости. После тщательной очистки и сортировки зерно поступало в специальные зернохранилища, имевшие самые различные формы и объемы. Среди них мы находим и уже знакомые нам древние зерновые ямы, использовавшиеся почти повсеместно еще в конце XIX — начале XX в. кабардинцами, черкесами, абазинами, а также в ряде мест горной Осетии и Ингушетии. Зерновые ямы широко применялись равнинными жителями Чечни в период многолетней Кавказской войны. Запрятав зерновые запасы в эти ямы, горцы надолго покидали свои поселения, уходя в леса и горы. Они были твердо уверены, что их добро останется в неприкосновенности. Из хлебных злаков больше всего хранили в зерновых ямах просо. Не случайно поэтому у адыгов, прежде всего у кабардинцев, для которых эта культура являлась традиционной, зерновые ямы имели наибольшее распространение вплоть до недавнего прошлого. Рассказывают, что еще в середине XIX в., когда в ряде мест Кабарды еще практиковался перенос сел из одного места в другое, запасы проса часто оставляли для хранения в таких ямах. По словам информаторов, до коллективизации почти во всех кабардинских селах Зольского района просо хранили в основном в зерновых ямах, располагавшихся на пахотных участках. В целях предосторожности от грабежа поверхность ямы совершенно сравнивали с землей.

Здесь мы встретили немало стариков, которые сами строили зерновые ямы, предназначавшиеся, по их словам, исключительно для хранения проса на очень длительное время — более 20 лет. По словам информаторов, средняя емкость зерновой ямы составляла около 100 пудов зерна. Их строили непосредственно на пашне или же во дворе дома. Для ямы требовался непременно сухой грунт. Вырыв яму в таком месте в нужном объеме, ее обжигали соломой или дровами, после чего выгребали золу, а затем наполняли зерном. Сверху ямы накрывали сначала сухой соломой, затем толстым слоем почвы. Крышу ямы сравнивали с поверхностью

земли так, что ее совершенно не было заметно. Разумеется, местонахождение такого зернохранилища мог знать только его владелец.

Судя по этнографическим данным, зерновые ямы были характерны для черкесов, абазин, а также оседлых ногайцев Баталпашинского отдела Кубанской области. В то же время они, по-видимому, отсутствовали у северо-западных адыгов, как и у чеченцев, живших в предгорных и горных влажных лесистых местах, не пригодных для строительства подобных зернохранилищ. В горах Центрального Кавказа зерновые ямы располагались, как правило, под боевыми оборонительными башнями.

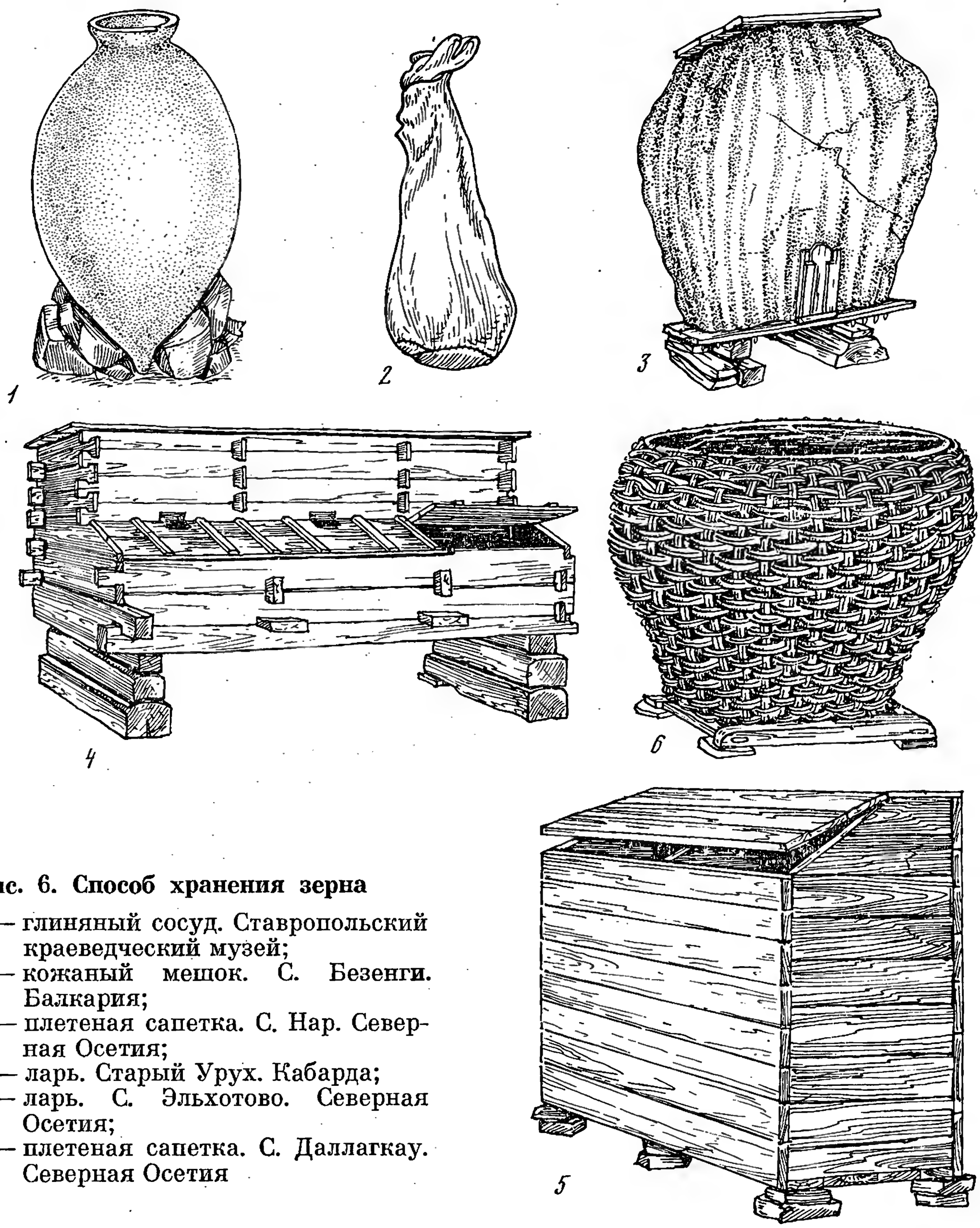


Рис. 6. Способ хранения зерна

1 — глиняный сосуд. Ставропольский краеведческий музей;
2 — кожаный мешок. С. Безенги. Балкария;
3 — плетеная сапетка. С. Нар. Северная Осетия;
4 — ларь. Старый Урух. Кабарда;
5 — ларь. С. Эльхотово. Северная Осетия;
6 — плетеная сапетка. С. Даллагкау. Северная Осетия

Следы таких ям мы не раз находили в горных селах Ингушетии и Осетии, изобилующих, как известно, указанными крепостными сооружениями. К ним относятся, в частности, многие ингушские селения, расположенные в верховьях Ассы, сел. Джерах в одноименном ущелье, а в Осетии — Даргавс, Даллагкау, Урсдон, Дагом, Архон и др. Аналогичные зерновые ямы нам встречались и в ряде мест горной Балкарии во время полевых исследований.

Таким образом, зерновые ямы, возникшие почти одновременно с плужным земледелием на Северном Кавказе, не потеряли своего значения до недавнего прошлого. Причем дольше всего они держались в быту кабардинцев и народов современной Карачаево-Черкесии и меньше — у ингушей и осетин, у которых они вышли из употребления уже в конце XIX в.

Наряду с горцами зерновые ямы широко использовали терские и кубанские казаки [41], воспринявшие их от соседей-горцев. Во всяком случае, у нас нет никаких данных, свидетельствующих об использовании где-либо в России подобных ям для хранения зерна [42].

Наиболее распространенным помещением для хранения зерна почти по всему региону были плетеные из тонких березовых веток сапетки с дощатым дном разнообразной формы (круглой, квадратной, прямоугольной, грушеобразной и т. д.), обмазанные внутри большей частью коровьим навозом, смешанным с мякиной, реже — раствором глины. Сверху сапетки покрывали соломой и тоже обмазывали. В горах, где климатические условия были более суровыми, сапетки ставили в закрытых помещениях, а на равнине — под навесом во дворе. Отличались они и по своему объему. Средняя вместимость сапетки составляла в горах, например, не более 5—6 мешков.

Рис. 7. Кукурузники у черноморских шапсугов

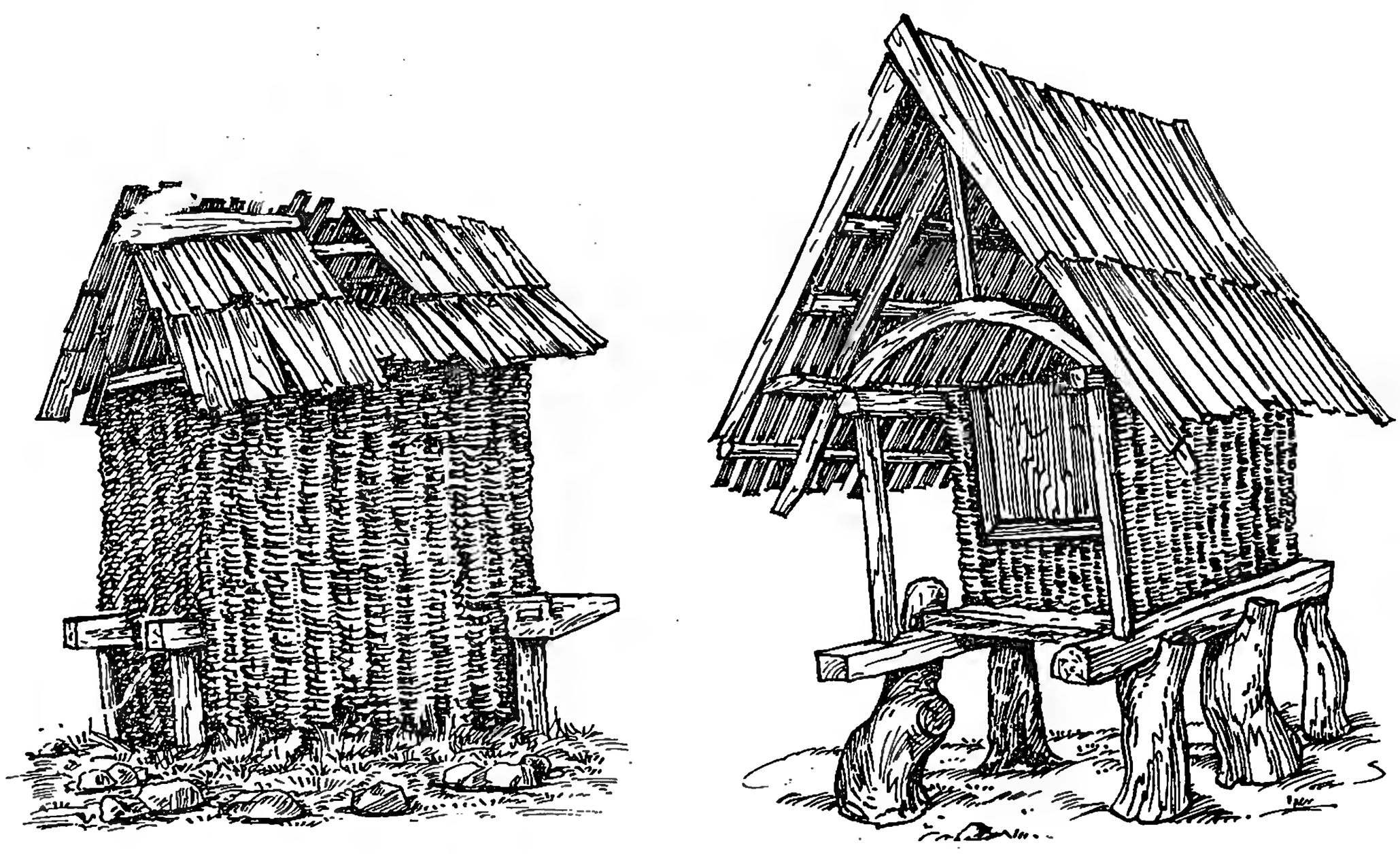
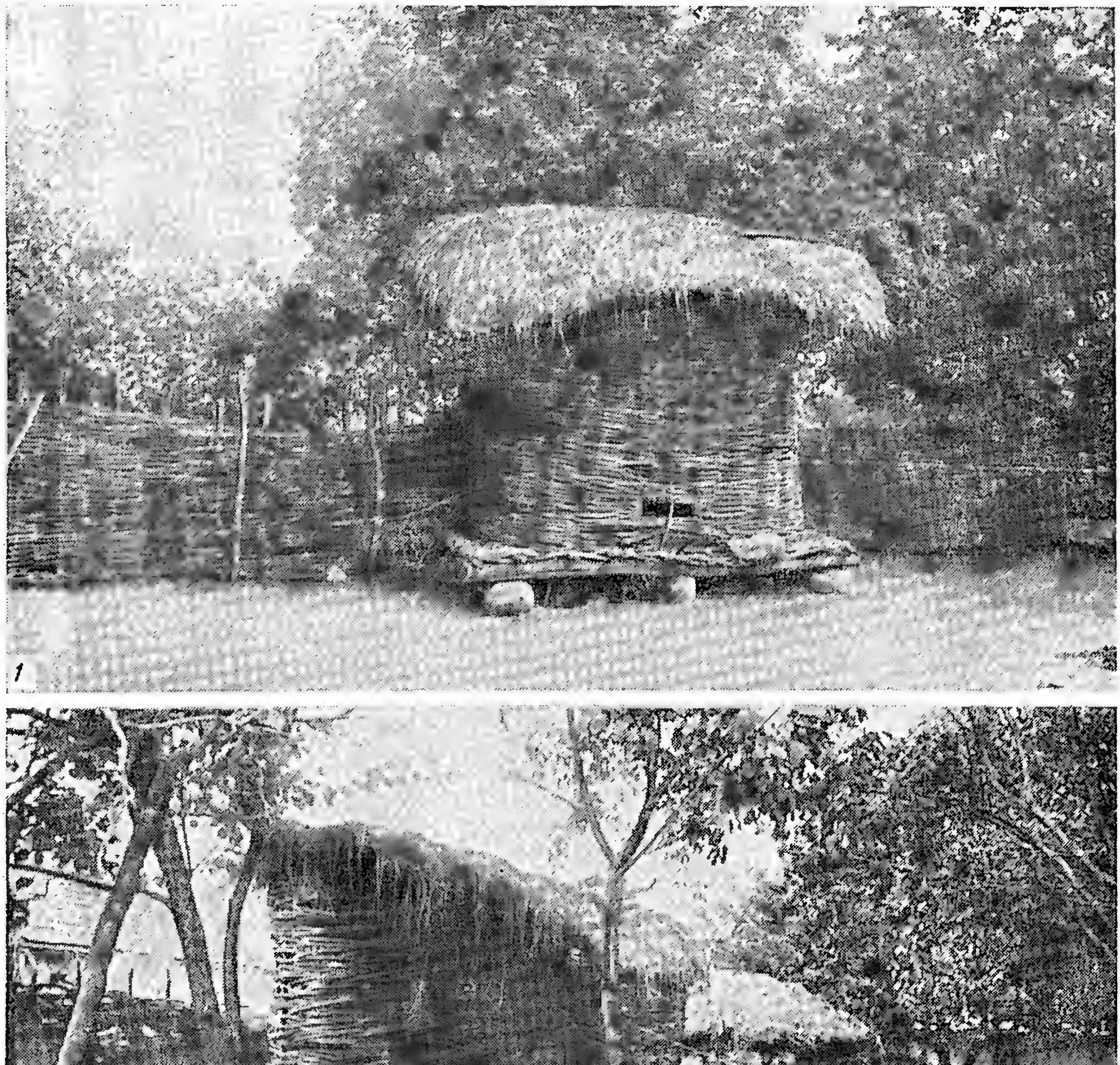
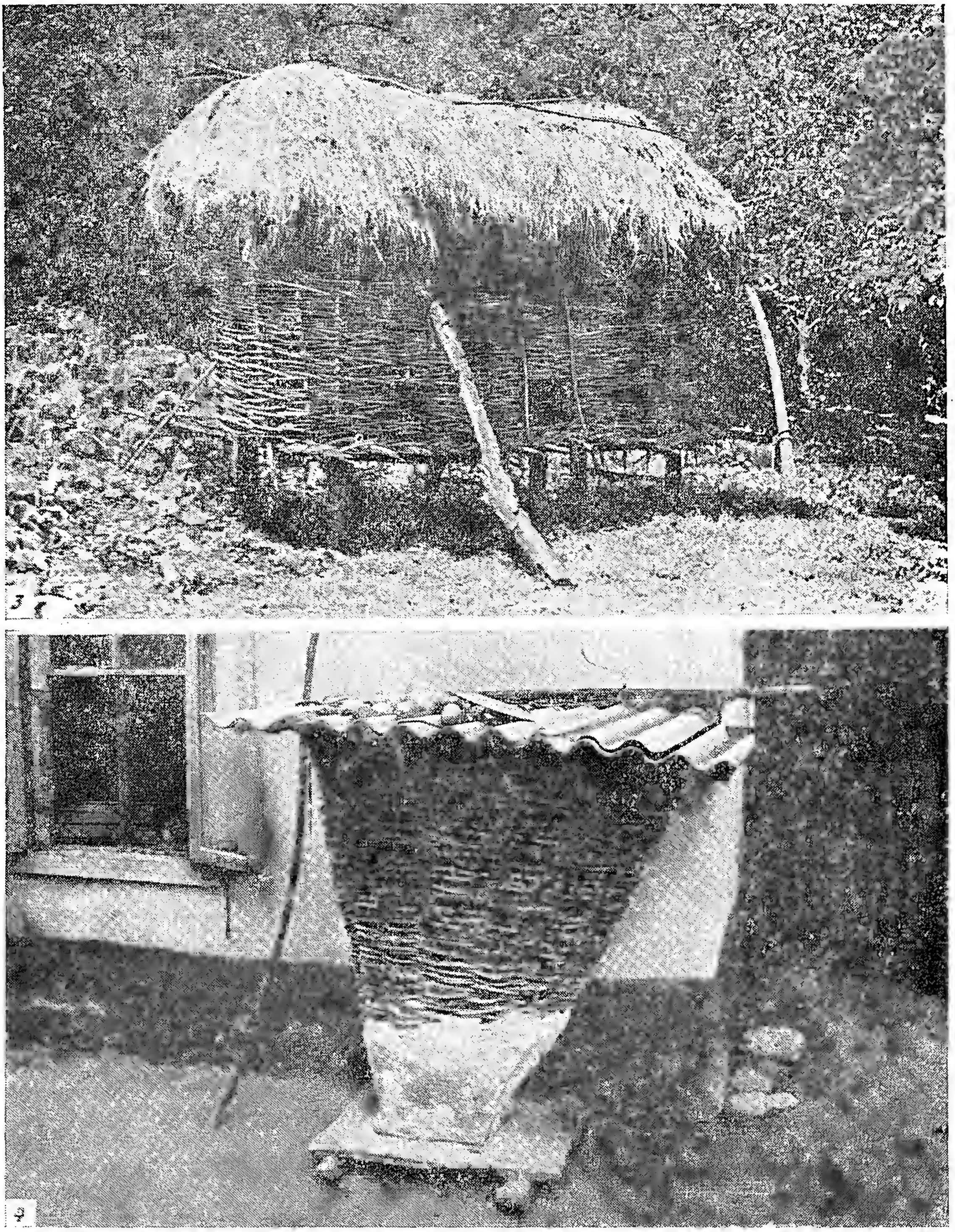


Рис. 8. Способ хранения кукурузы в плетеных сапетках

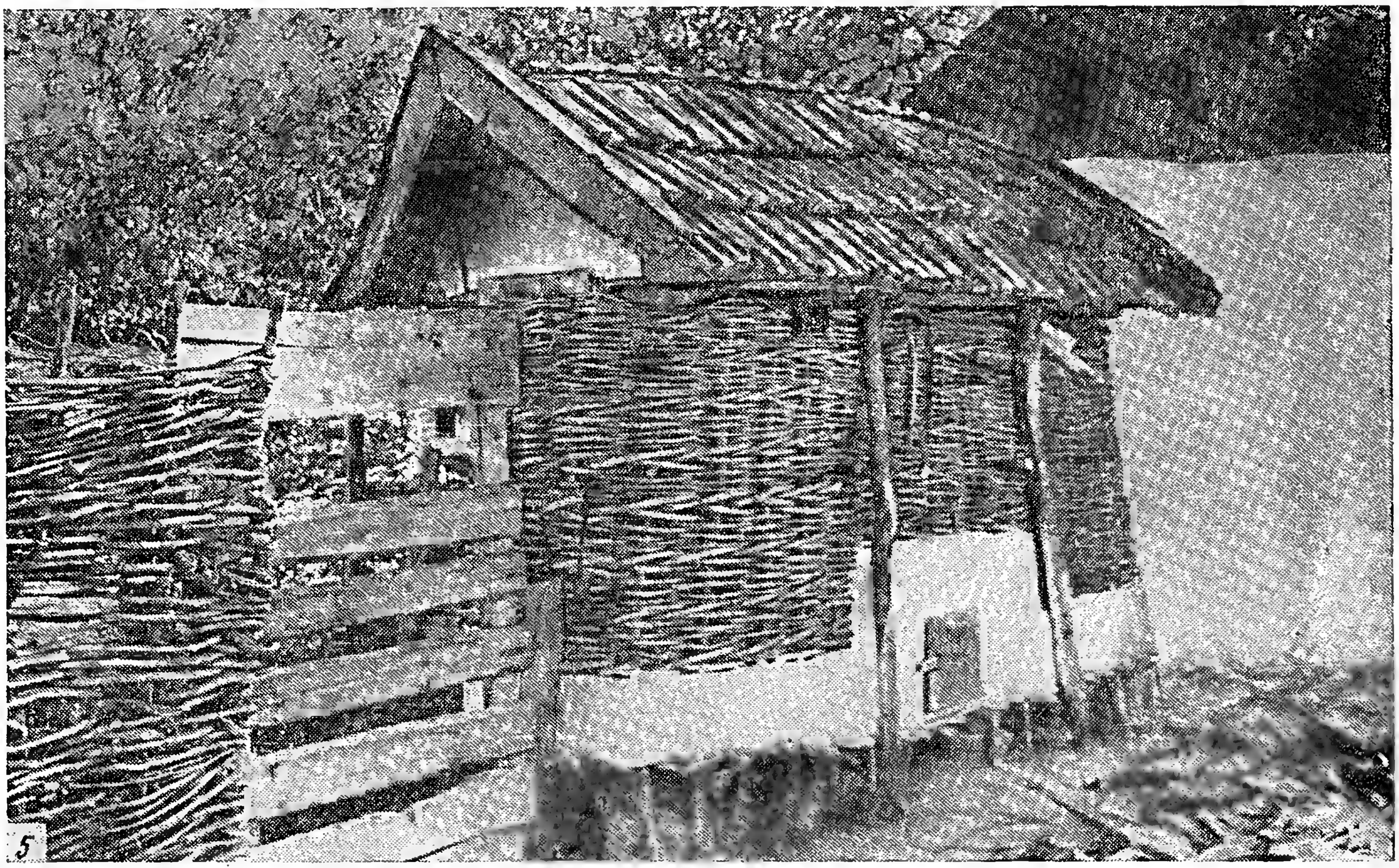
1, 2 — с. Замапкул. Северная Осетия;
3 — с. Чечен-аул, Чечня;
4, 5 — с. Чегем 2. Кабарда, 1968 г.



Во второй половине XIX в., в связи с широким и повсеместным возделыванием кукурузы на равнине Северного Кавказа, подобные сапетки, большей частью продолговатой формы, но без всякой обмазки, стали делать и для хранения этого злака. Сапетки плели обычно из толстых березовых веток так, чтобы между ними оставались небольшие отверстия,



Окончание рис. 8



которые служили для проветривания кукурузы. Этим они отличались от обычных сапеток, в которых хлеб не проветривался и значительный процент его пропадал от сырости. Кукурузные сапетки всегда ставили на фундаменте, которым могли быть камни или толстые бревна. У черноморских шапсугов, где сильна морская влажность, сапетки воздвигали на высоких сваях.

Во второй половине XIX в. вместе с плетеными кукурузными сапетками появились и различные по форме и объему амбары, строившиеся из досок или реек на фундаменте, имевшие двускатные крыши, покрытые черепицей или соломой. В нижней части амбара делали небольшое квадратное окошко для разгрузки кукурузы. Амбары ставили обычно под открытым небом во дворе, а иногда в сарае или под навесом. У кабардинцев для сохранения зерна от грызунов нижнюю половину кукурузника обмазывали раствором извести. Для той же цели у осетин, ингушей и отчасти чеченцев местом хранения кукурузы часто служили чердаки сараев и даже жилых помещений.

Издавна для хранения зерна горцы использовали и различные большие деревянные ящики (лари), имевшие обычно несколько отделений для каждого злака, поэтому чем больше было последних, тем длиннее делали ларь. Распространение указанных ларей, разумеется, зависело от наличия леса. Лари применялись преимущественно жителями предгорных районов, где располагались лесные массивы региона. «Стоят старинные, деревянные лари для хранения зерна»,— отмечала А. Б. Закс, собиравшая в 1936—1937 гг. историко-бытовой материал в лесистом Веденском районе Чечни [43]. В то же время лари совершенно отсутствовали в высо-

когорной зоне, лишенной не только лесных зарослей, но и ряда важнейших злаков. Они редко встречались и на равнине, а также в ряде мест горной зоны. Лари не были знакомы многим жителям Кабарды и Северо-Западного Кавказа, где разводили в основном просо и кукурузу, для хранения которых строили другие хранилища. Такие хранилища весьма редко встречались в горах Балкарии, Карачая, Ингушетии, отчасти Осетии.

Наряду с отмеченными выше в лесистых районах Чечни широко использовали для хранения зерна дупла, которые выдалбливались исключительно в липовых деревьях, отличающихся, как известно, большой легкостью. В Ножай-Юртском районе, например, многие хозяева имели несколько дупел разных размеров, вместимостью от двух мешков до трех центнеров зерна. Наличие такого вида хранения зерна нами зафиксировано во многих селах горной и равнинной Чечни — Шатой, Саясян, Биной, Валерик, Чечен-аул и др. В некоторых лесистых районах дупло (*хар*) являлось преобладающим, а в ряде случаев — единственным местом хранения зерна. В сел. Шатой, например, зерно хранили исключительно в дуплах. Даже у жителей таких равнинных сел, как Валерик, Чечен-аул, Шали, дупло занимало первое место среди других видов хранений зерна. В Чечен-ауле, например, по данным Абул Бакарова, 1888 г. рожд., и других стариков, было принято держать для этой цели большие выдолбленные деревянные стволы. В сел. Валерик, по словам 80-летнего Алаудина Пагалова, дупло использовали для хранения любого вида зерна и муки.

Таким образом, мы можем сказать, что рассматриваемый вид хранения хлебных злаков обладал определенной этнической особенностью: хранение в дупле было присуще только чеченцам. У других народов региона оно не встречается, хотя многие из этих народов, в частности западные адыги, располагали не меньшими лесными массивами, чем чеченцы. По сообщениям информаторов, изготовление дупла требовало определенных навыков. Найденный в лесу ствол, предназначенный для хранения зерна, сначала срезали пилой, очищали от шелухи, выдалбливали, а затем выжигали. Нередко из одного ствола делали несколько сосудов, в зависимости от величины дерева. Каждому из них ставили дощатое дно. Подобные деревянные сосуды встречались в быту и других горцев, однако они использовались не для хранения зерна, а для других хозяйственных нужд.

Зерно хранили также в различных кожаных и матерчатых мешках, а в ряде мест, например в Чечне,— в больших глиняных кувшинах. Кожаные мешки, широко применявшиеся всеми горцами, изготовлялись исключительно из козьих и телячьих шкур.

Мельницы

В изучаемом регионе с давних времен известны два вида мельниц — ручные и водяные, время появления последних на Кавказе вообще, на Северном Кавказе в частности, пока не установлено. Ручные мельницы известны на территории Северного Кавказа с эпохи неолита и бронзы.

Отличаясь весьма простым устройством, ручные мельницы не потеряли своего значения у горцев и поныне. Разумеется, необходимость в них особенно ощущалась в тех местах, где не было водяных мельниц. Так,

например, по официальным статистическим данным за 1890 г., жители ингушских сел Верхние, Средние и Нижние Ачалуки, составлявшие 417 дворов, не имели ни одной водяной мельницы, а на 629 дворов другого ингушского села Базоркина приходилось всего 5 водяных мельниц. Девятый участок Грозненского округа, состоявший из 2361 двора, имел лишь 48 водяных мельниц. На основании приведенных данных можно заключить, что наибольшее распространение здесь, как и во многих других местах Чечено-Ингушетии, а также на равнине Осетии, Кабарды и всего Северо-Западного Кавказа, имели в указанное время не водяные, а ручные мельницы[44]. Во многих местах на равнине из-за отсутствия водных источников население пользовалось преимущественно ручными мельницами-жерновами; последние широко применялись и в горах, особенно в зимнее время, когда замерзала вода на мельничных канавах.

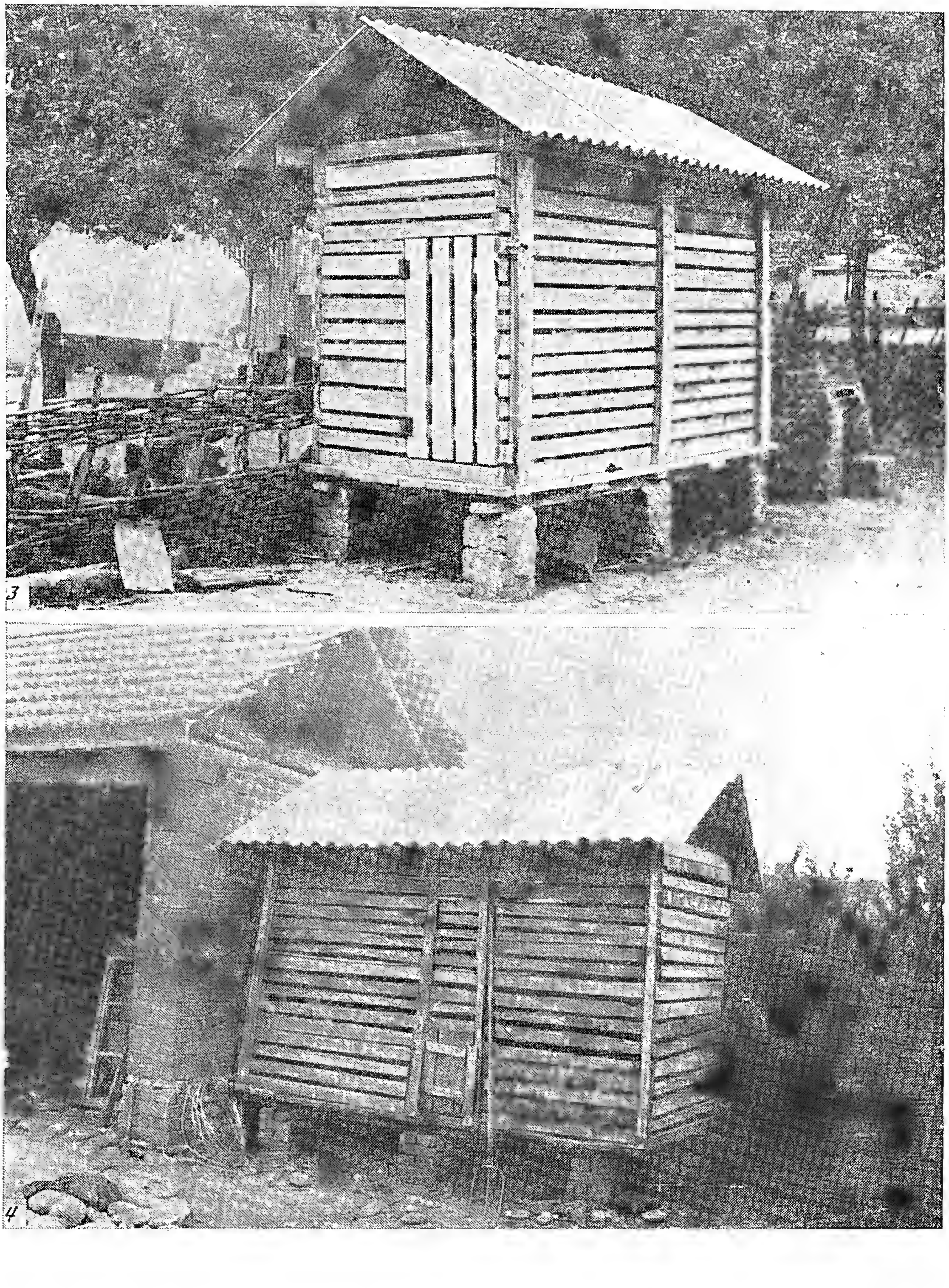
Ручные жернова делали как из камня, так и из дерева, наибольшее распространение имели первые; деревянные жернова делали в основном в лесистых районах Западного и Восточного Кавказа. Об этом, например, свидетельствуют сохранившиеся в Краснодарском краеведческом музее несколько деревянных жерновов. Подобными деревянными жерновами широко пользовались, а отчасти пользуются и ныне народы Северо-Западного Кавказа.

Нередко встречаются в современном быту горцев и каменные жернова, материал для которых добывался в определенных горных районах. Эти жернова у всех народов региона делали одинаковыми инструментами; одни из них представляли собой подобие кирки трех видов: а) имевшие острие с обоих концов, б) оканчивавшиеся острым ребром, в) имевшие с одного конца острие, а с другого — ребро. Другим инструментом был бороздчатый молоток, им выравнивали поверхность жернова. Деревянные жернова вырубались из определенной породы дерева: бука, карагача или ясеня. На мелящие поверхности жернова набивали железные гвозди с широкими и плоскими шляпками, изготовлявшиеся местными кузнецами.

Рис. 9. Способ хранения кукурузы в амбарах

1, 2 — с. Кадгарон. Северная Осетия;
3 — с. Далаково. Ингушетия, 1968 г.;
4 — с. Ольгинское. Северная Осетия, 1968 г.

«После окончания помола деревянными жерновами,— пишет Е. Г. Пчелина,— бегун вынимался из колоды, скопившаяся на ее дне мука выгребалась, после чего бегун ставился в колоду обратно. Каменные и деревянные жернова имели цилиндрическую форму. Их поверхности имели небольшой наклон от центра к окружности, чем облегчалось передвиже-

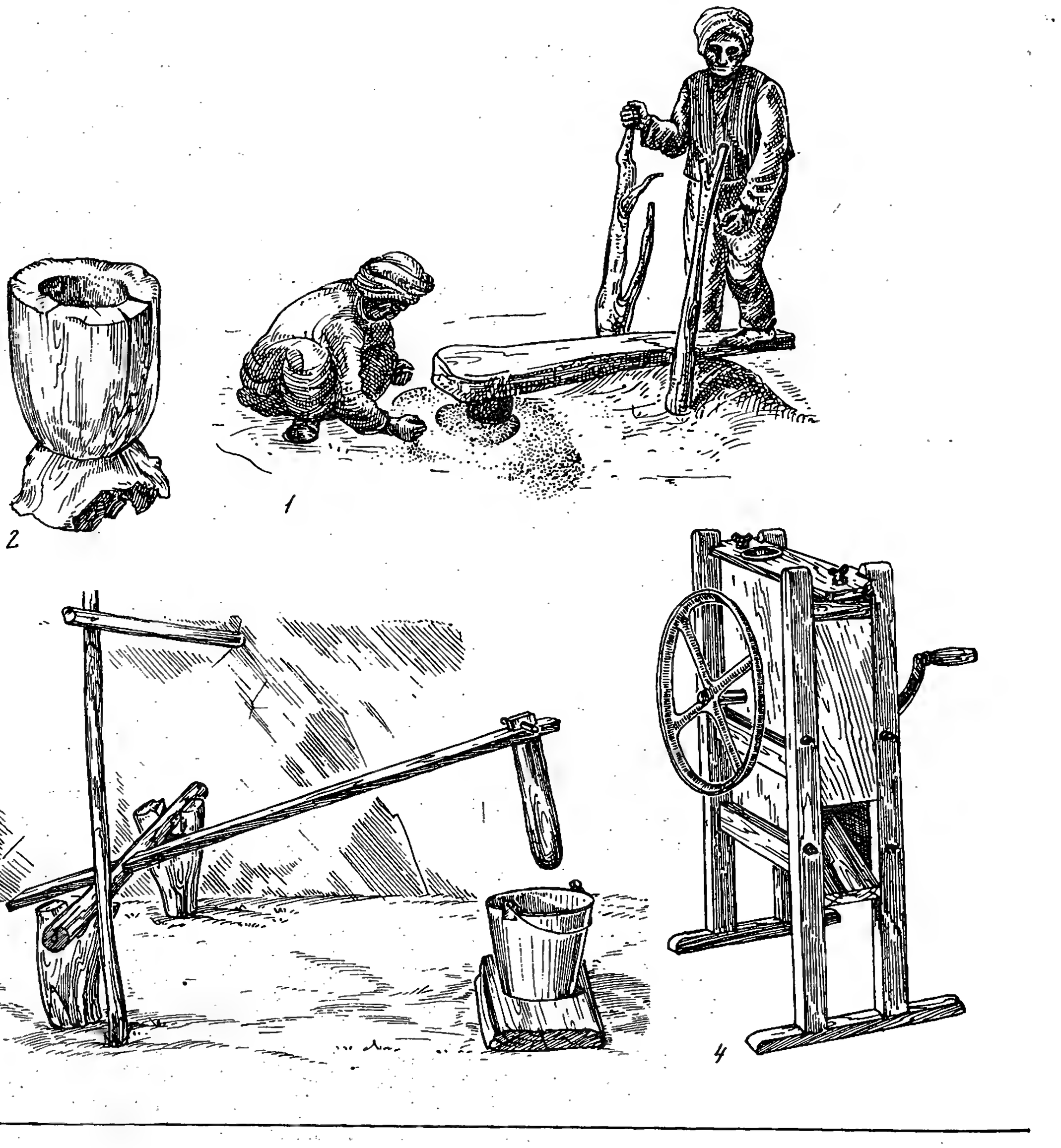


ние крупки размола. Нижний жернов-лежняк, укрепленный в деревянной колоде, был неподвижным. Верхний жернов-бегун делался тяжелее лежняка и большей толщины. Вращался он с помощью небольшой деревянной рукоятки»[45]. Приведенное описание относится к осетинской ручной мельнице, но, как свидетельствуют этнографические исследования, оно вполне может быть отнесено к подобным мельницам других народов региона.

В то же время ручная мельница имела некоторые локальные особен-

Рис. 10. Рушилки для зерна

1, 2 — афганская (по Н. И. Вавилову); *3* — кабардинская. С. Старый Лескен; *4* — рушилка для кукурузы. С. Зилга. Северная Осетия



ности. В одних случаях жернова располагались в деревянной или железной колоде и движение верхнего жернова производилось при помощи насаженной ручки одной или двумя руками, в других жернова размещались в своеобразном деревянном станке, напоминающем по своему устройству водяную мельницу.

Наряду с ручными мельницами народам Северного Кавказа, и прежде всего адыгским, известна с давних времен и ножная рушилка (*гурхчу*) для проса, зафиксированная нами во время экспедиции 1967—1970 гг. во многих селах Кабарды. Она весьма сходна с теми, которые описаны в свое время Н. И. Вавиловым и Д. Д. Букиничем в Афганистане [46] и отчасти в Черкессии.

С возделыванием кукурузы у горцев появились и различные рушилки для кукурузы. Одной из наиболее распространенных рушилок был большой продолговатый деревянный ящик, установленный на четырех столбах; он наполнялся початками кукурузы, из которых палками выбивали зерна.

В конце XIX — начале XX в. повсюду получила распространение фабричная машина для рушения кукурузы. Почти в это же время появились ручные мельницы для помола кукурузы, которые были без жерновов; последние заменялись, как видно из рисунков, железными зубчатыми шестеренками, вставленными в цилиндр.

Помол зерна ручными мельницами у многих горских народов был обязанностью женщин. Женщины являлись, например у осетин, полновластными хозяйками и водяных мельниц, куда по обычаю мужчинам было запрещено даже входить. Обязанность последних заключалась только в ремонте мельницы, а также в том, чтобы следить за исправностью мельничного канала.

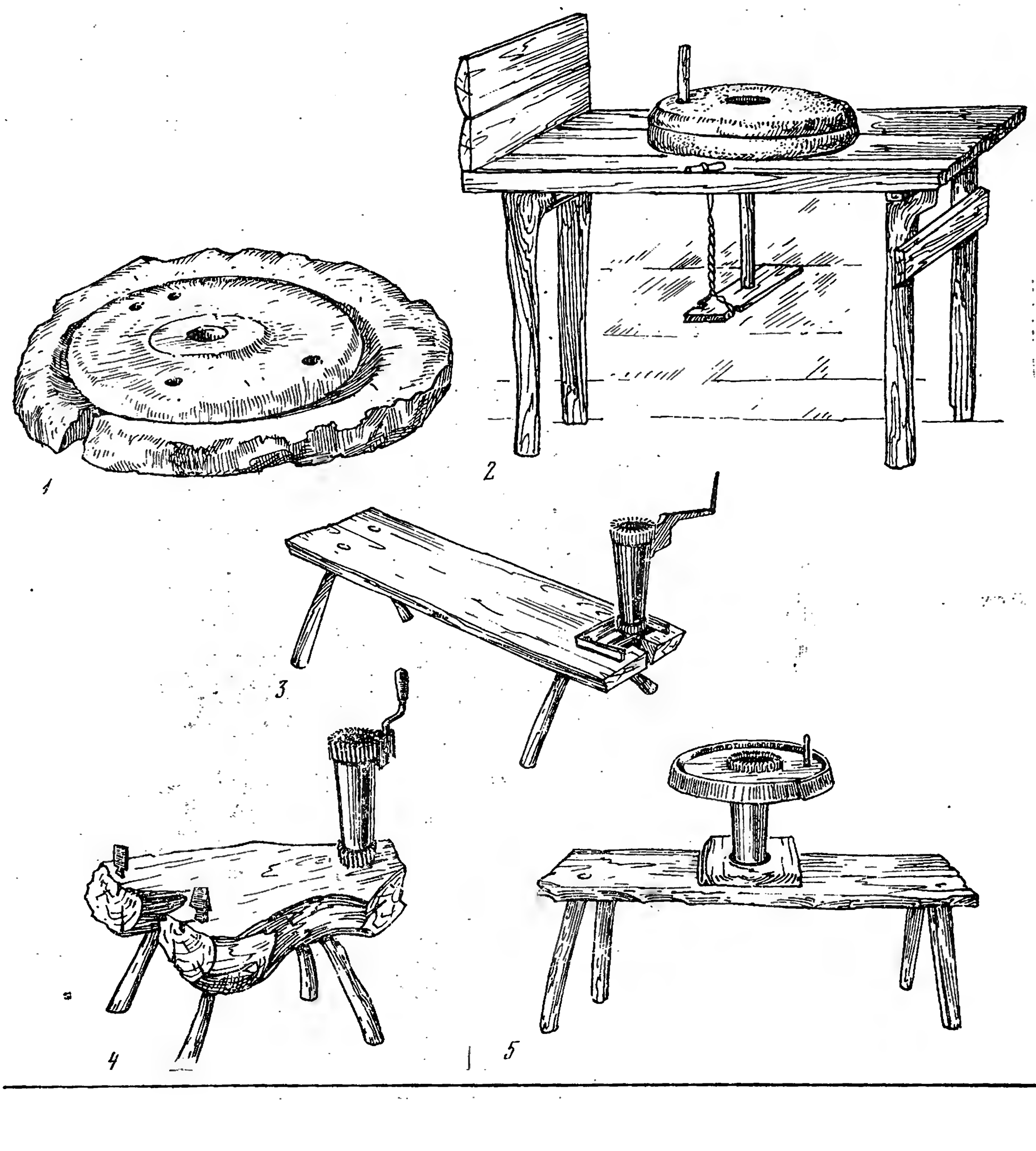
Рис. 11. Водяные мельницы. С. Дурдур. Северная Осетия, 1958 г.

В конце XIX — начале XX в. с появлением у некоторых состоятельных горцев на равнине сложных мельниц (вальцовок) возникла неизвестная до этого горцам профессия мельников. Тем не менее у адыгских народов, как и у некоторых других, строго соблюдался еще запрет на участие мужчин в работе на мельнице. Поэтому вальцовка здесь обслуживалась наемными русскими. Традиционные мельницы оставались по-прежнему у всех горцев на попечении женщин.

Как отмечалось выше, время появления водяного колеса для помола зерна на Кавказе, в том числе на территории изучаемого региона, пока не установлено археологическими находками. Известно, что водяная мельница была занесена в Рим из Малой Азии еще в конце I в. н. э.

Рис. 12. Ручные мельницы

1 — с. Гунделен. Балкария; *2* — с. Хурзук. Карачай; *3—5* — с. Аргудан, Кабарда; *6* — с. Хумаллаг. Северная Осетия



В первом томе «Капитала» К. Маркс приводит стихотворение римского поэта Антипатра, воспевающее появление этой мельницы, а в связи с этим и освобождение рабынь от тяжелого труда — вертения ручных мукомольных жерновов.

«Дайте рукам отдохнуть, мукомолки; спокойно дремлите.
Хоть бы про близкий рассвет громко петух голосил:
Нимфам пучины речной ваш труд поручила Деметра;

Как зарезвились они, обод крутя колеса!
Видите? Ось завертелась, а оси крученые спицы
С рокотом движут глухим тяжесть двух пар жерновов.
Снова нам век наступил золотой: без труда и усилий
Начали снова вкушать дар мы Деметры святой!» [47]

Судя по многочисленным фольклорным данным, появление водяных мельниц у народов Северного Кавказа относится к очень глубокой древности. В нартовском эпосе у осетин, например, мельничное колесо считается даром богов. В одном из сказаний эпоса знаменитый герой Сослан получил его от владыки водных просторов Донбеттыра [48]. Е. Г. Пчелина справедливо считает, что этот сюжет нартовского эпоса перекликается с указанным стихотворением Целия Антипатра «О благоволении богов и даровании жерновов» [49].

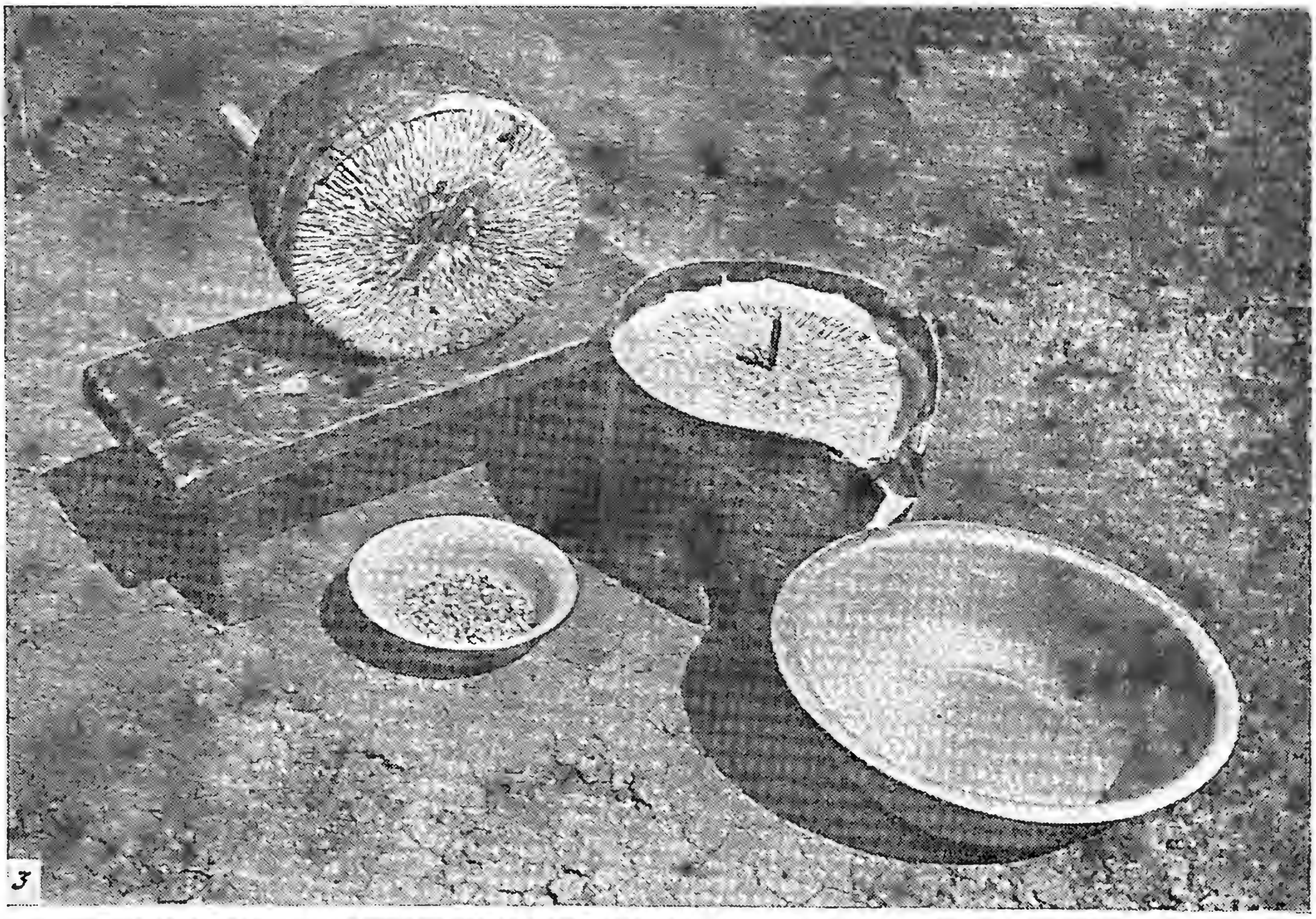
б

Не меньший интерес представляет и другое предание, записанное Е. Г. Пчелиной у известного сказителя и знатока быта осетин Цыпу Байматова, в котором, в частности, говорится, что «на совет мужчин припел человек, только что вернувшийся из длительной поездки, и сказал: «Зачем мы мучаем своих женщин работой на ручных мельницах, надо заставить воду молоть муку». Мужчины посмеялись над ним вдоволь, и никто не поверил его словам. Тогда человек пошел в лес и принес оттуда ствол дерева с корнями, насадил на сталь жернов и заставил его вертеться в ручье. Старики удивились и сказали: «Ты сделал великую вещь, и в память этого пусть в разговоре отныне говорят *цавидтон*» [50].

Из этого автор делает вывод, что ираноязычные предки осетин познакомились с водяной мельницей на Кавказе. К сожалению, за неимением других источников трудно говорить о правоте такого суждения. Во всяком случае, по археологическим данным, появление указанной мельницы в районах Средиземного моря отно-

Рис. 13. Ручные мельницы

1, 2, 3 — для крупного помола. С. Чегем 2. Кабарда, 1969 г.;
4 — адыгейская деревянная ручная мельница. Краснодарский краеведческий музей;



3

4

Ручные мельницы

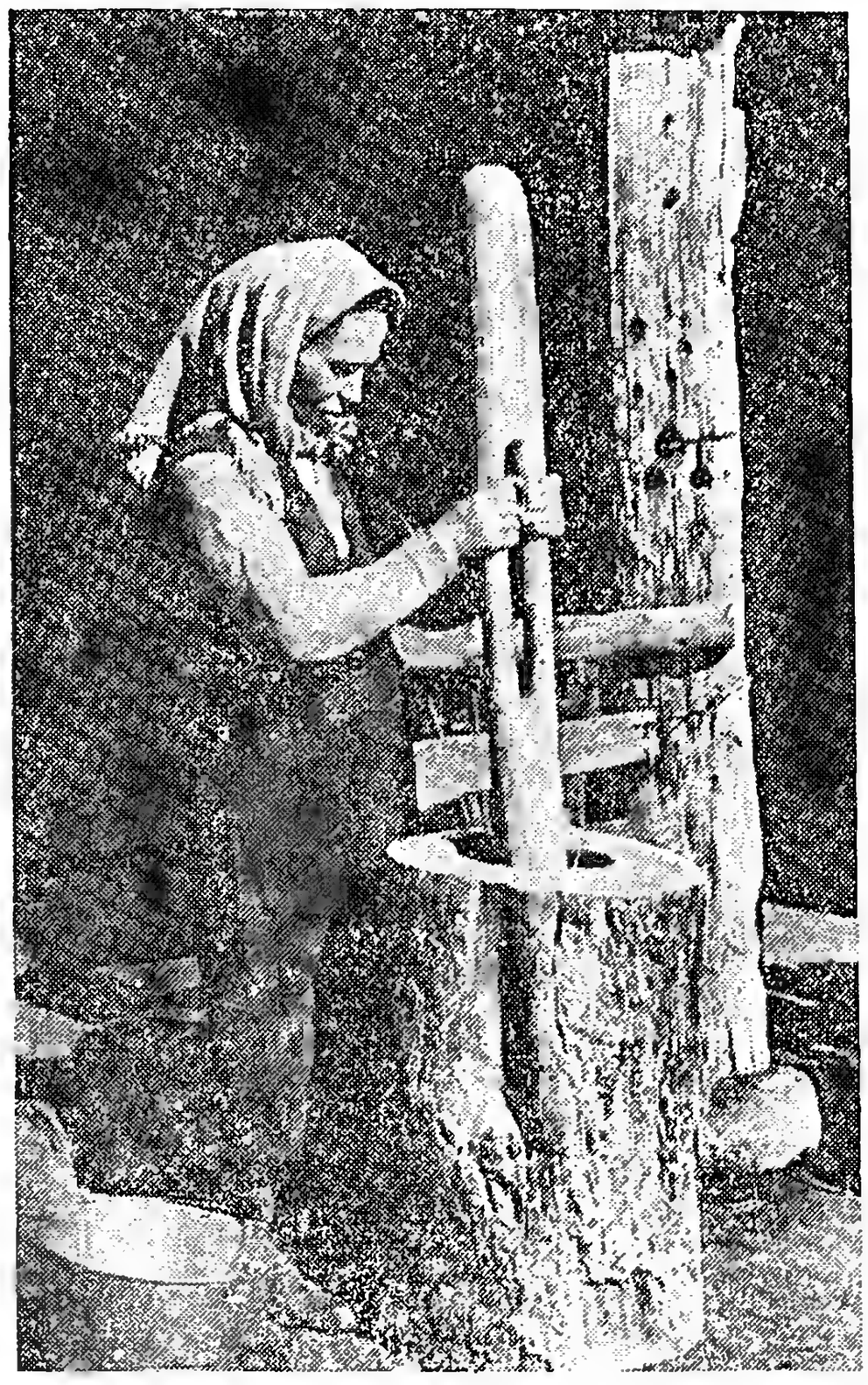
5 — для крупного помола. С. Старый Урух. Кабарда; *6* — с. Булунчу. Балкария;

5

б

7 — аул Шовгеновский. Адыгейская АО, 1961 г.

Рис. 14. Ступа. С. Заюково. Кабарда, 1971 г.



сится еще к I в. до н. э.[51] Возможно, что истоки северокавказской водяной мельницы идут оттуда же. Фольклорные данные по другим народам региона свидетельствуют, что мельница, работавшая без помощи человека, только на силе воды, известна горцам с древнейших времен[52].

В изучаемый период водяная мельница имела в ряде округов, особенно в их горных зонах, самое широкое распространение. Об этом дают представление следующие данные по Терской области[53] (см. таблицу на стр. 174).

Из приведенной таблицы видно, что число мельниц в том или ином населенном пункте зависело, как говорилось, от наличия водных источников, одни осетинские селения (Даргавс, Архон, Нузал, Зарамаг и др.), расположенные около рек и речек, имели значительное количество водяных мельниц, другие (Барзикау, Заманкул, Верхний Пуриат и др.), лишенные этой возможности, ограничивались лишь 1—2 мельницами, независимо от количества дворов. Водяные мельницы составляли большей частью собственность наиболее состоятельных крестьян, а также родственных семей, членов патронимии[54]. Во всяком случае, ни одно селение горцев Северного Кавказа не обходилось без водяной мельницы.

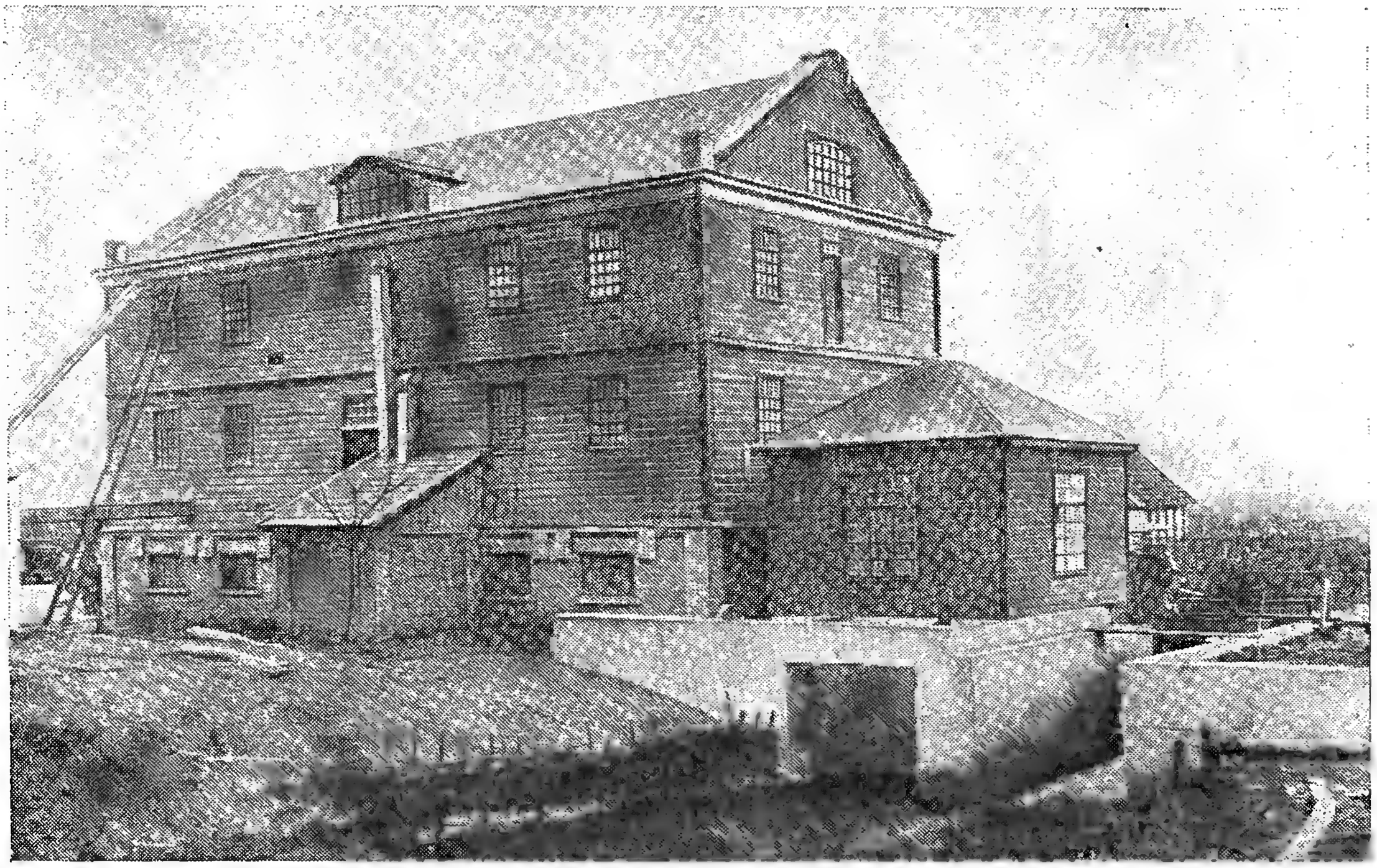
По данным В. фон Бихольда, относящимся к середине XIX в., в нагорном Кавказе почти у каждого хозяина имелась своя мельница, на которой в одни сутки можно было «смолоть не более трех или четырех пудов муки»[55]. Это свидетельствует о широком распространении водяной мельницы в горах Кавказа и о высоком уровне развития земледелия.

Мельницы строились везде по единой конструкции, отличие проявлялось лишь во внешнем их облике, что обусловливалось зональностью и наличием строительного материала. Н. С. Иваненков, изучавший быт карачаевцев в начале XX в., указывал на весьма простое устройство мельниц у этого народа, представлявшее собой «деревянный сруб, в полу которого проделано отверстие для прохода вертикального железного вала, упиравшегося внизу на деревянную или каменную подставку» [56].

Округ, селение	Число дворов	Число мельниц	Округ, селение	Число дворов	Число мельниц
Владикавказский округ			Донифарс	68	21
Чми	17	4	Ольгинское	237	12
Гизель	290	6	Хумаллаг	289	20
Кадгарон	438	33	Заманкул	282	2
Верх. Саниба	51	17	Дарг-Кох	274	20
Верх. Кани	48	15	Зилги	214	9
Тменикау	27	12	*Нальчикский округ*		
Барзикау	43	1	Урусбиевское	104	4
Хидикус	64	15	Сауты	37	3
Лац	54	15	Шаурдан	37	4
Цмити	54	8	Каспарты	47	4
Харискин	18	6	Курноят	16	1
Адити-Кау	4	3	Фартык	34	6
Даргавс	166	80	Чегем	106	6
Архон	62	28	Безенги	93	7
Дей	41	21	Касаевское	305	5
Нузал	21	10	Тамбиевское	223	1
Зарамаг	68	15	Наурузовское	362	14
Тиб	29	7	Бабуково	290	6
Лисри	69	12	*Грозненский округ*		
Нар	23	4	Шатой	42	1
Байком	9	3	Беной	42	3
Хусмасыг	5	3	Харачой	156	41
Верх. Пуриат	12	1	Дарго	243	22
Галиат	96	10			
Махческ	19	3			

На нижний конец вала (веретена) мельницы надевали деревянный цилиндрический обвод, на который насаживали деревянные лопатки (лопасти) под углом от 20 до 70°; число лопаток достигало 16—20. Верхний конец вала проходил сквозь отверстие, сделанное в центре нижнего неподвижного жернова; на него же надевался верхний вращающийся жернов. В последнем, имевшем толщину не более 2—3 вершков, посередине имелось возвышение с отверстием, сквозь которое продергивалась веревка, соединявшаяся с водилом. К свободному концу водила привязывали ишака, ходившего вокруг столба. В верхнем камне ближе к середине сделано сквозное маленькое отверстие, через которое сыпалось зерно из ковша, прикрепленного к верхнему жернову и вращавшегося вместе с

Рис. 15. Вальцовка на р. Терек. Владикавказ. ГМЭ, 1924 г.



ним. Укрепленный брусочек служил для увеличения или уменьшения подачи зерна, в зависимости от желания получить крупный или мелкий помол.

Вода, проходя из речки или канавы по крутому, выдолбленному в бревне желобу, ударяла по лопастям веретена, приводя их в движение.

От этой общей конструкции горской мельницы были и некоторые отступления в сторону, по-видимому, ее улучшения. Во всяком случае, по данным К. Хетагурова, толщина верхнего жернова осетинской мельницы составляла всего 1,5—2 вершка. Кроме того, здесь помол регулировался на мелкую или крупную муку особым рычагом. Отличалась мельница осетин и внешним видом. По словам того же К. Хетагурова, она очень напоминала «деревенский курятник», «низкие до смешного двери и ни одного светового отверстия,— пишет он,— если не считать многочисленные щели в стенах, а иногда и в полу» [57].

Мельницу повсюду на Северном Кавказе строили на небольшой площадке, расположенной ниже мельничного канала. Она состояла как бы из двух этажей: в нижнем этаже помещалось водяное колесо, а в верхнем — мельничный постав. Характер постройки зависел от вертикальной зональности и особенно от наличия строительного материала. В лесистых районах мельницу целиком возводили из дерева, в том числе и крышу; стены ее часто делали из плетня, обмазанного раствором глины. В высокогорных районах Центрального и Восточного Кавказа, лишенных лесных зарослей, мельницы строили исключительно из камней, с плоскими земляными крышами.

Как говорилось, наиболее высоко ценились жернова, которые добывались в определенных местах, главным образом в нагорном Кавказе. У осе-

Наименование сельскохозяйственных орудий, помещений для хранения зерна, мельниц

Народы	Горное пахотное орудие (рало, соха)	Плуг	Волокуша	Борона рамочная	Серп	Коса	Молотильная доска
Чеченцы	нох	гота	мекха	кIомсар, мекха	марс	мангал	
Ингуши	нох	гота	мекха	кIомсар, мекха	марс	мангал	
Осетины	дзыбыр, дзывыр	гутон	адæг, диг. æсойнæ	похци	æхсырф	цæвæг	наигænæн фæйнæг
Балкарцы	сабан агъач	гатон, темир агъач	сибиртки	тырнау	оракъ	чалкъы	
Карачаевцы	сабан агъач	темир агъач	сибиртки	тырнау	оракъ	чалкъы	ындыр къанга
Ногайцы	сабан	темир сабан		туьрен	орак	шалгы	
Кабардинцы		пхъэIэщэ	лъашъу	телъафэ	гъубж	шэмэдж	
Черкесы		пхъэIэщэ	лъашъу	телъафэ	гъубж	шэмэдж	
Адыгейцы	пхъэпхъэIаш	пхъэIаш	лъашъу		гъупчъ	шэмэдж	
Абазины	мшI кIватан	кIватан	хъхIвхIвага	мшI хъхIвхIвага	щхрып	тшбыг	шIырпIлага

Народы	Молотильный каток	Сапетка для хранения зерна	Ларь	Амбар	Зерновые ямы	Ручная мельница	Водяная мельница
Чеченцы	кхара	доьрчи, до	чIоь, кIе	амбар	ларма, ор	кахьар	хин хьер
Ингуши		доьрчи, до	чIоь, кIе	амбар	ларма, ор	кахьар	хин хьер
Осетины	наигænæн дур	хоры кьуту	хордон, гон, диг. гура	амбар	хоры уæрм	æрмгурой, диг. гьæргуройнæ	куырой, донгуырой
Балкарцы		четен гён	гюрбе	амбар	уру	къол тирмен	суу тирмен
Карачаевцы		четен гён	гюрбе	амбар	уру	къол тирмен	суу тирмен
Ногайцы		бежен	закрым, ун ящик	амбар	ур	кол тоьрмен	сув тоьрмен
Кабардинцы				амбар		щхьэл цIыкIу	псыщхьэл щхьэл
Черкесы				амбар		щхьэл цIыкIу	псыщхьэл щхьэл
Адыгейцы			пхъэ пхъонтэшху	хьамбар	машэ	шъхьал цIыкIу	
Абазины		гван		амбар		напIыла луы	дзылу луы

тин, например, большой известностью в этом отношении пользовалось Даргавское ущелье по р. Гизельдон, у чеченцев и ингушей — нынешнее сел. Толстой-Юрт, находящееся недалеко от г. Грозного. Для многих жителей Северо-Западного Кавказа местом добывания камня для жерновов, по данным информаторов, являлись «Горячие Ключи» на Кубани.

В конце XIX — начале XX в. горцы познакомились с паровыми мельницами, имевшими уже в 70-х годах XIX в. широкое распространение в России. В. И. Ленин, характеризуя развитие капитализма в русской деревне, писал: «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка» [58].

Водяные и ручные мельницы сохранились в быту горцев вплоть до наших дней. Наибольшее распространение в горных зонах региона по-прежнему имеют водяные мельницы. Ручные мельницы больше всего встречались нам в равнинных селах, где они применялись для крупного помола зерна, преимущественно кукурузы, идущей на корм скоту. Для собственного употребления помол производится здесь на больших современных мельницах типа вальцовки на электрическом токе, принадлежавших колхозам и совхозам.

---

[1] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 2, с. 135.

[2] *Клинген И.* Основы хозяйства в Сочинском округе, с. 51.

[3] *Дьячков-Тарасов А. Н.* Абадзехи.— ЗКОРГО, 1902, кн. XXII, вып. 4, с. 18.

[4] *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.— МИА, 1958, № 68, с. 77.

[5] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг..., с. 110; *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа, с. 313.

[6] Такой серп называется здесь *æмлагъз æхсырф* — «гладкий серп».

[7] Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967, с. 60—64.

[8] Там же, с. 61.

[9] *Баев М.* Несколько слов об осетинах Владикавказского округа.

[10] *Дьячков-Тарасов А. Н.* Абазехи, с. 18.

[11] *Караулов Н. А.* Балкары на Кавказе, с. 144.

[12] Русские, с. 66, 69.

[13] Русские, с. 66, 69; *Калоев Б. А.* Материальная культура и прикладное искусство осетин. М.: Наука, 1973, с. 61.

[14] *Хетагуров К.* Собр. соч., т. 4. М., 1960, с. 340—341.

[15] ЦГАКК, ф. 418, оп. 1, ед. хр. 265.

[16] Кубанская справочная книжка 1894 г. Екатеринодар, 1894, с. 13.

[17] Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г., с. 91.

[18] Там же, с. 13.

[19] Труды Комиссии, с. 173.

[20] Такой ток имел у каждого народа свое название: у осетин, например, он именовался *æхгæд мус* — «закрытый ток».

[21] У осетин — обычно корова — *къухцæг*. В Центральной Осетии даже существовало выражение: «Найæг къухцæг етæмæ, ницæмæн дæ (ты къухцаг, ничего не стоишь).

[22] *Хетагуров К.* Собр. соч., т. 4, с. 332.

[23] *Вавилов Н. И.* Избранные труды, с. 1.

[24] *Христианович В. П.* Горная Ингушетия, с. 192.

[25] *Броневский С.* Новейшие..., с. 135.

[26] *Клинген И.* Основы хозяйства..., с. 50.

[27] *Рябых Н.* Село Новогеоргиевское Ставропольской губернии.— СМОМПК, 1897, вып. 23, с. 27; Русские, с. 89.

[28] *Баев М.* Несколько слов...

[29] В Алагирском ущелье Северной Осетии в день молотили 3—4 æвтаус: один æвтаус составлял 20 угæс, или один дзоныгъ (сани, воз). Один æвтаус давал 3—4 мешка зерна.

[30] *Броневский С.* Новейшие..., с. 135.

[31] Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 172.

[32] Русские, с. 91.

[33] Русские, с. 90, 91.

[34] Каменный каток осетины называли *грекъаг дур* (букв. «греческий камень», «сделанный греками»). По некоторым данным информаторов, осетины восприняли это орудие у соседей — немецких колонистов.

[35] Терские ведомости, 1881, № 32.

[36] *Афанасьев М.* Станица Терская.— СМОМПК, 1893, вып. 6, с. 126.

[37] *Рябых Н.* Село..., с. 27.
[38] Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России, с. 90—93.
[39] Там же.
[40] Сельскохозяйственные машины и орудия..., с. 90—93.
[41] *Тимони М. М.* Уборка хлебов в северо-западной части Кубанской области.— Кубанские ведомости, 1900, № 15.
[42] См.: Русские, с. 99—118.
[43] *Закс А. Б.* Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936—1937 гг.— Труды ГИМ, 1941, вып. 15, с. 166.
[44] Статистические таблицы населенных мест Терской области, т. 1, вып. 1. Владикавказ, 1890, с. 39—101.
[45] *Пчелина Е. Г.* Осетинская мельница «къада куырой».— ИСОНИИ, 1966, т. 25, с. 259.
[46] *Вавилов Н. И.* Горное земледелие Северного Кавказа, с. 189.
[47] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 419, прим. 156.
[48] *Абаев В. И.* Нартовский эпос.— ИСОНИИ, 1945, т. 3, вып. 1, с. 100.
[49] *Пчелина Е. Г.* Осетинская мельница..., с. 261.
[50] Там же, с. 262—263.
[51] *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 282.
[52] *Далгат Б. К.* Первобытная религия чеченцев.— ТС, 1893, кн. III, вып. 2, с. 78.
[53] Статистические таблицы...
[54] Коста Хетагуров в своем популярном этнографическом очерке, посвященном быту горных осетин, в частности подчеркивает, что водяные мельницы у последних составляли собственность отдельных семей, «а чаще — целого союза родственников» (*Хетагуров К.* Собр. соч., т. 4, с. 332).
[55] *Бихольд В. фон.* Азиатские водяные мельницы и способы их улучшения.— ЗКОСХ, 1855, вып. 1, с. 18.
[56] *Иваненков Н. С.* Карачаевцы, с. 67.
[57] *Хетагуров К.* Собр. соч., т. 4, с. 332.
[58] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 597—598.

VI

ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ

таблица 13

Принятие ислама горцами повлекло за собой исчезновение многих их древних верований, в том числе обрядов и обычаев, связанных с народным земледельческим календарем. Наиболее разрушительно этот процесс происходил в Чечне, Балкарии и Карачае и в ряде других районов Северо-Западного Кавказа.

Данные свидетельствуют также, что аграрные культы и обряды, как и в целом дохристианские и домусульманские верования, больше всего сохранились среди жителей горной зоны, быт которых характеризуется вообще глубокой архаикой. Суровые природные условия, особенно центрального горного Кавказа, географическая изолированность горцев в труднодоступных местах способствовали сохранению у них до недавнего времени их народной религии. Так, Хан-Гирей, описывая религиозные воззрения западных адыгов, воспринявших мусульманство еще в конце XVI в., в частности, отмечал: «Языческие обряды чрезвычайно много остались в свежей памяти горных черкесских племен, и подробное описание их было бы весьма любопытно» [1].

Богатым и сложным циклом аграрных культов и обрядов особенно отличались осетины. Сохранение осетинами древних дохристианских верований объясняется не только слабым влиянием христианства и мусульманства, но и особенностями их природной среды и быта в горах. Бессилие перед стихийными бедствиями, болезнями, голодом вызывало обожествление природных явлений. «... зима бывает здесь особенно сурова,— пишет современник об осетинах Центрального Кавказа.— В течение десяти месяцев стоят здесь значительные морозы, часто свирепствуют вьюги, сильно затрудняющие сообщение между аулами. Лето здесь настолько коротко, что хлеб не успевает созревать... Снега сползают к краям гор и висят там грозными рыхлыми отвесами. Случается, что эти тысячепудовые глыбы снега обрываются и со страшной силой летят вниз. Горе путникам, которые в это время окажутся под горой! В один миг засыпает их тяжкая масса. Ни от людей, ни от лошадей, ни от повозок не останется и следа. Бывает, что эти обвалы засыпают целые селения» [2]. Свидетельствами древних культов являются сохранившиеся до наших дней в ряде мест святилища: почитаемые рощи, деревья, кучи камней, христианские часовни и т. д., около которых прежде совершали жертвоприношения и общественные моления. Причем «святые» деревья и рощи располагались в основном в лесистых местах Западного Кавказа и в предгорьях региона, а святилища — каменные постройки — в горных районах, лишенных лесных зарослей.

Среди адыгских народов языческие святилища дольше всего сохранялись у черноморских шапсугов, широко почитавших их еще в первой половине XIX в. Это подтверждается, в частности, данными Н. Данилевского, как и многими последующими авторами, указывающими на то, что шапсуги празднества своих языческих богов, в том числе богов — покровителей земледелия, проводили непременно «в особых заповедных рощах или вершинах», они сопровождались жертвоприношениями «быков, овец, волов» [3]. Указанную традицию черкесов не раз описывали путешественники и ранее. Так, французский коммерсант Таверньe рассказывает об одном из таких праздников, отмечавшихся западными адыгами перед началом косьбы. «Каждый житель селения,— пишет он,— имеющий на то возможность, берет козу, так как для своих обрядов они отдают предпочтение козам, а не баранам, а те, которые бедны, соединяются по 8 человек вместе и берут одну козу на всех. Коз, баранов или ягнят — всех этих животных собирают вместе; затем каждый берет свое, закалывает его и сдирает шкуру, оставляя на ней голову и 4 ноги... Встречаются селения, где убивают до 50 животных — коз, баранов, ягнят и козлят» [4].

Венгерский ученый Жан-Шарль де Бесс, наблюдая непосредственно совершение этого обряда у тех же адыгов в 20-х годах XIX в., отмечал почти то же самое: «Они верят в бессмертие души, леса служат им храмами, и крест у подножья дерева освещает алтарь, на котором приносятся жертвы. Один из старейшин общины выполняет функции жреца. Стоя рядом с крестом, одетый в войлочное манто, с непокрытой головой, он открывает церемонию принесением жертвы, обычно козла или барана, за исключением больших торжеств, требующих принесения в жертву быка» [5].

Почитание рощ и деревьев сохранялось в пережиточной форме у черноморских шапсугов вплоть до недавнего времени. Причем почитаемыми здесь были исключительно дубы, составлявшие принадлежность каждого аула. Некоторые аулы имели несколько таких деревьев [6], под ними совершались празднества в честь языческих богов во время эпидемий, засухи и других стихийных бедствий с непременным приношением в жертву мелкого и крупного рогатого скота.

В 1930 г. об одном из таких священных дубов, почитавшихся жителями аула Красно-Александровского, писал советский этнограф Е. М. Шиллинг, изучавший религиозные пережитки у шапсугов: «Близ аула Красно-Александровского (Леготх) есть священные дубы, т. н. *тхачох* (т. е. «под богом»). Недавно комсомольцы во время антирелигиозной кампании подрубили корни, и дуб засох. У дуба устраиваются мольбища и приносятся жертвы (режут козла или барашка). Цель этих действий — испросить здоровья заболевшему или воздать божеству благодарность за исцеление больного. Особенно часто прибегают к помощи священного дуба при заболеваниях хронической малярией. Молятся и отдельные лица, и целые семьи, даже из самых «правоверных», и целое общество, несмотря на большое сопротивление муллы. Дуб считается неприкосновенным, с него не может быть взято ни одной ветки» [7]. Этот огромный полузасохший дуб сохранился до наших дней, в 1968 г. во время экспедиционных поездок по аулам черноморских шапсугов нам показывали его.

У других адыгских народов, в том числе у кабардинцев, подобные памятники домусульманской религии не зафиксированы, что, по-видимому,

свидетельствует о давнем их исчезновении под влиянием ислама, нетерпимо относящегося к другим религиям. Однако в горных районах влияние ислама было слабее. Это доказывается, в частности, сохранением, например в Карачае, Балкарии, в ряде мест горной Ингушетии, следов священных деревьев, рощ, камней.

По свидетельству Е. Н. Студенецкой, карачаевцы почитали почти до недавнего прошлого камни и деревья. Одним из таких культовых деревьев была сосна «Джангиз-Терек» около сел. Хурзук, под которой совершали празднества, особенно во время засухи, при этом непременно резали черного козла. По словам автора, сосна считалась неприкосновенной. Однако наибольшее распространение здесь, как и по всей горной полосе Северного Кавказа, имели «святые» камни, к которым приходили во время засухи и других стихийных бедствий. Так, в сел. Учкулан было несколько таких камней (*къарачайны*, *къадаугаштъ*, *байрам* и др.), около которых проходили моленья с жертвоприношениями черных коз [8].

Каменные святилища в большом количестве имелись почти до конца XIX в. и у ингушей. В горной Ингушетии нередко каждый род имел своего покровителя, во имя которого сооружалось обычно около села святилище из камней. Подобно соседним осетинам, у ингушей такими святилищами становились и древние христианские часовни и храмы. Так, по данным Е. М. Шиллинга, знаменитый храм Тхаба-ерды был святилищем трех селений — Эгикала, Тергима, Хамхи, населенных тремя галагаевскими родами. Перед началом пахоты около церкви они справляли праздник, резали баранов и быков, варили пиво. Подобным же образом отмечали своих родовых патронов и другие ингушские роды [9].

Наряду с родовыми патронами у ингушей были общеингушские. Среди них наибольшей популярностью пользовались Геаль-ерды, Мят-сели, Тушоли, Малыз-ерды и др., выполнявшие одновременно и функции божеств аграрного культа. Каждый из этих патронов имел свое святилище, почитавшееся жителями нескольких сел или целого общества. Так, празднования Геаль-ерды происходили в храме близ сел. Эгенты Мецхальского общества зимой и летом, перед началом сенокоса и жатвы. В своих молитвах старший обращался к великому богу Геалю с просьбой избавить их нивы от града, молнии и ветра. Святилище Мят-сели располагалось на Столовой горе (Матхох), что напротив г. Орджоникидзе, и пользовалось широким почитанием особенно у жителей Джерахского ущелья. Празднование Мят-сели падало на конец июня — начало июля и сопровождалось жертвоприношениями нескольких баранов и быков, а также различными магическими обрядами.

Особым почитанием у женщин пользовалась Тушоли, существо женского пола, подобно христианской Марии. К ее святилищу ходили молиться женщины, молодые люди и дети. Тушоли считали весенним патроном, дающим плодородие. Наличие множества каменных святилищ Тушоли по всей горной Ингушетии свидетельствует о большой популярности в прошлом этого божества [10].

Мы можем говорить о почти полном отсутствии памятников домусульманских верований в Чечне, что, несомненно, объясняется более ранним проникновением ислама и его широким распространением, особенно в период имамата Шамиля.

Пережитки аграрных культов ярко прослеживаются на осетинском материале. Ни одно родовое, общинное или общеосетинское божество не

обходилось здесь без своего святилища, которым могли быть дерево, роща, камень, древняя христианская часовня и т. д.

В. Б. Пфаф в 70-х годах XIX в., говоря о религиозных воззрениях осетин, писал: «Многие божества почитаются под видом священных деревьев, преимущественно дубовых. Эти деревья большей частью чрезвычайно древние, иногда совсем уже засохшие. Они окружены каменною оградою...» [11] Таким образом, осетины, как и адыги, отдавали предпочтение дубу, однако за неимением последнего «священными» могли быть другие виды деревьев, роща. В Юго-Осетии, где бóльшая часть территории покрыта лесами, многие селения имели священные рощи. В Северной Осетии издавна известна священная роща, носящая имя легендарного Хетага — родоначальника большого осетинского рода Хетагуровых. Роща, занимавшая несколько десятков гектаров, находится на правом берегу р. Ардон недалеко от сел. Суадаг.

В прошлом празднования святой рощи Хетаг отмечались 15 июля, перед началом жатвы. Женщинам ходить в рощу было нельзя, так как хозяином рощи считался св. Георгий, бог мужчин, при котором осетинки не имели права присутствовать. Роща Хетага считалась неприкосновенной. Никто не имел права рубить здесь лес, выносить плоды или убить дичь. «Если кому случится убить в этом лесу зверя,— писал академик А. М. Шегрен,— тот должен тотчас собрать туда всех жителей своего аула и там же, на месте, всем обществом зверя того скушать, если он съедобный, в противном случае бросить его; одним словом, выносить из леса ничего не позволяется под опасением смерти и слепоты» [12]. Благодаря этому суеверному страху этот чудесный лес-заповедник сохранился до наших дней.

К числу популярных аграрных культов на равнине Северной Осетии относятся Татартуп, Цыргь Обау и Амацаг, имевшие также свои дзуары (святилища). Святилище Татартупа находилось у Эльхотовских ворот на горе, возвышавшейся над средневековым минаретом в аланском городище недалеко от стан. Змейской. Еще в начале XIX в. Татартуп почитался осетинами, кабардинцами и балкарцами, однако позже он был забыт двумя последними и остался общеосетинским патроном. Его считали покровителем равнинной Осетии (Быдыры Татартуп). Празднование Татартупа производилось в октябре, после завершения полевых работ. Черты аграрного культа этого божества ярко прослеживаются в одном из народных преданий, записанных известным собирателем осетинского фольклора Дж. Шанаевым. В нем рассказывается, как Татартуп вел отчаянную борьбу с горными божествами Осетии за горсть хлебных зерен. Борьба происходила на горе около святилища Татартупа. «Сторона, за которой остается победа,— писал Дж. Шанаев,— хватает с кликами радости сноп, а из него — горсть зерен и рассыпает ее в направлении своего края. Это значит, та сторона, которой досталась горсть хлебных зерен, отвоевала у другой, враждебной стороны на текущий год себе урожай. Затем обе стороны расходятся по домам» [13].

Не менее популярным являлся Цыргь Обау (букв. «острый курган») — большой земляной курган с часовней на вершине около сел. Ольгинское. Он почитался не только жителями этого села, но и другими окрестными селами. Празднование его совершали в июле, перед началом жатвы. Около кургана собирались мужчины с приношениями; последние у каждого хозяина состояли из трех треугольных пирогов с начинкой из

сыра, приносили также араку, пиво, квас, шашлык. В своих молитвах, обращенных к святому Цыргь Обау, мужчины просили: «Как мы видим эти хлеба зеленеющими, так дай нам возможность, святой Цыргъ Обау, увидеть их желтыми» (т. е. готовыми) [14].

Отметим еще один дзуар — Амацаг (букв. «сложенный»), находящийся недалеко от сел. Старый Батакаюрт и являвшийся его покровителем. Он представляет собой продолговатый наземный склеп, обнесенный невысоким каменным забором. По словам местных старожилов, здесь похоронен некий Тато Окроев, убитый молнией. Его склеп стал святилищем, названным «Амацаг». Ежегодно перед началом жатвы здесь устраивали всем селом пиршество, для которого резали двух быков, купленных вскладчину, и варили много пива.

Дзуары, воздвигнутые в честь убитых молнией, характерны и для многих других сел на равнине Северной Осетии. Объяснется это тем, что здесь, в отличие от горных районов, земледелие являлось ведущей отраслью хозяйства. Оно часто подвергалось стихийным бедствиям. Поэтому, молясь указанным дзуарам, осетины просили Уацилла (покровителя хлебных злаков) даровать им обилие хлебов и сберечь посевы от града и других стихийных бедствий.

Общие божества земледелия

У многих народов Северного Кавказа еще недавно почитались, наряду с общинными и фамильными (родовыми) языческими божествами, общие божества, отмеченные повсюду в пределах данного народа. Этот факт указывает, несомненно, на более древнее их происхождение. Во всяком случае, общие божества северокавказских народов, связанные с земледелием и полеводством, возникли, по-видимому, в самом начале развития плужного земледелия. Для сравнения укажем, что по мнению исследователей, культ божества охоты Афсати (Апсати) возник одновременно с развитием охоты у древних кобанцев. Возникновение же сельских и родовых (фамильных) культов относится к более позднему периоду. Отметим, что хотя общие божества, встречаются у горцев под разными наименованиями, все они выполняли одну функцию: обеспечить сохранность посевов от стихийных бедствий, послать обильный урожай.

Рассмотрим сначала адыгский материал. Религиозные верования адыгов неоднократно исследовались дореволюционными и особенно советскими учеными. Особый интерес для нас представляют работы Г. Х. Мамбетова, М. В. Кантария и С. Х. Мафедзева, в которых народные верования адыгов рассматриваются на основании собственного полевого этнографического материала и данных фольклора [15].

Ценный материал по данной теме содержат и работы Е. М. Шиллинга [16] и Л. И. Лаврова [17].

Из адыгского пантеона особенно большой известностью пользовался Созереш, считавшийся, по словам лучшего знатока западных адыгов Хан-Гирея, земледельческим божеством [18]. В своей работе «Вера, нравы, образ жизни черкесов» (1842 г.) он описывает обряд в честь Созереша: «Из дерева, черкесами называемого хамшхут, обрубок с семью сучьями хранится у каждого семьянина в хлебном амбаре. По наступлении созерешевой ночи (после уборки хлеба) каждое семейство собиралось в своих домах, приносило идола из амбара и ставило его среди хижины

на подушках. К сучьям его прилепляли свечки, с открытыми головами совершали ему моление» [19]. Никто из последующих исследователей адыгов, кроме Е. М. Шиллинга, не дает такого подробного описания этого обряда, в котором нетрудно заметить черты аграрного культа.

Е. М. Шиллинг в 1926 г., изучая пережитки домусульманских верований у шапсугов, бжедугов и других адыгов Западного Кавказа, на основе новых данных дал детальный анализ культа Созереша и блестяще подтвердил мнение Хан-Герея о земледельческом характере последнего. Собранные Е. М. Шиллингом материалы широко использовались многими последующими исследователями [20].

Е. М. Шиллинг записал от адыгов, что, по поверьям, Созереш «приходил с моря». Его праздник совпадал приблизительно с рождеством, а у некоторых фамилий справлялся осенью (после уборки хлеба). При моленьях Созерешу употреблялись деревянные, имеющие по 7 суков, обрубки, заготовленные из дерева *гамшут*. Каждый дом имел свой обрубок; кроме того, был один общественный. Праздник имел два основных момента: исполнение обряда всем обществом и обряды, выполнявшиеся каждой семьей дома (в сакле). «Домашняя молитва,— писал Е. М. Шиллинг,— происходила перед «семейными» обрубками, на сучьях которых укрепляли свечи, куски сыра, пирожки. Молитву читала хозяйка: Благодарим тебя, Созереш, за урожай и молим на будущие годы даровать нам обильную жатву. Охраняй наши хлеба и амбар от воров и пожара» [21]. Приведенный материал не оставляет сомнения в том, что у западных адыгов еще до недавнего времени Созереш был одним из широко почитавшихся аграрных культов.

Тем не менее в литературе встречается немало противоречивых суждений в отношении распространения этого божества у адыгов и его функций, что, по-видимому, объясняется изменением характера хозяйства у некоторых из адыгских народов, в частности кабардинцев, у которых, как известно, основой хозяйства стало скотоводство. Это, вероятно, и вызвало изменение функций Созереша у кабардинцев. Отсюда, по нашему мнению, ошибочное заключение М. В. Кантарии, утверждающего, что «Созереш не является общим адыго-черкесским божеством». Однако и по его же данным, и по данным Г. Х. Мамбетова Созереш был таким общеадыгским божеством, но у кабардинцев в какое-то время он перестал быть покровителем земледелия.

По-видимому, тогда же на смену ему пришел Тхагаледж, аграрный культ, весьма сходный по обрядности с культом осетинского божества урожая и хлебных злаков Уацилла.

Судя по этнографическим и особенно фольклорным данным, Тхагаледжа можно считать «чисто» кабардинским аграрным божеством, возникшим, по-видимому, на территории современной Кабарды. Западным адыгам он почти не известен. Даже такие исследователи, констатирует М. В. Кантария, как Шиллинг, Люлье, Хан-Гирей, Б. Ан и др., ничего не говорят об этом божестве [22]. И, действительно, трудно полагать, чтобы существование Тхагаледжа не было замечено, например, у черноморских адыгов, издавна привлекавших к себе внимание многочисленных исследователей [23].

Однако Г. Х. Мамбетов не соглашается с этим мнением: «Мы не разделяем мысли о том, что Тхагаледж является как бы местным, кабардинским божеством и что он не был известен адыгам, у которых божество

плодородия называлось Созереш. Фольклорные материалы, собранные в Адыгее, Черкесии сотрудниками Кабардино-Балкарского НИИ, свидетельствуют о том, что Тхагаледж был именно общеадыгским божеством земледелия»[24]. К сожалению, приведенные автором данные не убедили нас в этом.

Заслуга открытия Тхагаледжа как божества плодородия у кабардинцев принадлежит известному кабардинскому фольклористу и литературоведу А. Т. Шартанову. В своем предисловии к первому тому антологии «Адыгский фольклор», вышедшему в 1963 г. на кабардинском языке, он, в частности, пишет: «Интересно отметить, что в устном народном творчестве Тхагаледж не занимается посторонними делами, как это делает Тлепш, его дело только обеспечение хорошего урожая, изобилия для людей». После этого о Тхагаледже появились интересные этнографические и фольклорные сведения в работах М. В. Кантарии[25], Г. Х. Мамбетова[26], С. Х. Мафедзева[27], собранные ими почти исключительно в Кабарде, а также взятые из кабардинского фольклора. Так, М. В. Кантария отмечает, что данные о Тхагаледже в кабардинском нартском эпосе подтверждаются собранным им в Кабарде этнографическим материалом. «И сегодня,— пишет он,— во время провозглашения первого тоста в Кабарде всегда упоминается Тхагаледж, хотя редко кто из жителей знает, почему это делается. По верованиям кабардинцев, новый урожай нельзя было употребить до устройства специального пиршества в честь нового урожая». Празднество это, по словам автора, аналогично тем, которые делались в честь земледельческих божеств у других народов Кавказа, в частности соседних осетин.

На явно кабардинскую принадлежность Тхагаледжа особенно указывает материал, собранный автором у моздокских кабардинцев — разновременных выходцев из Кабарды. По воззрениям последних, «Тхагаледж — первый пахарь, он первый взял в руки плуг и запряг в него быков. Он настоящий человек, который раньше жил на земле, а сейчас на небесах. До начала пахоты ему выносят в поле пироги и обязательно рыбу... он научил людей обрабатывать землю, пахать, сеять и сам был усердным пахарем... После молитвы Тхагаледжу урожай бывает обильный»[28]. К сожалению, приведенные данные о Тхагаледже ограничиваются лишь моздокскими кабардинцами, данные по собственно Кабарде отсутствуют.

Ареал этого божества не дается и в работе Г. Х. Мамбетова, содержащей о нем, однако, ценные фольклорные и этнографические сведения. Перечисляя множество фольклорных текстов, связанных с рассматриваемым богом плодородия и земледелия, автор пишет, что «по количеству сказаний Тхагаледж, как и Тлепш, занимает одно из видных мест в адыгском устном народном творчестве». Но в фольклоре каких адыгов появляется Тхагаледж? К сожалению, отсутствием конкретизации по данному вопросу страдают и работы А. Т. Шартанова и С. Х. Мафедзева. Приведенный ими кабардинский фольклорный материал ярко характеризует Тхагаледжа как популярное божество плодородия, выполняющее различные функции. В кабардинских нартских сказаниях он изображен прекрасным хлебопашцем, умеющим добиваться высоких урожаев. Ему покровительствует бог; Тхагаледж пашет на двух быстроногих волах, которых не может догнать знаменитый нарт Дзахуш на своем скакуне. Земледельческий характер этого божества особенно ярко выступает в кабар-

динских здравицах (*хохи*). Одна из них гласит:

О, наш бог
Тхагаледж, чудотворец,
Пусть начатые нами дела умножатся!
О, наш бог,
Пусть будет счастливым наш лемех,
Удачной наша первая борозда,
Земля бы нагревалась теплом,
Она бы дала нам богатый урожай,
О наш Тха, пусть будет так [29].

К Тхагаледжу часто обращались и в народных песнях кабардинцев, исполнявшихся перед началом пахоты. Некоторые из них приводятся в работе С. Х. Мафедзева (записанные отчасти самим автором). В одной из них говорится:

Наш Тхагаледж, оу-оу,
Переднюю часть лемеха мы строгаем, оу-ра,
Лемех мы ставим на место, оу-оу,
Сеятелей нового урожая провожаем, оу-оу,
. . . . . .
По тяжести — как рукав кольчуги, оу-ра,
Поле ломилось от колосьев, оу-оу,
Чтобы по краям дремлющие были, оу-ра,
Девять амбаров стояли в ряд, оу-оу.

Во второй половине XIX в., с усилением ислама в Кабарде, в тех же песнях, исполнявшихся перед выходом в поле, обращались уже не к Тхагаледжу, а к аллаху:

О аллах! Небо и землю сотворивший,
Ты сделай!
Лемех, который сегодня мы вынесли,
Во время пахоты — лемехом засушливости,
После пахоты — дождливости,
Ночами — дождливость обильной,
Поле колосилось морем...
Если козел набросится — чтоб не мог достать,
Если ветер тряхнет — чтоб не осыпался,
Старые арбы — чтоб не скрипели,
Новые арбы — чтоб пели,
Края токов — чтоб расширял,
Крошки токов — чтоб вышибал,
Девять амбаров, стоявших в ряд,
чтобы заполнил,
С края стоящий — чтобы невесте принадлежал,
Вместе чтоб ели и пили,
Для трудящихся чтоб сделал,
Мы просим [30].

Однако в таком исполнении песня уже не сопровождалась танцами и играми.

Таким образом, у адыгов мы находим два божества плодородия и земледелия: Созереш, наиболее древнее божество, почитавшееся всеми

адыгами, и Тхагаледж, известный, как мы пытались показать, только кабардинцам.

По-видимому, под влиянием мусульманства аграрные культы утеряны у балкарцев. По некоторым данным им было известно лишь одно божество хлебов — Эрирея, в честь которого произносили здравицу при проведении первой борозды [31].

Большое количество древних божеств и культов урожая и хлебных злаков сохранилось у осетин, что объясняется не только слабым влиянием мусульманства, но и богатыми земледельческими традициями этого народа, уходящими в глубь веков. Наряду с официальными земледельческими божествами у осетин было множество общих и местных богов, выполнявших функции аграрного культа. В осетинском пантеоне главным божеством плодородия и земледелия считается Уацилла, известный у осетин-дигорцев под названием Елиа (св. Илья). Уацилла одновременно являлся богом грома и молнии, мог побить градом, послать дождь и другие несчастья и т. д.

Эти черты христианского пророка Ильи он приобрел в период христианизации алан — предков осетин в VI—XI вв. Однако и христианизированный, Уацилла оставался по-прежнему главным земледельческим божеством осетин, от него зависело получение богатого урожая хлебов. Подобно кабардинскому Тхагаледжу, Уацилла изображается в народных песнях пахарем. Он выступает то в качестве плугаря, то погонщика волов, то сеятеля. Про убитых молнией говорили, что это Уацилла поразил своей стрелой: «Уациллайæ йæ фатæй ныцавта».

Впервые обряды, песни в честь Уациллы были зафиксированы в 70-х годах XIX в. Б. Гатиевым. Так, на празднестве «хоры бон» (букв. «день хлеба»), устраивавшемся перед выходом на пашню, старик, обращаясь к Уацилле, просил его: «Помоги нам, сделай так, чтобы житницы наши были набиты пшеницей, просом и овсом до верха с остатками. Какой урожай был на Курпе, когда Уацилла посеял на этой ниве левой рукой, а Мария, идя во след его, держала для него корзину с семенами, такой подай, боже, и нам в настоящее лето». Затем, обращаясь к присутствующим, он трижды восклицал: «Вы чего просите?» — «Хлеб, хлеб, хлеб!» — отвечали ему. «Да насытит вас Уацилла»,— произносил старик. Затем старик вручал треугольный пирог с начинкой из сыра одному из юношей, который был одет в шубу наизнанку. Тот, снимая свою шапку, вывороченную также наизнанку, затыкал ее за пояс, а старик обливал ему голову брагой и восклицал: «Как изобильно льется эта брага, так да уродится хлеб наш»! Все присутствующие говорили «амен!» Глотая брагу, молодой человек кричал: «Да возрастит Уацилла хлеба наши так, чтобы мы, дети наши и правнуки, были богаты и сыты».

Готовясь к этому пиршеству, предварительно утром посылали в лес за березовыми сучьями по одному человеку от каждого семейства. У каждого из них было три постных пирожка без начинки. Остановившись около леса, посланные произносили молитву и каждый бросал по одному пирожку со словами: «Уацилла! Сделай так, чтоб настоящий год был счастливее и богаче прошлого урожаем хлебов!» Потом, набрав сучьев и связав их в пучки, они несли их на плечах домой. Опуская вязанку на пол своего дома, каждый восклицал: «Сколько здесь сучьев, столько да уродится на наших полях копен». Затем хозяйка дома клала на сучья пухлые пирожки и молилась: «Уацилла, да будет на нас милость твоя,

возрасти хлеба наши так, чтобы пшеничные зерна на колосьях были так пухлы и крупны, как эти пирожки» [32].

Этот вариант праздника Уациллы с указанными магическими приемами был характерен, по утверждению В. Миллера, не только для горцев, но особенно для равнинных жителей, для которых земледелие было главной отраслью хозяйства (они соблюдали этот праздник вплоть до коллективизации). В то же время почитание Уациллы имело и некоторые локальные особенности, что замечает В. Миллер, описывая у осетин-дигорцев ряд магических обрядов, совершавшихся ими перед началом пахоты. Здесь праздник «хоры бон» справляли также в каждом доме, готовили много еды и напитков, приносили в жертву баранов и коз. Однако в отличие от других осетин дигорцы соблюдали некоторые специальные обряды, имевшие целью «испросить у бога» урожай для будущего года. «Женщины,— пишет В. Миллер,— приготовляют к этому дню человеческие фигурки из теста (гул), поджаренных зерен проса, разваренных зерен кукурузы и особое тесто из просяной муки (кувси). Когда все приготовленное расставлено на столах и старший в семье произнес молитву, к нему подносят зерен в чаше или на блюде и высыпают их ему в полу. Затем все младшие и женщины приготовляют свои полы и шапки, чтобы получить зерен от старика. Последний берет в руки горсть зерен и спрашивает: «Чего вы просите?» Мальчики кричат: «Хлеб, хлеб!» Тогда старик через очаг бросает зерна, прочие ловят их в шапки и полы. При этом старик говорит: «Да даст вам бог хороший урожай!» Бросание зерен с обычным вопросом и ответом повторяется до тех пор, пока не исчерпается поданная старику чаша. Потом старшие ужинают, и младшие грызут зерна, едят кувси и пьют брагу и квас. На другое утро начинаются взаимные посещения. Дети и молодые люди мажут друг друга тестом. Посетители должны обязательно отведать кувси и браги» [33].

Наконец, приведем еще одно доказательство высокого почитания Уациллы как божества земледелия. У иронцев старуха молилась: «О, начальник хлебов, в твоей власти урожай и погода, и ты посеянные нашими мужьями зерна возрасти так, чтобы все житницы были набиты всякими зернами до верха, и посылай умеренные дожди» [34].

Приведенный материал ярко свидетельствует о глубоких земледельческих традициях осетин, уходящих корнями в эпоху древних кобанцев, скифо-сарматов и алан. У осетин существовали и другие божества хлебных злаков и урожая — Хоралдар (диг. Хуарелдар) и Бурхорали (диг. Борхуарали). Оба божества известны только дигорской этнической группе, нашли отражение в ряде нартских сказаний дигорцев и в их трудовых песнях. В быту последних еще недавно почитался Хоралдар (селения Дзинага, Стур-Дигора, Чикола и др.). Бурхорали сохранился лишь в фольклоре. Время исчезновения этого божества из быта осетин нам не известно. Возможно, это произошло после оттеснения этого народа в горы в результате татаро-монгольских войн, вызвавших общий упадок их хозяйства, в том числе земледелия.

Существование божества Бурхорали у алан-осетин в средние века подтверждается данными языкознания и фольклора, в частности нартским эпосом. По мнению В. И. Абаева, Бурхорали (*бур* — «желтый», *хор* — «зерно», «урожай», *али* — алан, род. падеж от «алан») означает «просо алан», «аланский злак». «То, что в названии хлебного божества,—

пишет он,— мы находим именно просо, а не другой злак, говорит о том особом значении, какое имела для древних осетин культура проса по сравнению с другими злаками» [35]. Приведенные нами в соответствующем разделе материалы не оставляют в этом никакого сомнения. Действительно, просо было преобладающим, а во многих случаях единственным хлебным злаком у предков осетин на равнине Северного Кавказа. Поэтому, как мы полагаем, это широко распространенное культурное растение могло иметь свое божество, каким, по-видимому, являлся Бурхорали. С уходом осетин-алан в горы они перестали возделывать этот злак на новых местах поселения, отличавшихся суровыми климатическими условиями, исчезло из быта и их божество Бурхорали. Однако память о нем сохранилась в фольклоре.

В нартском эпосе Бурхорали считается сыном Хоралдара. Оба божества часто фигурируют в одних и тех же сказаниях. Однако наибольшее внимание в них уделяется Хоралдару как главному божеству хлебных злаков и урожая. В трудовых песнях дигорцев воспевается участие Хоралдара и Бурхорали совместно с небожителями Уастырджи (св. Георгий), Марией (св. Мария), Никкола (св. Никола) на пахоте, где Бурхорали выполняет функции сеятеля, а Хоралдар — то погонщика волов, то плугаря [36].

Таким образом, во всех фольклорных текстах осетин Бурхорали выступает в роли второстепенного, «отраслевого» божества хлебных злаков и урожая, Хоралдар же всегда был у осетин-дигорцев главным хлебным божеством. Насколько нам удалось выяснить, осетинам-дигорцам неизвестно имя Уацилла, его заменяет у них Хоралдар.

Можно полагать, что в древности Хоралдар был главным божеством хлебных злаков и урожая дигорской этнической группы осетин, ярким подтверждением чего могут служить, например, нартские сказания. В последних Хоралдар — одно из популярных божеств плодородия и земледелия, он часто пребывает на небе, живет в доме самого бога, участвует, как говорилось, вместе с популярными христианскими божествами осетин на вспашке. В одном сказании эпоса Хоралдар, враждуя с нартами, накликает на них семилетний недород [37].

Таким образом, осетинам было известно три земледельческих божества — Уацилла, Хоралдар и Бурхорали, из которых первый был наиболее популярным, почитался всеми этническими группами осетин, кроме дигорцев, у которых его заменял Хоралдар. Однако по нашим этнографическим данным, Уацилла был известен и в ряде мест Дигории под названием «Хоры Уацилла» или «Елиа». Возможно, что это название было занесено сюда позже осетино-иранскими поселенцами.

Наряду с указанными божествами — покровителями земледелия у осетин выступали и другие боги и герои, выполнявшие, однако, иные функции. Так, Уастырджи, считавшийся патроном мужчин, воинов, путников, одновременно являлся и покровителем хлебных злаков и урожая. К нему, как к Никкола, Марии, Рекому, Татартупу, Хетагу и др., обращались как к покровителю урожая. Черты аграрного культа, связанного с этими божествами, ярко выявляются многими осетинскими трудовыми песнями. Так, в одном из вариантов дигорской песни «Плугарей» Уастырджи руководит вспашкой, покровитель волков Тутыр изготовляет плуг, небесный кузнец Курдалагон — лемех, Никкола же занимается боронованием. В другой песне Уастырджи выступает плугарем, Никкола — поводырем,

Мады-Маирам (мать Марии) — хранительницей семян, а Хуари-Уацилла — сеятелем [38].

За осетинским столом последний тост всегда пили в честь Мыкалгабырта (св. Михаил и Гавриил) — бога изобилия, прося его послать изобилие хлебов и другого богатства дому, в котором совершается угощение.

Переходя к характеристике религиозных воззрений соседних вайнахов, связанных с их земледелием, мы должны отметить, что ингуши, в отличие от родственных им чеченцев, еще в XIX в. сохранили в своем быту много домусульманских верований, в том числе следов аграрного культа [39]. Чеченцы же, намного раньше подвергшиеся исламизации, утратили древние верования. Многолетняя Кавказская война и иманатство Шамиля в Чечне привели к окончательному исчезновению языческих воззрений не только в ее равнинной зоне, но и в горных районах. Не удается зафиксировать ни одного «чистого» аграрного культа и у ингушей. Тем не менее отмечается, что функции аграрного культа у них выполняли их племенные, тайповые и сельские покровители. Так, в молитвах, обращенных к покровителю Джерахского ущелья Мятцели (Мят-сели), просили: чистый огонь очагу, хорошее потомство, счастье гостью, избавление от несчастий, приплод скоту, а также богатый урожай и хорошую погоду. Покровительницей плодородия и хлебных злаков у всех ингушей считалась Тушоли, совершенно аналогичная осетинской святой Мады-Майрам, балкарской Байрам, кабардинской Мерем. В молитвах, обращенных к Тушоли, кроме прочего, просили: «Пошли нам урожай, пошли дождь масляный и солнце лекарственное» [40].

Из всех ингушских местных покровителей характерными чертами аграрного культа обладал Зодцах-ерды — покровитель жителей сел. Хули Кистинского общества. По наблюдению современника в 1848 г., празднование этого божества проводилось два раза в году — в августе и в октябре, после завершения сельскохозяйственных работ [41]. Оно сопровождалось приношением в жертву животных (баранов, быков) и угощением.

Таким образом, аграрные культы как таковые мы находим лишь у осетин и адыгов, что объясняется богатыми земледельческими традициями, например у осетин, уходящими в аланскую эпоху. Земледельческие божества у других народов региона отсутствуют, если не считать ингушей, в быту которых обнаруживаются некоторых их следы.

Исчезновение земледельческих божеств и культов, как и других домусульманских верований и обрядов, у многих горских народов региона объясняется не только действиями мусульманства, но и рядом других факторов. Частые засухи, сильные ливни, от которых гибли посевы, вообще зависимость от природы вынуждали горцев обращаться за помощью не только к своим божествам и покровителям, но совершать различные магические обряды, чтобы вызвать дождь или прекратить его.

Обряды вызывания дождя

При засухе или при продолжительной непогоде горцы призывали на помощь своих покровителей плодородия и земледелия, а затем обращались и к другим общим и местным божествам. Наибольшим почитанием пользовались у адыгов Шиблэ (Шыблэ), а у осетин — Уацилла (Елиа). Эти боги-громовержцы, повелители дождей, грома и молнии, обладали

сходными чертами. К ним близко примыкал ингушский Мят-Сели, которому также приписывали власть над атмосферными явлениями.

Люди считали, что молния и гром совершаются по воле богов. Поэтому подвергшиеся удару молний места, деревья, камни становились «святыми», к ним обращались во время засухи или непогоды. Убитого молнией хоронили по особому обряду, по которому не полагалось оплакивать покойного, могила убитого молнией становилась святым местом, где совершали моления для вызывания дождя.

Обряд захоронения убитого молнией впервые был зафиксирован в XVII в. у западных адыгов французским путешественником Таверньe, но более подробно он описан Штедером [42] у осетин во второй половине XVIII в. «В 50 шагах от моей палатки,— писал он,— гроза убила молодую женщину. После удара женщины, которые шли с ней, издали крик радости, стали петь и танцевать вокруг убитой. Все полевые работники также, как и все жители селения, собрались вокруг танцующего круга, невзирая на то, что гроза продолжала бушевать. Их единственным напевом был: «О Елли! Ельдар Чоппой» — ...кружась в хороводной пляске, повторяли они в такт эти слова, то в таком, то в обратном порядке, причем один запевал, а хор подхватывал» [43].

Этот магический обряд неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. В 80-х годах XIX в. В. Миллер, описывая его у тех же осетин, отмечал: «Если кто-нибудь поражен громом насмерть, осетины говорят, что Уацилла ударил его пулею (фат — собственно стрелою) и ищут в земле около того места. Затем родственники и одноаульцы убитого собираются вокруг трупа и пляшут, а женщины делают жесты и произносят слова, как при обрядовом оплакивании, но плакать не смеют из-за боязни рассердить Уацилла, взявшего к себе покойника. Убитый молнией считается прогневавшим Уациллу и потому не может быть погребен на общем кладбище» [44].

Обряд сопровождался хороводной песней «Цоппай», «Чоппай». По свидетельству В. Миллера и по рассказам наших информаторов, убитого молнией хоронили на том же месте или же клали арбу, запряженную волами, и пускали в поле, и там, где останавливались волы, зарывали покойника.

И. Собиев пишет, что осетины-дигорцы убитого молнией не зарывали, а хоронили по древней традиции осетин на поверхности земли в каменной постройке. Этот обычай, описанный еще Штедером, он считает отголоском маздеизма. И. Собиев наблюдал совершение рассматриваемого погребального ритуала. «Я был лично свидетелем в 1885 г.,— пишет он,— как во время сильной грозы молния ударила в одно место, метрах в 100 от нас, в мальчиков, пасших телят за селом Дигора. Образовалась глубокая дыра на месте удара. Сейчас же туда собрался народ. Начались пляски, а на следующий день место это было огорожено плетнем, и в течение нескольких дней шли танцы внутри, причем в танцах внутри ограды принимали участие молодые неженатые парни и девушки в белых одеяниях, а в дыру лили молоко. Местный священник Хетагуров несколько раз разрушал плетень и запрещал этот обряд, население аккуратно восстанавливало плетень и продолжало в определенные дни здесь совершать танцы». Далее автор отмечает, что пораженных молнией не хоронили несколько дней, надеясь на оживление [45].

Почти аналогичным образом хоронили убитого молнией и у западных

адыгов [46]. По данным Л. Я. Люлье, похороны, например у темиргоевцев, продолжались в течение семи дней. «Молодежь обоего пола,— пишет он,— плясала с рвением, веселость и одушевление были общие» [47]. Танцы и песнопение в честь убитого молнией, наряду с другими церемониями и молитвами, повторялись в каждое лето во время засух [48]. Рассматриваемый обряд прочно держался в быту некоторых адыгских народов. Так, М. Рижский, изучавший в 1939 г. верования шапсугов, писал: «Члены семьи убитого молнией должны были не оплакивать его, а радоваться, что их посетил Шибле, иначе последний мог рассердиться на них и послать всяческих несчастий» [49].

Сходны с осетинскими и кабардинские похоронные обряды по убитому молнией. В таких случаях в Кабарде родственники и односельчане, собравшись вокруг убитого, брались за руки и устраивали хоровод с песнопением. Полагают, что в Кабарде в одних селах (Псыгансу, Алтуд, Карагач и др.) в хороводе участвовали только женщины, в других (Малка, Старый Лескен, Аргудан) — и мужчины и женщины [50]. Некоторые отличия в ритуальных танцах вокруг убитого молнией проявлялись у шапсугов. Здесь все присутствовавшие были «босые и без шапок». Кроме того, в честь Шиблэ шапсуги приносили жертвы, а в день празднества устраивали скачки и стрельбу в цель [51]. В целом обряд убитого молнией у западных адыгов характеризовался в древности более архаичными чертами, чем в позднейшее время, о чем, например, свидетельствуют данные Таверньe [52].

За неимением данных мы не можем говорить о бытовании рассматриваемого обряда у балкарцев, карачаевцев, абазин, ногайцев, чеченцев. Лишь у ингушей, принявших позднее мусульманство, некоторые черты этого обряда были зафиксированы Е. Н. Шиллингом еще в 20-х годах. Он писал, в частности: «Убитого молнией... считали удостоившимся благодати Сили и поэтому не оплакивали» (т. е. точно так же, как было у осетин и адыгов). Полное сходство обрядов у этих народов обнаруживается и в последующем сообщении автора: «Место, где человека поражала молния, приобретало священное значение, на нем ежегодно совершали жертвы» [53].

Подобные священные места существовали у осетин и адыгов, однако они обращались к ним в основном во время засухи или непогоды. Как можно полагать из описания Е. Н. Шиллинга [54], обряд погребения убитого молнией наряду с осетинами и адыгами соблюдали, по-видимому, все вайнахи, в том числе чеченцы до принятия ими ислама.

Обратимся теперь к обряду вызывания дождя и рассмотрим его сначала у осетин, у которых он большей частью связан как с могилой убитого молнией, так и со священными местами и предметами, пораженными ударами молний. Б. Гатиев, в 70-х годах XIX в. описывая этот обряд у жителей Алагирского ущелья Северной Осетии, указывал, что в случае засухи они вбивали два шеста в то место, которое было поражено молнией. Тогда же в честь Уациллы приносили в жертву животное (большей частью козла), купленное всем обществом вскладчину. После этого вливали ведро воды в то место, куда были вкопаны шесты. Если после этого долго не было дождя, то полагали, что их жертва не была угодна Уацилле. Тогда обращались к ближайшему другу последнего — Тхосту [55], чтобы он уговорил божество. Тхосту приносили в жертву ягненка. В молитве, обращенной к нему, говорили: «О Тхост, ты наш сосед и знаешь

бедность, да будет на нас твоя милость, ты товарищ Уациллы, умоли его, чтобы он, вняв нашим бедным молитвам, послал дождь на засохшие нивы и поля». После окончания праздника пускали из родника воду по направлению к святилищу Тхоста, обливали его водой и мазали коровьим маслом.

Когда и после этого не было дождя, за дело брались женщины. Взяв с собой сита, тарелки, ведра, они отправлялись на гору и, достигнув определенной высоты, скатывали их перед собой. Посланный к ним от общества старик просил их не делать этого и вернуться в село. Обращаясь к женщинам, он говорил: «Вернитесь назад, не бойтесь, Тхост даст вам просимое» [56]. Вторая часть описываемого обряда почти аналогична магическим обрядам вызывания дождя, которые совершались, по данным Л. А. Чибирова, в ряде сел Дигорского ущелья, в частности Махческого прихода [57]. Однако, как нам думается, описываемый им обряд более позднего происхождения, чем алагирский, и весьма напоминает обряд адыгского Хацегуаша [58].

По нашим полевым исследованиям, во многих селах Дигорского ущелья (Дзинага, Ногкау, Камунта и др.) обряд вызывания дождя большей частью был связан с могилой убитого молнией. При этом он был аналогичен обрядам, совершавшимся в других районах Осетии: сопровождался жертвоприношениями животных в честь Уациллы и устройством общественного пира. После этого брали камень с могилы погибшего молнией и клали в воду, где оставляли до тех пор, пока не пойдет дождь, после чего камень ставили на место [59].

В целом у осетин нередко бывали случаи, когда могила убитого молнией человека становилась святилищем. Так, в Тагаурии (в Северной Осетии) таким популярным святилищем был Фарныг адаг (букв. «благодатный овраг») [60].

Аналогичный дзуар (святилище) мы находим недалеко от сел. Кора-Сындзикау, на правой стороне р. Белая, рядом с древним поселением дигорских феодалов Абисаловых. Это могила женщины, погибшей от молнии. К этому дзуару обращались только во время засухи.

У ингушей, подобно осетинам, могила убитого молнией становилась святилищем; к нему они обращались в случае засухи. Н. Дубровин на основании данных Грабовского пишет про одно такое захоронение у этого народа [61]. Е. Н. Шиллинг отмечает, что во время экспедиционных поездок в 1921 г. по горной Ингушетии ему приходилось в ряде мест встречаться с подобными святилищами, сооруженными в честь святого Сиели на тех местах, на которых когда-то были убиты молнией. Святилища эти принадлежали пострадавшим фамилиям и служили для свершения обряда вызывания дождя. Один из таких памятников, представлявший собой своеобразное строение наподобие огромного надземного склепа, был зафиксирован им недалеко от сел. Тергим Хамхинского общества. Он был сооружен в честь погибшего от молнии одного из фамилии Оушевых [62].

Переходя к адыгам, заметим, что обряд вызывания дождя, связанный с могилой убитого молнией, судя, по данным источников, имел распространение только среди черноморских шапсугов. У остальных адыгских народов, как и у абазин, балкарцев, карачаевцев и др., он, по-видимому, исчез под влиянием мусульманства или же вовсе не был известен им. Во всяком случае, все исследователи адыгских верований, касаясь ука-

занного обряда, доказывают наличие его у адыгов исключительно на шапсугском материале [63].

Е. Н. Шиллинг, ссылаясь на данные проф. Б. Соколова, писал: «При засухе мужчины со всего общества шли к могиле убитого молнией, захватив с собой представителя рода, из которого происходил покойник. Придя на место, они брали за руки друг друга и долго плясали босиком вокруг могилы с песнями о «Еле». Процедура повторялась раза три — четыре, пока не прошибал пот. После пляски родственник убитого молнией брал в руки хлеб и, вознося его, просил покойника оказать обществу помощь в ниспослании дождя. Затем он брал с могилы камень, шел в сопровождении всех собравшихся на реку». Судя по этому описанию, весь процесс совершения обряда был аналогичен осетинскому. Отличие проявлялось лишь во второй его части. Взятый с могилы камень не просто погружали, как у осетин и ингушей, а привязывали веревкой к дереву и спускали в воду, ибо, по воззрению шапсугов, «если камень унесет течение, то дождь будет идти без перерыва и произойдет стихийное бедствие». Не более трех дней оставался камень в воде, после этого независимо от того, был дождь или нет, его вытаскивали и ставили на прежнее место [64]. Несколько лет позже Е. Н. Шиллинга этот обряд описал у шапсугов Л. И. Лавров почти в тех же вариантах, что Е. Н. Шиллинг, подчеркивая лишь, что в обряде участвовали и мужчины и женщины, причем раздельно [65].

Таким образом, обряд вызывания дождя, связанный с могилой убитого молнией, хотя и характеризовался в целом у горцев общими глубоко архаическими чертами, в то же время отличался некоторыми локальными и этническими особенностями, о чем, например, свидетельствует вышеприведенный шапсугский материал. В период засухи повсеместным почитанием пользовались также деревья и камни, подвергшиеся ударам молний. Так, по свидетельству Е. Н. Шиллинга, адыгское племя натухайцев в долине р. Пшал чтили большое дерево, пораженное молнией [66]. По его данным в Адыгейском областном краеведческом музее хранились кусочки коры и щепки от деревьев, пораженных молнией. «Эти частицы,— говорит он,— употребляли для вызывания дождя во время засухи, а также в других несчастных случаях» [67].

Интересный обряд, связанный с камнем, был зафиксирован Г. Х. Мамбетовым в балкарском сел. Аушгер. В центре этого села находился огромный камень, стоявший, по воззрению жителей, одним своим концом на берегу моря. В период засухи старики и старухи собирались сюда и совершали моление с жертвоприношением, после чего, вооружившись лопатами и ломами, они пытались сдвинуть камень с места, чтобы «освободить море» от его тяжести и дать ему возможность разбушеваться и вызвать дождь [68]. Упоминание о море в этом земледельческом обряде балкарцев — отголоски обитания их предков в средние века на равнинном просторе Северного Кавказа, свидетельство давних традиций земледелия у этого народа.

Еще во второй половине XIX в. во многих селах Северной Осетии для вызывания дождя служила стальная цепь, хранившаяся в известном святилище Реком (в Алагирском ущелье). Во время засухи ее брали и окунали в воду, это должно было непременно вызвать дождь. По легенде, эта цепь была найдена над сел. Даргавс на том месте, куда ударила молния [69].

В период засухи осетины, как отчасти и другие народы региона, прибегали к своим популярным божествам, молились всесильному Уастырджи (св. Георгию), а также ущельным, родовым и сельским покровителям. В честь божества или покровителя резали чаще всего баранов или волов, которых приобретали на общественные деньги. В ряде мест в горной Осетии в таких случаях святилища обливали водой («чтобы вызвать воду с небес»). С этим последним можно сравнить кабардинский и бжедугский земледельческие обряды, когда обливали водой амбары, «чтобы иметь обилие зерна» [70].

Весьма близкие аналогии с осетинскими верованиями мы находим у черноморских шапсугов, прибегавших во время засухи к своим аульным покровителям, святилищем их считались большие дубовые деревья. Чтобы вызвать дождь, шапсуги еще в 30-х годах XX в. устраивали моления. К священному дереву «шли всем аулом», неся с собой обрядовые хлебцы, бузу. Здесь же в честь Шиблэ (бога грозы и дождя) совершали жертвоприношения — резали козу или барана [71]. Почти те же церемонии совершали балкарцы, карачаевцы, отчасти кабардинцы в честь богини плодородия. Во время полевых этнографических исследований в Балкарии и Карачае нам неоднократно встречались святилища этой богини, состоящие большей частью из кучи больших камней. Поскольку Байрам считалась покровительницей женщин, сюда приходили только они.

Обращение к общим и родовым божествам — покровителям в период засухи широко практиковалось и у вайнахов до принятия ими ислама и упрочения его в быту. Об этом свидетельствуют многочисленные памятники язычества, сохранившиеся еще до недавнего времени особенно в горной Ингушетии. Так, в сел. Ког Хамхинского общества имелось святилище Кобыл-кэры (букв. «четырехгранный каменный столб») в честь, по-видимому, богини плодородия, избавлявшей женщин от бесплодия и способной прекратить засуху. Исследователь этого памятника Е. Н. Шиллинг отмечал, что «при засухе резали барана, затем снимали с памятника (т. е. с каменного столбика.— *Б. К.*) шапку-головку, переворачивали ее углублением вверх и оставляли под открытым небом до тех пор, пока не шел дождь и углубление камня не наполнялось водой» [72]. В случае засухи ингуши обращались также к общему богу Сиели, посылавшему дождь и грозу. В молитве, обращенной к нему, говорили: «Небо часто (быстро) заставить греметь. Тучам опуститься на землю. Заставь солнце целительно смотреть, пролей дождь маслом, возрасти посеянное, размножь летом питаемое. Не дай нам грубой пищи» [73].

Чертами аграрного культа был наделен и другой популярный покровитель ингушей, в частности Джерахского общества,— Мят-сели, святилище которого располагалось на Столовой горе. Подобно Сиели, например, он мог насылать дождь, напоить влагой нивы. Ч. Архиев отмечал, что для вызвания дождя ингуши брали из храма Мят-сели длинный шест с белым квадратным куском материи на конце и носили его по аулам [74]. Важное значение имел в этом отношении другой известный средневековый храм ингушей — Тхаба-ерды, в котором, по словам Н. Ф. Грабовского, хранились человеческие кости. В случае засухи, говорит он, «выборный старейшина села вынимал их из храма, относил к речке Ассы, погружал несколько раз в воду, затем обратно клал их на место, уверенный, что дождь пойдет ливнем» [75].

В Чечне, где мусульманство утвердилось намного раньше, чем в Ингушетии, обряды, связанные с вызыванием дождя, совершались под руководством духовенства. Так, в 1866 г. современник писал, что причины засухи муллы объясняют как наказание людей за их ослушание перед аллахом и за то, что они курят и пьют. Поэтому по велению духовенства каждый хозяин с наступлением темноты обязан был стрелять из ружья, «громко крича проклятие тем, кто свертывает папиросу из кукурузного листа, пьет водку и принимает ложную присягу» [76]. Жестокие засухи наводили страх. Поэтому почти каждое чеченское село имело «святое» место, где совершались молитвы во время засухи, чтобы выпросить дождя. Жители сел. Курчалой, собираясь на молитвенном месте, отделяли грудных детей от матерей, чтобы они плакали и этим вызвали сочувствие всевышнего. Одним из распространенных средств вызывания дождя у чеченцев и ингушей, по данным С. М. Хасиева, было подвешивание убитой змеи на шесте. «Во время засухи,— отмечает он,— почти у каждого участка посевов можно было встретить шест с подвешенной змеей» [77]. Подобный обряд не зафиксирован у других народов региона.

Одним из популярных обрядов вызывания дождя у адыгов был обряд Ханцегуаша, воспринятый от них некоторыми соседними народами, в частности абазинами, частично ногайцами, предгорными жителями Балкарии, Карачая, Чечено-Ингушетии, рядом равнинных сел осетин-дигорцев, а также всеми горскими поселенцами Моздокского района. Причем он фигурирует у них почти под таким же названием Ханцегуаша [78] (в кабард. *ханце* — «деревянная лопата»; *гуаша* — «госпожа», «княгиня», т. е. «госпожа-лопата»). Суть обряда в общих чертах заключалась в следующем: деревянную лопату, имевшую на ручке горизонтальную палку, наряжали в женское платье, принадлежащее, по данным М. В. Кантария, «обязательно старой женщине». Автор в отличие от других исследователей этого обряда указывает, что на руки куклы, т. е. Ханцегуаша, «вешали закопченную очажную цепь, принадлежащую семье, в которой был умерший от молнии. Если такая семья добровольно не давала цепь, тогда ее крали». Однако, к сожалению, автор не говорит о том, где были зафиксированы эти сведения. После того как Ханцегуаша была наряжена, две молодые женщины, обязательно босые [79], брали ее за руки и в сопровождении женщин и девушек обходили все дворы села с песнями: «Боже, во имя твое мы ведем Ханцегуаша, пошли нам дождь». Хозяйка дома, встречая их, обливала куклу водой со словами: «Боже, прими благосклонно!» [80] и дарила им деньги и продукты для устройства пирушки, которая делалась после окончания церемонии.

У черноморских шапсугов этот ритуал совершали подобно абхазам: куклу несли на речку и бросали в воду, т. е. производили купание куклы. «По пути,— пишет Е. Н. Шиллинг,— каждый двор старается куклу и идущих с ней облить водой, а те в свою очередь заходят во дворы, ловят встречных, тащат их к берегу и бросают в речку» [81]. Обряд заканчивался тем, что с куклы снимали одежду, а остов выбрасывали. У кабардинцев, наоборот, куклу оставляли. Возвратившись с речки, женщины сажали ее в центре села, приглашали музыкантов, устраивали танцы, и девушки танцевали вокруг нее до самой темноты.

Заканчивая описание обряда Ханцегуаша, можно заключить о сравнительно недавнем появлении его в регионе. Во всяком случае, это могло

случиться не ранее принятия адыгами мусульманства, а может быть, и позднее. Об этом свидетельствует тот факт, что обряд справляли только в пятницу. Весьма характерно также, что ритуал Ханцегуаша остался совершенно не замеченным не только многочисленными путешественниками, но и такими выдающимися адыгскими этнографами и историками, как Хан-Гирей и Ногмов. Первое упоминание об этом популярнейшем земледельческом обряде мы находим лишь в самом конце XIX в. у кабардинского этнографа Т. Кашежева [82], давшего подробное его описание.

В то же время хорошо известно, что обряд купания куклы с целью вызывания дождя совершался многими народами мира, в том числе некоторыми кавказскими, в частности абхазами и западными грузинами. Многие горцы Северного Кавказа восприняли обряд Ханцегуаша от соседних адыгов. Так, считая, что Ханцегуаша может избавить их от сильной засухи, в селах осетин-дигорцев (Чикола, Дур-дур, Лескен и др.) молодые женщины и девушки совершали те же церемонии, что и в соседних кабардинских селениях. Шествуя по селу, они распевали песни во славу бога грозы и дождя Уациллы, обливали водой и бросали в речку встречных и т. д.

Отметим также, что вместе с обрядом Ханцегуаша адыги устраивали в тот же день — в пятницу обряд проволакивания шкуры жертвенного животного. Этот обряд неизвестен другим народам Северного Кавказа. В обряде участвовали только одни мужчины. Отправляясь за село, мужчины брали с собой жертвенное животное (вола, нетеля-барана обязательно черной масти) и после молитвы о ниспослании дождя закалывали его. «Мулла с молитвой,— подчеркивает Т. Кашежев,— смачивает водою морду, ноги и спину животному, которого тотчас же режут и мясо раздают присутствующим по куску на каждое семейство» [83]. Затем наступал главный и заключительный этап обряда. Снятую кожу после молитвы над ней проволакивали по селу [84].

Кроме отмеченных, применялись некоторые другие обряды вызывания дождя. Так, у черноморских шапсугов во время засухи брали в бутылку воду из горного озера Хаджи, расположенного на перевале Хыко, бутылку относили к морю и опускали в воду, полагая, что после этого непременно пойдет дождь. Считалось, что если бутылка разобьется в море, то дождь будет идти все время. У адыгов, как и у других, при засухе обрызгивали водой амбары для хранения кукурузы [85].

Наконец, почти у всех горцев региона существовало поверье, что если разрушить гнездо вороны, то обязательно пойдет дождь. Поэтому многие прибегали и к этому магическому действию.

Горцы Центрального Кавказа нередко страдали от непогоды, от непрерывно продолжавшихся дождей. Чтобы прекратился дождь, они обращались к своим божествам и покровителям, совершали магические обряды. Так, в 1910 г., по сообщению современника, дождливая погода, стоявшая в течение всего мая, вынудила жителей осетинского села Лескен «принести богу жертву, т. е. устроить по старинному осетинскому обычаю всеобщий общественный пир (хъау кувд), дабы вымолить сухую погоду». Для этого общественные выборные произвели сбор по 10 коп. с души, на собранные деньги купили корову и несколько баранов, которых зарезали за селом. Здесь же устроили хъау кувд, на который каждый хозяин обязан был принести три пирога и определенное количество

араки. Однако не успели еще сесть за стол, как вместо ожидаемой сухой погоды хлынул страшный дождь [86].

Обряд вызвания сухой погоды устраивали до недавнего прошлого по всей Осетии.

Совершенно другие магические приемы применяли чеченцы для прекращения дождя. Вот некоторые из них: 1) выносили из помещения закопченный котел и ставили под дождь в опрокинутом виде, переворачивали всю посуду; 2) делали чучело в наряде старухи и выставляли его под дождь; если дождь не прекращался, об голову чучела-старухи разбивали тухлые яйца; 3) женщины бегали по селу с бронзовыми и медными тазами и выкрикивали имена лысых односельчан [87].

По другим горцам региона данные о подобных обрядах отсутствуют Посевы горцев, особенно в равнинной зоне, страдали от дождей меньше чем от засухи. Отсюда меньше внимания исследователей к обряду вызывания сухой погоды.

Обряды, связанные с началом весенне-полевых работ

Выход в поле и проведение первой борозды отмечались повсюду в регионе большим торжеством и выполнением различных магических обрядов. В честь земледельческих божеств повсюду устраивали празднества, сопровождавшиеся жертвоприношениями, угощением, песнями и танцами.

Отправлялись в поле на пахоту одновременно всем кварталом или селом во главе с выборным старшим пахарем, которым мог быть только опытный и уважаемый хлебороб. Начало весенних полевых работ и завершение пахоты отмечались у адыгов проведением особого аграрного праздника «Возвращение с пахоты» (Вак уэихьиэж), неизвестного другим северокавказским народам. Наиболее богато, красочно и многообразно он отмечался у кабардинцев, что объясняется, по-видимому, общественным характером процесса пахоты у них. Кабардинский праздник «Возвращение с пахоты» вызвал большой интерес многих исследователей [88]. Приведем некоторые данные о нем, чтобы выявить его характерные особенности.

Рассматриваемый аграрный ритуал адыгов состоял из двух частей: выезд и возвращение с пахоты. Первая часть осуществлялась под руководством старшего пахаря. По его указанию выбирали место для стана (*вакIуэ пщыIуэ*), строили шалаши, причем около шалаша старшего пахаря ставили знамя пахарей общины (*вакIуэ бэракъ*) — длинный шест с квадратным куском материи желтого цвета. Считали, что чем длиннее шест, тем обильнее будет урожай, желтый же цвет символизировал созревание урожая. Знамя являлось важнейшей принадлежностью стана пахарей, им подавали сигнал о начале работы, о перерывах на завтрак, обед и т. д. Знамя, являвшееся символом урожая и изобилия, строго охраняли, его могли украсть пахари из соседнего села, что считалось не только большим позором, но и несчастьем. С пребыванием пахарей на стане связаны многие народные игры адыгов, в частности кабардинцев («Возвращение отколовшихся от основной массы пахарей», «Кража шапки», «Пристыживание поваров» и др.), о них подробно говорится в работе С. Х. Мафедзева [89].

Весьма торжественно проходила вторая часть праздника. Она отмечалась после окончания пахоты и возвращения пахарей в село. К этому дню готовились все, женщины приготовляли различные традиционные кушанья и напитки, сельские плотники изготовляли фигуры животных и птиц (коров, буйволов, кур, ворон и т. д.) для *къэбакъ* (мишень для стрельбы в цель), а девушки — маску и одежду *ажегафа* — танцующего козла-клоуна, центральная фигура всего праздника. Он выбирался из молодых пахарей, обладавших остроумием и находчивостью. Ряженый действительно походил на козла: «У него была черная войлочная маска, длинный хвост. Глаза были обведены красной каймой, длинная борода из шерсти, а голову венчали козлиные рога... носил вывернутую овчинную шубу и на поясе у него висел деревянный фаллос» [90].

Когда все было подготовлено, пахари покидали полевой стан и отправлялись строем в село. Впереди двигалась арба со знаменем и кобаном (мишенью), увешанным фигурками животных и птиц. Сзади арбы следовали ажегаф и его охрана, вооруженные деревянными доспехами, и все остальные пахари. Всю дорогу «козел» развлекал и смешил пахарей. «Как только эта процессия,— пишет Кантария М. В.,— входила в аул, встречавшие обливали водой ее участников, чтобы лето было без засухи и урожайное, дети же бросали тухлые яйца» [91]. В центре аула или села пахари останавливались и начинался праздник. Он сопровождался скачками, стрельбой в цель, танцами, песнями и т. д. Главным действующим лицом торжества был ажегаф, который развлекал зрителей своими шутками, фокусами, различными театрализованными представлениями.

Таким образом, обряд возвращения с пахоты у кабардинцев имел элементы народного театрального искусства адыгов.

Хотя указанный праздник известен только у адыгов, начало весенних полевых работ и проведение первой борозды отмечались всеми северокавказскими народами. У осетин праздник начала пахоты называется почти повсюду «хоры бон» (*хор* — хлеб, *бон* — день), только в Тагаурии он именуется «Рамоны бон» — день Рамона. Неоднократное описание этого праздника еще в прошлом столетии дает нам возможность ограничиться лишь краткой характеристикой некоторых его черт. Праздник «хоры бон» устраивали перед выходом на пахоту жители каждого села или квартала. Хозяин, на которого падала очередь устраивать праздник в этом году, резал откормленного быка, варил бузу и приглашал на *кувд*, (пир) от каждого двора одного или двух мужчин; женщинам не полагалось участвовать в празднестве, поскольку Уацилла считался покровителем мужчин. Во время праздника под традиционным обращения-заклинания старики обливали бузой голову распределителя кувда в будущем году или одного из «счастливых» пахарей. В ряде мест горной Осетии после завершения указанной процедуры этот пахарь отправлялся в поле и, проведя первую борозду, возвращался обратно. В основном же выход в поле на пахоту совершался одновременно всем селом или кварталом на второй день после праздника.

Празднование начала весенне-полевых работ у вайнахов сопровождалось также различными магическими обрядами. Так, еще в 80—90-е годы XIX в. в ряде сел горной Ингушетии пахотное орудие (*нох*) перед выходом в поле обливали брагой. В Джерахском ущелье ингуши, подобно осетинам, варили пиво, приносили жертвы, устраивали в каждом селе-

нии общественное пиршество. В ряде сел на равнине Чечни широко был известен праздник, сопровождавшийся сложным ритуалом, описанным еще в 50-х годах XIX в.[92], а в наше время — чеченским этнографом С. М. Хасиевым. Приведем лишь некоторые его детали. Праздник отмечался в марте в течение трех дней, на четвертый день выводили плуг в поле в сопровождении жителей села. После проведения трех борозд впереди упряжи выводили корову с большим калачом на рогах, испеченным в доме выборного плугаря из муки разных злаков. Здесь же молодежь устраивала игру (*куьйла*), заключавшуюся в том, что юноши и девушки бросались к калачу, рвали его на куски и разбрасывали по вспаханному полю.

Традиционными обрядами сопровождались и все другие процессы земледелия — посев, уборка хлебов, веяние и т. д. Широко практиковались различные обереги «от дурного глаза». Одним из таких оберегов служил почти у всех народов Северного Кавказа конский череп, который надевали на кол ограды усадьбы или на участке кукурузных посевов у прохожей части дороги. У чеченцев наряду с этим подвешивали камни с естественными отверстиями.

Таким образом, как мы пытались показать, народные верования и обряды у горцев Северного Кавказа, связанные с земледелием, имели много общего и в то же время характеризовались яркими этническими и локальными особенностями.

---

1 *Хан-Гирей.* Избранные произведения. Нальчик, 1974, с. 176—177.
2 *Жданов Н.* Рассказы о кавказском племени осетинов. М., 1898, с. 8, 18.
3 *Данилевский Н.* Кавказ и его жители. М., 1851, с. 139—140.
4 Адыги, балкарцы, карачаевцы, с. 79—80.
5 Там же, с. 340.
6 Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. Материалы шапсугской экспедиции. М., 1940, с. 50.
7 Религиозные верования народов СССР, т. 2. М., 1931, с. 45.
8 Очерки истории Карачаево-Черкесии, с. 371.
9 Религиозные верования народов СССР, с. 25—30.
10 Там же, с. 32—35.
11 *Пфаф В. Б.* Путешествие по ущельям Северной Осетии.— ССКГ, 1871, т. 1, с. 157.
12 *Шегрен А. М.* Религиозные обряды осетин, ингушей и пр.— Маяк, 1843, т. 7, с. 44; *Калоев Б. А.* Осетины, с. 281—282.
13 *Шанаев Дж.* Осетинские народные сказания.— ССКГ, 1870, вып. 3, с. 27—28.
14 *Калоев Б. А.* Осетины, с. 282—283.
15 *Мамбетов Г. Х.* Праздники и обряды адыгов, связанные с земледелием.— УЗКБНИИ, 1967; т. 24; *Кантария М. В.* О некоторых пережитках аграрного культа в быту кабардинцев.— УЗАНИИЯЛИ, 1968, т. 8: *Мафедзев С. Х.* Обряды и обрядовые игры, связанные с хозяйственным и семейным бытом адыгов в XIX — начале XX в. Нальчик, 1979.
16 *Шиллинг Е.* Черкесы.— В кн.: Религиозные верования...
17 *Лавров Л. И.* Домусульманские верования адыгейцев и кабардинцев.— ТИЭ, 1959, т. 51.
18 *Хан-Гирей.* Избранные произведения, с. 176.
19 Там же.
20 См.: Религиозные пережитки...
21 Религиозные верования..., с. 53.
22 *Кантария М. В.* О некоторых пережитках..., с. 355.
23 См.: Адыги, балкарцы, карачаевцы; Религиозные верования народов СССР и др.
24 *Мамбетов Г. Х.* Праздники..., с. 168.
25 *Кантария В. М.* О некоторых пережитках..., с. 354—357.
26 *Мамбетов Г. Х.* Праздники..., с. 165—170.
27 *Мафедзев С. Х.* Обряды..., с. 23—27.
28 *Кантария В. М.* О некоторых пережитках..., с. 356.
29 *Мамбетов Г. Х.* Праздники..., с. 167, 169.
30 *Балкаров.* Значение и употребление суффикса *уэ/у* в кабардинском языке.— УЗКБНИИ, 1949, т. 5, с. 119.

31 *Шаманов И. М.* Народный календарь карачаевцев.— СЭ, 1971, № 5, с. 14.
32 *Миллер В.* Осетинские этюды, с. 280.
33 Там же, с. 279.
34 *Гатиев Б.* Суеверия и предрассудки у осетин.— ССКГ, 1876, т. IX, с. 42.
35 *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, с. 273—274.
36 Осетинское народное творчество, т. 2. Орджоникидзе, 1961, с. 318—323 (на осет. яз.); *Чибиров Л. А.* Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976, с. 182—184.
37 Осетинское народное творчество, т. 2, с. 253—254.
38 Там же, с. 321—322.
39 *Ахриев Чох.* Ингушские праздники.— ССКГ, 1871, вып. V; *Шиллинг Е. Н.* Ингуши и чеченцы, с. 9—38.
40 Религиозные верования..., с. 31—32.
41 Кавказ, 1848, № 3.
42 Адыги, балкарцы, карачаевцы, с. 74—75.
43 Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 54.
44 *Миллер В.* Осетинские этюды, ч. 2, с. 241.
45 *Собиев И.* Дигорское ущелье.— Архив СОНИИ, ф. 11, д. 16, л. 75.
46 *Лавров Л. И.* Домусульманские верования..., с. 217.
47 *Люлье.* Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927, с. 33.
48 *Лавров Л. И.* Домусульманские верования..., с. 217; *Мафедзев С. Х.* Обряды..., с. 531.
49 Религиозные пережитки..., с. 52.
50 *Мафедзев С. Х.* Обряды..., с. 51.
51 Религиозные пережитки..., с. 39.
52 *Лавров Л. И.* Домусульманские верования..., с. 217.
53 Адыги, балкарцы, карачаевцы, с. 78, 79.
54 Религиозные верования..., с. 21.
55 Его особенно почитали жители селений Цамат, Урсдон, Донисар.
56 *Гатиев Б.* Суеверия..., с. 32.
57 *Чибиров Л. А.* Народный..., с. 168, 169.
58 Об этом ниже.
59 *Калоев Б. А.* Осетины, с. 244.
60 Кавказ, 1864, № 23.
61 *Дубровин Н. Н.* История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1, с. 387.
62 Религиозные верования..., с. 21.
63 См.: *Сталь К. Ф.* Этнографический очерк черкеского народа.— КС, 1900, т. XXI, с. 111; *Лавров Л. И.* Домусульманские верования..., с. 217; Религиозные пережитки..., с. 9, 15, 19; *Мамбетов Г. Х.* Праздники..., с. 176—179.
64 Религиозные верования..., с. 47.
65 *Лавров Л. И.* Домусульманские верования..., с. 217, 219.
66 Религиозные верования..., с. 43.
67 Там же.
68 *Мамбетов Г. Х.* Праздники..., с. 184.
69 *Кануков И.* В осетинском ауле.— ССКГ, 1878, вып. VIII, с. 16.
70 *Мамбетов Г. Х.* Праздники..., с. 181.
71 Религиозные пережитки..., с. 50; Религиозные верования..., с. 46.
72 Религиозные верования..., с. 33, 34.
73 Там же, с. 35.
74 *Ахриев Ч.* Ингушские праздники.— ССКГ, 1871, вып. V, с. 9.
75 *Грабовский Н. Ф.* Экономический и домашний быт жителей горного участка Ингушского округа.— ССКГ, 1870, вып. III, с. 16.
76 Кавказ, 1866, № 65.
77 *Хасиев С. М.* Земледелие чеченцев и ингушей в XIX — первой четверти XX в.— Автореф. канд. дисс. М., 1973, с. 75.
78 У чеченцев обряд именуется *къарикъули* (см.: Очерки истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1963, с. 16).
79 *Кантария М. В.* О некоторых пережитках..., с. 358.
80 *Мамбетов Г. Х.* Праздники..., с. 180.
81 Религиозные верования..., с. 48.
82 *Кашежев Т.* Ханцегуаша.— Новое обозрение, 1900, кн. XIV.
83 Там же, с. 175.
84 *Мамбетов Г. Х.* Праздники..., с. 180.
85 Религиозные пережитки..., с. 42.
86 ТВ, 1910, № 117.
87 *Хасиев С. М.* Земледелие..., с. 148.
88 *Акритас П. Г.* Аграрный праздник в Кабарде.— УЗКБНИИ, 1948, с. 5; *Мамбетов Г. Х.* Праздники..., с. 170—171; *Кантария М. Б.* О некоторых пережитках..., 364—366; *Калмыков И. Х.* Черкесы, с. 100; *Мафедзев С. Х.* Обряды..., с. 33—43 и др.
89 *Мафедзев С. Х.* Обряды..., с. 28—35.
90 *Кантария М. В.* О некоторых пережитках..., с. 366. Из этого описания видно, что адыгский аджегаф был совершенно аналогичен осетинскому «маймули» в Куртатинском ущелье Северной Осетии, где он выступал на популярном народном празднике в честь Дзвгисы Уастырджи (св. Георгия сел. Дзвгиса). См.: *Туганов М.* Элементы театра в осетинском народном творчестве.— Советская Осетия. Литературно-художественный альманах. Орджоникидзе, 1959, № 3, с. 141—142.
91 *Кантария М. В.* О некоторых пережитках..., с. 367.
92 *Зиссерман А. З.* 25 лет на Кавказе. СПб., 1854, ч. 2, с. 213.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы пытались показать, характер земледелия на Северном Кавказе во многом определялся природными условиями и вертикальной зональностью. Именно благодаря благоприятным климатическим условиям жители Западного и Восточного Кавказа, например, имели возможность сеять важнейшие хлебные злаки, широко разводить, особенно в районах Кавказского Причерноморья, сады и огороды. Суровые климатические условия Центрального нагорного Кавказа не позволяли возделывать многие сельскохозяйственные культуры. Из-за ранних снегопадов и холодов здесь успели созревать только особые морозоустойчивые сорта ячменя. Тем не менее горцами принимались энергичные меры для возделывания пшеницы и даже кукурузы, для выращивания различных огородных культур и плодовых деревьев. Н. И. Вавилов, проводя в 1939 г. исследования по Северному Кавказу, отмечал, что верхние пределы земледелия достигают в Карачае 2200 м, в Балкарии (по Баксанскому ущелью) — 2200—2250 м, в Северной Осетии (по Алагирскому ущелью) — 2300 м, в Ингушетии — 2000 м, в Чечне — 2130 м. Говоря о посевах картофеля, зафиксированных им во многих местах региона на высоте более 2250 м, он полагал, что картофель, как и ряд других овощных и зерновых культур, может быть продвинут и «выше, почти до вечных снегов и ледников» [1]. Не менее важное значение Н. И. Вавилов придавал и разведению садов в горах. Во время экспедиции в Северной Осетии около Цейского ледника им были обнаружены «отдельные деревья высокоценных сортов яблонь». Эти и другие данные дали ему возможность считать, что в Центральном нагорном Кавказе плодоводство «смело может быть продвинуто до 1500—1700 м и даже выше на наиболее защищенных участках» [2].

Природные условия определяли характер земледелия. Большая часть территории Западного и Восточного Кавказа была покрыта лесами, поэтому здесь издавна практиковалась преимущественно подсечно-огневая система земледелия. В лесах Центрального Кавказа преобладали широколиственные породы деревьев (бук, дуб, граб, клен, ясень, липа, тополь, карагач и др.), находившие широкое применение при изготовлении различных сельскохозяйственных орудий. Особенно большим спросом пользовались дуб и самшит, растущие преимущественно на склонах гор влажных районов Черноморского побережья.

В то же время почти во всей высокогорной зоне региона, а также во многих районах горной зоны леса отсутствовали. Это создавало определенные трудности с топливом, в строительстве, в изготовлении орудий труда и предметов домашнего обихода. Возможно, отсутствие лесов в

районах Балкарии, Карачая явилось одной из главных причин широкого распространения здесь ирригационных систем.

Изучение горного земледелия во многих районах земного шара позволило Н. И. Вавилову прийти к выводу, что горные районы сыграли выдающуюся роль в развитии человеческой цивилизации. Почти все главнейшие центры, или очаги, формирования важнейших культурных растений, по данным Н. И. Вавилова, располагаются в горных зонах. Так, например, древнейшим самостоятельным очагом земледелия и происхождения культурных растений в Азии он считал горный Центральный и Западный Китай и прилегающие к нему низменные районы, в Южной Америке — высокогорные Перу, Боливию и отчасти Эквадор. Из 640 важнейших культурных растений на земном шаре на долю Старого света приходится подавляющее большинство — 500 растений, находящихся преимущественно в горных районах Азии и Южной Европы. Н. И. Вавилов доказал также, что центры происхождения культурных растений совпадают с очагами формирования домашних животных [3]. В настоящее время это положение считают бесспорным. Таким образом, горные районы, отличающиеся наиболее благоприятными климатическими и почвенными условиями по сравнению с тропическими и субтропическими низменностями, осваивались человечеством раньше всего [4].

Положения Н. И. Вавилова о значении горных и предгорных районов как первоначальных очагов культуры находят яркое подтверждение и в материалах Северного Кавказа. Достаточно отметить, что носителями знаменитой кобанской культуры, как и майкопской, являлись местные горные племена, отличавшиеся высоким развитием земледелия и скотоводства.

Как показывают археологические исследования, уже в эпоху ранней бронзы земледелие играло исключительно важную роль в жизни населения всего нагорного Кавказа. В этот период осваивались для земледелия самые труднодоступные горные районы. Ярким доказательством может служить Галгалатлинское поселение в горах Дагестана, где было найдено значительное количество земледельческих орудий и хлебных злаков [5]. В целом в рассматриваемое время горное земледелие Кавказа находилось на таком уровне развития, что археологические памятники этой эпохи зафиксировали «весь земледельческий процесс, начиная с обработки земли и посева и кончая сбором урожая и хранения зерна».

Ранний бронзовый век характеризуется на Кавказе наличием главных хлебных растений — пшеницы, ячменя и проса. При этом, как свидетельствуют археологические находки в Дагестане, в высокогорных и горных районах возделывали преимущественно ячмень. Древние обитатели гор сеяли тогда такие сорта этой культуры, как двурядный и шестирядный ячмень. Культура проса была известна только в предгорьях, отличающихся более теплым климатом. Значительное распространение здесь имела и мягкая пшеница, а также полба [6].

Носители майкопской культуры применяли серпа, имевшие как гладкие, так и зазубренные рабочие края. Такие кремниевые вкладыши для серпов были найдены в погребениях у сел. Старый Лескен в Кабардино-Балкарии [7]. Горцы вплоть до недавнего времени сохраняли древнюю традицию изготовлять серпы с гладкими и зазубренными краями.

В последующие эпохи развитие земледелия в горных и предгорных районах Северного Кавказа достигло значительного уровня. «В первой

половине I тысячелетия до н. э.,— пишет Е. И. Крупнов,— в связи с общим подъемом хозяйства и развитием производительных сил несомненно сделало шаг вперед земледелие. Развитие земледелия стимулировалось растущей плотностью населения, о чем можно судить по густоте расположения древних памятников». Хотя автор утверждает, что земледелие в нагорной зоне якобы не имело «большего значения, чем скотоводство», приведенные им данные говорят о высоком уровне развития этой отрасли хозяйства, в том числе в таких высокогорных местах, как, например, сел. Галиат в Дигорском ущелье Северной Осетии. Бронзовые серпы, найденные здесь, доказывают значительное расширение посевных площадей жителями высокогорной зоны. В целом же появление металлических серпов на территории региона свидетельствует о крупном скачке в земледельческой технике, о переходе от мотыжного земледелия к плужному. Предполагают, что одновременно с бронзовыми серпами появилось горное пахотное орудие, применявшееся не только на плодородных землях предгорья, но и в высокогорной зоне [8].

Таким образом, уже в первой половине I тысячелетия до н. э. земледелие являлось одним из главных занятий древних жителей нагорного Кавказа, что подтверждается многочисленными находками земледельческих орудий, а также примитивных каменных жерновов и главных хлебных злаков — ячменя, пшеницы, овса и проса.

Земледелие скифо-сарматской эпохи на Северном Кавказе характеризуется широким применением железных орудий (серпов, рала с железным сошником), больших каменных мельничных жерновов, на поселениях обнаружены зерновые ямы с хлебными злаками (пшеницы, ячменя, проса). Как свидетельствуют археологические памятники, в эту эпоху одним из крупных земледельческих районов региона являлось Прикубанье.

Памятники развитого средневековья на территории региона богаты находками различных земледельческих орудий, в частности частей тяжелого передкового плуга (резаков, лемехов), обнаружены множество земляных ям для хранения зерна, большие мельничные жернова. Все это свидетельствует о возделывании здесь в этот период обширных посевных площадей. Как мы пытались показать, на равнине и отчасти в предгорьях выращивали преимущественно просо и пшеницу, в горах и особенно в высокогорных районах сеяли в основном ячмень.

Данные археологии и письменных источников позволяют говорить о ведущей роли земледелия в хозяйстве жителей равнинной зоны региона в рассматриваемое время. Не будет преувеличением сказать, что в средние века на Северном Кавказе широко практиковались все основные системы земледелия: подсечная, перелог, трехполье. В горных районах создавались террасные поля, повсюду применяли удобрения, а в ряде мест, особенно на Северо-Западном Кавказе, имелись ирригационные системы для орошения пахотных и сенокосных угодий, о чем свидетельствуют остатки средневековых оросительных каналов, следы которых обнаружены в некоторых местах современных Балкарии и Карачая.

Татаро-монгольское нашествие коренным образом изменило этническую карту этого края, хозяйство, в том числе земледелие, особенно в равнинной зоне, пришло в упадок, у народов Центрального Кавказа исчезли целые отрасли хозяйства, в частности коневодство и пчеловодство. Оттесненные с равнины в горные районы, аланы и половцы оказа-

лись в непривычных для них условиях. Им пришлось учиться у коренных жителей горному земледелию, в том числе умению обрабатывать поля. В позднем средневековье меняется соотношение между равнинным и горным земледелием в пользу горного. Горные районы, не затронутые татаро-монгольским нашествием, сохранили высокий уровень развития хозяйства, в том числе земледелия. Здесь каждый удобный клочок пахотной земли после тщательного ухода и обработки использовался под посевы. К. Хетагуров, описывая быт горцев высокогорного района — Нарской котловины Северной Осетии, отмечал: «Значительная высота местности над уровнем моря, большое падение склонов и почти полное отсутствие чернозема делают занятие хлебопашеством возможным только при необыкновенно тщательном уходе за землей... Пашни ежегодно по нескольку раз очищаются от щебня, заносимого ливнями, таящим снегом и завалами, систематически удобряются навозом и, если есть какая-нибудь возможность, орошаются искусственно» [9]. Многочисленные следы террасных полей и оросительных систем, сохранившиеся в горах Западного Кавказа, являются ярким доказательством высокого уровня развития земледелия [10].

Горное земледелие Северного Кавказа культивировало многочисленные сорта культурных растений, в том числе главных злаков — ячменя, пшеницы и ржи. Н. И. Вавилов изучал здесь сорта указанных хлебных злаков, не имевших, по его словам, себе равных в мировом ассортименте культурных растений. Он отмечал, что «почва горных и предгорных районов Северного Кавказа отличается превосходным качеством, могущим обеспечить высокие урожаи», что озимые ячмени региона по зимостойкости «не имеют конкурентов в мировом ассортименте» и должны быть взяты «в основу практического семеноводства и селекции». Значительный интерес, по словам ученого, представляют и местные горные сорта яровой и озимой пшеницы, причем яровые сорта здесь «представлены преимущественно своеобразной группой мягких пшениц» [11].

В целом горное земледелие по сравнению с равнинным до 70—80-х годов XIX в. имело более высокий уровень развития. Большинство населения горной зоны обходилось своим урожаем, не покупая хлеб на стороне. Для равнинных жителей земледелие в это время являлось второстепенным занятием. Огромные просторы равнинной зоны Северного Кавказа, занятые горцами и русским населением, использовались лишь для скотоводства — главной отрасли хозяйства равнинных жителей. По подсчетам П. А. Шацкого, в 1876 г. в Кубанской области, например, пахотная земля составляла лишь 24%, остальная ее часть использовалась под сенокос и пастбища. В Ставропольской губернии в 1870-х годах под пашней находилось от 33 до 50% общей площади [12].

Огромная часть плодородных земель Предкавказья не использовалась под пашню. Об этом неоднократно писали современники. Вот что, например, писал Я. Абрамов, совершивший в 1893 г. путешествие по Ростово-Владикавказской железной дороге: «Огромные степи, раскинувшиеся по обе стороны рельсового пути и продолжающиеся затем вплоть до Черного и Каспийского морей, по-видимому, во многих местах не знали еще прикосновения плуга... Только редко попадаются места, занятые посевами хлебов, преимущественно пшеницы, ячменя и проса, и еще реже — населенные места» [13]. Особенно медленно развивалось земледелие в равнинной зоне Терской области, считавшейся «страной лугов».

Исключение составляла здесь Чеченская равнина, ставшая уже в 70-х годах XIX в. житницей всего Восточного Кавказа. Н. А. Вроцкий отмечал, что в 1872 и 1873 гг. Чечня «кормила не только Дагестан, но и Персию. В эти годы тавлинцы (горцы Дагестана.— *Б. К.*) вывозили десятки тысяч арб кукурузы из аулов Шали и Урус-Мартана, главных хлебных пунктов Чечни. Мне говорили урусмартанские старики, что аул, состоящий из 1200 дворов, может в урожайный год прокормить весь год целую Чечню» [14].

Развитие капитализма, все возрастающий спрос на хлеб вызвали резкое увеличение посевных площадей на равнине региона. В. Щербина отмечал, что в течение 16 лет после открытия Владикавказской железной дороги население в Кубанской области почти удвоилось, а хлебные запашки возросли с 500 тыс. дес. до 1,5 млн. дес. [15] Интересно, что еще в 1879 г. здесь распахивалось всего 39 500 дес., из них под озимую пшеницу и рожь — 8 тыс. дес., под яровую пшеницу — 9500 дес., овес — 5600 дес., ячмень — 3600 дес.[16] В 1881 г., по данным секретаря Кубанского областного статистического комитета Е. Д. Фелицина, на Кубани под посевами находилось 1 244 974 дес. земли, в 1894 г. общая площадь посевов здесь определялась в 1 696 640 дес. [17]

Быстрое развитие земледелия наблюдается и в Ставропольской губернии. По подсчетам П. А. Шацкого, в 1880—1884 гг. посевная площадь в губернии в среднем составляла всего 748 тыс. дес., а уже в 1895—1899 гг. она составляла 1038 тыс. дес., т. е. в среднем возросла почти на 39% [18]. В это время земледелие появляется у оседлых ногайцев, туркмен и калмыков. В обзоре Ставропольской губернии за 1879 г. говорилось, что земледелие у этих народов «имеет второстепенное значение» и что оно ведется «только небольшой частью оседлых при содействии русских крестьян» [19]. К сказанному мы можем добавить, что, по нашим этнографическим исследованиям, оседлые ногайцы, живущие на территории современной Карачаево-Черкесской АО, земледелие заимствовали у соседних черкесов. Для пахоты они использовали черкесские земледельческие орудия, в том числе тяжелый передковый плуг. Подобно черкесам, они засевали поля почти исключительно просом.

Вторая половина XIX в. характеризуется быстрым развитием земледелия и в Терской области. В 1881 г. здесь под посевами находилось 350 тыс. дес.[20] В отчете начальника области за 1889 г. отмечалось, что земледелие является самой существенной отраслью хозяйства в области, «благодаря которому живет свыше 80% всего населения». Самым распространенным хлебным злаком почти у всех равнинных жителей в это время становится кукуруза [21]. В 1903 г. в Терской области под посевами было занято 513 827 дес., в том числе под озимыми хлебами 183 953 дес., под яровыми — 329 872 дес. Среди озимых хлебов первое место занимала пшеница — 127 400 дес., а среди яровых — кукуруза — 148 763 дес. Большое количество посевных площадей занимало просо, возделывавшееся главным образом кабардинцами, употреблявшими «почти исключительно просяной хлеб» [22].

В Большой Кабарде даже в конце XIX — начале XX в. главным занятием продолжало оставаться скотоводство, считавшееся более легкой и выгодной отраслью хозяйства, чем земледелие. Новые сельскохозяйственные культуры и орудия труда очень медленно внедрялись в быт кабардинцев.

С развитием земледелия на равнине пришло в упадок горное земледелие. Горец, получив возможность покупать на равнине нужное ему количество хлеба по сравнительно недорогой цене, забросил свои террасные поля, требовавшие для обработки огромное количество труда и времени. Главным занятием горцев теперь стало скотоводство, преобретавшее все большее товарное значение.

Одной из главных причин упадка горного земледелия можно считать, несомненно, массовое переселение горцев на равнину, продолжавшееся в течение длительного периода. В результате этого процесса, усилившегося во время Великой Отечественной войны и после нее, в Осетии и Чечено-Ингушетии, например, осталась без населения не только вся высокогорная зона, но и ряд горных районов, еще недавно имевших высокий уровень развития многих отраслей хозяйства, в том числе земледелия. Огромные пустующие территории в верховьях Ардона, Терека, Асы и притоков Аргуна стали использоваться теперь только как пастбища. Эти земли не очищаются от камней, не удобряются и не орошаются. Все это способствует, естественно, усилению процессов эрозии. В последнее время принимаются решительные меры для подъема хозяйства в горных районах зоны. Для создания развитого комплексного хозяйства в горах необходима постройка современных автомобильных дорог, электрификация горных районов, создание культурно-бытовых условий жизни, которые бы привлекли сюда население.

В свое время переселение горцев с гор на равнину имело на Северном Кавказе, как и в других районах Кавказа, важное прогрессивное значение; оно избавляло их от тяжелых условий жизни в горах, способствовало появлению у них новых отраслей хозяйства на равнине, на плоскости горцы активнее вовлекались в строительство новой, социалистической жизни. Современное развитие техники, средств коммуникации дает возможность возродить к новой жизни горные районы Северного Кавказа — древнейшие места обитания человека.

*

Важным вопросом при изучении основных занятий горцев является и вопрос культурного взаимовлияния их с русским населением Северного Кавказа. Горские народы имели древние хозяйственные связи с русским населением. Через русских горские народы познакомились с разведением и выращиванием ряда важных культурных растений. В развитии земледелия у горцев равнинной зоны немалую роль сыграли земледельческие орудия, завезенные русскими поселенцами. К ним относится, в частности, тяжелый передковый плуг, заимствованный осетинами, ингушами и чеченцами у соседних русских и украинских казаков. От русских были восприняты горцами рамочные бороны, а также некоторые мотыги. Применение рамочных борон сыграло важную роль в земледелии горцев; оно позволило им намного увеличить размеры посевных площадей под пшеницу и особенно под кукурузу. В свою очередь русские поселенцы восприняли от соседних горцев немало культурно-хозяйственных навыков. Большой интерес в этом отношении представляет статья И. Герко «Что нужно для развития хозяйства за Кубанью», в которой, в частности, указывается на восприятие русскими поселенцами Кубани земледельческих навыков у абадзехов — одной из больших групп западных адыгов.

«Все на первых порах,— пишет автор,— рыли землю вглубь, безжалостно делали нивы, где попало, и хлебные семена бросали в землю, не получая всхода; а если абазехи делают запашки не по-нашему, то способ этот они выработали временем... Чтобы увидеть, насколько мы ошибаемся в этом, рассмотрим хлебопашество горцев... Он (т. е. горец.— *Б. К.*) свое зерно бросал в черноземный слой, а мы бросаем его в глину. Горец предохранял свои нивы от вымокания и вообще от сырости и давал им возможность воспользоваться плодородной солнечной теплотой. А мы как делаем?... беремся за равнинку, где поудобнее, зато полилась вода с гор... Горец засевал густо, отдавал, так сказать, процент природе, т. е. бросал на убыль... мы сеяли почти вполовину реже... Горец не употребляет бороны не потому, что не имеет ее, а потому что не нуждается в ней... Горцы озимые посевы делают весьма рано: так, рожь сеется ими в последних числах августа, и другой хлеб до половины сентября весь в земле. Один опыт только мог указать время засева. Зерно, брошенное в землю, раньше пускает ростки, тогда оно не подвергается вымоканию и начинающиеся за Кубанью с первых чисел октября или даже в последних сентября дожди меньше ему вредят. А мы сеем поздно, и зерно наше застает дождь... Яровые же посевы горцы не спешат делать, давая возможность земле лучше согреться от весеннего солнца» [23]. Мы привели эту цитату для того, чтобы показать, насколько высоко стояла народная агрономия горцев и как жизненно важно было ее освоение новыми поселенцами.

Наряду с приемами земледелия казаки заимствовали у горцев и ряд их главных земледельческих орудий. Сюда прежде всего относятся легкий плуг и горское пахотное орудие (рало), а также горская волокуша, служившая у всех предгорных и равнинных жителей, в том числе и казаков, для заделки проса. Несомненно, что деревянные и каменные катки, широко применявшиеся для молотьбы русскими казаками и крестьянами на Северном Кавказе, особенно во второй половине XIX в., также были восприняты от горских народов. Наши этнографические исследования не оставляют в этом никакого сомнения; они доказывают, что указанные орудия первоначально появились на территории Западного и Восточного Кавказа, откуда они распространились в другие районы равнинной и отчасти горной зоны региона. Значительное применение, особенно среди терских казаков, имела и молотильная доска, заимствованная ими также у горцев. Орудие это широко практикуется до сих пор в горах Дагестана и по всему Закавказью.

Во второй половине XIX в. равнинная зона Северного Кавказа становится крупнейшим хлебным районом России. По площади посевов озимой пшеницы Кубань и Ставрополье занимали первое место, а по посевам ячменя Северный Кавказ уступал только южной степной зоне — Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской губерниям и Донской области [24]. Столь быстрое развитие земледелия на Северном Кавказе в пореформенный период объясняется такими важнейшими факторами, как массовое заселение и освоение огромных просторов Ставрополья и Кубани выходцами из южных и центральных губерний России, постройка Владикавказской железной дороги, связавшей регион с азовскими и черноморскими портами, через которые хлеб отправлялся за границу.

Судя по годовым отчетам, в конце XIX в. Кубань и Ставропольская губерния производили главным образом пшеницу и ячмень. На Кубани

средний сбор этих главных зерновых культур составлял 76,2% к общему сбору зерновых, а в Ставропольской губернии — 68,7%. В Терской области средний сбор указанных хлебных злаков составлял всего 24,6%, в то время как сбор проса и кукурузы занимал 54,1% от общего сбора зерновых [25]. Кукуруза становится главным товарным зерном и сырьем для винокуренных заводов Кавказа и России. Она стала и главным продуктом питания у горцев не только равнинной зоны, но и в горах, где у жителей во многих случаях собственного урожая хватало лишь на несколько месяцев. Известный исследователь хозяйственного быта горцев Северного Кавказа в конце XIX в. А. Ардасенов, говоря о кукурузе, отмечал, что она «в несколько лет почти вытеснила пшеницу, ухудшив питание горца... Горцы очень довольны ее урожаем и находят ее самым благородным, надежным, «необманчивым» [26].

В 1896 г. производство кукурузы в Северной Осетии составляло 67% от общего производства сельскохозяйственных культур [27]. Такую же картину мы наблюдаем в соседних равнинных районах Ингушетии. Так, в 1901 г. валовой сбор зерна составлял там 137 354 четв., в том числе кукурузы — 126 532 четв., или 92,1% всех зерновых культур [28]. С 70-х годов XIX в. на полях Северного Кавказа появляется гречиха. Особенно много гречихи возделывали в Ставрополье [29] и на Кубани; в Терской области она встречалась в основном на полях казачьих станиц [30].

Во второй половине XIX в. появляются и новые высококачественные сорта хлебных растений. В Ставропольской губернии широко славились сорта яровой пшеницы, известные под названиями «горновка» и «гирка», при этом «горновка» возделывалась в засушливых местах края. «Этот твердый сорт пшеницы,—пишет П. А. Шацкий,— находил большой спрос на итальянском рынке для макаронных и кондитерских изделий». В засушливых районах Прикубанья сеяли озимую пшеницу «буйвалинка», мука из которой отличалась высоким качеством [31]. Как мы пытались показать, большой популярностью пользовались у горцев местные сорта пшеницы и кукурузы, выведенные ими в процессе вековой практики. Причем, как свидетельствуют этнографические данные, почти у каждого народа были свои, местные сорта пшеницы и кукурузы.

К сожалению, многие из них были утеряны, но то, что удалось зафиксировать, свидетельствует о высоком уровне развития земледелия у горских народов. Достаточно отметить, что только западные адыги разводили до 15 сортов проса, а также несколько местных сортов пшеницы и кукурузы.

Конец XIX в. ознаменован широким распространением картофеля, особенно в предгорных и горных районах Центрального Кавказа, разведением фруктовых садов, огородных и бахчевых культур. Можно сказать, что в это время картофель, заимствованный, по-видимому, у русских поселенцев, стал важнейшим культурным растением у осетин, балкарцев и карачаевцев (впервые посевы картофеля зафиксированы в 60-х годах XIX в. в горах Карачая, а в 70-х годах — в горных районах Осетии). В осетинских селах Ольгинское, Гизель, Хумаллаг и др. его производили не только для собственного потребления, но и для поставки на рынок. По своим вкусовым качествам особенно славился картофель, выращенный в горах, где его наряду с важнейшими хлебными злаками — пшеницей и ячменем сеяли на наиболее плодородных землях.

У осетин, например, эта культура прочно вошла и в их систему земледелия и чередовалась с указанными зерновыми растениями. Посевы картофеля доходили у них до самых ледников, достигая высоты более 2500 м над уровнем моря [32]. В целом же картофель на Северном Кавказе культивировался неодинаково. Так, в Кубанской области к концу XIX в. площадь под картофелем составляла всего около 8% посевных площадей. В это же время в Ставропольской губернии в среднем собирали картофеля 940 тыс. пудов в год, в Терской области — 2199 тыс. пудов [33]. Климатические условия предгорных и горных районов Центрального Кавказа особенно благоприятствовали выращиванию этой культуры.

Садоводство и огородничество среди горских народов было известно лишь западным адыгам. Отсутствие у большинства населения соответствующих навыков и приемов в указанных отраслях земледелия приводило к тому, что сады разводили только в некоторых местах Терской области и на Кубани. Большой популярностью, например, пользовались алагирские и владикавказские сады, возникшие еще в 60—70-е годы XIX в. благодаря усилиям русских специалистов. Знаменитые алагирские черные груши и яблоки находили широкий сбыт не только на Кавказе, но и в Центральной России [34].

Широкое развитие товарного земледелия в равнинной зоне Северного Кавказа, разумеется, могло осуществляться лишь при условии применения фабричных сельскохозяйственных орудий и машин. Большую роль в распространении последних сыграли специальные пункты по сбыту сельскохозяйственных орудий и техники русского и иностранного производства [35]. Уже в 1873 г. в Ставропольской губернии многие земледельцы применяли в своем хозяйстве паровые молотилки, жатвенные машины, молотилки с конным приводом, веялки, конные грабли, сенокосилки и сортировки. И позднее Ставропольская губерния являлась местом широкого распространения фабричных сельскохозяйственных орудий и машин. В. И. Ленин писал: «В Ставропольской губернии [...] в связи с ростом иммиграции в нее идет усиленное распространение с.-х. машин. В 1882 г. их считалось 908, в 1891—1893 гг. в среднем — 29 275; в 1894—1896 гг. в среднем — 5874; в 1895 — до 64-х тысяч с.-х. орудий и машин» [36]. Распространение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин в Кубанской и Терской областях относится в основном к 80—90-м годам XIX в. В обзоре Кубанской области за 1886 г. указывается, что первые усовершенствованные земледельческие орудия появились здесь вместе с переселенцами (иногородними) из внутренних губерний России. Именно благодаря им «Кубанская область обогатилась громадным количеством» этих орудий [37]. «Машины и орудия,— пишет П. А. Шацкий,— быстро и прочно входили в хозяйственный обиход казаков, большинство которых за 5—6 лет до этого не имело о них и понятия» [38].

В 1894 г. в Кубанской области насчитывалось 135 522 различных земледельческих орудия и машин русского и иностранного производства [39]. Хозяйство хлеборобов Кубани было хорошо оснащено и другими машинами, в том числе паровыми молотилками, на что указывал и В. И. Ленин, цитируя сообщение из «Вестника финансов» (1897, № 21): «В небольших хозяйствах Кубанской области нередко можно встретить по 5 и даже по 10 подобных машин. Там они сделались необходимой принадлежностью всякого сколько-нибудь благоустроенного хозяйства» [40]. В 1898 г. только в 20 станицах насчитывалось 285 паровых молотилок, причем в

одной станице Вознесенской их было 89 [41]. «Молотьба теперь почти везде совершается молотилками,— сообщал современник из Кубанской области,— и только в более бедных станицах молотят повозками» [42].

По степени распространения земледельческих орудий и машин Терская область не отставала от Кубанской области и Ставропольской губернии. В конце XIX в. основные земледельческие работы здесь почти повсюду выполнялись фабричными орудиями и машинами. Процесс вытеснения традиционных земледельческих орудий фабричными происходил по всей равнинной зоне области, в казачьих станицах и горских селах. Зажиточные казаки не ограничивались покупкой орудий и машин на местах у поставщиков, они выписывали машины из центральных городов России, из Москвы. В 1893 г. современник сообщал, что жители станицы Терская Сунженского отдела «один перед другим стали бросать свои допотопные плуги и выписывают железные плуги из Москвы» [43].

В какой степени традиционные земледельческие орудия горцев были вытеснены из употребления покупными? Можно сказать, что в конце XIX — начале XX в. у горцев исчез тяжелый деревянный плуг; он частично сохранился у кабардинцев и закубанских черкесов. На смену тяжелому деревянному плугу почти повсюду пришел однолемешный «сакковский» железный плуг, требовавший пару волов или трех лошадей. В отличие от казаков и русских крестьян горцы не использовали многолемешный плуг (пуккер), что объясняется во многом отсутствием у них соответствующих пашен. Этим орудием обрабатывали поля в основном в Ставрополье и на Кубани, где особенно быстро развивалось интенсивное зерновое хозяйство. Известный исследователь кубанских казаков Ф. А. Щербина писал: «Если здесь с каждым годом все шире и шире распространяются скоропашки и двухлемешные и трехлемешные плуги, то только потому, чтобы иметь возможность наибольше запахать землю» [44].

Горные земледельческие орудия, в отличие от равнинной зоны, почти не подверглись изменению и сохранились вплоть до наших дней. Созданные в течение веков, они наилучшим образом отвечали местным условиям, попытки применять в горах фабричные орудия, в том числе легкий железный плуг, терпели неудачу. Горцы предпочитали обрабатывать поля своими традиционными орудиями.

Крупным событием в земледелии горцев можно считать и появление у них в 70—80-х годах XIX в. деревянных рамочных (квадратных и треугольных) борон с деревянными зубьями, заимствованных у соседей — русских поселенцев. При этом треугольные бороны встречались только у чеченцев, что объясняется, по-видимому, давними традициями широкого возделывания ими кукурузы, поля которой требовали многократной обработки указанной бороной. Распространение борон было связано и с почвенными условиями. Черноморские адыги, например, издавна широко возделывавшие кукурузу, не применяли рамочных борон, поскольку для этого не было условий. По тем же причинам в горах и во многих предгорных районах региона применялась только волокуша, распространенная и на равнине для заделки проса, но в то же время выполнявшая и функции бороны. В этом отношении интерес представляла чеченская волокуша, имевшая на передней поперечной перекладине несколько рядов деревянных зубьев.

Наряду с рамочными боронами для обработки почвы, в частности культивации кукурузы, в рассматриваемое время применялись и некоторые мотыги. Мотыги эти, именовавшиеся у большинства горцев русским термином «тяпки», в основном покупали, но в ряде мест, например в Чечне, их изготовляли местные мастера.

В 80—90-е годы у горцев появляются фабричные косы и серпы. Во время наших экспедиционных поездок у адыгских народов нам не удалось зафиксировать ни одного жатвенного орудия местного производства. Несомненно, что фабричная коса, пришедшая на смену горской обоюдоострой косе, появилась здесь значительно раньше, чем в горах. Это доказывается использованием еще в конце XIX в. обоюдоострой косы жителями горных районов, в частности осетинами [45], балкарцами и карачаевцами [46].

Рост производства пшеницы и особенно кукурузы привел к появлению у горцев соответствующих помещений для хранения зерна — различных по размеру и форме плетеных из орешника или дощатых сапеток, поставленных на фундамент, а в более влажных районах, например у черноморских адыгов,— на высокие сваи.

С увеличением производства главных зерновых культур горцы начинают применять наиболее рациональные способы переработки зерна. В крупных городах и в некоторых казачьих станицах появляются большие мукомольные мельницы-вальцовки, при помощи которых можно было получить из зерна несколько высококачественных сортов муки. В то же время горцы сохранили свои традиционные ручные и водяные мельницы, игравшие у них главную роль в переработке зерна. На равнине, где не было возможности строить водяные мельницы, пользовались преимущественно ручными.

Подводя итог вышесказанному, мы можем отметить, что в конце XIX — начале XX в. земледелие в равнинной зоне Северного Кавказа достигло значительного развития и являлось главной отраслью хозяйства всех горцев, кроме жителей Большой Кабарды, у которых оно оставалось второстепенным занятием. Отличительной чертой земледелия этого периода являлось преобладание кукурузы, особенно в районах Центрального и Восточного Кавказа, где она вытеснила все остальные культуры. Кукуруза, появившаяся на Северном Кавказе сравнительно поздно, прочно вошла в быт горцев, стала их традиционным хлебным злаком. Она оказала большое влияние на состав их пищи и напитков. Так, чурек из кукурузной муки был главной пищей почти всех горцев дореволюционного Северного Кавказа. Из кукурузной муки изготовляли немало и других национальных блюд и напитков. Однако у адыгских народов, в частности у кабардинцев, преобладающим зерновым растением оставалось просо — их исконный хлебный злак. Наряду с кукурузой западные адыги, подобно кубанским казакам и иногородним, широко возделывали озимую пшеницу. Климатические и почвенные условия способствовали широкому распространению в предгорьях и в горах региона картофеля.

Однако земледелие равнинной зоны Северного Кавказа страдало всеми болезнями капиталистического развития. Погоня за сверхприбылью на капиталистическом рынке приводила к нещадной эксплуатации земли, однобокому развитию земледелия. При непрерывной обработке без применения искусственного орошения и удобрения почва истощалась. Инициатива по сооружению оросительных каналов (Алхан-Чурского,

Терско-Кумского и др.) не находила поддержки со стороны царского правительства и кончалась безрезультатно. Односторонняя интенсификация зернового полеводства привела к упадку горного земледелия.

После Октябрьской социалистической революции и ликвидации крупной частной земельной собственности коренным образом изменилась форма землевладения. Организованные в колхозы и совхозы хозяйства постепенно изменили состав посевных культур; хозяйства стали комплексными, многоотраслевыми. В увеличении количества посевных площадей большую роль сыграли обводнение и орошение засушливых районов в равнинной зоне Северного Кавказа. К осуществлению этой важной задачи приступили еще в первые годы Советской власти. Так, уже в довоенный период были построены в Центральном Кавказе несколько крупных оросительных каналов, среди которых выделяется своим сложным инженерным решением и большой протяженностью Алхан-Чурский канал. Строительство оросительных каналов, внедрение новых высокоурожайных сортов зерновых и технических культур, широкая механизация земледельческих работ стали возможными только благодаря сплошной коллективизации сельского хозяйства горцев.

Развитие земледелия в колхозах довоенного периода сопровождалось увеличением количества новейших сельскохозяйственных орудий и машин. Уже в этот период почти по всей равнинной зоне основные процессы полеводства (пахота колосовых) были полностью механизированы. Накануне войны горцы стали развивать садоводство, огородничество, бахчеводство и даже виноградарство — весьма малоизвестную им доселе отрасль хозяйства. Война и оккупация фашистами многих районов Северного Кавказа нанесли колоссальный ущерб всему общественному хозяйству горцев.

После освобождения Северного Кавказа от фашистских оккупантов началась огромная работа по восстановлению народного хозяйства. Большую помощь пострадавшим районам оказали соседние республики Кавказа, предоставлявшие им в кредит скот, зерно, сельскохозяйственную технику и т. д.

Ленинская аграрная политика партии, нашедшая отражение в решениях пленумов ЦК КПСС и съездах партии, определяла перспективы развития социалистического сельского хозяйства. В свете программы партии по аграрному вопросу было обращено серьезное внимание на необходимость подъема всех отраслей сельского хозяйства Северного Кавказа. В горах постепенно возрождается былая слава горного земледелия, все больше увеличивается количество площадей зерновых (ячменя, кукурузы) и технических (табака) культур, картофеля, овощей, а также посадок фруктовых деревьев. На равнине ускоренные темпы развития земледелия осуществляются путем широкого применения прежде всего мелиорации, постепенного улучшения качества сортов культурных растений и механизации всех полеводческих работ.

Как уже говорилось, мелиоративное строительство на Северном Кавказе началось еще в годы первых пятилеток. Однако начало крутого поворота в развитии мелиорации земель здесь началось после Майского пленума 1966 г., специально обсудившего этот вопрос. Пленум дал развернутое обоснование основных направлений мелиоративного строительства, указал на важнейшие задачи, которые должны решаться путем мелиорации земель в течение многих лет. Было предусмотрено создание

обширных районов поливного земледелия для гарантированного производства зерна и других продуктов сельского хозяйства. После Майского пленума строительство оросительных каналов и других видов обводнения и орошения полей стали вести на Северном Кавказе высокими темпами. Только с 1966 по 1970 г. орошаемые земли в Чечено-Ингушетии увеличились на 5578 га [47], за это же время количество орошаемых земель составило в Кабардино-Балкарской АССР 76,1 тыс. га, в Северо-Осетинской АССР — 44,1 тыс. га [48].

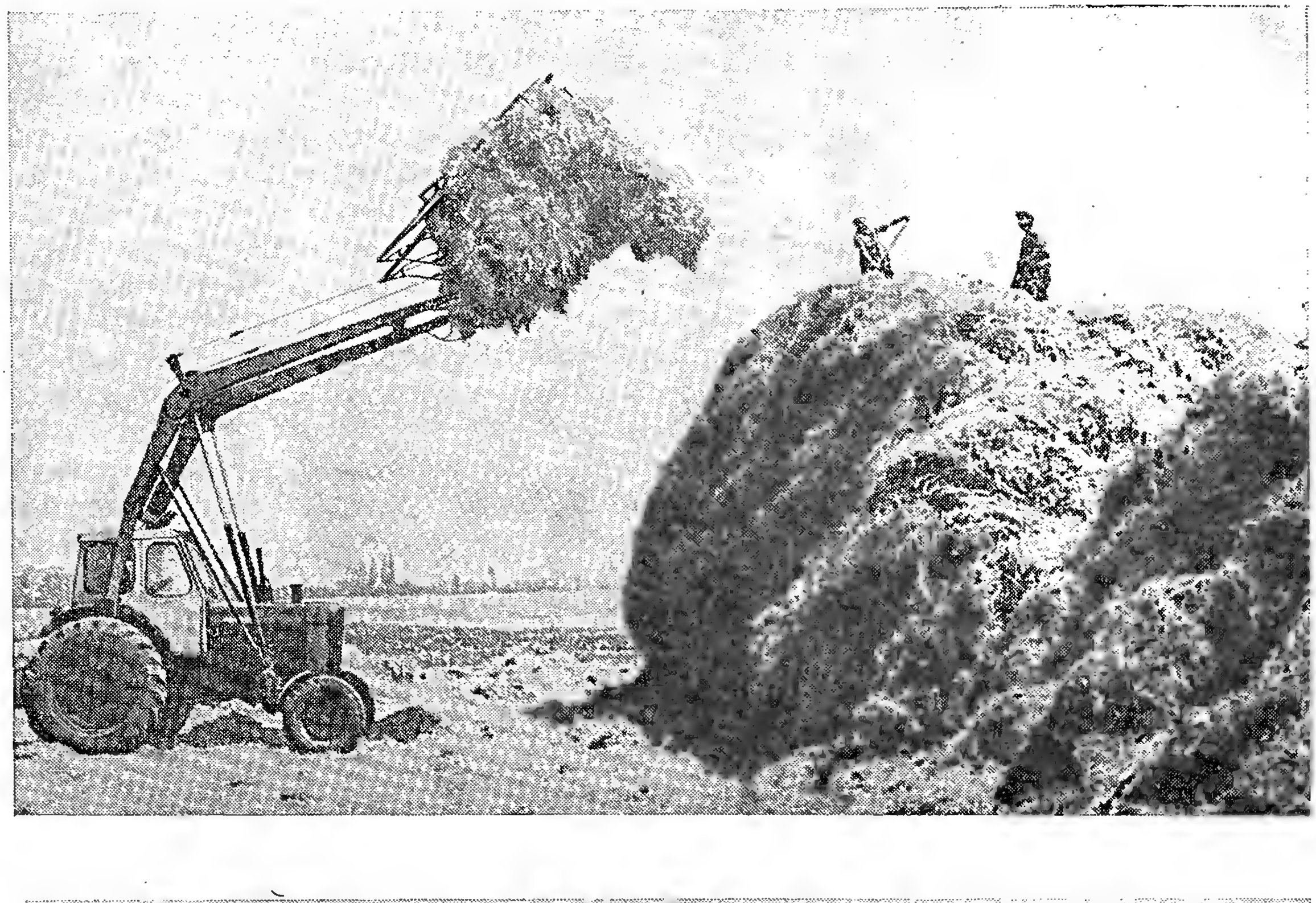
Огромное хозяйственное значение имела постройка Терско-Кумской оросительной системы, давшей жизнь обширным засушливым степям Центрального Кавказа. С обводнением полей здесь стали сеять новые зерновые культуры (например, кукурузу), возникли целые отрасли земледелия — садоводство, виноградарство, овощеводство. Ярким примером может служить Моздокский район Северо-Осетинской АССР, не знавший до обводнения водами Терско-Кумского канала ни одной из перечисленных отраслей хозяйства. Крупным событием является сооружение Большого Ставропольского канала, проходящего по наиболее засушливым районам края. Этот канал будет орошать 210 тыс. га и обводнять 2,6 млн. га земли. Большие мелиоративные работы ведутся в Краснодарском крае, в том числе на территории Адыгейской автономной области. В 1976 г. посевные площади под рисовыми полями составили здесь 137 тыс. га, заняв заболоченные и почти не использовавшиеся земли в низовьях Кубани [49].

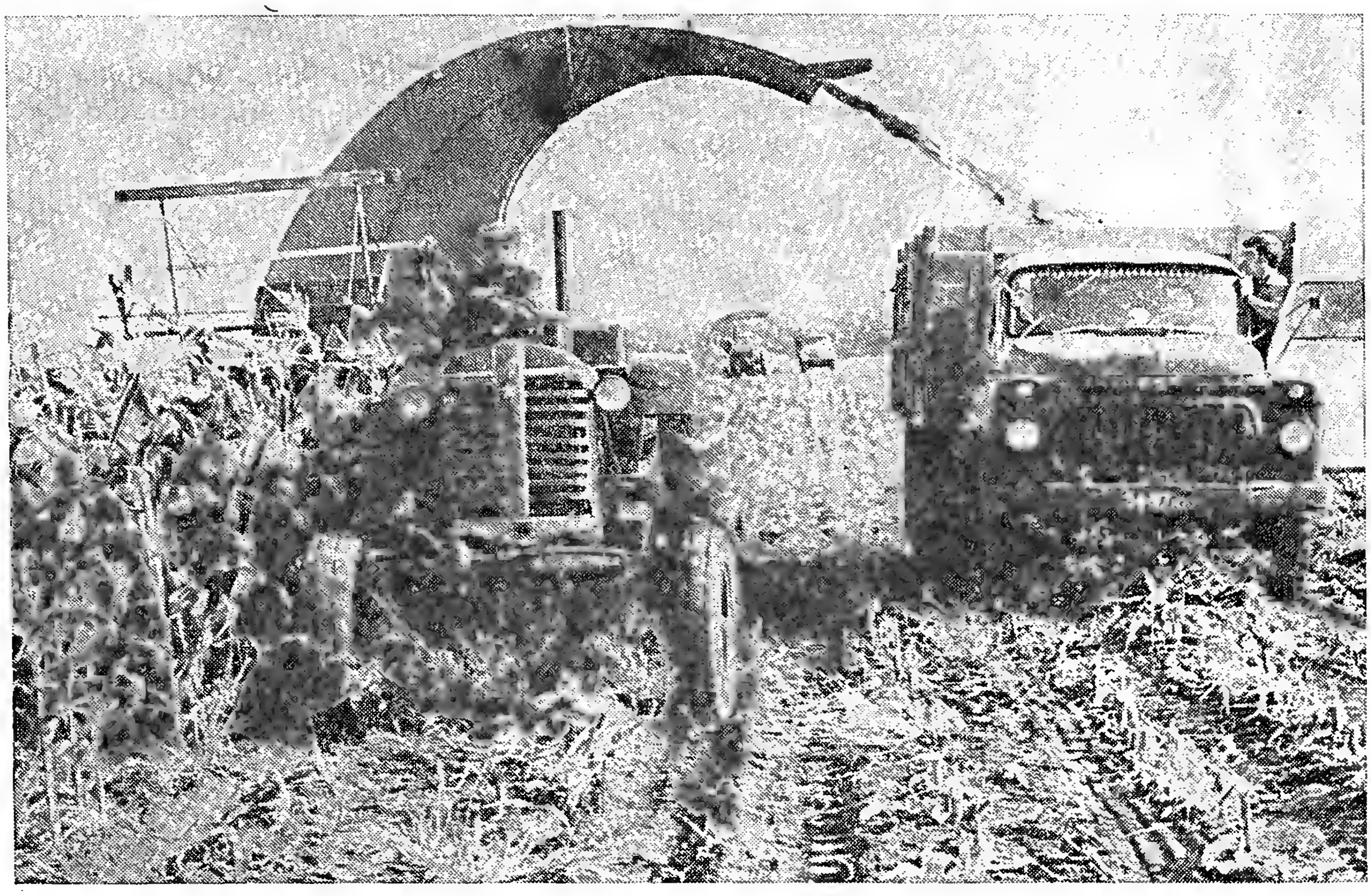
В десятой пятилетке масштабы мелиоративных работ значительно возросли во всех районах региона. Построены новые оросительные каналы и трубопроводы с механизацией полива и автоматизацией управления режимом работы системы.

В десятой пятилетке намного возрос уровень механизации сельского хозяйства в регионе. Отметим, что еще в первые послевоенные годы были полностью механизированы такие трудоемкие работы, как пахота, посев и уборка зерновых. Позднее при помощи машин стали выполнять и другие полеводческие работы — копку картофеля, стогование. В настоящее время уборка кукурузы — одна из трудоемких работ в полеводстве — полностью механизирована. Современные земледельческие орудия и машины находят все большее применение и в ряде горных районов, для них создаются специальные легкие железные плуги, тракторы, сеноуборочные и стоговальные машины, отвечающие трабованиям местных условий. Планами десятой пятилетки предусматривалось развитие горных районов, в том числе и на Северном Кавказе [50]. В горах проводят грунтовые и асфальтированные дороги, строят электростанции, создают торговые, бытовые и культурные учреждения .

Нам остается рассмотреть этнические особенности в земледелии изучаемого региона. Существование этнического фактора в земледелии, наряду с социально-экономическими и естественно-географическими условиями, нельзя отрицать, как это делали, например, Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков в статье, опубликованной в 1967 г.[51] Развернувшаяся по данному вопросу дискуссия [52] показала явную несостоятельность точки зрения этих авторов. Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков считали этнические особенности материальной культуры, в данном случае пахотных орудий, второстепенными. «Орудия, как и другие элементы культуры, связаны прежде всего с общественно-экономическими и географическими условия-

Рис. 1. Современный способ скирдования в колхозах и совхозах Северного Кавказа. С. Кадгарон. Северная Осетия, 1974 г.; уборка кукурузы. С. Урус-Мартан. Чечня, 1974 г.





ми жизни народа и лишь во вторую очередь и в значительно меньшей степени могут считаться следствием особенностей культуры и быта, присущих какой-нибудь этнической общности» [53]. Однако, как справедливо отмечал Н. С. Бежкович, этот тезис, не получивший сколько-нибудь серьезного обоснования, опровергается многочисленными данными из области агроэтнографии любого народа.

Социально-экономические и естественно-географические условия играют исключительно важную роль в развитии земледелия. Вместе с тем особенности исторического развития народа определяют те черты его материального производства, которые присущи только данному народу. Так, характер всей хозяйственной деятельности горцев детерминировался вертикальной зональностью и правовыми порядками феодально-родового общества. Однако даже в такой традиционной категории, как системы земледелия, у горцев Северного Кавказа имеются этнические особенности. В равнинной зоне региона преобладала переложно-залежная система. Кабардинцы, главные насельники этой зоны Центрального и Восточного Кавказа, широко применяли указанную систему. Они умело сочетали ее с развитым скотоводством — разведением крупного и мелкого рогатого скота и коневодством. Наличие огромных земельных угодий давало возможность кабардинцам еще в середине XIX в. оставлять пашни в залеже сроком на 20—25 лет. В конце XIX в., с развитием земледелия и ростом численности населения, срок залежи сократился до 5—10 лет. Оставленные на отдых пашни умело использовались кабардинцами под выпас и сенокос. Таким образом, можно сказать что в процессе длительного пользования переложно-залежной системы у этого народа выработались навыки и приемы, присущие только ему.

Другие горцы познакомились с этой системой значительно позже, по мере переселения с гор на равнину. Из-за малоземелья переложно-залежная система применялась лишь крупными землевладельцами. Основная масса горцев обрабатывала землю без перерыва, нередко в течение 12 лет, и лишь после этого оставляла ее на отдых не более чем на 1—2 года.

Таким образом, в переложно-залежной системе удается проследить этнические признаки у кабардинцев и отчасти у некоторых западных адыгов.

Определенные навыки и приемы выработались у горцев и в подсечной системе земледелия, известной им с эпохи бронзы и железа и получившей значительное распространение особенно на территории Западного и Восточного Кавказа, где были сосредоточены огромные лесные массивы. Наибольшее развитие эта система получила у черноморских адыгов и чеченцев, у которых до недавнего прошлого подсека была одним из главных видов земледелия. Авторы прошлого столетия, наблюдавшие за жизнью западных адыгов, рассказывают об их своеобразных приемах подсеки, указывают на существование у них различных видов орудий подсечного земледелия, отсутствовавших в других районах региона. У чеченцев были свои приемы подсеки и раскорчевки, обработки почвы и ухода за посевами. И западные адыги, и чеченцы сначала освобождали земельные участки от лесных зарослей и в первые годы обрабатывали их различными мотыгами; лишь после полной раскорчевки участок распахивали легким горным пахотным орудием. Такие пашни первоначально засевали обычно кукурузой, а затем другими зерновыми, бобовыми или огородными культурами. У чеченцев зерна заделывали при помощи палки-копалки, у за-

падных адыгов, в частности у черноморских шапсугов, эту функцию осуществляли козы, которых перегоняли по пахотным полям.

Отличие проявлялось и в форме владений подсечными участками. У чеченцев, например, по существовавшему у них порядку хозяева обязаны были сдавать через несколько лет добытые ими из-под лесных зарослей земельные участки в общее владение. У черноморских адыгов, наоборот, такие участки навсегда оставались в частном пользовании.

Наиболее распространенными системами земледелия у большинства горцев были чередование культур, двухполье и террасное земледелие, характеризовавшиеся также общими, локальными и этническими особенностями.

Искусственное террасное земледелие, вызванное малоземельем, практиковалось исключительно в высокогорной зоне и только в некоторых случаях в горной. По сравнению с Дагестаном оно не достигло здесь большого развития, что объясняется прежде всего непрерывной массовой миграцией населения, а также развитием земледелия в равнинной зоне, давшим возможность обеспечить хлебом и горные районы. Во всяком случае, в результате указанных процессов сохранилось очень мало данных для полного представления об этой форме земледелия. Тем не менее собранный полевой этнографический материал свидетельствует о том, что искусственные террасные поля создавались не по одному образцу, а с учетом местных условий и накопившегося у каждого народа опыта. В отличие от Дагестана поля эти не орошали, а в ряде случаев даже не удобряли. Их засевали большей частью овсом, считавшимся здесь второстепенной культурой. Так было, например, у осетин, у которых, подобно балкарцам и карачаевцам, террасные поля располагались обычно вдали от сел на высоких малодоступных горных склонах. У чеченцев, наоборот, их строили близко в селу, часто прямо на голой скале. Землю приносили вьюками на ослах, участки обносили каменной оградой. Однако часто такие участки сносил ливень. У ингушей в отличие от других горцев региона искусственные террасные поля удобряли, преимущественно пометом диких голубей, обитавших в башнях, которыми столь богата горная Ингушетия.

Несравнимо лучше сохранились следы естественно-террасных полей, создававшихся повсюду в горах Северного Кавказа. Так, остатки таких полей хорошо прослеживаются около чеченского села Итумкале, что указывает на интенсивное развитие здесь этой системы земледелия еще до недавнего времени. И наоборот, отсутствие таких следов во многих высокогорных районах Осетии свидетельствует о более раннем упадке здесь, чем в Чечне, горного земледелия. Этнографические данные показывают также, что уход за естественно-террасными полями и обработка их характеризуются общими чертами. Почти повсюду перед пахотой пашни очищали от камней и других наносов, принесенных снежными лавинами и весенними потоками воды, удобряли и обрабатывали. Лучшие участки засевали наиболее урожайными в горах культурами — ячменем и пшеницей. Удобрение и орошение у горцев также имели локальные и этнические особенности. Хранение навоза, время доставки его в поле, транспортировка и т. д. определялись вертикальной зональностью и в то же время у каждого народа имели некоторые отличительные черты. Так, у балкарцев и карачаевцев навоз заготовляли совместно несколькими родственными семьями и не в селах, а на кошах. Транспортировку удобрения на поля осуществляли в основном вьюками на ослах. У осетин вывоз удоб-

рения производился на санях и специальных арбах, на которые ставили большую плетеную корзину. Этой корзиной определялось и количество навоза, требовавшееся для пашни.

Орошение существовало лишь у балкарцев и карачаевцев, на равнине — у чеченцев. Судя по археологическим и письменным источникам, у первых двух народов эта традиция идет еще со средневековой аланской эпохи, у последних — с XVIII в. Обычаи, связанные с постройкой ирригационных сооружений и пользованием водой для полива, совершенно едины у балкарцев и карачаевцев, что свидетельствует об их близком родстве.

Для выявления этнокультурных традиций в земледелии у народов Северного Кавказа попытаемся сначала охарактеризовать пахотные орудия, применявшиеся в горных зонах региона [54]. Наиболее древним и распространенным орудием у осетин, балкарцев, карачаевцев и ингушей было кривогрядительное рало с полозом, по терминологии Г. С. Читая — яремное орудие, имевшее несколько подвидов. По своей конструкции и внешнему виду оно совершенно аналогично пахотным орудиям древней Греции и Рима, а также Северного Причерноморья, о чем свидетельствуют многочисленные изображения такого орудия на монетах античного и римского времени [55]. Большое сходство с северокавказским пахотным орудием имели орудия, применявшиеся в Боспорском царстве. Бронзовые монеты с изображением этих орудий датируются II—IV в. н. э.[56] Все орудия, изображенные на монетах, отличались значительным разнообразием «по форме, по длине полоза, месту прикрепления грядиля к этому последнему и другим менее важным признакам, как строение рукояти, форма и устройство держака и др.» [57]

К сожалению, пока невозможно определить время появления этого орудия на территории изучаемого региона и пути его распространения. Тем не менее можно полагать, что большую роль в этом деле сыграли скифы. По определению некоторых авторов, деревянным ралом описываемого греческого типа обрабатывали поля земледельческие скифские племена, познакомившиеся с этим орудием задолго до Геродота: «Легенда, приведенная Геродотом об упавших с неба золотых предметах (плуг или рало, ярмо, секира и чаша), могла возникнуть только среди земледельческих племен» [58]. Эта легенда отражает переход к новому этапу земледелия — замене мотыжного земледелия пашенным. Такая замена произошла на Северном Кавказе в скифскую эпоху — в период зарождения здесь плужного земледелия [59]. Во всяком случае, по определению В. И. Абаева, осетинское название рала (зыбыр, зывыр) является скифским наследием, идет от азовского диалекта новогреческого языка [60].

У каждого народа региона рало имело свое наименование, что свидетельствует о самостоятельном развитии этого орудия у каждого из них. Тем не менее у осетин, балкарцев, карачаевцев и ингушей рало отличалось большим сходством, более того, у балкарцев и карачаевцев главные части орудия имели осетинские названия. Все это говорит, несомненно, об этническом родстве указанных народов. Во всяком случае, пахотные орудия у чеченцев, кабардинцев и народов Северо-Западного Кавказа во многом отличались от тех, которые применялись вышеуказанной группой народов. Нам уже известно, что чеченцы, как и адыги, имели свои пахотные орудия, которые мы не встречаем у других горцев региона. Появление этих орудий мы объясняем этническим фактором.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о существовании у осетин, балкарцев, карачаевцев и ингушей одинаковых типов пахотных орудий, совершенно отличных от тех, которые применялись, например, горцами Дагестана [61] и другими жителями нагорного Кавказа. Одним из них, имевшем наибольшее распространение в горах Центрального Кавказа, было массивное рало, именуемое, по классификации Г. С. Читая [62], яремным, а по классификации Ю. А. Краснова [63] — кривогрядительным с горизонтальным полозом. Оно зафиксировано еще дореволюционными [64], затем советскими авторами [65] у карачаевцев, осетин и ингушей, а также нами во время экспедиционных поездок по районам Северного Кавказа [66].

На основании сходства в форме и конструкции возможно предположить, что распространение данного орудия шло из одного определенного центра. Таким центром, несомненно, являлась территория исторической Алании. Это доказывается и наличием осетинских названий двух главных частей [67] балкаро-карачаевского орудия. Рассматриваемое орудие имело у всех упомянутых четырех народов значительные размеры по сравнению с подобным орудием в высокогорной зоне. Такие размеры, вероятно, вызваны местными почвенными условиями.

У осетин, балкарцев и карачаевцев находим еще один тип орудия — рало малого габарита, не имевшее передней длинной части грядиля. Оно применялось обычно в высокогорных районах.

В горной Чечне встречаем уже иные по форме и конструкции пахотные орудия, совершенно отличные от тех, которые только что рассмотрели. Сюда относится, в частности, орудие с передним длинным прямым грядилем, доходящим передним концом до ярма; задняя часть его укреплена на плоском массивном полозе, на острый конец которого насажен толстый железный лемех, имеющий симметричную форму. Лемех имеет резак.

В целом рассматриваемое орудие, имевшее широкое распространение в ущельях Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна, а также в ряде предгорных мест Чечни, не находит аналогий ни у одного народа на Кавказе, и его можно считать, несомненно, изобретением чеченского народа. Лишь у чеченцев бытовало и другое орудие — рало-резец, применявшееся в горной части страны. Из кавказских народов аналогичное орудие имели, по-видимому, только грузины, у которых оно известно под названием кавцера [68]. Однако у нас нет никаких данных считать рассматриваемое чеченское орудие заимствованным из Грузии. Наоборот, есть все основания полагать, что оно возникло на местной почве еще в глубокой древности, о чем, в частности, свидетельствует его чеченское наименование.

Интересные особенности имели традиционные пахотные орудия адыгов (кабардинцев, черкесов и адыгейцев). Наличие у черкесов (адыгов) тяжелого плуга, во многом отличного от древнерусского (украинского) и грузинского плугов, известно нам по литературным данным еще со второй половины XVIII в., а по археологическим находкам (чресла и лемеха) — со средневековья.

Проведенное исследование показало, что оно было воспринято от адыгов — черкесов и кабардинцев — другими горцами Северного Кавказа — чеченцами, ингушами, осетинами, балкарцами и карачаевцами по мере переселения последних с гор на равнину. Для абазин и оседлых ногайцев адыгский плуг издавна являлся главным пахотным орудием, хотя у каж-

дого из указанных народов это орудие изготовлялось своими мастерами. Оно сохранило у них адыгское наименование: у горцев Центрального Кавказа — «кабардинский» плуг, у жителей Северо-Западного Кавказа — «черкесский» плуг. Многие авторы отождествляют это орудие с украинским и грузинским плугами, нередко считая его даже заимствованным от русских. Однако такое заимствование опровергается как археологическими находками, так и этнографическими данными.

Нельзя в связи с этим не отметить и ошибочную точку зрения Г. С. Читая, выводящего этот тип плуга из Грузии. Он писал: «Ряд данных служат достаточным основанием предположить, что это орудие в XII—XIV вв. из Закавказья распространилось в Иране и на Украине. По всему Кавказу это орудие именуется термином «гутани» [69]. На основании археологических находок хорошо известно, что появление плуга в южнорусских степях, в том числе на Украине, относится к гораздо более раннему времени. «Древнерусский плуг,— говорится в специальном исследовании, посвященном истории земледелия,— сложился на черноморских просторах лесостепной полосы русской равнины примерно в VIII—IX вв. вне всякого влияния со стороны» [70].

То же самое можно сказать о северокавказском, или адыгском (черкесском) плуге, возникшем также в средневековый период совершенно самостоятельно. Что касается общекавказского наименования этого орудия (груз. *гутани*, армян. *гутан*, азерб. *котан*, осет. *гутон*, абхаз. *а-кооган*, аварск. *кутан* и т. д.), то, по определению В. И. Абаева, оно «неизвестного происхождения... Ни в одном из перечисленных языков,— подчеркивает он,— слово это не имеет этимологических корней» [71]. Весьма характерно также, что у адыгских народов, как известно, плуг имеет совершенно другое наименование, и это свидетельствует о самостоятельном происхождении их орудия.

В целом вопрос о времени появления тяжелого плуга остается до сих пор дискуссионным. Значительного внимания в этом отношении заслуживает статья А. В. Чернецова, в которой на основании многочисленных данных автор дает новую датировку восточноевропейского плуга с тяжелым ассиметричным лемехом, относя его к послемонгольскому периоду, т. е. к XIV—XVI вв. «Можно думать,— пишет он,— что первые плуги появились на Руси в середине XIII в., но переход к плугу в степи и лесостепи Восточной Европы происходил уже в XIV в. Интересно, что к тому же XIV в. относит появление утяжеленной двухрукоятной модификации колесного плуга, исходя из иконографического материала, польская исследовательница З. Подвиньска» [72]. Однако, как мы пытались показать, археологические находки частей рассматриваемого плуга в ряде районов Северного Кавказа — чресла в городище Адиюх (X—XII вв.) [73], тяжелого асимметричного лемеха в Кызбурунском городище (XI—XIII вв.) [74] — явно противоречат этой точке зрения и относят появление тяжелого плуга к более раннему периоду.

К сожалению, не сохранилось ни одного экземпляра адыгского плуга. Тем не менее, на основании музейных макетов и опросов информаторов о нем можно составить полное представление и сравнить с грузинским и украинским плугами, оригиналы которых сохранились в музеях [75]. Так, отличие грузинского плуга состоит в том, что он имел кривой грядиль. В сложных тяжелых плугах кривизна грядиля была представлена даже в двух плоскостях — вертикальной и горизонтальной. «Это обстоя-

тельство,— пишет исследователь грузинских земледельческих орудий В. Г. Джалабадзе,— примечательно тем, что двойная кривизна грядиля значительно облегчает управление грузинским тяжелым плугом, в особенности при переноске и установке этого орудия в начале и в конце борозд обрабатываемого участка» [76].

Ничего подобного нет в адыгском плуге, имевшем прямой грядиль, подобно украинскому, но отличавшемся от последнего составной цепью, изменявшей свою длину в зависимости от количества рабочего скота (см. описание адыгского плуга выше). Это орудие очень прочно держалось в быту адыгских народов. Так, в ряде мест Кабарды, как и в Черкесии, вспашку производили этим плугом еще в первые годы Советской власти, в то время как у осетин, ингушей, балкарцев и др. он сравнительно давно уже вышел из употребления.

Много общего прослеживается в других орудиях обработки почвы у народов Северного Кавказа. Так, кирка с двумя рабочими концами — острым и плоским — использовалась почти повсюду. Мотыга с одной широкой плоской рабочей частью являлась единственным орудием для прополки кукурузы по всему региону. Однако у чеченцев ее делали с длинным пружинистым стержнем. Большим своеобразием отличались орудия подсечного земледелия у западных адыгов (шапсугов, бжедугов, абазехов, махевцев и др.), не имевшие аналогии в других районах региона.

Наиболее древним и распространенным видом бороны в изучаемом регионе являлась волокуша из орешника с ветвистым концом, применявшаяся во всех зонах. В равнинной зоне со второй половины XIX в. она использовалась в основном для боронования посевов проса. У чеченцев волокуша имела на передней перекладине несколько рядов зубьев. Основа осетинской волокуши, отчасти ингушской и балкарской, всегда состояла из плетня. От осетинской во многом отличалась адыгская волокуша, имевшая квадратную основу из четырех массивных перекладин.

Позднее у горцев появились рамочные бороны — квадратные и прямоугольные (последние применялись исключительно чеченцами в равнинной зоне). Горские народы заимствовали их, по-видимому, у соседних русских не ранее второй половины XIX в. Появление же чеченской рамочной бороны относится к более раннему времени, связано, по-видимому, с широким возделыванием кукурузы жителями равнинной Чечни.

Определенный интерес с точки зрения выявления в земледелии этнических особенностей представляют и способы посева. Чеченцы, как и в ряде мест ингуши, сев производили преимущественно с помощью переметной сумы. В то же время во многих районах Северной Осетии и Кабарды сеяли из продолговатой сплетенной из орешника корзины с дощатым дном. В Кабарде для этой цели широко применяли также обычный кавказский башлык, а в некоторых местах Ингушетии — бешмет — один из почетных элементов горского костюма. Нам известно также, что во многих местах Центрального и Западного Кавказа сев производили из кожаного мешка, изготовленного из козьей или телячьей шкуры. Общее в рассматриваемом процессе земледелия у всех горцев было то, что его выполнение доверялось наиболее опытному пахарю. Крестьяне очень дорожили своими семенами, тщательно отбиравшимися и хранившимися до начала полевых работ.

Весьма трудно удается выявлять этнические особенности в орудиях уборки хлебов. Одним из главных и самым распространенным орудием

этого процесса являлся серп. Как мы пытались показать, серпы мало отличались друг от друга и по форме, и по конструкции. С древнейших времен на территории Северного Кавказа были распространены два типа серпов: с гладкой и с зубчатой рабочей частью. Оба типа были слабо изогнутыми. Наряду с ними в горах Центрального и Восточного Кавказа значительное распространение имел серп с большим радиусом (закавказский тип) [77]. Возможно, он проник сюда из соседней Грузии. Во второй половине XIX в. широко распространяется русский фабричный серп, особенно в равнинной зоне региона. Русский серп постепенно вытеснил, например у кабардинцев, традиционные серпы, во всяком случае мы не имеем представления о традиционном кабардинском серпе, о кабардинской косе.

В конце XIX — начале XX в. русская коса была воспринята почти всеми другими горцами. До этого времени коса использовалась для жатвы только в случаях стихийного бедствия. Осетины, балкарцы и карачаевцы пользовались косой оригинальной конструкции, одинаковой у всех этих народов. О том, что эта коса являлась наследием алан, принадлежала определенной этнической группе, доказывается и данными осетинского языка. Как показал В. И. Абаев, осетинское наименование косы (даваг), восходящее к средневековой аланской эпохе, было усвоено многими соседними народами Кавказа [78–79].

Уборочная страда занимала в сельскохозяйственном цикле народов Северного Кавказа самый длительный период — около четырех месяцев. Особенно много сил и времени требовала уборка кукурузы. В уборке кукурузы у отдельных народов прослеживаются определенные особенности. Так, если у чеченцев кукурузу убирали целиком, без отделения початков от стеблей, то у осетин практиковалась раздельная уборка кукурузы, которая проходила непосредственно в поле. В Чечне почти повсюду кукурузные початки подвешивали на веревках и сушили в сарае или во дворе. У других народов региона для этой цели служили различные помещения.

Некоторыми локальными и этническими особенностями отличались у горцев способы сушки и хранения других злаков. Форма укладки хлебов у близких по происхождению народов осетино-балкаро-карачаевской группы во многом отличалась от тех, которые практиковались другими горцами. У многих горцев форма укладки хлебов имела весьма близкие аналогии с русскими «крестцами» и «бабками» [80], что, возможно, объясняется влиянием соседнего русского населения.

В то же время наличие у всех горцев своих терминов, связанных с укладкой хлебов, свидетельствует о том, что они возникли на местной почве. Некоторые отличия в укладке хлебов проявлялись между горными и равнинными жителями, а также между отдельными социальными категориями.

Большим разнообразием отличались у горцев способы и орудия молотьбы, что объясняется не только этнической пестротой, но и вертикальной зональностью. Отметим лишь, что при молотьбе скотом в горах использовали преимущественно нетелей, в то время как в равнинной зоне — лошадей. Однако отмеченная разница появилась не ранее конца XIX — начала XX в., когда горцы на равнине стали применять лошадей не только при молотьбе, но и во всех других сельскохозяйственных работах, до этого молотьба здесь осуществлялась крупным рогатым скотом.

Применение лошадей в этом процессе намного ускорило его и вызвало появление почти у каждого народа своего способа упряжи. Исследование показало, что в изучаемом регионе, в отличие от Закавказья и Дагестана, в рассматриваемое время не применялась молотильная доска, исключение составляли лишь некоторые селения Восточной Чечни.

Неясным остается вопрос о времени появления молотильных катков, широко применявшихся не только многими горцами, особенно на равнине, но русскими казаками и «иногородними». Судя по сохранившимся оригиналам, хранящимся в музеях, и по нашим полевым этнографическим данным, изготовление различных деревянных катков имело очень давние традиции, в частности на Западном Кавказе. Появление каменных катков, сходных по форме с деревянными, относится, по-видимому, ко второй половине XIX в., периоду развития земледелия на равнине Северного Кавказа. В Молдавии, по данным Н. Демченко, катки различного типа стали применять лишь в 30-х годах XIX в. [81]

Значительными локальными и этническими особенностями отличались помещения для хранения зерна. Их форма во многом определялась природными условиями, в частности наличием лесных зарослей. Повсюду в лесных районах региона мы находим плетеные из мелкого орешника сапетки, они, как и лари, служили для хранения пшеницы, ячменя, овса и проса. Однако в ряде районов Кабарды, например в Зольском, по древней традиции адыгов просо хранили исключительно в зерновых ямах. Появление ларей и особенно амбаров относится, по-видимому, к середине XIX в. и было связано с развитием земледелия в равнинной зоне, где эти помещения стали преобладающими.

Возделывание кукурузы, начавшееся на Западном Кавказе еще в XVI—XVIII вв., а в других районах региона —в XVIII—XIX вв., вызвало появление различных сапеток и амбаров. Очень интересны они у черноморских адыгов. Здесь указанные помещения ставили на высоких сваях, для того чтобы сохранить зерно от влаги и грызунов. Ту же цель преследовали кабардинцы, у которых нижнюю половину помещения для хранения кукурузы непременно белили известью или обмазывали раствором глины. У других народов региона, живших в тех же географических условиях, что и кабардинцы, эти приемы отсутствовали.

Исследование показало, что для помола зерна в изучаемом регионе с древнейших времен использовали ручные мельницы с каменными и деревянными жерновами, а с позднесредневекового периода — водяные мельницы (мы пока не располагаем никакими данными, подтверждающими наличие водяных мельниц на Кавказе даже в средние века). Ручные мельницы имели наибольшее распространение в равнинной зоне региона и особенно широко — в тех районах, где отсутствовали водные источники. Ручные и водяные мельницы у народов Северного Кавказа характеризовались некоторыми этническими особенностями. Это хорошо прослеживается в конструкции мельниц и в способе их использования. Отметим, что наряду с указанными выше мельницами адыги, в частности кабардинцы, широко использовали специальную рушилку, очень сходную с афганской, описанной Н. И. Вавиловым [82]. Этим орудием адыги рушили и просо и полбу, являвшиеся, как известно, их традиционными культурами.

Наконец, общие, локальные и этнические особенности ярко прослеживаются в дохристианских и домусульманских верованиях горцев, связанных с земледелием. Аграрные культы и обряды в наибольшем количестве

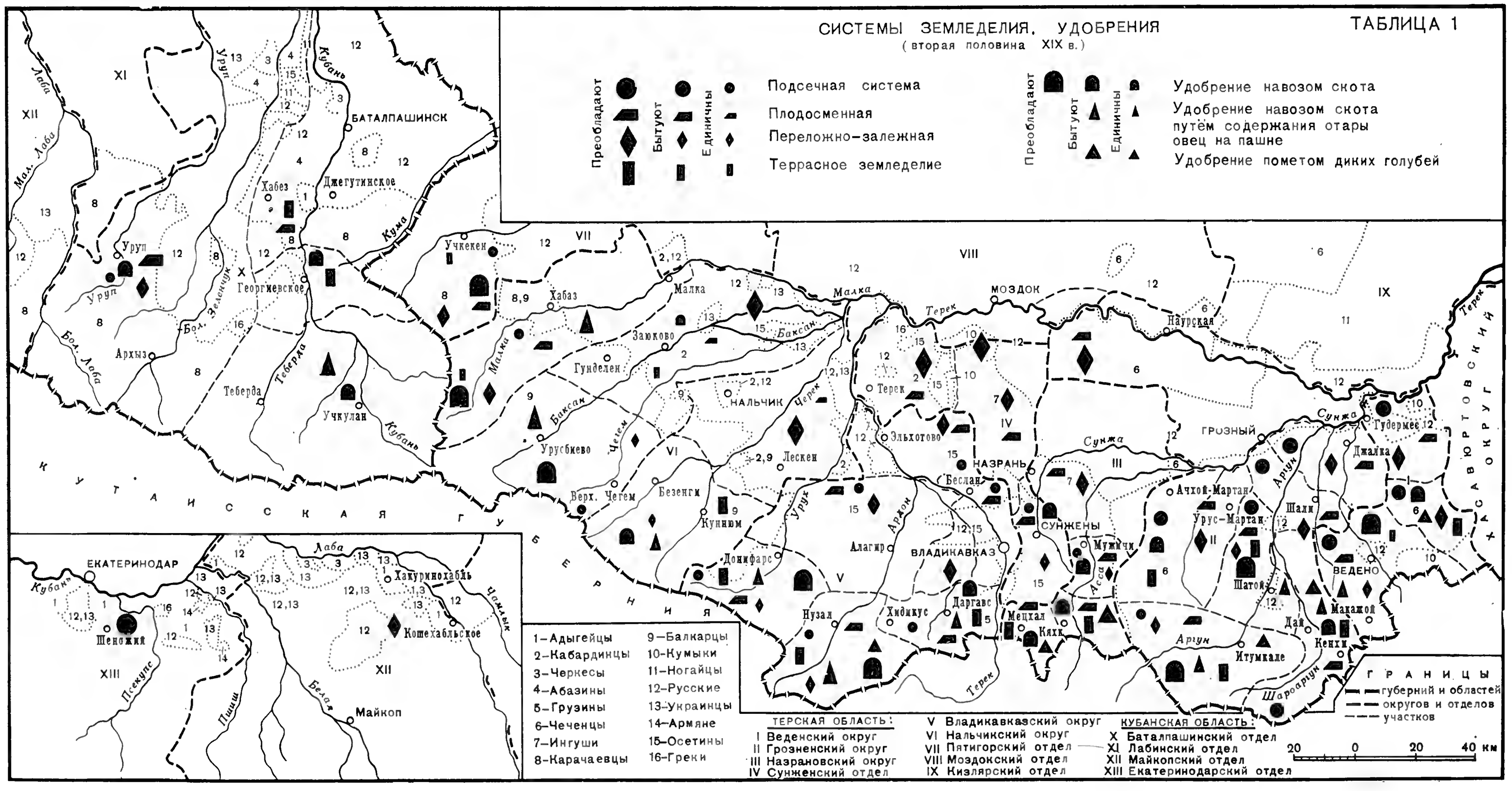
сохранились у осетин, что объясняется, по-видимому, слабым влиянием среди них христианства и особенно мусульманства, весьма нетерпимо относящегося, как известно, к другим религиям.

---

[1] *Вавилов Н. И.* Горное земледелие Северного Кавказа, с. 593.
[2] Там же, с. 599.
[3] *Вавилов Н. И.* Избранные труды. М.; Л., 1960, Т. 2, с. 29—34.
[4] *Ковалевский Г. В.* Культурно-историческая и биологическая роль горных районов.— Природа, 1932, № 2.
[5] *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 374.
[6] Там же, с. 378; *Бунятов Т. А.* Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957; *Пиотровский Б. Б.* Поселения медного века в Армении.— СА, 1949, № 9, с. 173.
[7] *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 97; *Мунчаев Р. М.* Кавказ..., с. 382.
[8] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 313.
[9] *Хетагуров К.* Собр. соч., т. 4, с. 330—331.
[10] *Клинген И.* Основы хозяйства в Сочинском округе, с. 53; Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 323, 535, 618; *Тхагушев Н. А.* Адыгейские (черкесские) сорта..., с. 29—53.
[11] *Вавилов Н. И.* Горное земледелие Северного Кавказа, с. 598.
[12] *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство Предкавказья, с. 144.
[13] *Абрамов А.* Очерки Северного Кавказа.— Дело, 1883, № 11, с. 39.
[14] *Вроцкий Н. А.* Чечня как хлебный оазис, с. 270—271.
[15] *Щербина В.* Общий очерк истории Кубанской области. Екатеринодар, 1898, с. 194.
[16] Памятная книжка Кубанской области на 1879 г., с. 22.
[17] Кубанская справочная книжка 1894 г. Екатеринодар, 1894, с. 1.
[18] *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство Предкавказья, с. 35.
[19] Обзор Ставропольской губернии за 1879 г.
[20] КК на 1883 г., с. 228.
[21] Отчет начальника Терской области за 1894 г., с. 74—76.
[22] Отчет начальника Терской области за 1903 г.
[23] *Герко И.* Что нужно для развития хозяйства за Кубанью.— Кубанские войсковые ведомости, 1896, № 9, 10.
[24] *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство..., с. 218.
[25] Ведомость о посеве и урожае хлебов в Ставропольской губернии за 1895 г.; Отчет начальника Терской области за 1898 г.; *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство..., с. 216.
[26] *В. Н. Л.* Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Кукуруза впервые стала возделываться в регионе в горах Западного Кавказа. Занесенная сюда из Турции, по-видимому, еще в начале XVII в., она стала преобладающей культурой у черноморских адыгов, постепенно распространилась и в других районах Северного Кавказа; очень давно кукуруза культивируется на Чеченской равнине.
[27] История Северо-Осетинской АССР, с. 203.
[28] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, с. 154.
[29] См.: Отчет о Ставропольской губернии за 1870 г.; Памятная книжка Кубанской области на 1879 г.; Ведомость о посеве и урожае хлебов в Ставропольской губернии за 1895 г.
[30] Отчет начальника Терской области за 1898 г.
[31] *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство..., с. 198, 223.
[32] См.: *Вавилов Н. И.* Горное земледелие Северного Кавказа, с. 593.
[33] Ведомость о посеве и урожае хлебов в Ставропольской губернии за 1895 г.; *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство..., с. 198.
[34] ТВ, 1878, № 5; *Д-ко П.* Через главный хребет по Военно-Осетинской дороге.— Кавказ, 1887, № 288.
[35] Отчет комиссии по испытанию земледельческих орудий в Сигнахском уезде Тифлисской губернии 15 сентября 1894 г.; Кавказское сельское хозяйство, 1895, № 64, 65; История Кабардино-Балкарской АССР, с. 321.
[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 220.
[37] Обзор Кубанской области за 1886 г., с. 5—6.
[38] *Шацкий П. А.* Сельское хозяйство..., с. 203.
[39] Кубанская справочная книжка 1894 г.
[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 221.
[41] Кубанский сборник, 1900, т. VI, с. 141—241.
[42] *Апостолов Л. Я.* Географический очерк Кубанской области.— СМОМПК, 1897, вып. 23, с. 264.

[43] *Афанасьев М.* Станица Терская.— СМОМПК, 1893, вып. 16, с. 107.
[44] *Щербина Ф. А.* Общий очерк..., с. 35.
[45] *Калоев Б. А.* Осетины, с. 91.
[46] Очерки истории Карачаево-Черкесии, с. 442.
[47] Народное хозяйство Чечено-Ингушской АССР, с. 36.
[48] См.: Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР, с. 48; Северная Осетия за 50 лет. Статистический сборник. Орджоникидзе, 1974, с. 63.
[49] *Засухин С.* Важное звено аграрной политики партии.— Коммунист, 1976, № 8, с. 27.
[50] Социалистическая Осетия, 1976, № 132.
[51] *Громов Г. Г., Новиков Ю. Ф.* Некоторые вопросы агроэтнографических исследований.— СЭ, 1967, № 1.
[52] См.: *Сабурова Л. М.* По вопросу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова...— СЭ, 1967, № 6; *Суринов В. М.* К определению этнических традиций в земледелии.— СЭ, 1971, № 5; *Шенников А. А.* Необходимые разъяснения.— СЭ, 1973, № 4; *Бежкович А. С.* Еще раз об агроэтнографических исследованиях.— СЭ, 5, 1971; *Крамаржик Е.* Некоторые замечания в связи с дискуссией по аграрной этнографии.— СЭ, 1974, № 3; *Чернецов А. В.* К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий.— СЭ, 1975, № 3.
[53] *Громов Г. Г., Новиков Ю. Ф.* Некоторые вопросы..., с. 81.
[54] Редакция жунала «Сов. этнография», подводя итоги дискуссии по аграрной этнографии, отмечала: «Отрицание роли этнокультурных традиций в истории земледельческих орудий по существу лишает агроэтнографию основного этнографического содержания. А между тем агроэтнография — одна из перспективных и важных отраслей этнографической науки» (СЭ, 1976, № 3, с. 115).
[55] Ю. А. Краснов показал, что среди пахотных орудий, изображенных на монетах, наиболее часто встречаются кривогрядильные рала с полозом, совершенно аналогичные тем, которые до сих пор применяются в горах Северного Кавказа. (*Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975, с. 123—124).
[56] Возникновение и развитие земледелия, с. 132.
[57] *Краснов Ю. А.* Древнейшие..., с. 124.
[58] Возникновение и развитие земледелия, с. 150.
[59] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа, с. 312—313.
[60] *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1, с. 408.
[61] *Никольская З. А., Шиллинг Е. М.* Горное пахотное орудие террасных полей Дагестана.— СЭ, 1952, № 4.
[62] *Читая Г. С.* Пахотные орудия и системы земледелия в Грузии. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.
[63] *Краснов Ю. А.* Древнейшие..., с. 110—133.
[64] *Иваненков Н. С.* Карачаевцы, с. 30.
[65] *Христианович В. П.* Горная Ингушетия, с. 87.
[66] *Калоев Б. А.* Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973, с. 46, 47.
[67] Рукоятка (*глуш*), грядиль (*гино*), см.: *Калоев Б. А.* Осетины, с. 76.
[68] *Читая Г. С.* Пахотные орудия..., с. 2.
[69] *Читая Г. С.* Пахотные орудия..., с. 7.
[70] Возникновение и развитие земледелия, с. 180; см. также: *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. М.; Л., 1965, с. 45.
[71] *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь..., т. 1, с. 527.
[72] *Чернецов А. В.* К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга.— ВМУИ, 1972, № 2, с. 75.
[73] *Минаева Т. М.* Городище Адиюх в Черкесии.— КСИИМК, 1955, № 60, с. 110—119.
[74] *Иессен А. А.* Кызбурунский клад, с. 235.
[75] Украинский плуг экспонируется в ГМЭ, в музеях Полтавы и Львова, грузинский — в Государственном музее Грузии в Тбилиси.
[76] *Джалабадзе Г. В.* К истории земледельческих орудий восточной Грузии. Тбилиси, 1960, с. 166 (на груз. яз.).
[77] Народы Кавказа, т. 2, с. 62, 241, 267.
[78—79] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, с. 336.
[80] Русские. Историко-этнографический атлас, с. 80—81.
[81] *Демченко Н.* Земледельческие орудия молдаван XVIII — начала XX в. Кишинев, 1967, с. 142.
[82] *Вавилов Н. И.* Избр. труды, т. 1, с. 188—189.

ПРИЛОЖЕНИЯ: таблицы-карты 1—13



СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ. УДОБРЕНИЯ

(конец XIX–20-е годы XX в.)

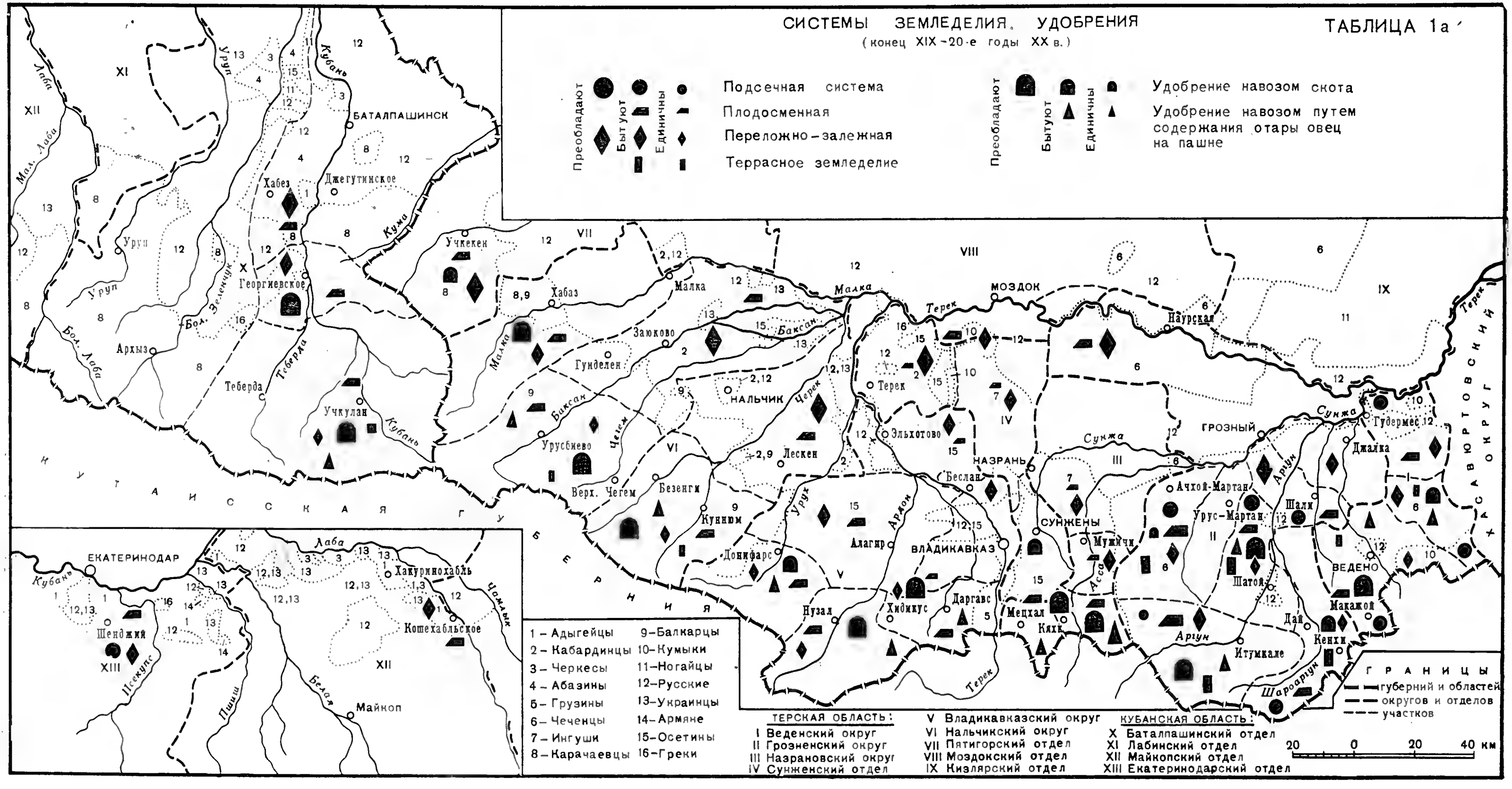
ТАБЛИЦА 1а

Преобладают · Бытуют · Единичны

- Подсечная система
- Плодосменная
- Переложно-залежная
- Террасное земледелие

Преобладают · Бытуют · Единичны

- Удобрение навозом скота
- Удобрение навозом путем содержания отары овец на пашне



1 – Адыгейцы
2 – Кабардинцы
3 – Черкесы
4 – Абазины
5 – Грузины
6 – Чеченцы
7 – Ингуши
8 – Карачаевцы
9 – Балкарцы
10 – Кумыки
11 – Ногайцы
12 – Русские
13 – Украинцы
14 – Армяне
15 – Осетины
16 – Греки

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:

I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел

КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:

X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел

ГРАНИЦЫ
- губерний и областей
- округов и отделов
- участков

20 0 20 40 км

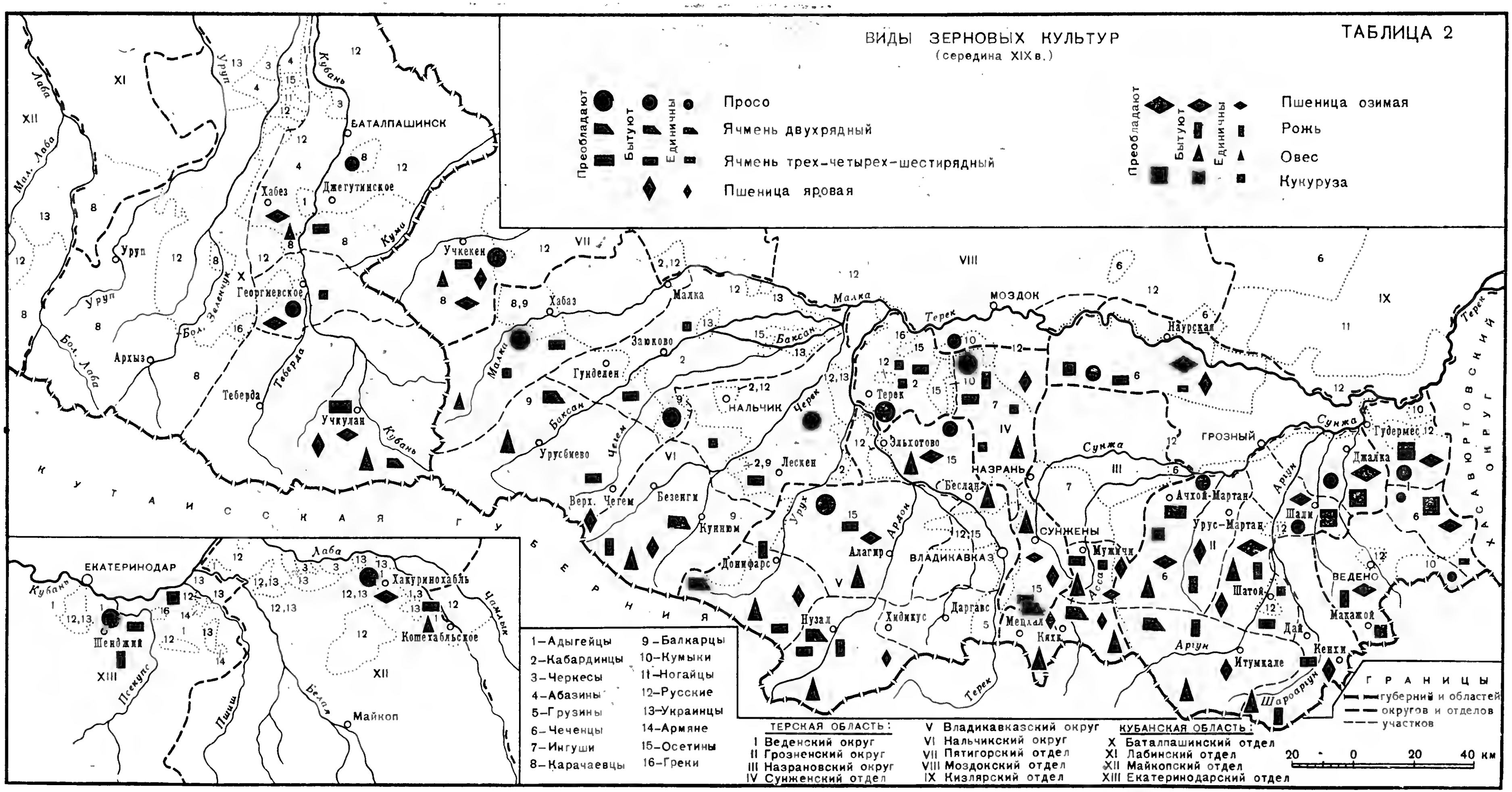


ТАБЛИЦА 2
ВИДЫ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР
(середина XIX в.)
Преобладают
Бытуют
Единичны
Просо
Ячмень двухрядный
Ячмень трех-четырех-шестирядный
Пшеница яровая
Пшеница озимая
Рожь
Овес
Кукуруза
БАТАЛПАШИНСК
Хабез
Джегутинское
Георгиевское
Архыз
Теберда
Учкулан
Учкекен
Хабаз
Малка
Заюково
Гунделен
Урусбиево
Верх. Чегем
Безенги
Куннюм
Донифарс
Нузал
Алагир
Хидикус
Даргавс
Мецхал
Кяхк
Мужичи
Беслан
Эльхотово
НАЛЬЧИК
Лескен
НАЗРАНЬ
ВЛАДИКАВКАЗ
СУНЖЕНЫ
МОЗДОК
Наурская
ГРОЗНЫЙ
Ачхой-Мартан
Урус-Мартан
Шатой
Итумкале
Дай
Кенхи
Макажой
ВЕДЕНО
Шали
Джалка
Гудермес
Кубань
Урух
Ардон
Терек
Сунжа
Аргун
Шароаргун
Асса
Малка
Баксан
Черек
Чегем
Кума
Уруп
Бол. Зеленчук
Бол. Лаба
Мал. Лаба
Лаба
Теберда
Кубань
КУТАИССКАЯ ГУБЕРНИЯ
ХАСАВЮРТОВСКИЙ ОКРУГ
ЕКАТЕРИНОДАР
Шенджий
Хакуринохабль
Кошехабльское
Майкоп
Псекупс
Пшиш
Белая
Чамлык
1–Адыгейцы
2–Кабардинцы
3–Черкесы
4–Абазины
5–Грузины
6–Чеченцы
7–Ингуши
8–Карачаевцы
9–Балкарцы
10–Кумыки
11–Ногайцы
12–Русские
13–Украинцы
14–Армяне
15–Осетины
16–Греки
ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел
КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел
ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков
20 0 20 40 км

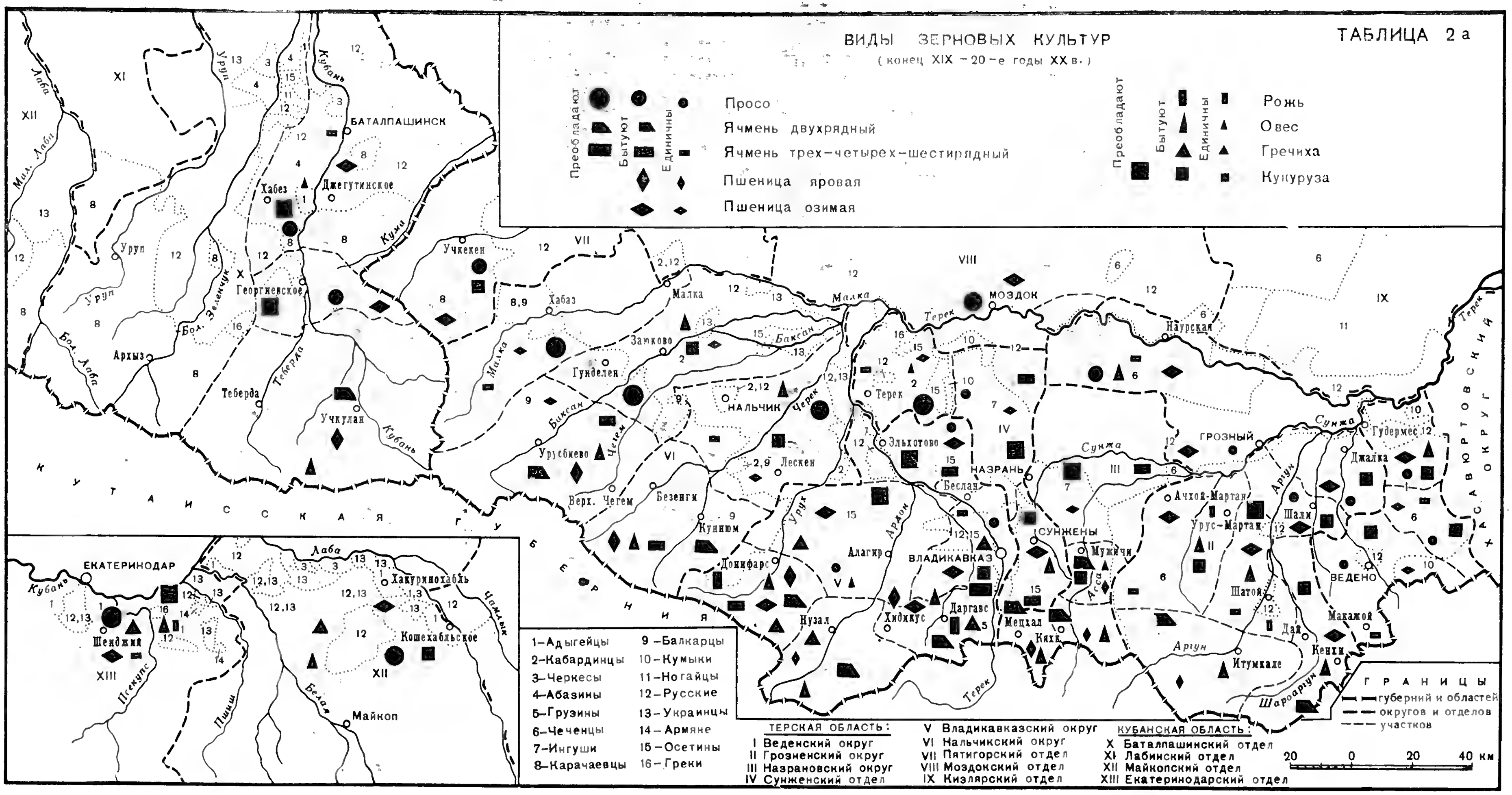
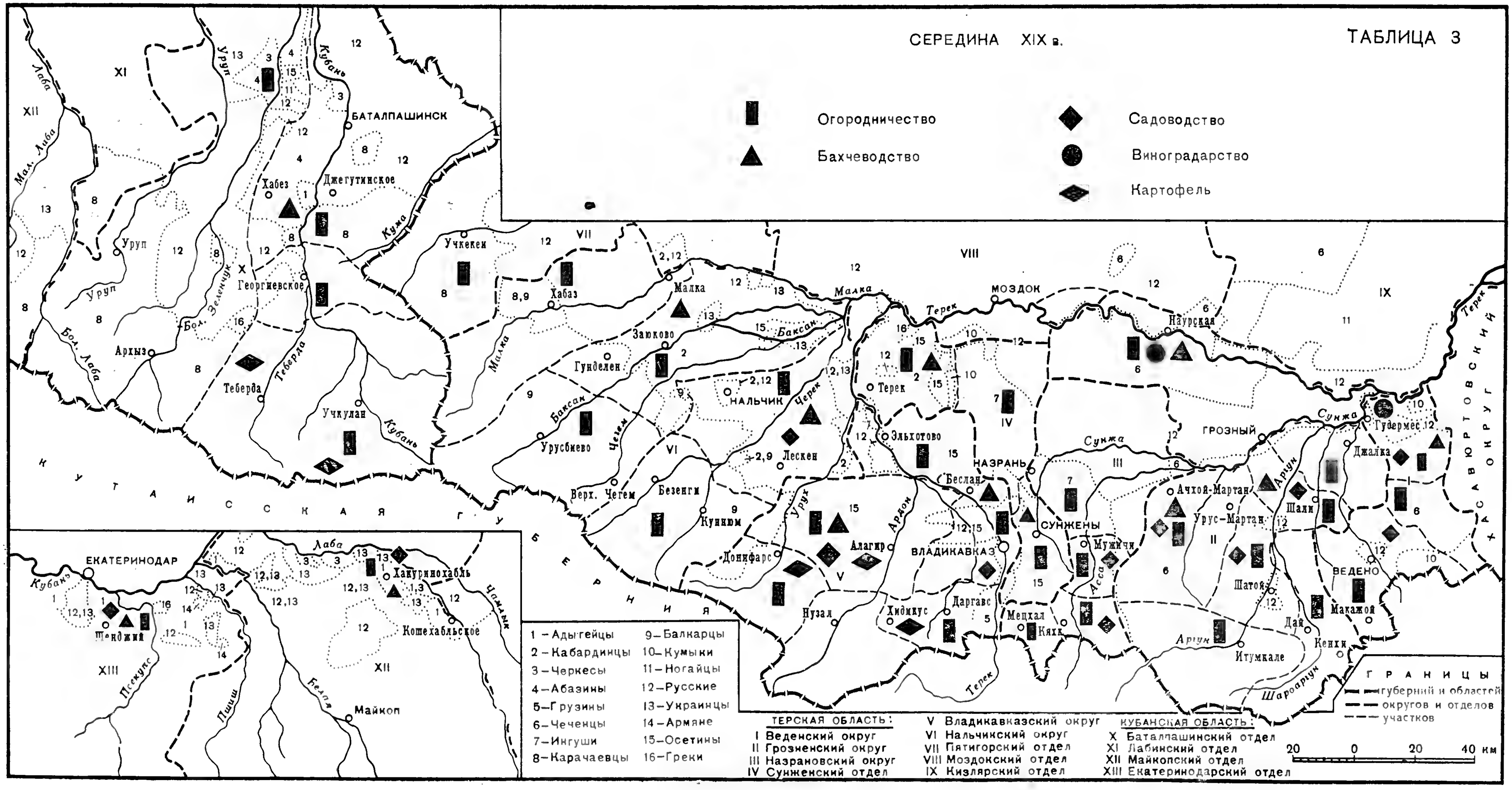

ВИДЫ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР
(конец XIX – 20-е годы XX в.)
ТАБЛИЦА 2 а
Преобладают
Бытуют
Единичны
Просо
Ячмень двухрядный
Ячмень трех-четырех-шестирядный
Пшеница яровая
Пшеница озимая
Рожь
Овес
Гречиха
Кукуруза
1–Адыгейцы
2–Кабардинцы
3–Черкесы
4–Абазины
5–Грузины
6–Чеченцы
7–Ингуши
8–Карачаевцы
9–Балкарцы
10–Кумыки
11–Ногайцы
12–Русские
13–Украинцы
14–Армяне
15–Осетины
16–Греки
ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел
КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел
ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков
20 0 20 40 км
КУТАИССКАЯ ГУБЕРНИЯ
ХАСАВЮРТОВСКИЙ ОКРУГ
БАТАЛПАШИНСК
Хабез
Джегутинское
Георгиевское
Архыз
Теберда
Учкулан
Учкекен
Хабаз
Малка
Заюково
Гунделен
НАЛЬЧИК
Урусбиево
Верх. Чегем
Безенги
Лескен
Куннюм
Донифарс
Алагир
Нузал
Хидикус
Даргавс
Мецхал
Кяхк
ВЛАДИКАВКАЗ
Беслан
Эльхотово
Терек
МОЗДОК
Наурская
НАЗРАНЬ
СУНЖЕНЫ
Мужичи
ГРОЗНЫЙ
Ачхой-Мартан
Урус-Мартан
Шатой
Итумкале
Дай
Кенхи
Макажой
ВЕДЕНО
Шали
Джалка
Гудермес
ЕКАТЕРИНОДАР
Шенджий
Хакуринохабль
Кошехабльское
Майкоп
Кубань
Лаба
Мал. Лаба
Бол. Лаба
Бол. Зеленчук
Теберда
Кума
Малка
Баксан
Черек
Чегем
Урух
Ардон
Терек
Сунжа
Аргун
Асса
Шароаргун
Псекупс
Пшиш
Белая
Чамлык

ТАБЛИЦА 3

СЕРЕДИНА XIX в.



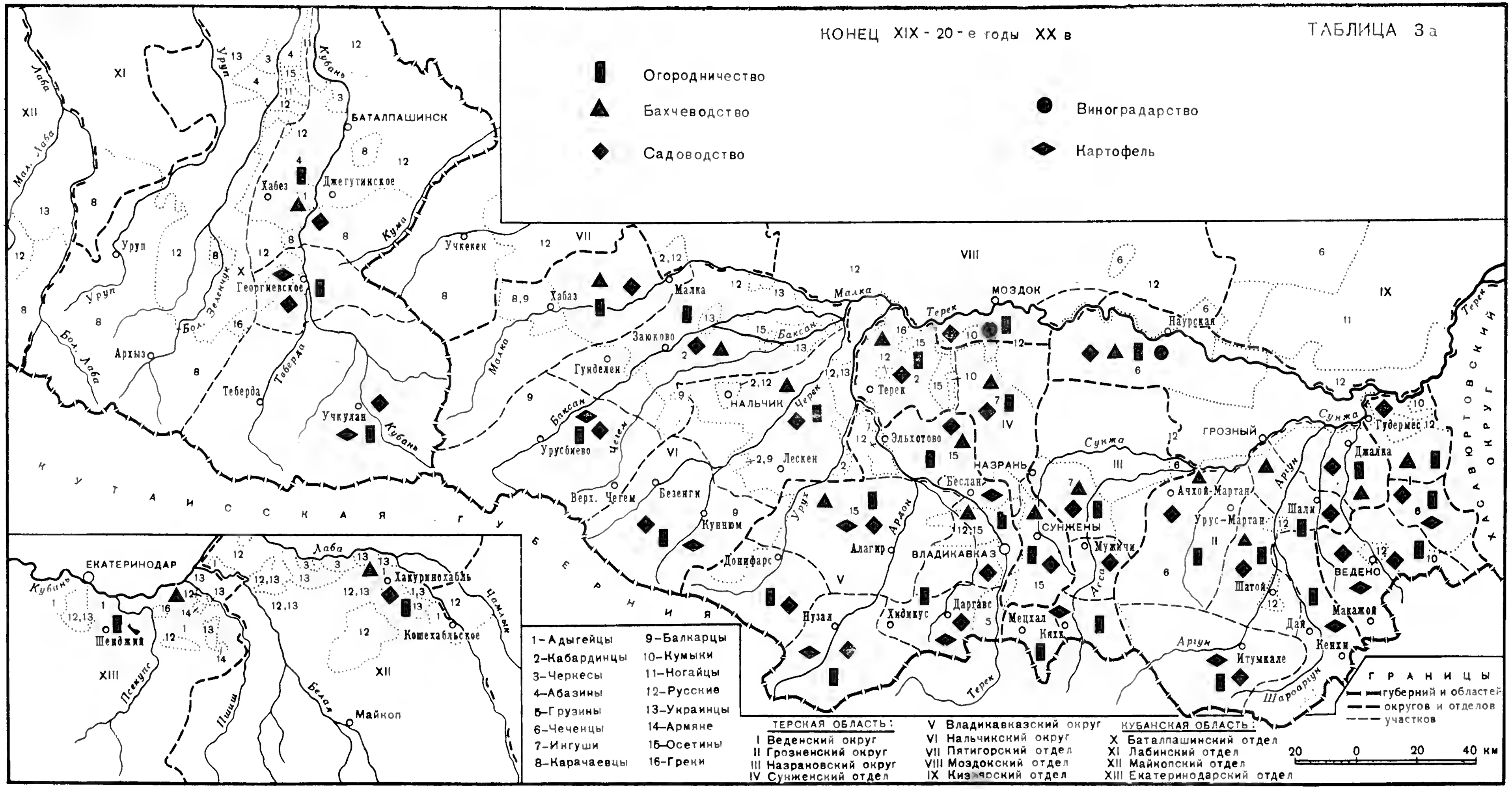
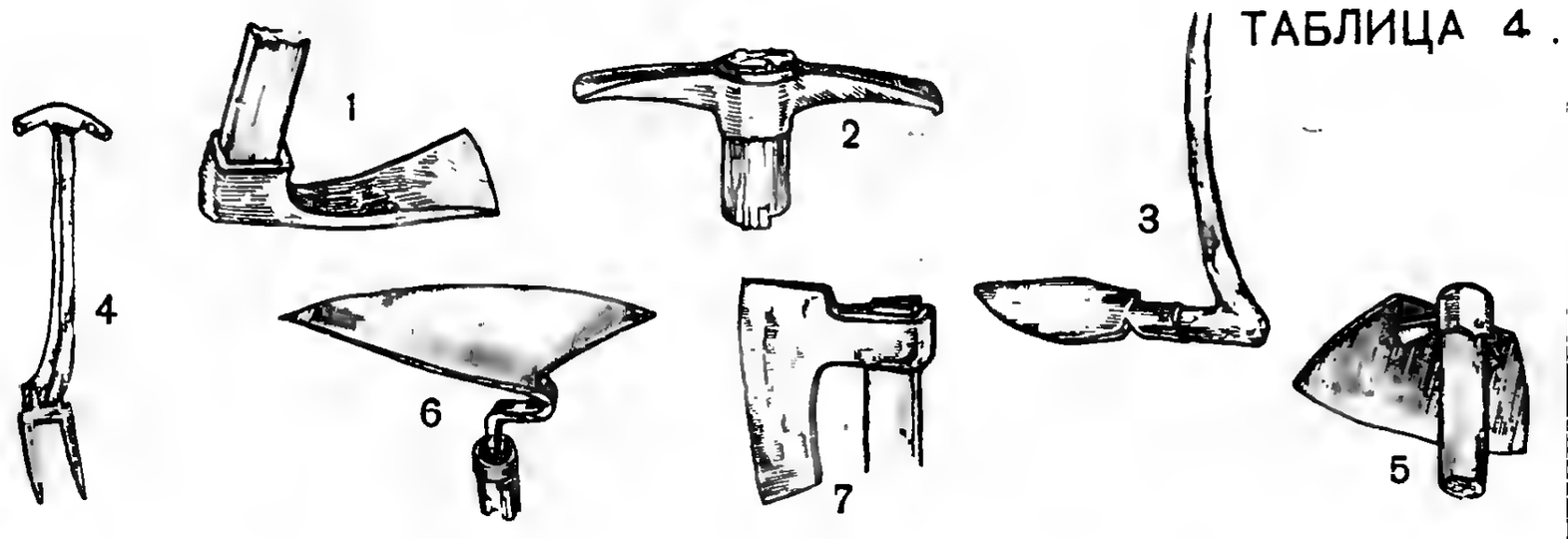

КОНЕЦ XIX - 20-е годы XX в
ТАБЛИЦА 3а
Огородничество
Бахчеводство
Садоводство
Виноградарство
Картофель
БАТАЛПАШИНСК
Хабез
Джегутинское
Георгиевское
Уруп
Архыз
Теберда
Учкулан
Учкекен
Хабаз
Малка
Заюково
Гунделен
Урусбиево
Верх. Чегем
Безенги
Куннюм
Донифарс
Нузал
Алагир
Хидикус
Даргавс
Мецхал
Кяхк
Мужичи
Беслан
Эльхотово
НАЛЬЧИК
Лескен
Терек
МОЗДОК
Наурская
НАЗРАНЬ
СУНЖЕНЫ
ВЛАДИКАВКАЗ
ГРОЗНЫЙ
Ачхой-Мартан
Урус-Мартан
Шатой
Итумкале
Дай
Кенхи
Макажой
ВЕДЕНО
Шали
Джалка
Гудермес
Кубань
Малка
Терек
Баксан
Чегем
Урух
Ардон
Сунжа
Аргун
Шароаргун
Асса
Кума
Бол. Зеленчук
Теберда
Бол. Лаба
Мал. Лаба
Лаба
Псекупс
Пшиш
Белая
Чамлык
ЕКАТЕРИНОДАР
Шенджий
Хакуринохабль
Кошехабльское
Майкоп
КУТАИССКАЯ ГУБЕРНИЯ
ХАСАВЮРТОВСКИЙ ОКРУГ
1-Адыгейцы
2-Кабардинцы
3-Черкесы
4-Абазины
5-Грузины
6-Чеченцы
7-Ингуши
8-Карачаевцы
9-Балкарцы
10-Кумыки
11-Ногайцы
12-Русские
13-Украинцы
14-Армяне
15-Осетины
16-Греки
ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел
КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел
ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков
20 0 20 40 км

ТАБЛИЦА 4.

МОТЫГИ И ПОДСЕЧНЫЕ ОРУДИЯ
(вторая половина XIX–20-е XXв.)

Преобладают · Бытуют · Единичны

Односторонняя кирка-1
Двусторонняя кирка-2
Мотыга с крюкообразной ручкой-3
Двузубая мотыга-4
Мотыга с втулкой-5
Мотыга с пружинистым стержнем-6
Орудия подсечного земледелия-7



КУТАИССКАЯ ГУБЕРНИЯ

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел

КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел

1–Адыгейцы
2–Кабардинцы
3–Черкесы
4–Абазины
5–Грузины
6–Чеченцы
7–Ингуши
8–Карачаевцы
9–Балкарцы
10–Кумыки
11–Ногайцы
12–Русские
13–Украинцы
14–Армяне
15–Осетины
16–Греки

ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков

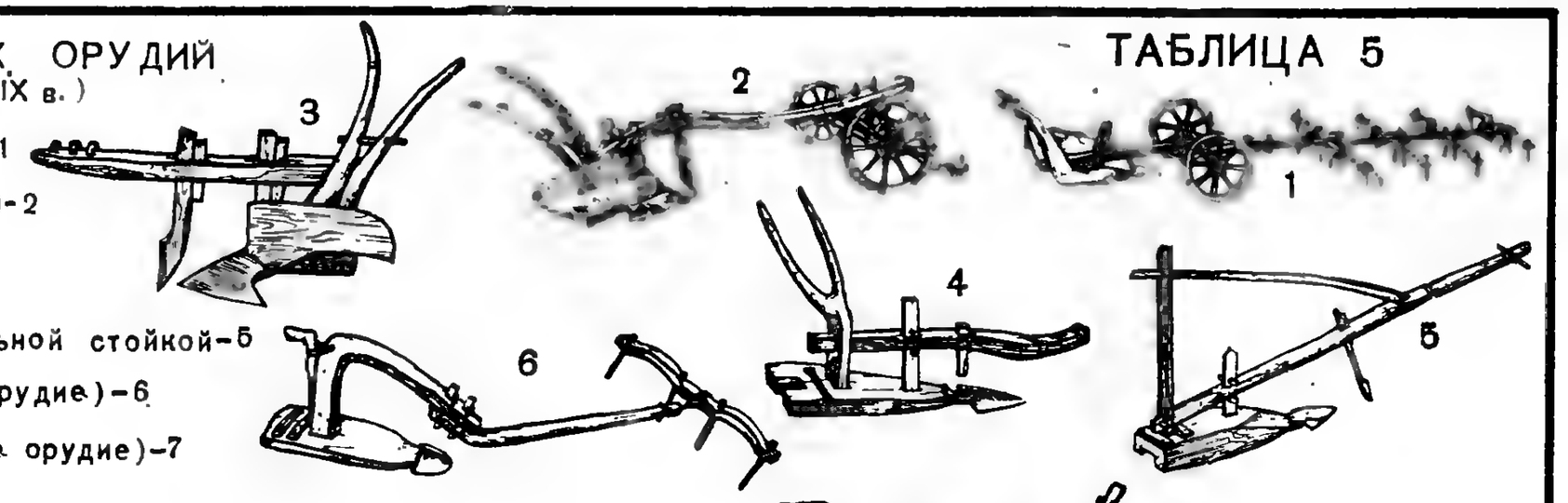
20 0 20 40 км

ТАБЛИЦА 5

ВИДЫ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ
(середина XIX в.)

Преобладают · Бытуют · Единичны

- Тяжелый плуг (адыгский)–1
- Тяжелый плуг (украинский)–2
- Беспередковый плуг–3
- Рало с резаком–4
- Рало с резаком и вертикальной стойкой–5
- Рало с дышлом (яремное орудие)–6
- Рало без дышла (грядильное орудие)–7



КУТАИССКАЯ ГУБЕРНИЯ

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел

КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел

1–Адыгейцы
2–Кабардинцы
3–Черкесы
4–Абазины
5–Грузины
6–Чеченцы
7–Ингуши
8–Карачаевцы
9–Балкарцы
10–Кумыки
11–Ногайцы
12–Русские
13–Украинцы
14–Армяне
15–Осетины
16–Греки

ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков

20 0 20 40 км

ТАБЛИЦА 5а
ВИДЫ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ
(конец XIX–20-е годы XX в.)
Преобладают
Бытуют
Единичны
Тяжелый плуг (адыгский)
Тяжелый плуг (украинский)
Беспередковый плуг
Рало с резаком
Рало с резаком и вертикальной стойкой
Рало с дышлом (яремное орудие)
Рало без дышла (грядильное орудие)
Железный плуг (однолемешный)
Железный плуг (многолемешный)
1 – Адыгейцы
2 – Кабардинцы
3 – Черкесы
4 – Абазины
5 – Грузины
6 – Чеченцы
7 – Ингуши
8 – Карачаевцы
9 – Балкарцы
10 – Кумыки
11 – Ногайцы
12 – Русские
13 – Украинцы
14 – Армяне
15 – Осетины
16 – Греки
ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел
КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел
ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков
20 0 20 40 км
КУТАИССКАЯ ГУБЕРНИЯ
ХАСАВЮРТОВСКИЙ ОКРУГ
ЕКАТЕРИНОДАР
БАТАЛПАШИНСК
МОЗДОК
ГРОЗНЫЙ
НАЛЬЧИК
ВЛАДИКАВКАЗ
НАЗРАНЬ
СУНЖЕНЫ
ВЕДЕНО

ТАБЛИЦА 6

ВИДЫ ОРУДИЙ СЕВА
(вторая половина XIX в 20-е годы XX в.)

Преобладают — Бытуют — Единичны

Плетеная из мелкого орешника продолговатая корзина-1

Хурджин-2

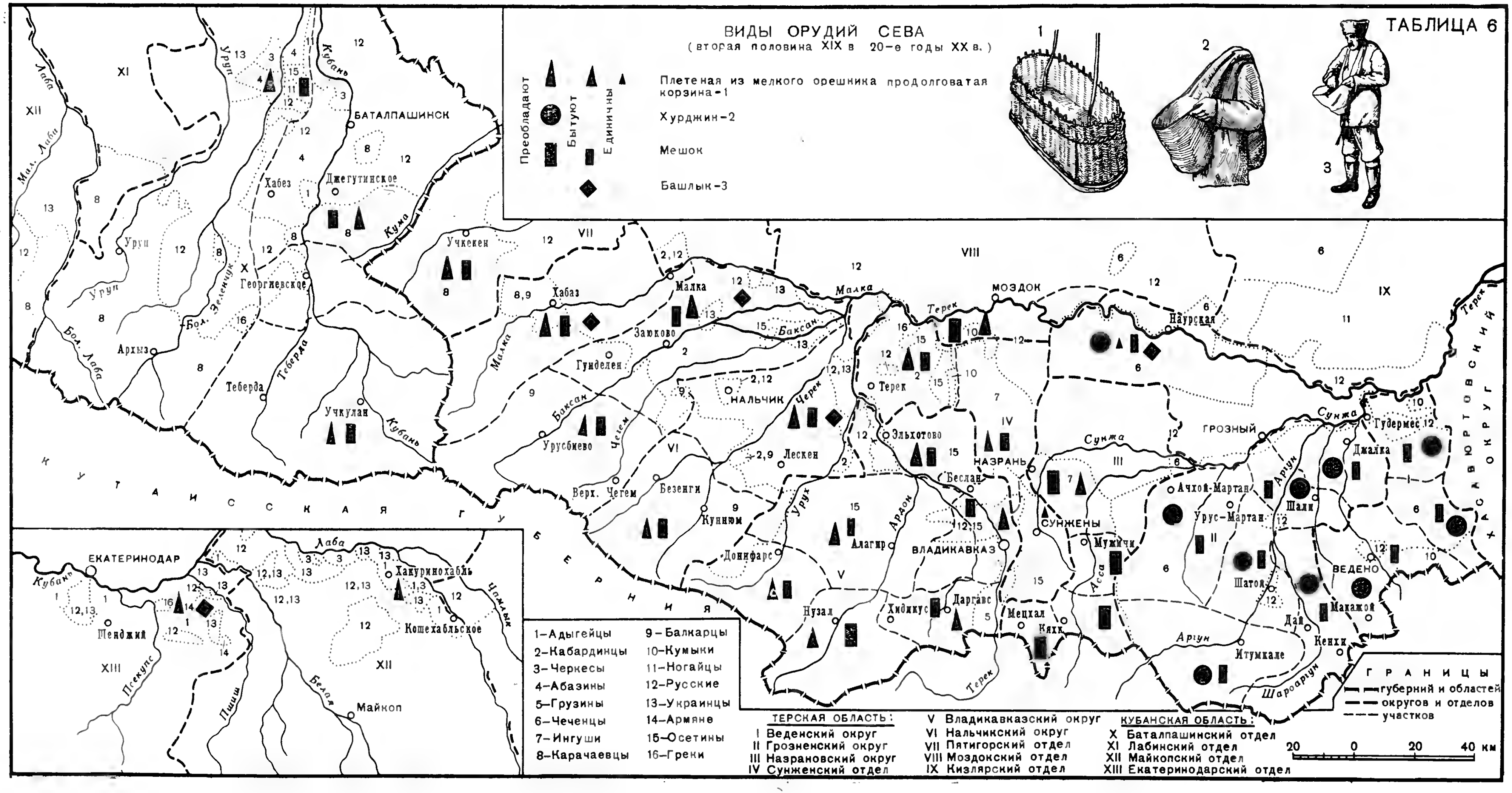
Мешок

Башлык-3

1

2

3



1–Адыгейцы
2–Кабардинцы
3–Черкесы
4–Абазины
5–Грузины
6–Чеченцы
7–Ингуши
8–Карачаевцы
9–Балкарцы
10–Кумыки
11–Ногайцы
12–Русские
13–Украинцы
14–Армяне
15–Осетины
16–Греки

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел

КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел

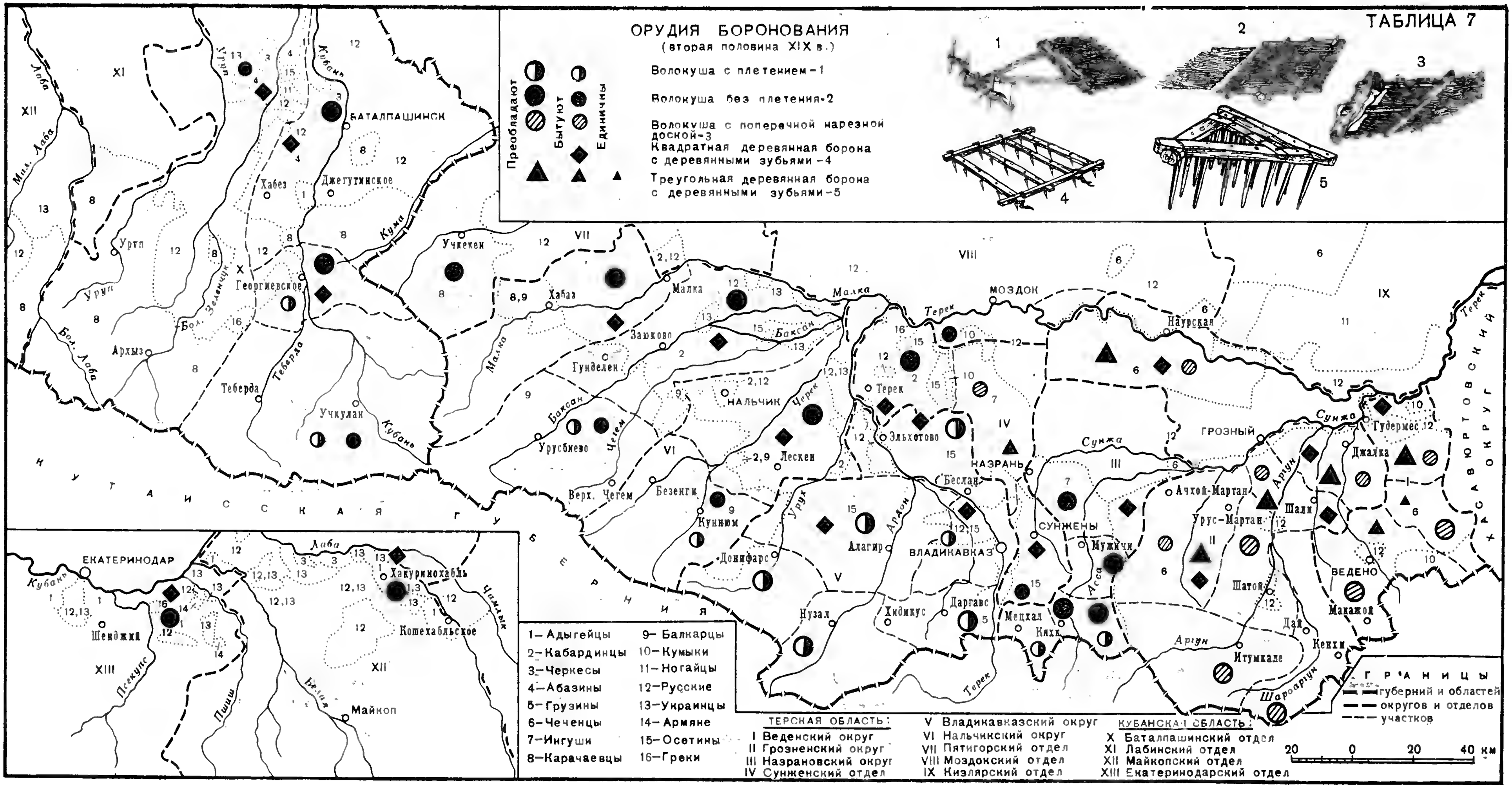
ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков

20 0 20 40 км

ОРУДИЯ БОРОНОВАНИЯ
(вторая половина XIX в.)

Преобладают · Бытуют · Единичны

- Волокуша с плетением – 1
- Волокуша без плетения – 2
- Волокуша с поперечной нарезной доской – 3
- Квадратная деревянная борона с деревянными зубьями – 4
- Треугольная деревянная борона с деревянными зубьями – 5



1 – Адыгейцы
2 – Кабардинцы
3 – Черкесы
4 – Абазины
5 – Грузины
6 – Чеченцы
7 – Ингуши
8 – Карачаевцы
9 – Балкарцы
10 – Кумыки
11 – Ногайцы
12 – Русские
13 – Украинцы
14 – Армяне
15 – Осетины
16 – Греки

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел

КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел

ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков

20 0 20 40 км

ТАБЛИЦА 7а

ОРУДИЯ БОРОНОВАНИЯ
(первая четверть XX в.)

Преобладают / Бытуют / Единичны

- Волокуша с плетением
- Волокуша без плетения
- Волокуша с поперечной нарезной доской
- Квадратная деревянная борона с деревянными зубьями
- Треугольная деревянная борона с деревянными зубьями
- Деревянная борона с железными зубьями

1–Адыгейцы, 2–Кабардинцы, 3–Черкесы, 4–Абазины, 5–Грузины, 6–Чеченцы, 7–Ингуши, 8–Карачаевцы, 9–Балкарцы, 10–Кумыки, 11–Ногайцы, 12–Русские, 13–Украинцы, 14–Армяне, 15–Осетины, 16–Греки

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел

КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел

ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков

20 0 20 40 км

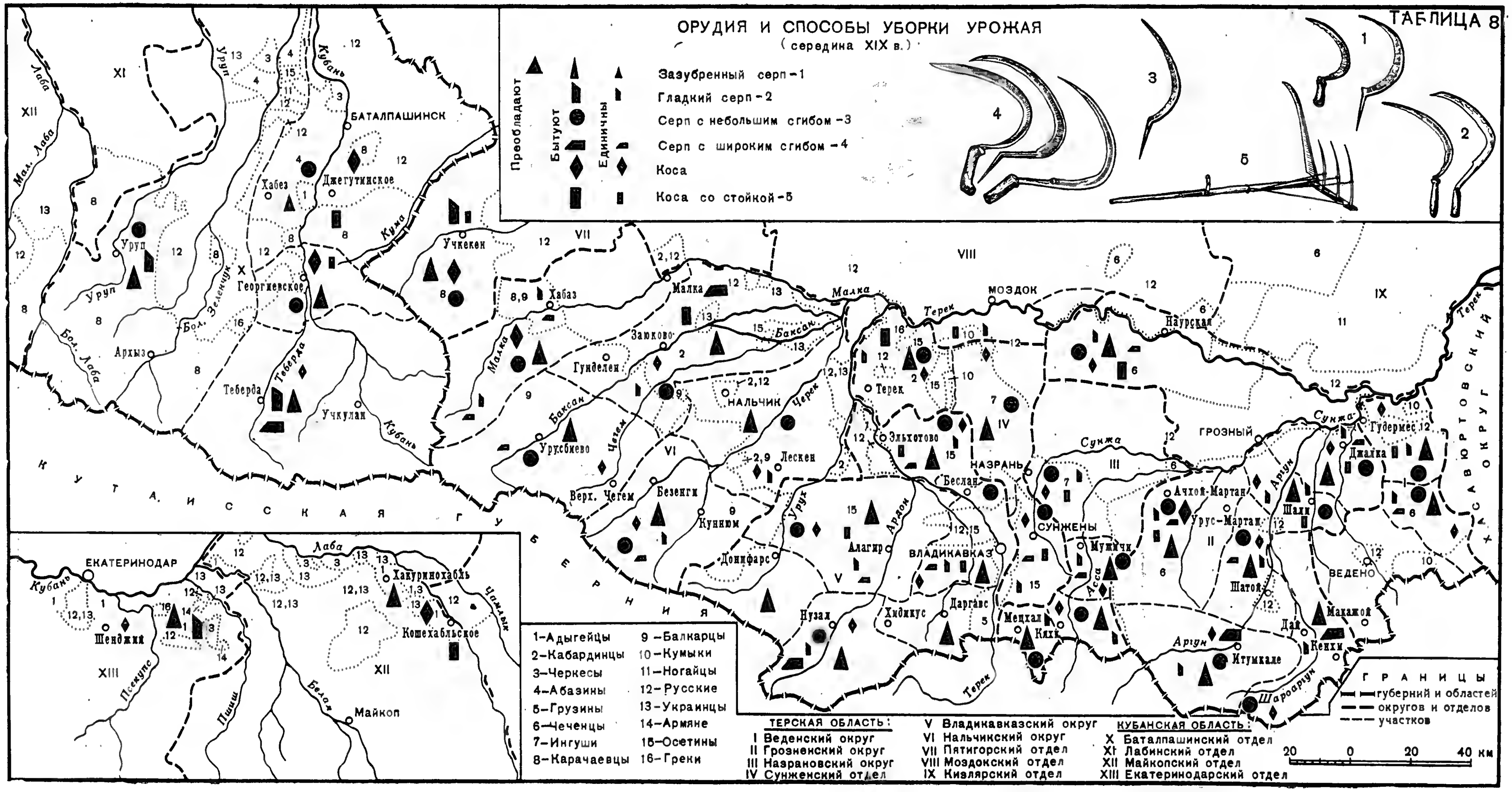


ТАБЛИЦА 8
ОРУДИЯ И СПОСОБЫ УБОРКИ УРОЖАЯ
(середина XIX в.)
Преобладают
Бытуют
Единичны
Зазубренный серп-1
Гладкий серп-2
Серп с небольшим сгибом-3
Серп с широким сгибом-4
Коса
Коса со стойкой-5
1-Адыгейцы
2-Кабардинцы
3-Черкесы
4-Абазины
5-Грузины
6-Чеченцы
7-Ингуши
8-Карачаевцы
9-Балкарцы
10-Кумыки
11-Ногайцы
12-Русские
13-Украинцы
14-Армяне
15-Осетины
16-Греки
ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел
КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел
ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков
20 0 20 40 км
КУТАИССКАЯ ГУБЕРНИЯ
ХАСАВЮРТОВСКИЙ ОКРУГ
БАТАЛПАШИНСК
Джегутинское
Хабез
Георгиевское
Уруп
Архыз
Теберда
Учкулан
Учкекен
Хабаз
Малка
Заюково
Гунделен
НАЛЬЧИК
Урусбиево
Верх. Чегем
Безенги
Кунням
Лескен
Донифарс
Алагир
Нузал
Хидикус
Даргавс
ВЛАДИКАВКАЗ
Беслан
Эльхотово
НАЗРАНЬ
СУНЖЕНЫ
Мужичи
Мецхал
Кяхк
Моздок
Наурская
ГРОЗНЫЙ
Ачхой-Мартан
Урус-Мартан
Шатой
Итумкале
Шали
Гудермес
Джалка
ВЕДЕНО
Макажой
Дай
Кенхи
Шароаргун
ЕКАТЕРИНОДАР
Шенджий
Хакуринохабль
Кошехабльское
Майкоп
Кубань
Лаба
Мал. Лаба
Бол. Лаба
Бол. Зеленчук
Теберда
Кума
Малка
Баксан
Черек
Чегем
Урух
Ардон
Терек
Сунжа
Аргун
Асса
Шаро
Чамлык
Белая
Пшиш
Псекупс

ОРУДИЯ И СПОСОБЫ УБОРКИ УРОЖАЯ

(конец XIX – 20-е годы XX в)

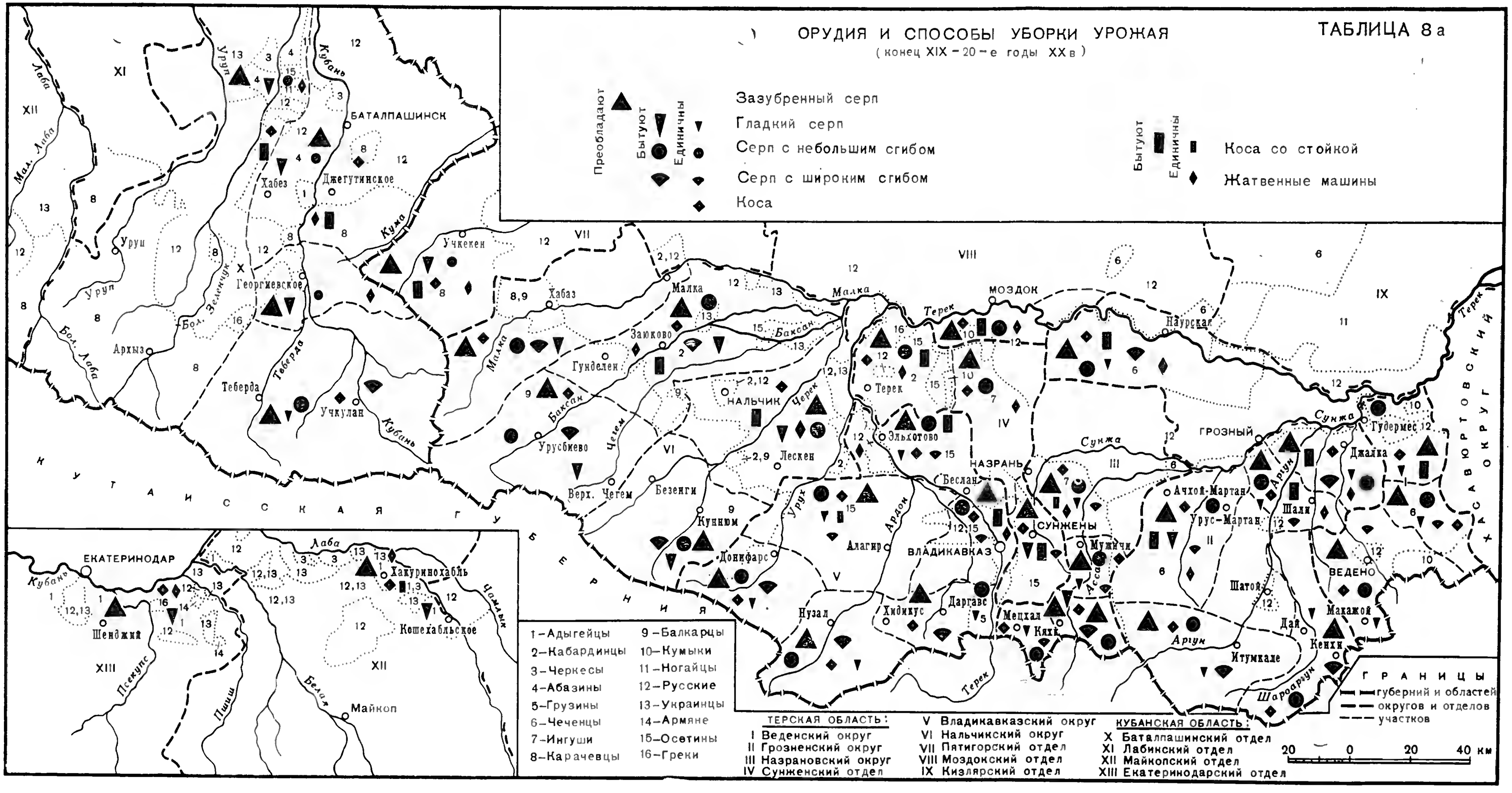
ТАБЛИЦА 8 а

Преобладают / Бытуют / Единичны

- Зазубренный серп
- Гладкий серп
- Серп с небольшим сгибом
- Серп с широким сгибом
- Коса

Бытуют / Единичны

- Коса со стойкой
- Жатвенные машины



1 – Адыгейцы
2 – Кабардинцы
3 – Черкесы
4 – Абазины
5 – Грузины
6 – Чеченцы
7 – Ингуши
8 – Карачевцы
9 – Балкарцы
10 – Кумыки
11 – Ногайцы
12 – Русские
13 – Украинцы
14 – Армяне
15 – Осетины
16 – Греки

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:

I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел

КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:

X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел

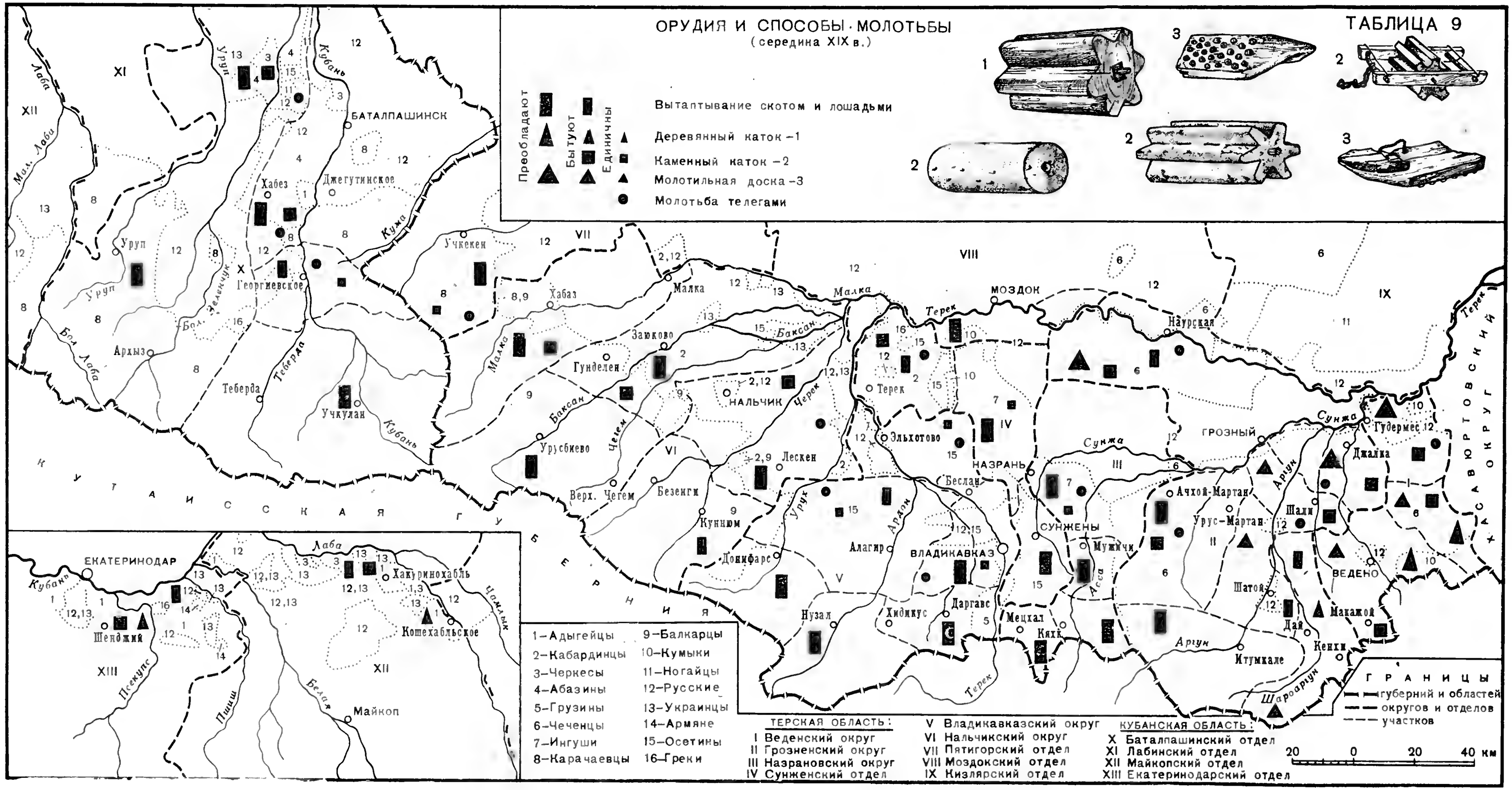
ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков

20 0 20 40 км

ОРУДИЯ И СПОСОБЫ МОЛОТЬБЫ
(середина XIX в.)

Преобладают — Бытуют — Единичны

- Вытаптывание скотом и лошадьми
- Деревянный каток – 1
- Каменный каток – 2
- Молотильная доска – 3
- Молотьба телегами



1–Адыгейцы	9–Балкарцы
2–Кабардинцы	10–Кумыки
3–Черкесы	11–Ногайцы
4–Абазины	12–Русские
5–Грузины	13–Украинцы
6–Чеченцы	14–Армяне
7–Ингуши	15–Осетины
8–Карачаевцы	16–Греки

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел

КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел

ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков

20 0 20 40 км

ОРУДИЯ И СПОСОБЫ МОЛОТЬБЫ
(конец XIX в.–20-е годы XX в.)

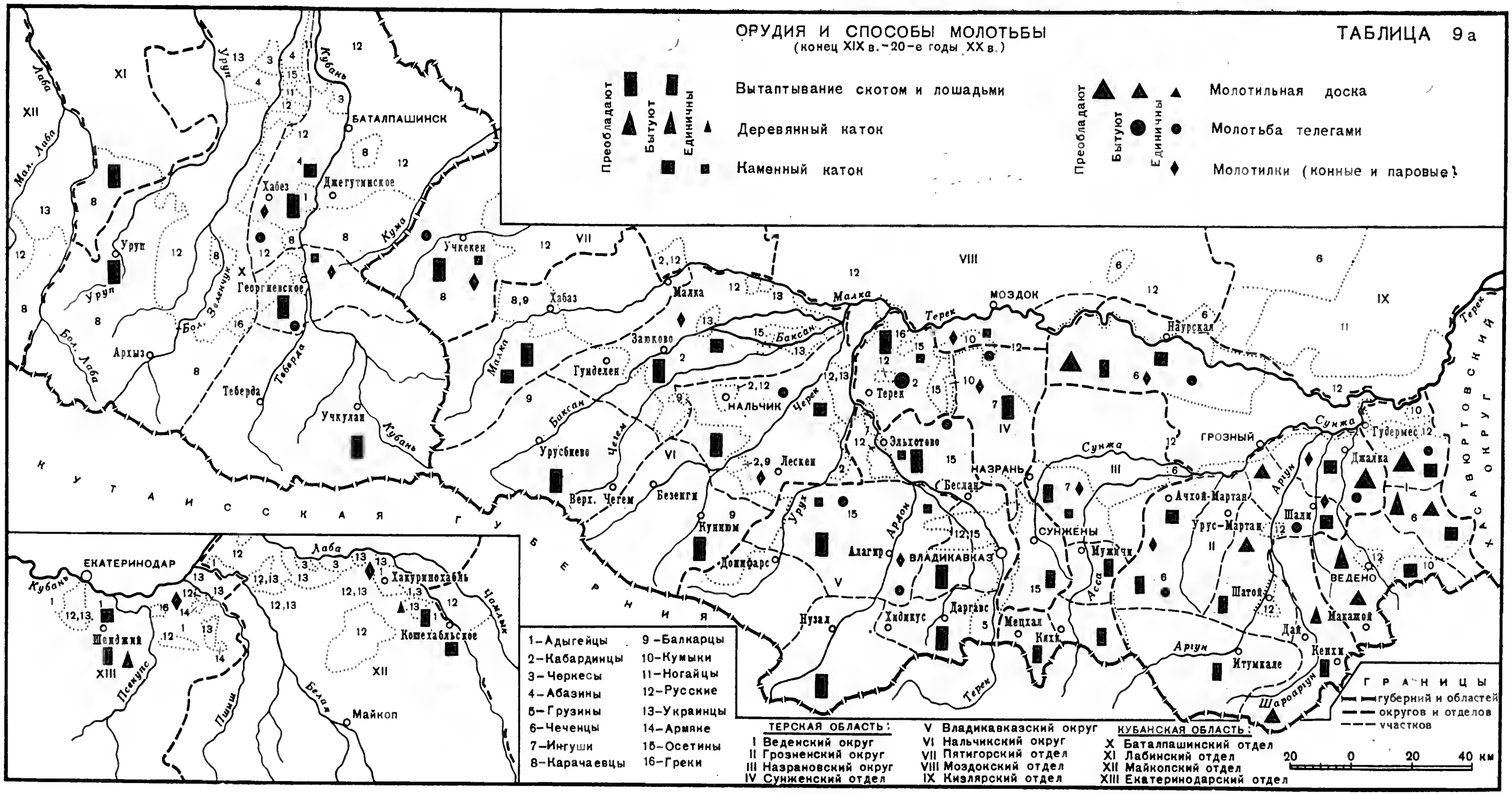
ТАБЛИЦА 9а

Преобладают / Бытуют / Единичны

- Вытаптывание скотом и лошадьми
- Деревянный каток
- Каменный каток

Преобладают / Бытуют / Единичны

- Молотильная доска
- Молотьба телегами
- Молотилки (конные и паровые)



ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел

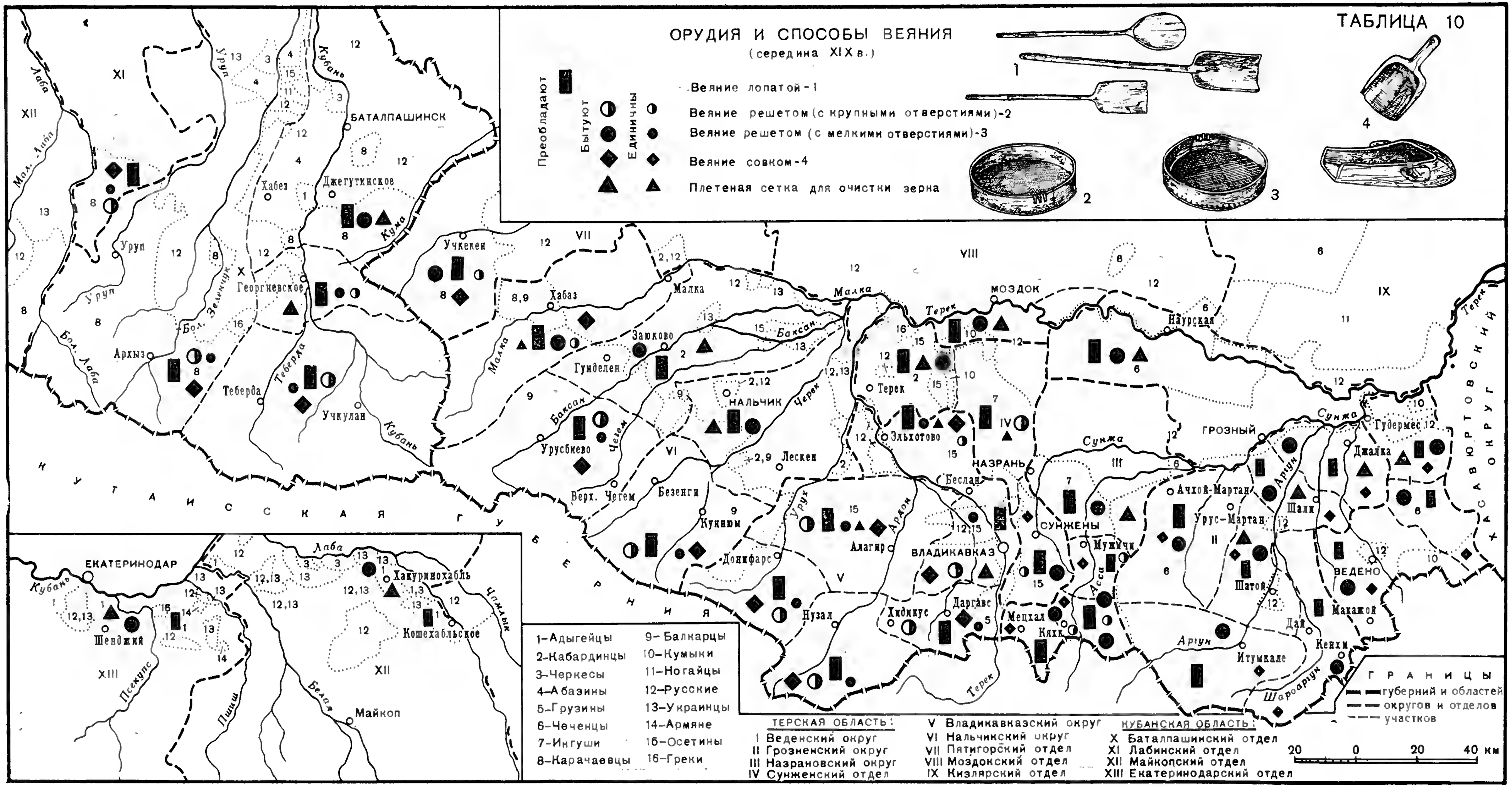
КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел

ТАБЛИЦА 10

ОРУДИЯ И СПОСОБЫ ВЕЯНИЯ
(середина XIX в.)

Преобладают · Бытуют · Единичны

- Веяние лопатой - 1
- Веяние решетом (с крупными отверстиями) - 2
- Веяние решетом (с мелкими отверстиями) - 3
- Веяние совком - 4
- Плетеная сетка для очистки зерна



1–Адыгейцы
2–Кабардинцы
3–Черкесы
4–Абазины
5–Грузины
6–Чеченцы
7–Ингуши
8–Карачаевцы
9–Балкарцы
10–Кумыки
11–Ногайцы
12–Русские
13–Украинцы
14–Армяне
16–Осетины
16–Греки

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел

КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел

ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков

20 0 20 40 км

ОРУДИЯ И СПОСОБЫ ВЕЯНИЯ

(конец XIX–20-е годы XX в.)

ТАБЛИЦА 10 а

Преобладают / Бытуют / Единичны

- Веяние лопатой
- Веяние решетом (с крупными отверстиями)
- Веяние решетом (с мелкими отверстиями)
- Веяние совком
- Плетеная сетка для очистки зерна
- Веяние веялками

1 – Адыгейцы
2 – Кабардинцы
3 – Черкесы
4 – Абазины
5 – Грузины
6 – Чеченцы
7 – Ингуши
8 – Карачаевцы
9 – Балкарцы
10 – Кумыки
11 – Ногайцы
12 – Русские
13 – Украинцы
14 – Армяне
15 – Осетины
16 – Греки

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел

КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел

ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков

20 0 20 40 км

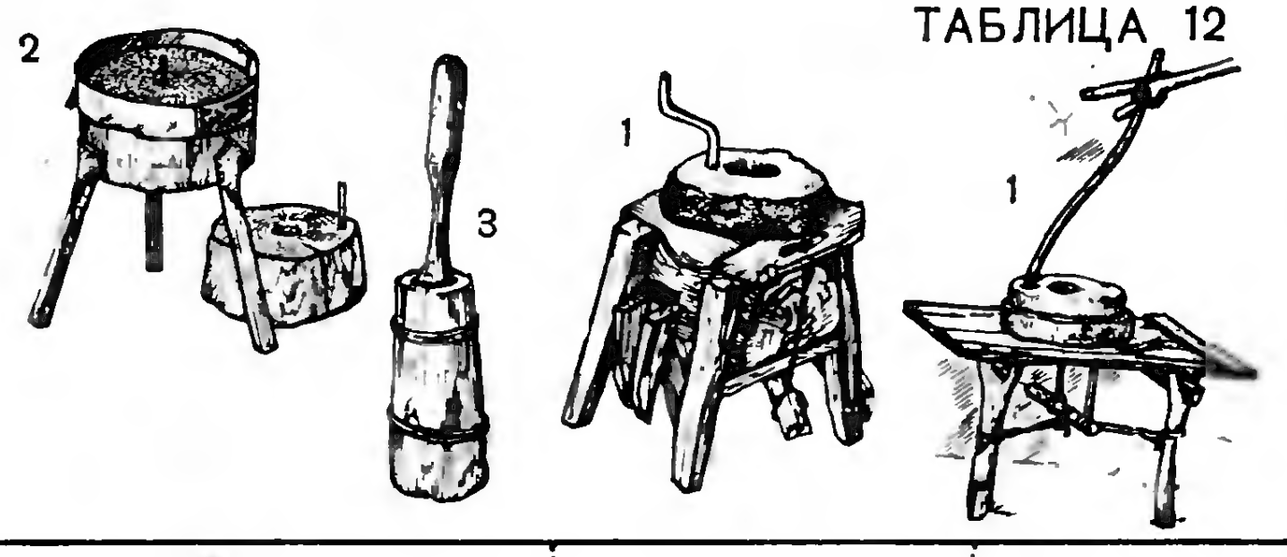
ТАБЛИЦА 11
ПОМЕЩЕНИЯ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ЗЕРНА
(вторая половина XIX – начало XX в.)
Преобладают
Бытуют
Единичны
Плетеные сапетки-1
Лари-2
Амбары для хранения кукурузы-3
Зерновые ямы
Дупла-4
1–Адыгейцы
2–Кабардинцы
3–Черкесы
4–Абазины
5–Грузины
6–Чеченцы
7–Ингуши
8–Карачаевцы
9–Балкарцы
10–Кумыки
11–Ногайцы
12–Русские
13–Украинцы
14–Армяне
15–Осетины
16–Греки
ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел
КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел
ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков
20 0 20 40 км
КУТАИССКАЯ ГУБЕРНИЯ
ХАСАВЮРТОВСКИЙ ОКРУГ
БАТАЛПАШИНСК
ЕКАТЕРИНОДАР
МОЗДОК
НАЛЬЧИК
ВЛАДИКАВКАЗ
ГРОЗНЫЙ
НАЗРАНЬ
СУНЖЕНЫ
ВЕДЕНО
Майкоп

ВИДЫ МЕЛЬНИЦ И СТУПЫ
(середина XIX в.– 20-е годы XX в.)

ТАБЛИЦА 12

Преобладают / Бытуют / Единичны

- Ручные мельницы с каменным жерновом –1
- Ручные мельницы с деревянным жерновом –2
- Водяная мельница
- Мельница - вальцовка
- Ступы–3



1–Адыгейцы
2–Кабардинцы
3–Черкесы
4–Абазины
5–Грузины
6–Чеченцы
7–Ингуши
8–Карачаевцы
9–Балкарцы
10–Кумыки
11–Ногайцы
12–Русские
13–Украинцы
14–Армяне
15–Осетины
16–Греки

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел

КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел

ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков

20 0 20 40 км

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ

ТАБЛИЦА 13

- Начало пахоты и первая борозда
- Праздник возвращения с пахоты
- Земледельческие божества
- Бог грома и дождя
- Похороны убитого молнией

Вызывание дождя при помощи:

- камня из могилы убитого молнией
- деревьев, камней, подвергшихся ударам молний
- купания куклы (ханцегуаша)
- Почитание святых мест (рощ, деревьев, камней, гор и т.д.)
- Почитание общих и местных божеств

1–Адыгейцы
2–Кабардинцы
3–Черкесы
4–Абазины
5–Грузины
6–Чеченцы
7–Ингуши
8–Карачаевцы
9–Балкарцы
10–Кумыки
11–Ногайцы
12–Русские
13–Украинцы
14–Армяне
15–Осетины
16–Греки

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ:
I Веденский округ
II Грозненский округ
III Назрановский округ
IV Сунженский отдел
V Владикавказский округ
VI Нальчикский округ
VII Пятигорский отдел
VIII Моздокский отдел
IX Кизлярский отдел

КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ:
X Баталпашинский отдел
XI Лабинский отдел
XII Майкопский отдел
XIII Екатеринодарский отдел

ГРАНИЦЫ
губерний и областей
округов и отделов
участков

20 0 20 40 км

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	– Архив Академии наук СССР. Ленинград
ГМЭ	– Государственный Музей этнографии народов СССР. Ленинград
ЗКОРГО	– Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис
ЗКОСХ	– Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис.
ЕИКЯ	– Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси
ИСОНИИ	– Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе
ИИНИИК	– Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ
КК	– Кавказский календарь. Тифлис
КСИИМК	– Краткие сообщения Института материальной культуры. Москва
КС	– Кубанский сборник. Екатеринодар
КЭС	– Кавказский этнографический сборник. Москва
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
МИЗ	– Материалы по истории земледелия СССР. Москва
МУКЛЗПИСК	– Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ для изучения скотоводства Кавказа. Тифлис
ОСГ	– Обзор Ставропольской губернии
РОГБЛ	– Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
СА	– Советская археология. Москва
СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис
ССКГ	– Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис
ССТО	– Сборник сведений о Терской области. Владикавказ
СЭ	– Советская этнография. Москва
ТВ	– Терские ведомости. Владикавказ
ТЕИЭОК	– Труды Естественно-историко-экономического обследования Кабарды. Воронеж
ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР
ТКОСК	– Труды Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис
ТС	– Терский сборник. Владикавказ
УЗАНИИЯЛИ	– Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Майкоп
ЦГА КБ АССР	– Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской АССР
ЦГАКК	– Центральный Государственный архив Краснодарского края
ЦГАСК	– Центральный Государственный архив Ставропольского края
ЦГИА ГССР	– Центральный Государственный исторический архив Грузинской ССР
ЦГА СО АССР	– Центральный Государственный архив Северо-Осетинской АССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

I.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 6

II.
СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ 53

III.
КУЛЬТУРЫ 77

IV.
ОРУДИЯ ОБРАБОТКИ ПОЧВЫ 111

V.
ОРУДИЯ И СПОСОБЫ УБОРКИ ХЛЕБОВ, МОЛОТЬБЫ, ВЕЯНИЯ. ПОМЕЩЕНИЯ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ЗЕРНА. МЕЛЬНИЦЫ 142

VI.
ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ . . . 179

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 202

ПРИЛОЖЕНИЯ: Таблицы (карты) 1—13 226

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 247